

Наш
XX
век

ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ

ЯЗОВ

УДАРЫ СУДЬБЫ
ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА И МАРШАЛА

Annotation

Дмитрий Тимофеевич Язов – последний маршал великой империи. Он прошел путь от командира взвода до министра обороны СССР. Не миновала его и тюрьма. Эти мемуары маршал писал будучи в опале. Свое участие в Великой Отечественной войне, службу в армии, события 1991 года, пребывание в Матросской Тишине Язов описывает точно, фактурно, без лишнего нажима и нагнетания.

- [Дмитрий Тимофеевич Язов](#)
 - [От редактора](#)
 - [Из Фороса – в Москву](#)
 - [Путь к фронту](#)
 - [«Санаторий» Сенеж. Первые допросы](#)
 - [Смена тюрьмы. Новые допросы](#)
 - [Первые мирные годы](#)
 - [Прощай, Саперное!](#)
 - [Командировка по маршруту Колумба](#)
 - [Ориенте](#)
 - [Карибский кризис](#)
 - [Тюремные думы](#)
 - [Штаб ЛенВО](#)
 - [Свидетели](#)
 - [Горбачевы](#)
 - [Свидетель Б.Н. Ельцин](#)
 - [Свидетель П.С. Грачев](#)
 - [Даурия](#)
 - [Крым](#)
 - [Встречи с «прорабами перестройки»](#)
 - [Кадры решают все](#)
 - [Матросская Тишина](#)
 - [Край величественный и суровый](#)
 - [Центральная группа войск](#)
 - [Семиречье](#)
 - [Опять на Дальний Восток](#)
 - [В стране Чучхе](#)
 - [XXVII съезд КПСС](#)

- [Странички тюремного дневника](#)
 - [Встреча с Бушем](#)
 - [Прощай, Афганистан!](#)
 - [Встреча с Цзян Цзэмином](#)
 - [Встать. Суд идет!](#)
 - [Навечно в строю](#)
 - [Суд над В.И. Варенниковым](#)
 - [Валдай](#)
 - [Поездка в Омск](#)
 - [Вместо послесловия](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [20](#)
 - [23](#)
-

Дмитрий Тимофеевич Язов
Удары судьбы. Воспоминания солдата и
маршала

От редактора

2014 год. Знакомство с последним маршалом СССР Дмитрием Тимофеевичем Язовым

Вместе с журналистом Сергеем Тополем мы идем в Генштаб, что на Знаменке, 19. У нас назначена встреча с Дмитрием Тимофеевичем. Немного страшновато – все-таки Маршал СССР, министр обороны СССР, член зловещего ГКЧП, который не побоялся ввести в Москву танки.

Итак, немного старомодное, с мраморной лестницей, здание Генштаба, снующие по нему люди, гражданские и военные, огромный кабинет, за большим письменным столом – Язов.

– Здравия желаю, товарищ Маршал Советского Союза! Старшина пограничной службы Тополь по вашему приказанию прибыл! – гаркнул Сергей.

Язов улыбнулся. Вот и познакомились. Крепкое рукопожатие, внимательный взгляд. Одиозный персонаж 90-х годов (СМИ постарались) оказался тонким, интеллигентным, очень тактичным, внимательным собеседником. Превосходная память и чувство юмора сделали беседу интересной.

– Когда началась война, вы прибавили себе год и попали под призыв 1924 года, из которого выжило всего три процента. О судьбе поколения этого года написано достаточно много воспоминаний, книг. Одна из них, самая жесткая, «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева, сибиряка, как и вы...

– Я ее читал. Считаю, что там много вранья. Астафьев служил телефонистом, многого о настоящей войне, о подготовке резерва, мог не знать. Мне ближе артиллерист Юрий Бондарев.

– Какая из наград вам особенно дорога?

– Фронтовой орденом Красной Звезды.

– Дмитрий Тимофеевич, как становятся министром обороны?

– Ночью меня разбудил зять и сказал, что звонил Соколов^[1] и

попросил, чтобы я связался с Ахромеевым^[2]. Я связался с Сергеем Федоровичем, и тот сказал, что меня вызывают к 10 часам утра на политбюро. За день до этого в Берлине шло консультативное совещание первых лиц Варшавского договора и министров обороны. В тот день (а это был День пограничника) Руст^[3] посадил свою «сесснуну» на Красной площади. По этому поводу политбюро всю ночь готовило совещание. Я у Ахромеева спросил, что с собой взять, а он сказал: решай сам. В 10 часов совещание началось. Заслушали доклад главного маршала авиации, командующего ПВО. Затем всех военных попросили пройти в соседнюю комнату. Через полчаса нас позвали. Горбачев сказал, что они решили назначить меня министром вместо Соколова. Я начал отказываться. Горбачев спросил:

- Ты сколько служишь?
 - Пятьдесят лет, – отвечаю.
 - Ну, так иди и принимай дела.
- Я и пошел.

– *Вы с Горбачевым раньше были знакомы?*

– Как только он стал генсеком, приехал он на Дальний Восток. Я его встретил, войска показал, хозяйство. Он обратил внимание на то, что в солдатских столовых белый и черный хлеб лежал на тарелках нарезанный как на гражданке. Он поинтересовался, почему хлеб не в пайках. Я объяснил, что солдаты пайку не съедают, кидаются им. И что я принял решение хлеб подавать резанным. И солдат сыт, и экономия большая получилась. Около девяти тысяч тонн. Горбачев удивился. Проверил по бумагам и говорит: «У тебя тут целый совхоз». А у меня их целых четыре было. Похвалил. Потом, когда решали, кого назначить министром обороны, он, наверное, об этом вспомнил.

– *Горбачев со всеми на «ты» был?*

– Да. Такая манера. Потом к нам еще Ельцин приезжал знакомиться. Этот уже со всеми на «вы» разговаривал.

– *А как министры дела сдают-принимают?*

– Соколов отдал мне ключи от сейфа и пригласил в кабинет девять полковников, приставленных к «ядерному чемоданчику». Показал, как с ним обращаться. А потом я пошел по кабинетам своих заместителей. Интересовался, будут ли они со мной работать или нет.

– Они могли отказаться?

– Могли. Вдруг я кого-то ненароком обидел. Но не отказались. А если бы отказались – заставил. И я подписал свой первый приказ о своем назначении.

– У вас не было желания встретиться с людьми, которые вас арестовывали, допрашивали? С теми, о которых вы пишете в своих мемуарах? Поговорить, поглядеть им в глаза? Может быть, дать пощечину?

– Нет у меня такого желания. Эти люди меня не интересуют. Степанкову^[4] приказали, вот он и старался. А насчет пощечин, то я выше этого. Никогда хулиганом не был. Могу только сказать, что я еще не был арестован, следствия и суда еще не было, а нас, членов ГКЧП, какой-то Нуйкин^[5] уже обозвал хунтой. Публично.

– А как с вами следователи обращались?

– Вежливо, то по фамилии, то по имени-отчеству. Грубостей не было. Первый допрос был без свидетелей, адвокатов супруга не смогла найти, так как была нездорова.

– А что ж «хунта» до конца дело-то не довела?

– Да никто ничего доводить и не собирался. Единственное, что мы четко знали, – что нельзя страну расчленять. Все надеялись на Горбачева. Поэтому к нему в Форос поехали. То, что он говорил, что у него связи не было, вранье. «Ядерный чемоданчик»-то при нем был. Стало быть, и связь была.

– Кстати, о Форосе. Вы довольны, что Крым вернули?

– Конечно.

– А почему вы амнистию приняли? Варенников-то от нее отказался.

– Варенников^[6] все правильно сделал. А меня все равно бы за танки в Москве осудили. За то, что асфальт порушил, денег много насчитали.

– С чего, по-вашему, развал СССР начался?

– С законов, которые Ельцин стал принимать и которые стали выше законов Советского Союза. Ельцин своей борьбой с привилегиями всех

обманул.

– Можете рассказать о преемниках?

– Меня, я уже был арестован, на посту министра обороны сменил мой заместитель, начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев. Пробыл он и. о. министра всего сутки. За это время решили, что он «мой» человек, и высказали ему недоверие. Горбачев и Ельцин вызвали еще одного моего заместителя – главкома ВВС Шапошникова^[7]. Горбачев ему и говорит – с этого дня вы министр обороны. Шапошников отвечает, что он летчик и министром быть не может. На что Ельцин подтолкнул Горбачева, давай, мол, подписывай его на должность.

Когда СССР развалили, должность министра обороны РФ занял командующий ВДВ Павел Грачев. Нужно сказать, что ни Шапошников, ни Грачев на своих предыдущих должностях не были допущены к мобилизационной работе. И времени для вхождения в должность у них не было. Я же, перед тем как стать министром, полгода изучал, что где лежит. А ему день дали. К Грачеву я хорошо относился. Но он не был стратегом.

Игорь Родионов, когда стал министром, все к Ельцину приставал, что армию кормить надо, а не представительские машины для чиновников за границей покупать.

Следующими были «шахтный» (ракетчик) генерал Игорь Сергеев, Сергей Иванов и «лучший» министр обороны Анатолий Сердюков, который привел за собой целый гарем из 30 женщин и чуть не угробил армию. О нем говорить не буду. За ним сейчас Шойгу убирает довольно успешно. Он мне нравится. Молодец.

– А сколько же Грачев оставил вооружения в Чечне?

– Там было оружия на три дивизии. С техникой. Вот и считайте, если на Кавказе до сих пор стреляют и взрывают.

– А вы свой партбилет так и не сдали?

– Нет.

– А взносы кому платите?

– Некому платить.

– Вышло много художественных фильмов о событиях 1991 года. Там и вы фигурируете как историческая личность.

– Я их не смотрю.

– *Умер Войцех Ярузельский. Вы его хорошо знали?*

– Я был с ним хорошо знаком. Он был очень хорошим человеком. Он фактически спас Польшу от ввода в нее наших войск, введя в стране военное положение. Когда Брежневу доложили, что вокруг Варшавы стоят восемь польских дивизий, ему пришлось отказаться от ввода войск.

– *А вы могли бы, как он, ввести у нас военное положение?*

– На каком основании? Ярузельский тогда был не военным министром, а главой государства. У него на это были полномочия. А у меня их не было.

– *Вы встречались со многими политиками, главами государств. Можете назвать наиболее вами уважаемых?*

– Могу. Цзян Цзэминь^[8]. Цзян у нас в Москве на заводе Лихачева работал. Очень любил петь русские песни.

Ким Ир Сен^[9] обеспечил по указанию Сталина мир на Дальнем Востоке.

В политическом смысле сильнее всех, конечно, был Буш-старший^[10]. Воевал во Вторую мировую летчиком, был сбит и спасен подводной лодкой, разведчик – работал советником посольства США в Китае. Горбачев как-то сказал ему, что мы (СССР) хотели бы быть в полной вашей зависимости.

Ну и, конечно, Маргарет Тэтчер. Очень сильная женщина. Приехала ко мне в Министерство обороны запросто. Вместе с женой академика Сахарова Еленой Боннер в роли переводчицы. Боннер попросила пепельницу. А я же не курю. Пришлось солдату поручить найти. Тэтчер все интересовалась, почему я дивизии округов после развала Союза флотам передал. А я ей говорю, мои дивизии, куда хочу на своей территории, туда и перевожу. И напомнил ей, как она воевала с Аргентиной на Фолклендах, дескать, мы же вас об этом не спрашивали. Она оценила.

– *Теперь о Кубе. Это правда, что офицеры вашего полка, узнав, что они будут участвовать в операции «Анадырь», захватили с собой в командировку шапки-ушанки?*

– Да. Вот такая секретная была операция. Все действительно думали, что их на Север отправляют.

– *То есть никто из них, в том числе и вы, не знал, что вас направляют на Кубу?*

– О том, что мы идем на Кубу, мы узнали, вскрыв пакет, проходя скандинавские проливы. Там были сугубо географические сведения. Ни о флоре и фауне острова, ни о его климатических особенностях ничего сказано не было. Об этом мы все скоро очень пожалели. А во втором пакете, который вскрыли уже в Атлантике, был назван порт прибытия.

– *Это правда, что с вами на Кубу был послан полковой оркестр?*

– Да. В бой же идут под музыку.

– *Про то, как ваш полк нес службу на Острове свободы, вы подробно написали в своей книге. Вот как вы возвратились домой и как вас встретила Родина, можете рассказать поподробнее?*

– Встретил нас дурак – начштаба 11-й армии. На Кубе мы сильно поизносились, шинели съели мыши, а он сказал, что, пока не оденетесь по форме, на берег не пущу. И вот 900 человек оделись кто во что смог. Через сутки нас всех рассчитали. Солдат демобилизовали, офицеры разъехались к местам прежней службы.

– *Как вы думаете, какая другая армия смогла бы так, тайно перебросить 1269 человек через океан?*

– Американцы потом попробовали. Посадили в трюм 300 человек, и они трех дней не выдержали. А мы неделями шли.

– *Вы фактически вернулись в армию в должности генерального инспектора Минобороны России. Как это произошло?*

– После отставки мне звонили бывшие подчиненные с просьбами проконсультировать, посоветовать, помочь. В Кремле, узнав об этом, отдали соответствующее распоряжение. И я начал работать официально. Вот кабинет в Генштабе на Знаменке дали.

– *Да, кабинет хорош, почти стометровый. Опять же на столе много телефонов, правительственные «вертушки» стоят. Что, и с президентом связь есть?*

– Могу и с ним поговорить. Меня ни в чем не ограничивают.

– *А что у вас в сейфе? Не секрет?*

– Какой секрет? Кто в наше время документы в сейфе хранит? Книжки там лежат.

– С товарищами по ГКЧП встречаетесь?

– Да уже почти никого не осталось. Лукьянов^[11] жив, Бакланов^[12], Тизяков...^[13]

От суммы и от тюрьмы не зарекайся. Фронтовик, пробившийся в военную элиту из самых низов, с формулировкой «за измену Родине» оказался в Матросской Тишине, а вышел на свободу уже в совершенно другой стране. Стало ли это для него личной трагедией? И для всех тех, кто давал присягу и верой и правдой старался служить своей Родине? Об этом и многом другом Дмитрий Тимофеевич рассказал в книге «Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала».

Из Фороса – в Москву

Это случилось в 2 часа 15 минут 22 августа 1991 года. Разрывая густые облака, самолет Ил-62 вышел на посадочную прямую во Внуково.

Предчувствуя недоброе, я всматривался через иллюминатор в ярко освещенную прожекторами площадку перед Внуково-2, где уже суетились какие-то люди в камуфлированной форме, бегали солдаты. «Ну что же, – подумал я, – освещают, значит, вот-вот грянет политический театр. Статисты уже под юпитерами».

Перед нами приземлился Ту-134, на котором прилетел президент М.С. Горбачев со своей прислугой и охраной. Сопровождали его из Фороса А. Руцкой, И. Силаев и В. Бакатин. В этот же самолет под предлогом «поговорим по душам в самолете» пригласили и В. Крючкова.

Мы – А.И. Лукьянов, В. Ивашко, О.Д. Бакланов, А. Тизяков и я – вылетели из Крыма через 15–20 минут после президентского лайнера.

И вот поданы трапы. Я обратил внимание, что к каждому трапу поспешили крепыши из соответствующих спецслужб. Они приняли устрашающую стойку, пытаясь припугнуть кое-кого из именитых пассажиров. Первым к трапу направился В. Баранников. Оценив все эти маневры, я сказал сопровождающему меня полковнику П. Акимову, что мы подоспели к аресту.

– Не может быть, – возразил он, – от президента передали: вам назначена встреча в Кремле в 10 часов утра.

Спустившись по трапу, мы направились к зданию аэропорта. При входе в зал Баранников сказал Акимову: «Вы свободны», а затем мне: «А вас прошу пройти в следующий зал».

Вошли в небольшую комнату, где обычно размещалась охрана. Здесь к нам поспешил незнакомый человек с копной нестриженных волос на голове. Он довольно бойко представился: «Прокурор Российской Федерации Степанков Валентин Георгиевич!» – и спросил, есть ли у меня оружие. Затем объявил, что я арестован по подозрению в измене Родине в

соответствии со статьей 64 УПК.

За дверями рычали автомобили. Люди из ведомства Баранникова выстраивали машины. Меня подвели к «Волге», толкнули на заднее сиденье между вооруженными автоматами Калашникова охранниками.

Наступила зловещая тишина. Темная беззвездная ночь давила на сознание: «Я арестован».

В. Крючкова арестовали минут на двадцать раньше. Он уже сидел в одной из машин, запрудивших весь проезд у боковых ворот аэропорта. А. Тизякова арестовали чуть позже. Мы долго сидели в машинах. Баранников витийствовал, продолжая «украшать» машины арестантами. Между «Волгами» с «изменниками» расставлял автобусы с курсантами Рязанской школы милиции. Я конечно же знал старинную русскую поговорку: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся» – и вот наконец-то ощутил ее гнетущий смысл.

Я представил, что происходит сейчас в Баковке, на даче, где осталась моя супруга Эмма Евгеньевна. Она была закована в гипс и не могла передвигаться без посторонней помощи. «Там наверняка, – думал я, – собрались лучшие ищейки, идет грандиозный шмон». «Куй железо, пока горячо» – этим лозунгом руководствовалась рвущаяся к власти «волчья стая».

На снисхождение рассчитывать было легкомысленно. Поверженных политических противников принято добивать.

С 19 августа 1991 года эта «стая» фактически приступила к захвату всей полноты власти на общегосударственном уровне. Стороннику Ельцина Степанкову необходимы были улики, факты для обоснования ареста руководителей ведущей державы мира.

Наконец, колонна тронулась в путь. Вышли на Кольцевую дорогу, повернули на север. Сначала я ехал без фуражки... в салоне было душно, но вскоре, когда «Волгу» разогнали, в машине стало прохладнее, пришлось ее надеть. Это заметил следовавший за нами «наблюдатель», он быстро догнал нашу машину и, поравнявшись с нами, обратил внимание охранников на мою фуражку. «Не попытается ли он сбежать? Не подает ли фуражкой сигнал к побегу?» – очевидно, подумал этот бдительный страж.

Фары высветили целующихся прямо на обочине парня и девушку, рядом стояли два их обнявшихся велосипеда. Один из охранников сострил что-то в адрес парочки, и опять наступила гнетущая тишина. Колонна повернула на Ленинградское шоссе.

Дорога была мне знакома. В 1942 году по этой дороге мы – курсанты Московского Краснознаменного пехотного училища имени Верховного

Совета РСФСР – переезжали из Лефортовских казарм в летние лагеря на берегу красивейшего озера Сенеж под Солнечногорском.

Мысли перенесли меня в военное лихолетье, поближе к юности. Вспомнились Сибирь, Язово – мое родное село, Новосибирск, где начиналась моя служба.

Удары судьбы. Мысли. В эту ночь, пока мы ехали неизвестно куда, вся моя жизнь прошла перед моим мысленным взором, щемя сердце.

Путь к фронту

Враг подходил к столице. Московское Краснознаменное пехотное училище по решению Ставки Верховного главнокомандования направили на фронт в состав 16-й армии генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского. Командовал училищем генерал-майор С. Младенцев, а воевать курсантам пришлось вместе с 316-й стрелковой дивизией генерал-майора И.В. Панфилова.

Заместителя начальника училища подполковника Жебова вместе с заместителями командиров батальонов эвакуировали в Новосибирск. Фактически в ноябре 1941 года в Сибири училище предстояло воссоздать.

8 ноября мне исполнилось семнадцать лет, и я в очередной раз обратился в военкомат с просьбой направить меня на фронт. Чтобы не отказали, пришлось пойти на маленькую хитрость – приписать себе год. В деревне тогда паспортов не было, проверять долго не стали, и меня направили в Новосибирск в распоряжение начальника МКПУ^[14].

Стояли сибирские трескучие морозы. Занятия шли в основном в поле, одеты мы были более чем скромно: бушлаты, ботинки с обмотками, хлопчатобумажные гимнастерки и брюки – и тем не менее не мерзли: терпели. Командирами отделений были фронтовики, выписавшиеся из госпиталей. Нагрузка была такая, что пот прошибал в самые морозные дни. Фронтовики были для нас олицетворением дисциплинированности и справедливости. От них мы многое узнали о настоящей войне, они-то и подготовили нас к принятию военной присяги. Недостаточно сказать: «Я клянусь быть честным», – надо было им быть.

Подъем в 6.00, зарядка на свежем воздухе. В декабре температура минус 40 градусов, чувствовали себя неуютно, но постепенно втянулись, и за полтора месяца мы, вчерашние школьники, превратились в молодых воинов.

Были среди нас и такие, кто, как и я, прибавили себе по году, а затем, расписавшись в своей беспомощности, ушли из училища. Мой же

одноклассник Илья Юрченко, повстречавшись в Язове с моей сестрой Верой, поведал ей, как нам достается служба, так что через неделю она приехала «выручать» меня.

Встретились мы в выходной день, сестра передала мне гостинцы от домашних, поплакала, повздыхала, глядя на мою изрядно поношенную буденовку. Я как мог успокоил ее, сказав: из училища не уйду. Вера поведала мне, что Федора Никитича, нашего отчима, призвали в армию. Мать плачет – на ее руках осталось семеро несовершеннолетних детей, а Лизу, Лену и Веру мобилизуют для работы на военных заводах, которые вывозили из западных районов страны в Сибирь.

В декабре, когда враг под Москвой был разбит, прошел слух: скоро мы поедem в столицу. Естественно, мы радовались победе под Москвой и тому, что мы, необстрелянные курсанты-первогодки, направляемcя в столицу.

И в самом деле, 14 января 1942 года нас погрузили в теплушки, и наш эшелон двинулся на запад. Ехали по бескрайним просторам Западной Сибири, по морозной Барабинской заснеженной степи, по обе стороны от состава полоскалась на ветру натянутая от земли до небес метельная простыня.

Сибирь начали заселять еще при Петре I, когда на Иртыше были заложены крепости Омская, Павлодарская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская. Омскую крепость заложил подполковник И.Д. Бухольц, но вскоре она была разрушена, а гарнизон уничтожен. Отряд под командованием полковника Пастушенко восстановил Омскую крепость и, продвигаясь на стругах вверх по Иртышу, поставил новые крепости.

В Омскую слободу крестьяне переселялись из Тюмени, Тобольска, Тары. Одним из основателей деревни Куликовой был Петр Григорьевич Куликов со своими братьями и сыновьями. В числе первых жителей этой деревни были и крестьяне Кругловы, Измаилов, Язов. Язовы в Сибирь переселились из Великого Устюга Вологодской губернии, а затем из Тобольска пошли искать счастья и лучшей доли дальше, в Омский уезд. В ревизской ведомости 1811 года указывалось, что Язовы из Калачиков переехали на Лебяжье озеро «во вновь заводимое село Язово».

Озеро Лебяжье на редкость было богато рыбой. Ковыльное степное разнотравье, березовые колки, между которыми раскинулись черноземные гривы, – все это и привлекло моих предков основать в округе село. Пахотных земель, сенных покосов, пастбищ для выгона скота и березового леса для строительства жилья было достаточно, а что еще надо трудовому люду?

«В 1826 году крестьянин деревни Юрьевой Чердынцев выхлопотал

право на переселение к Пресновскому озеру. К пяти семьям переселившихся старожилов казенная палата по указу от 21 июня 1828 года за номером 2155 направила к этому же озеру еще 16 семей переселенцев, прибывших из Рязанской губернии». Эти данные я почерпнул из книги профессора А.Д. Колесникова и привожу их потому, что мой дед по материнской линии, Федосей Андреевич Язов, женился на Алене Кирилловне Васильевой из деревни Пресновка, ее предки вели свой корень из Рязанской губернии.

По отцовской линии мой дед – Язов Яков Миронович – женился на Пелагее Степановне из Оконешникова. Это село было основано в 1816 году крестьянином Козяковым и изначально называлось Козяково.

Озеро Лебяжье имело да, к счастью, и сегодня имеет основания для столь поэтического названия: горделивые белоснежные птицы прилетают сюда на все лето, сначала выводят здесь птенцов, а потом учат их летать. Лебяжье – любимое место рыболовов и, к сожалению, браконьеров.

Кроме озера Лебяжье, вокруг села еще несколько мелких озер и болот: Мартышкино, Куликово, Кочковатое, – на их берегах гнездились утки, кулики, чибисы и другая болотная и озерная дичь. Охотников – метких стрелков в селе было предостаточно, как и в целом в Сибири, многие этим промыслом и кормились.

Русские о Сибири были наслышаны до прихода туда татаро-монголов. Владелец татарского юрта в Сибири Едигер еще в 1555 году прислал к Ивану IV послов поздравить царя с победой над Казанским и Астраханским царствами и просил взять под защиту разбросанные на громадных сибирских просторах малочисленные разноплеменные селения.

В 1556 году Иван Грозный отправил в Сибирь в качестве посла и сборщика дани Дмитрия Курова. Но к этому времени сильный хан Кучум пленил Едигера и убил первого русского посла. Кучум крайне враждебно относился к Московскому государству и даже направил царевича Маменткула с войском на реку Чусовую, чтобы воспрепятствовать расширению владений русских.

Но уже летом 1579 года Никита Строганов принял на службу казаков с Волги и Дона под началом Ермака Тимофеевича – с целью расширить свои владения и освоить земли за «камнем», то есть за Уральскими горами. Кучум же, прослышав о приближении русских, собрал войско и под командованием Маменткула дал жестокое сражение на реке Тобол, но Маменткул был разбит. Вскоре та же участь постигла самого Кучума, он откочевал на юг, в степи. Сказывают, победители голодали: бухарские купцы так и не смогли по рекам пройти через земли Кучума для торговли с

русскими и коренными жителями Сибири.

И тогда сам Ермак с отрядом в 50 человек отправился на стругах вверх по Иртышу в надежде повстречать купцов. С 5 на 6 августа отряд расположился ночевать на берегу Иртыша. В это время на другом берегу стояло войско Кучума. Под шум ветра и дождя Кучум незаметно переправился через Иртыш и напал на спящий отряд. Ермак попытался добраться до струга, но не сумел – утонул в Иртыше...

Кучум кочевал в Барабинской степи до 1591 года, пока воевода князь Кольцов-Масальский не разбил его близ озера Чили-Кула. В это же время начали строиться в Сибири города Пелым, Березов, Сургут, Тара, Нарым, Кетский Острог.

Теплушки в дороге были нашими классами, мы изучали пулемет «Максим», ручной пулемет Дегтярева (РПД), самозарядную винтовку Токарева (СВТ), 50-миллиметровый миномет, пистолеты, гранаты и даже трофейное оружие. Занятия проводили фронтовики: старший сержант Филипцев, сержанты Зайкинский и Филатов. Они были ранены на фронте, и после лечения в госпитале их откомандировали в МКПУ.

Вскоре наш эшелон миновал станцию Татарская, а это уже кулундинские степи. Вместе с покойным отцом Тимофеем Яковлевичем я мальчуганом уже побывал в этих краях. «Кулунда» в переводе с татарского означает «жеребенок в густой траве».

...Кормили нас в дороге горячей пищей только в крупных городах, таких как Омск, Челябинск, Казань, Сызрань.

До Москвы мы ехали целый месяц. Бывало, по двое суток, так случилось в Казани, эшелон наш стоял, заниматься строевой подготовкой нам довелось прямо на привокзальной площади.

Прибыли мы на Курский вокзал столицы в середине февраля, откуда пешком прошли до лефортовских казарм. Здание училища – бывший кадетский корпус. Наша 9-я рота размещалась на втором этаже, окна выходили на Красноказарменную улицу с видом на Лефортовский дворец.

Тактикой мы обычно занимались в парке Московского военного округа. Вспоминаю, как в один из налетов фашистской авиации мы лишились превосходного тира длиной в триста шагов, поэтому для отработки одиночных упражнений пришлось выезжать из Москвы в Ногинск.

По выходным дням мы трудились в Москве, скалывали лед с мостов, убирали снег на Красной и Манежной площадях, готовились к празднику – Дню Красной армии.

Накануне праздника в училище прибыл член Военного совета Московского военного округа генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, он вручил награды офицерам. В последующие годы генерал-лейтенант Телегин был членом Военного совета ряда фронтов, но так и не получил повышения в звании. Ходили слухи, мол, на него было заведено дело Главным управлением контрразведки РККА Смерш. По делу проходило 8 человек.

Чуть позже бывший глава Смерша генерал-полковник В.С. Абакумов покажет на допросе: «Дело это было весьма важное... Оно связано с маршалом Жуковым, который является опасным человеком».

Нынешние демократы, так же, как и Абакумов, считают Жукова «опасным человеком». Здесь они смыкаются с мастеровыми палачовых дел всех времен. «Демократические журналисты, – пишет великий русский писатель Василий Белов, – не только развенчали подвиг легендарной Зои, они попытались представить бессмысленной и гибель моего отца в 1943 году. И если прежде русские люди всеми силами защищали Москву, нынче они обороняются от Москвы «демократической». Чудовищно, но факт: нам приходится обороняться от Москвы! Все чаще видишь лозунги на демонстрациях: «Дошли до Берлина, дойдем и до Москвы»^[15].

Не случайно фальсификаторы всех мастей (Жуков их попросту называл «брехунами») изо всех сил стремятся оболгать Россию, ее полководцев. Проникновенно о Жукове скажет В. Песков: «Вы дороги людям тем, что пришли из гущи народа, в Вашем характере проявился талант русского народа защищать прежде всего свое Отечество. Сколько бы ни стояла Россия, имя Ваше будет святиться!»

А вот что пишет о своем отце Мария Жукова: «Папа! Да святится имя твое. Имя, ставшее символом офицерской чести и долга, доблести нашей армии, человеческого благородства, патриотизма и жертвенного служения своему народу, символом державного духа и защиты гордой страны от любого иноземного диктата! Имя, объединяющее тех, кто борется за могучую, как прежде, державу! Имя, подобное удару меча для всех наших врагов! Имя, освещающее путь офицерам, желающим освободить нас от нечисти!»^[16]

Разве мы, молодые курсанты, могли себе представить, что пройдет чуть больше десяти лет, и полководца, который уберекать Москву от врагов и обратит их в бегство, будут распекать на своей партийной планерке Хрущев на пару с Брежневым. И все потому, что, будучи со своей супругой в Большом театре, Георгий Константинович не поприветствовал Хрущева и его свиту. Все зрители встали, когда Хрущев появился в

правительственной ложе, и только чета Жуковых никоим образом не отреагировала на появление Хрущева. И как же выговаривали величайшему полководцу всех времен Хрущев и подсуетившийся Брежнев, в чем они только не обвиняли Жукова, и прежде всего – в отрыве от народа.

В Кремле народность понимали прямолинейно: надлежало бурными овациями встретить появление в правительственной ложе партийного сюзерена. И если Жуков отказался принять от издателя из ФРГ в подарок «мерседес», то как же их клянчил в своих многочисленных поездках по зарубежным весям все тот же Брежнев.

Георгию Константиновичу мстили даже тогда, когда он ушел из жизни. Вот как описывает сцену похорон полководца его дочь: «Позвонил маршал Москаленко, подчеркнуто пренебрежительным тоном сообщил: «Наверху решили похоронить Жукова на Новодевичьем кладбище».

Правда, чуть позже переиграли, вынесли решение захоронить в Кремлевской стене, с кремацией.

– Как же так? – возразили мы с бабушкой. – Папа мечтал быть похороненным в земле!

– А где бумага? Он оставил письменное завещание?

– Звони Гречко, – не сдавалась бабушка, – ты наследница, тебя послушают.

Набираю номер телефона. На мою просьбу Андрей Антонович что-то промямлил.

– Звони Брежневу! – стоит вся в слезах бабушка. – Отец защитил Москву, он достоин сам себе выбрать место!

На мою просьбу не сжигать отца, а захоронить в земле по русскому обычаю Брежнев сухо ответил: «Я посоветуюсь с товарищами».

Эту фразу – «посоветуюсь с товарищами» – от Брежнева слышали часто. «Посоветовался» и сделал по-своему... И вот о чем я подумал: не просто два разных человека присутствовали на памятном спектакле в Большом театре. Если Георгий Константинович Жуков зажег лампаду в православной церкви Лейпцига в 1945 году, то Хрущев опустил до того, что разрушал святыни наших предков, их церкви и монастыри. Это надо же было выдумать врага в образе Сергия Радонежского, Святителя Николая!..

Остается только добавить, что генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, который приехал к нам в училище в грозную годину, умрет своей смертью в возрасте восьмидесяти восьми лет. Генерал-полковник В.С. Абакумов будет приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР 19 декабря 1954 года к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведут в исполнение в 12 часов 15 минут 19 декабря 1954 года.

Судьбы людские.

Бытует мнение, что мертвецы земному суду не подвластны. Но говорить об их нравственной ответственности необходимо. Мы не должны забывать о беззакониях – мол, каждому свое, – а должны искать истину.

Вот такие события вспомнил я, проезжая вновь по дороге моей курсантской юности в тревожную ночь после ареста...

«Санаторий» Сенеж. Первые допросы

...Подъехали. Я понял, что это «санаторий» на берегу озера Сенеж. Кроме «санаторных» корпусов, стояло несколько финских домиков, вот к ним-то и притулился наш кортеж. Вдоль дорожки, ведущей на задворки этих домиков, Баранников с помощью офицеров внутренних войск выстроил курсантов Рязанской школы милиции. Нас, троих арестованных – Крючкова, Тизякова и меня, выводили из машин по одному, чтобы даже и взглядом не обменялись. В одной из комнат, пропахшей сыростью, где небрежно была расставлена скрипучая мебель, меня обыскали.

В качестве понятых следователь Леканов с лоснящейся от жира физиономией пригласил все тех же курсантов – Сергея Чижикова и Дмитрия Егорова.

Я посмотрел на часы. Они показывали 5 часов 55 минут 22 августа. Курсанты стояли в растерянности: следователь пухлыми пальчиками выворачивал карманы маршала, ощупывал воротник кителя. Врач, выполняя формальность, поинтересовался: «Вы здоровы? Есть жалобы?»

К этому времени комната наполнилась следователями, привезли аппаратуру, шла какая-то мышьяная возня перед допросом. С крайне озабоченной физиономией появился Степанков. Пытался завязать разговор о Хабаровске, передать от кого-то привет. Я прекрасно оценил эту наивную игру в «доброе прокурора» и попросил сообщить моей жене, что я арестован, и привезти мне необходимые вещи. Леканов спросил: «Что конкретно?»

– Бритву, спортивный костюм и прочее.

– А что прочее? Все, что нужно, изложите на бумаге.

Прищурясь, глядя прямо в глаза, Юрий Иванович начал задавать вопросы, которые были подготовлены заранее. Ельцинской службе предстояло мне, фронтовику, доказать мою вину перед моим Отечеством. Как мне потом довелось узнать, вопросы сформулировали загодя, утром 19 августа, в ельцинских хоромах на даче.

Изначально разговор шел без записи в протоколе, сыщики полностью доверились магнитофону.

– Судя по нашему разговору, – заметил Леканов, – вы не осознали всей тяжести совершенного преступления и даже не думаете о раскаянии.

Я ответил:

– Хуже преступления, чем развал Союза, придумать невозможно.

Следователь спросил:

– Вы отдаете себе отчет в том, что для вас, а не для кого-то другого означает статья 64 УПК?

– Понятия не имею...

Тогда он весьма профессионально разъяснил: статья 64 – это измена Родине, деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание помощи в проведении враждебной деятельности против СССР.

Я заметил:

– Вы сами-то верите, что говорите? Да еще применительно ко мне?

Леканов еще больше сощурил глаза, на лице появилась ядовитая улыбка. Он продолжал:

– А равно заговор с целью захвата власти наказывается... но это будет решать суд.

Чувствовалось, что он гордился знанием УПК, но вскоре я понял: все его знания почерпнуты из газетных и журнальных штампов последних дней: «путч», «неконституционный», «союзный договор», «интернирование», «изоляция», «Белый дом», «штурм».

Леканов взял на себя функции «забойщика», конструктора вопросов и предполагаемых ответов. Допрашивал вежливо, но вопросы ставил так, что я вынужден был отвечать исходя из его предположений.

Был конец августа. Подступала грибная пора. Плыли высокие облака с востока, как далекий привет с моей Родины. Там наверняка знают: министр обороны арестован. Матери не скажут, ей 88 лет, но она поймет своим материнским чутьем, сердцем и, уж конечно, что-то увидит во сне и свяжет материнский сон с моей судьбой...

В 8.20 установили «Панасоник» для съемки и записи допроса. Самый удобный случай выдвинуть требование: пригласить на допрос адвоката.

– Адвоката должны нанять ваши родственники, – отрезал следователь.

– В таком случае свяжите меня с адвокатской конторой.
– У нас связь с адвокатской конторой не предусмотрена.
– Президент назначил мне встречу в Кремле в 10 часов, сегодня. Она состоится?

– А вы обратитесь к Горбачеву с письмом. Мы отправим, если последует команда. А пока давайте побеседуем.

Все это были уловки. И прокурор и следователи знали, что допрос без адвоката – фикция. Для суда он не имеет юридической силы. Но следователи старались подать себя новым властям в выгодном свете, показать результативность своей работы.

Следователь старался говорить вкрадчиво. «Кирпичики» вопросов ложились ровно, чувствовалась «кремлевская кладка». Тогда я еще не знал, что кассеты с записью допроса продадут «Шпигелю» и что весь мир узнает, как я перед допросом вздохнул. Если бы я знал, что в прокуратуре все продается и все покупается, возможно, я бы германскому «Шпигелю» напомнил слова из песни: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой».

А пока, следователь чеканил каждое слово:

– Я должен заявить: вас допрашивают в связи с участием в преступлении. Мы квалифицируем его как измену Родине. Заговор с целью захвата власти, злоупотребление служебным положением. Я хочу услышать от вас, что вы скажете по поводу предъявленного вам обвинения?

– У меня иное понятие о том, что такое измена Родине. Измена президенту – пожалуй, да, имеет место. Но Родину свою я не предавал. Что в моих действиях было конституционно, что нет, – надо разобраться. Я считаю, что подписание новоогаревского договора явно неконституционно. Организатор этого акта – Горбачев. Более того, раньше, еще на апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 года, он вещал с трибуны о необходимости улучшить жизнь народа. Тогда никто и думать не смел о развале государства, о ликвидации политической системы.

Но вот наступил 1991 год. Партия не по дням, а по часам теряла свой авторитет. Открыто на пленумах ЦК КПСС говорили о том, что Горбачев исчерпал себя в качестве активного государственного деятеля, его историческое время закончилось. Мало того, 17 марта 1991 года народ дружно проголосовал за сохранение Союза Советских Социалистических Республик, и вдруг президент предлагает проект договора, в котором речь идет уже о суверенных государствах. Убежден: это не просто ошибка. Идет целенаправленная работа по ликвидации Союза. Нам предлагают хиленькую конфедерацию республик с самостийными президентами.

Тут следователь остановил меня:

– Вернемся снова к вашей проблеме. Вас назначили министром обороны не без поддержки Горбачева. Но вы внезапно приняли решение лишить его власти. Вы же давали присягу президенту, парламенту, народу. Почему вы пришли к убеждению, что президента надо лишить власти? Причем антиконституционным путем?

Я понял из вопроса: Леканов в армии не служил и понятия не имеет, кому я присягал в 1941 году.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь: быть...

...Я всегда готов по приказу советского правительства...»

Где же здесь клятва верности президенту? Народу я давал клятву, а не хозяйчику Кремля. И за спиной Горбачева мы не шушукались. Мы всего-навсего выразили наше возмущение по поводу распада СССР, потребовали от президента ввести чрезвычайное положение. К этому времени суверенизация и сепаратизм, особенно на Украине и в России, достигли своего апогея. Стремясь освободиться от сверхцентрализма, «демократы» запросили самую высокую цену: ликвидацию Союза.

Мы решили, что 18 августа к президенту в Форос вылетят Шенин, Бакланов, Варенников, Болдин и Плеханов вразумить президента – отменить подписание договора, дабы выполнить волю народа о сохранении единого Советского Союза.

Что бы я ни говорил, по виду следователя чувствовалось, что он ждет от меня другого: признания в заговоре, рассказа, кто был зачинщиком. Поэтому он резко перебил меня:

– Звучит весьма наивно для такого государственного деятеля, как министр обороны.

Мне захотелось рассказать следователю о разгоне ЦК, избранного съездом партии, о неравноправном договоре с США по сокращению стратегических и обычных видов вооружений. О выводе войск из Венгрии и Чехословакии, о поспешном бегстве из Германии через Польшу, с которой ни о чем даже не договорились толком. О том, что президент продолжал разглагольствовать о строительстве «европейского дома», не замечая, как свой разваливается. Он не уставал талдычить об «общечеловеческих ценностях», зато своих соотечественников унизил, доведя их до нищеты. Практически ни одна программа за последние пять-шесть лет выполнена не была. Когда Горбачеву на сессиях Верховного

Совета СССР депутаты говорили о необходимости конкретной программы, он невозмутимо отвечал: «Я указал ориентиры».

Что же понимал генсек под новыми ориентирами? Оказывается, надо было лебезить перед Западом, свои традиции обменять на чужеземные.

Когда Горбачева избрали генеральным секретарем, на первом же пленуме ЦК он говорил, что прирост ВВП составил 4 процента и, мол, мы вползли в застой. Но именно в застойные времена построили ВАЗ, БАМ, КамАЗ, перевооружали армию, а начиная с 1985 года мы уже ничего не возводили, только разоружались.

На Президентском совете, на заседаниях Совета Безопасности, в присутствии Горбачева анализируя обстановку, говорили о тяжелом положении в стране, о развале партии, экономики, о растущих долгах государства. Уже все понимали в Кремле, что корни многих бед исходят от президента. Но следователя Леканова, похоже, не интересовала моя боль, он требовал: «Пожалуйста, фамилии тех, кто это говорил?»

Я объяснял Леканову, что это были дискуссии среди руководителей, озабоченных судьбой страны. Сам Ельцин признавал это. Горбачев в последнее время разъезжал по всему миру, но мы, члены правительства, даже не знали, о чем он говорил с глазу на глаз с лидерами иностранных государств. Раньше было принято все вопросы предварительно обсуждать на политбюро, на Президентском совете или Совете Безопасности, а теперь все отдано на откуп Горбачеву.

Затем я рассказал Леканову, как президент Южной Кореи передал Горбачеву 100 тысяч долларов из кармана в карман. Да, за подобные «сувениры» принято расплачиваться.

Но следователь меня как будто не слышал. Он ждал признаний в заговоре. Ну что же, слушайте. Мне скрывать нечего.

Когда мы собрались в субботу 17 августа на объекте КГБ в конце Ленинского проспекта, то пришли к выводу: необходимо лететь к Горбачеву в Форос, убедить его в том, что с подписанием союзного договора Советский Союз прекратит свое существование. Горбачев прекрасно знал: Украина подписывать договор отказывается, впрочем, как и Прибалтийские республики. Давили на Ельцина и демократы в лице суетливого царедворца Юрия Афанасьева.

Премьер-министр В. Павлов охарактеризовал экономическую ситуацию в стране как тревожную. Он сказал, что перед отъездом на «отдых» Горбачев принял участие в заседании кабинета министров, потребовал в случае необходимости ввести чрезвычайное положение. Потому-то и полетели в Форос для откровенного разговора. До подписания

договора оставалось двое суток. Самолет выделило Министерство обороны. Вылет назначили на 13 часов в воскресенье.

Возвратились товарищи из Фороса поздно вечером, около 22 часов. Мы ждали их в Кремле в кабинете Павлова. Кроме меня и Павлова, присутствовали Крючков, Пуго, Ачалов. Янаев подъехал около 20 часов, вслед за ним – Лукьянов.

Прибывшие из Фороса товарищи рассказали: Бакланов обрисовал Горбачеву ситуацию – страна катится к катастрофе, необходимо вводить чрезвычайное положение, другие меры уже не спасут, оставим иллюзии^[17].

Поделился своими впечатлениями о встрече с Горбачевым и Шенин. Вдруг оказалось, что у Горбачева разыгрался радикулит. Олег Семенович резюмировал: «Скорее всего, Горбачев хотел избежать встречи с товарищами. Но когда понял, что без разговора товарищи не уедут, через час объявился».

Затем Болдин высказал свое мнение о необходимости принятия срочных мер по стабилизации обстановки, отказа от подписания договора. Затем Варенников доложил о положении в армии. Валентин Иванович не любит мямлить, говорит всегда четко и ясно. Это и дало повод президентской чете сделать вывод, что генерал армии Варенников из всех приехавших был самым настойчивым и грубым. Валентин Иванович понимал, что мы теряем.

Он прошел с боями от Сталинграда до Берлина, видел, что творили немцы на советской земле. Докладывая президенту о положении в армии, о том, как восприняли офицеры и весь личный состав вывод войск из Германии, он искренне волновался. Варенников напомнил президенту слова, сказанные в его адрес на офицерском собрании капитаном К. Ахаладзе:

«Михаил Сергеевич! Я один из многих, кто беспредельно любил вас. Вы были моим идеалом. Везде и всюду я готов был за вас драть глотку. Но с 1988 года я постепенно ухожу, удаляюсь от вас. И таких становится все больше. У людей, восхищавшихся перестройкой, появилась аллергия на нее».

На этой встрече мы поняли: болезнь Горбачева притворная. Он желает поставить правительство Союза и народ перед свершившимся фактом – подписанием договора, развалом государства.

Проработка варианта ввода чрезвычайного положения в стране велась Комитетом государственной безопасности с 7 августа. От Министерства обороны принимал участие командующий Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант Грачев... С 15 или 16 августа к этой работе

подключились Грушко – первый заместитель председателя КГБ и заместитель министра обороны генерал-полковник Ачалов. О создании Комитета по чрезвычайному положению тогда и речи не было. Об этом разговор зашел только вечером 18 августа в кабинете Павлова после возвращения наших товарищей из Фороса. Тогда же я впервые увидел список комитета в составе 10 человек.

Этот список показали Анатолию Ивановичу Лукьянову. Он твердо заявил, что участвовать в деятельности комитета не намерен и не будет, так как представляет законодательную власть. «Единственное, что я могу сделать, – сказал Анатолий Иванович, – это опубликовать заявление о нарушении действующей Конституции в связи с подписанием новоогаревского союзного договора».

Вспоминаю и реакцию министра иностранных дел Александра Александровича Бессмертных, он прибыл в кабинет Павлова около 23 часов. Александр Александрович заметил: «Если вы меня включите в список членов комитета, то для меня будут закрыты все столицы мира – и Вашингтон, и Париж, и Рим, и Лондон.»

Александр Александрович знал о недовольстве общественности поведением Горбачева, как и то, что через 20 минут после выступления на закрытой сессии Верховного Совета СССР наше общее мнение о необходимости навести в стране порядок стало известно и в американском посольстве. В роли информатора от московских «демократов»-стукачей выступил Гавриил Попов, хотя он прекрасно понимал, что и у государства могут быть секреты. Но демократ не убоился, побежал в американское посольство и сообщил послу США Мэтлоку, что назревает заговор, назвал и зачинщиков: Павлов, Крючков и Язов, – попросил передать этот доклад и Ельцину, который в это время находился в США. Мэтлок сообщил о том, что говорилось на сессии Верховного Совета СССР, президенту США Бушу. А тот, в свою очередь, сразу же связался с Горбачевым, как будто последний не знал о наших выступлениях.

Как нетрудно понять, видимость заговора создавали «демократы». И разве не Гавриил Харитонович^[18] является главной персоной, которой так интересуется Фемида? Ведь налицо предательство национальных интересов России...

Как может судить мой читатель, дело ГКЧП – пример виртуозного превращения изменника Попова в «защитника» земли русской. А тех, кто на самом деле пытался отстоять интересы страны, ошельмовали, назвали преступниками. И потому Леканов искал любые зацепки, чтобы доказать, что я изменил Родине.

Пришлось восстанавливать события по часам и по минутам; из Кремля я уехал в первом часу ночи 19 августа 1991 года. Документы, рассматриваемые в кабинете Павлова, должны были зачитать по радио и по телевидению в 6 часов. Для охраны телецентра мы к 6.00 направили подразделение ВДВ из «Медвежьих озер».

Леканов, будучи уверенным в справедливости обвинения, не терял нити допроса. Стремясь услышать подтверждение моей вины, повторял одни и те же вопросы, правда, в другом контексте:

– А не хотели ли вы выяснить реакцию населения? Не испугалось ли оно?

Прокуратура, конечно, знала о крайней политизации населения к тому времени. Суверенизация, самостоятельность, децентрализация, антикоммунизм расцвели махровым цветом. Одуревшие от жажды власти «демократы» боролись и с центром, и с Горбачевым. С волей народа, проявленной в ходе референдума 17 марта, не посчитались бы ни Ельцин, ни Кравчук, ни другие.

Кстати, два года спустя «всенародно избранный» по-другому заговорит о референдуме. В своем указе № 1400 от 21 сентября 1993 года он заявит: «Большинство в Верховном Совете Российской Федерации и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной 25 апреля 1993 года». Значит, по Ельцину, волю российского народа попирают нельзя, а волю советского всего народа растоптать надлежало без зазрения совести.

Признаюсь, сложные чувства овладевают мной даже сегодня, когда я перечитываю стенограмму допросов. Я ненавижу себя за скованность, презираю наведенную на меня кинокамеру, все эти кадры политической киношки. Одно могу сказать: режиссер был талантливым, он бы украсил фестиваль и в Каннах.

Еще во время «съемки» я подумал: через часок-другой «кино» повезут на просмотр самодовольному Горби и его домашнему философу. Но, помоему, ошибся: по дороге в Кремль пленку умыкнули, запродали на Запад.

...В окно заглянуло солнце, его лучи упали на противоположную от окна стену, на которой красовался пейзаж: северные олени переплывают озеро. Хотелось бы, чтобы и это озеро, и этих оленей освещало не заходящее солнце.

Следователь попросил выключить камеру, подошел к окну и задернул шторы. Как бы выражая заботу обо мне, произнес: «Береженого Бог бережет». Но я понимал: он старается, чтобы никто не узнал, куда увезли

арестованных. Ему важно было подтвердить правоту слов из указа Ельцина: «Считать ГКЧП антиконституционным и квалифицировать его действия как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением». Впоследствии стало известно, что эти строки написал Р. Хасбулатов, который нашел в себе мужество сбежать из стаи самозванных кремлевцев.

И снова следователь старается вытянуть у меня признание, что мы действовали вопреки Конституции:

– Вы наверняка рассчитывали на то, что народ все проглотит, что вас поддержат, не спрашивая, а конституционно ли это?

Да, мы надеялись на народ. Мы считали: народ прекрасно понимает, что начатая по инициативе Горбачева перестройка – политика реформ – в силу разных причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Но, увы, понимание всего этого сложилось у населения позднее...

– Когда вы увидели, что завязли в афере, из которой нужно выбираться? – гнул свою линию следователь.

– А нам и не надо было выбираться. Мы были вместе с народом. И это лишний раз подтверждает, что заговора не было. Иначе бы «заговорщики» подготовились. Напротив, инициатива была в руках поповых, афанасьевых и других ярых ельцинистов.

Почему-то на допросе я вспомнил, как Г. Попов отдал чудовищный приказ столичным торгашам больше не отпускать продукты жителям других областей. И стоял казах-панфиловец в Елисеевском гастрономе проездом из Талды-Кургана в Калининград, защитивший Москву от фашистов, выпрашивая двести граммов «Любительской» колбаски на дорожку. Но никто из продавцов не осмелился нарушить указа мэра. Какой позор! Уже тогда россияне разглядели хамовитое лицо московской демократии.

– Если вы уже после пресс-конференции увидели, что зашли чересчур далеко и совершили преступление, почему вы продолжали вводить танки в ночь с 20 на 21 августа, ввели комендантский час, назначили коменданта города?

– Чрезвычайное положение введено согласно заявлению советского правительства, а затем подтверждено указом и. о. президента Г.И. Янаева, где говорилось:

«В связи с обострением обстановки в г. Москве – столице СССР, вызванной невыполнением постановления ГКЧП № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации,

фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127 части 3 Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в городе Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками МВО генерал-полковника Н.В. Калинина, который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения».

Кроме того, в заявлении ГКЧП говорилось о необходимости с 4.00 взять под охрану важнейшие государственные учреждения и объекты. Что же касается комендантского часа, то он был объявлен, но не введен.

– Кто мог рекомендовать Янаеву ввести комендантский час? Янаев же не военный. Прошу честно ответить.

Я говорю честно:

– Закон о чрезвычайном положении принимал Верховный Совет. Там разве одни военные заседали? Янаев ввел чрезвычайное положение, а Калинин исходя из обстановки, как комендант города, объявил комендантский час. Сил и средств, несмотря на то что были вызваны и прилетели в Москву еще два парашютно-десантных полка, все же было недостаточно для обеспечения ввода ЧП. Потом мы с Калининым обговорили все вопросы по выводу тяжелой техники из Москвы.

– Что можете сказать о вашей рекомендации разогнать силы, защищавшие Белый дом? Ведь формальный повод был – в 23.00 все должны были разойтись по домам.

– Объясню следствию: у здания Верховного Совета РСФСР собралось около 70 тысяч человек, поэтому вопрос о разгоне толпы даже не обсуждался на совещании ГКЧП. По городу было организовано патрулирование на боевых машинах пехоты и бронетранспортерах. Применять оружие было строго запрещено. Это было похоже на ситуацию, когда пытаются зажечь спичку перед пороховой бочкой.

Кто мог предположить, что Попов и Лужков организуют возведение баррикад? К тому же при проходе техники под мостом в районе проспекта Калинина и были задержаны БМП. Их забросали бутылками с зажигательной смесью.

– Заменялись ли войска, которые стояли перед Белым домом, по той причине, что военнослужащие были уже политически неблагонадежными?

В связи с этим вопросом я заметил:

– В мире много домов белого цвета, но официально называют Белым

домом резиденцию президента США в Вашингтоне. Называть здание, где размещался Верховный Совет и правительство России, Белым – это значит притязать на чужое наследство. Тем более что на месте, где американцы возвели свой Белый дом, когда-то стоял бордель. И кроме того, вам неизвестно, заменяли войска или нет, почему же вы сделали вывод, что после общения с народом войска политизировались? Это байки радио «Эхо Москвы».

Батальон ВДВ для охраны здания Верховного Совета РСФСР был направлен по просьбе Ельцина генерал-лейтенантом Грачевым, который доложил мне об этой просьбе. Я дал согласие, и он по радио, когда дивизия была еще на марше, передал приказ генерал-майору А.И. Лебедю. Охрана возле здания была постоянной, танковые подразделения находились там до 22 августа.

Леканов вновь спросил:

– Когда вы осознали, что это государственный путч и переворот?

– Как можно называть это государственным переворотом? На законодательную власть Союза и республик никто не покушался. Не было ни военного, ни гражданского переворота. Президент сам говорил по телефону, что ему звонил Ельцин, высказывал мысль, что Россия тоже хотела бы воздержаться от подписания договора. Потому и выехала к нему группа товарищей, чтобы предостеречь от ошибки. Но Горбачеву во что бы то ни стало хотелось подписать антинародный документ о развале Союза.

– И тогда вы решили отвести войска? С 21 августа вы практически встали на путь покаяния?

Решение о выводе войск было принято вечером 20 августа. Если объективно проанализировать события этих трех дней, то напрашивается вывод: армия не участвовала в каком-то подавлении демократии. Широко разрекламированные «баррикады» не смогли бы остановить танки и БМП. Позже А.Н. Яковлев признается: «У меня было такое ощущение, что мы вышли в поле, а противник так и не явился».

Затем Леканов предложил прерваться, якобы на обед. Но мне разрешили выйти из комнаты, лишь когда он закончил прослушивать кассеты. Столичная «демократия» продолжала возводить надолбы лжи, и вскоре появились телевизионные репортеры. Они начали меня уговаривать обратиться с покаянной речью к Горбачеву, дескать, для защиты от статьи, которую вам «шьют». Мол, все средства хороши, Дмитрий Тимофеевич, особенно выбирать-то вам и не приходится.

И под влиянием усталости я поддался на их уговоры. «Покаянное кино» подали как часть допроса. И «Шпигель» и прокурор посчитали их

доказательством «совершенного преступления» по расстрельной статье – измена Родине...

И вот я снова в комнате-«камере» вспоминаю картинки горбачевской эпохи. Какие обжорные презентации и юбилеи устраивали «новые русские». Вот уже появились новые веяния в оформлении банкетов. По черной икре обязательно красной икрой лозунги: «Российской демократии – слава!», «Слава Горбачеву!». Были и другие варианты, но все равно красной икрой по черной: «Михаил Сергеевич, до встречи в Тель-Авиве!»

...В первом часу ночи 23 августа майор из охраны полусшепотом приказал:

– Поднимайтесь, мы уезжаем.

Я задал естественный вопрос:

– Куда?

– Этого я не знаю, прошу не мешкать. – И положил на тумбочку яблоко. – Возьмите, возможно, ехать придется долго.

И снова машина с ревом разрывала тишину в округе. За ней следовал автобус с вооруженной командой, три «Волги», замыкали колонну еще один автобус с вооруженными курсантами, машина с врачами и несколько автомобилей различного назначения.

Ехали в сторону Твери. Несмотря на то что я уже трое суток не спал, в сон не клонило. Справа и слева от меня на заднем сиденье размещались вооруженные офицеры, сидящий рядом с водителем офицер держал между ног автомат.

Проехали Клин. Может, мы едем в Ленинград, в знаменитые Кресты? Перед глазами маячила разделительная полоса на дороге. Я еще подумал, что эта полоса разделяет мое прошлое от совсем не ясного будущего. Снова я предался воспоминаниям, чтобы согреть свою душу среди этой бесовщины, дурмана лжи.

...Июль 1942 года. Нам, курсантам, присвоили офицерские звания. Я стал лейтенантом.

В ночь с 17 на 18 июля нас погрузили в вагоны на станции Солнечная, и мы поехали на Запад. На фронт. Вскоре мы прослышали, что едем на Волховское направление.

Что мы знали тогда о героической обороне Ленинграда? Естественно, наши знания складывались из сообщений Совинформбюро и политзанятий, которые проводились с учетом событий на фронте. Эти занятия проводила с нами комиссар батальона курсантов старший политрук Блинова.

Мы знали, что Волховский фронт был образован после разгрома

немецко-фашистских захватчиков под Тихвином 4-й отдельной армией генерала К. Мерецкова. 8 ноября 1941 года фашисты захватили было Тихвин, отрезав последнюю железнодорожную магистраль, по которой шли грузы к Ладожскому озеру для Ленинграда. Наступление врага было остановлено 4-й и 54-й армиями во второй половине ноября. Попытки гитлеровцев прорваться через Тихвин к реке Свирь, а также через Волхов – к Ладожскому озеру провалились. Замысел соединиться с финнами и полностью блокировать Ленинград остался на бумаге.

Действия советских войск под Ленинградом и в районе Демьянска весной 1942 года не дали возможности фашистскому командованию перебросить часть сил группы армий «Север» на южное направление. Руководство вермахта планировало возобновить штурм Ленинграда. План этой операции обсуждался гитлеровской ставкой. Было принято решение для усиления 18-й армии перебросить соединения 11-й немецкой армии из Крыма и несколько дивизий из Западной Европы.

Естественно, мы, выпускники, тогда не знали, что 19 июля Генеральный штаб сухопутных войск Германии информировал командование группы армий «Север» о соображениях начать наступление на Ленинград, установив связь с финнами севернее Ленинграда и тем самым изолировать Балтийский флот, лишив его всех баз. В течение месяца группа армий «Север» тщательно готовилась к проведению операции, получившей новое название – «Норд-лихт».

Из политинформации, которую мы регулярно получали по пути следования на фронт, мы также знали о событиях на всех фронтах Великой Отечественной войны. До сих пор помню, как 4 июля 1942 года «Правда» опубликовала сообщение Совинформбюро «250 дней героической обороны Севастополя». В нем говорилось: «Последние 25 дней противник ожесточенно и непрерывно штурмовал Севастополь с суши и с воздуха. Отрезанные от сухопутных связей с тылом, испытывая трудности с подвозом боеприпасов и продовольствия, не имея в своем распоряжении аэродромов, а стало быть, и достаточного прикрытия с воздуха, советские пехотинцы, моряки, командиры и политработники совершили чудеса военной доблести и геройства в деле обороны Севастополя...»

Чуть позже от родственников я узнаю, что мой двоюродный брат Илья Михайлович Язов, закончивший ускоренный курс Томского артиллерийского училища, пал смертью храбрых при обороне Севастополя. В семье Ильи я жил, когда учился в Лагушине в пятом классе. Замечательная была семья. Дядя Михаил Александрович служил на флоте, был высокообразованным для своего времени человеком, гордился своими

сыновьями. И вот уже в 1942 году погибли Семен, Петр и Илья, а Михаил вернулся с фронта с простреленным легким. Вскоре он умер...

Удивительно, как будто бы рок висел над родом Язовых. Мужья всех сестер погибли на фронте. Федор, Григорий, Сергей, Петр.

Наш воинский эшелон прибыл в Малую Вишеру. По лесным тропам добрались мы до полевого управления кадров Волховского фронта. Утром нас, человек сто тридцать из 600 вчерашних курсантов, поездом отправили до станции Глажево, откуда мы пешком добрались до деревни Оломна, где располагался отдел кадров 54-й армии. И здесь нас долго не задержали. Офицер-кадровик назвал фамилии 35 офицеров, направленных для прохождения службы в 177-ю стрелковую дивизию. Мы получили приказ добраться до станции Погостье, где оборонялась дивизия. Нам предстояло по бревенчатой гати пройти 50 верст. Здоровые, уверенные в себе и победе, мы это расстояние преодолели менее чем за сутки. Последние километры мы прошли без привала, в сопровождении офицера дивизии. На небольшой полянке он разрешил нам перекурить, а сам спустился в землянку. Минут через десять из землянки вышел полковник Андреев, начштаба дивизии. Он на ходу бросил сопровождающему офицеру: «На поляну молодняк, в лес!» Под ногами хлюпала коричневая болотная жижа, над заболоченной поляной стоял редкий туман, и чахлые сосенки вздрагивали от отдаленных разрывов снарядов.

Вскоре на поляне в сопровождении прокурора дивизии появился командир дивизии полковник А.Г. Козиев, начштаба подал команду: «Смирно!» Через минуту перед строем вывели младшего лейтенанта, председатель военного трибунала зачитал приговор. Из него мы поняли, что младший лейтенант Степанов смалодушничал, во время атаки немцев в районе Винягловского шоссе бросил взвод. Правда, взвод и без командира отразил атаку, удержав позиции. И вот сейчас Степанову огласили приговор: «Расстрелять!»

Особист подвел приговоренного к вырытой в болоте яме и хладнокровно привел приговор в исполнение. Как подкошенный упал младший лейтенант в яму, окропив брызгами крови офицера.

Перед тем как распределить нас по полкам, комиссар дивизии полковой комиссар Е. Дурнов рассказал нам о боевом пути дивизии. Мы узнали, что 177-я дивизия, в которую мы прибыли, была сформирована в марте-апреле 1941 года на базе двух запасных полков Ленинградского военного округа в городе Боровичи.

Формирование дивизии было возложено на Героя Советского Союза полковника Н.С. Угрюмова. Штаб дивизии возглавил подполковник В.

Павлов. Работа штаба по формированию дивизии шла круглосуточно – дивизия укомплектовывалась резервистами из городов и сел Ленинградской области и 1 мая 1941 года в полном составе вышла на парад.

16 мая 1941 года дивизию принял новый командир – полковник А. Машошин. Он был участником еще Первой мировой войны, награжден четырьмя Георгиевскими крестами, а в советское время – орденом Красного Знамени.

К началу Великой Отечественной войны в дивизии были сформированы 483-й, 486-й, 502-й стрелковые полки, 710-й гаубичный артиллерийский полк, 706-й легкий артиллерийский полк. Также в дивизию входили отдельный истребительный противотанковый дивизион, 254-й отдельный разведывательный батальон, 33-й отдельный саперный батальон, 227-й отдельный батальон связи, 20-й отдельный медико-санитарный батальон и отдельная рота химической защиты.

Вскоре 177-я стрелковая дивизия получила приказ передислоцироваться в район Луги и встретить врага на рубеже Псков – Луга. Полоса обороны составляла до 20 километров по фронту.

Заняв полосу обороны, дивизия вместе с саперными подразделениями фронта и гражданским населением Ленинграда приступила к строительству оборонительной полосы. В исключительно короткие сроки была создана глубоко эшелонированная оборона с траншеями полного профиля, с разветвленными ходами сообщения, противотанковыми рвами, проволочными противопехотными и противотанковыми заграждениями с хорошо организованной системой огня.

Превосходство в силах и средствах в те горячие дни было на стороне фашистов. На главном направлении, куда немцы наносили удар и где стояла дивизия, соотношение было в три-четыре раза в пользу врага. Гитлеровцы надеялись с ходу захватить Ленинград. Положение было угрожающим.

Полковой комиссар Дурнов свернул самокрутку, но закуривать не спешил.

– Вам огоньку? – Кто-то щелкнул зажигалкой.

– Отставить! Уцелеете – расскажете, как под Лугой не только немцев остановили, но и нанесли им ощутимые потери.

Хвастливое заявление Гитлера, что «через три недели после начала войны он будет в Петербурге», мы похоронили.

Даже незначительные успехи доставались тяжело. Это объяснялось «танкобоязнью», слабым знанием противника и большими потерями от налетов авиации. К 21 августа 1941 года войска Лужского участка обороны

были отрезаны от Ленинграда. А 24 августа по приказу командующего Ленинградским фронтом пришлось оставить Лугу, а затем с боями выходить из окружения. По лесам и болотам личный состав дивизии, питаясь подножным кормом – грибами и ягодами, вышел из окружения, сохранив оружие и боевые знамена, обагренные кровью воинов, покрывших себя неуязвимой славой.

Дальнейший боевой путь дивизии был также неразрывно связан с героической обороной Ленинграда. 22 октября 1941 года дивизию подчинили Невской оперативной группе, определив задачу форсировать Неву в районе 8-й ГЭС и овладеть плацдармом.

После нескольких неудачных попыток форсировать Неву в самом начале ноября дивизия вступила в Невскую Дубровку. В этих боях на Невском пятачке 177-й дивизией командовал полковник Г.И. Вехин. Так бои на клочке земли на левом берегу Невы стали экзаменом на зрелость.

В декабре 1941 года дивизия вышла на станцию Понтонная на доукомплектование, затем ее подчинили 54-й армии под командованием легендарного героя боев на реке Халхин-Гол генерал-майора И.И. Федюнинского.

К 9 января 1942 года дивизия уже вышла с боями на рубеж железной дороги Мга – Кириши. Части дивизии встретили упорное сопротивление на станции Погостье, но, овладев станцией, расширили фронт прорыва до ручья Дубок, надежно прикрыв стык с 8-й армией фронта.

...Полковой комиссар щелкнул зажигалкой, задымил самокруткой, и мы с Костей Соловьевым поняли: дальше историю дивизии нам писать всем вместе.

В штабе дивизии нас назначили командирами взводов в 483-й стрелковый полк. В него мы прибыли во второй половине дня. Принял нас командир полка подполковник А.А. Золотарев. Первое, о чем он нас спросил: «Бывали ли мы в боях раньше?» Затем обвел взглядом нас, безусых мальчишек-лейтенантов, улыбнулся и сказал: «Не беда, освоитесь, привыкнете».

Начальник штаба полка капитан Л. Колчин повесил на стену в штабной землянке карту и разъяснил нам, как построена оборона в лесисто-болотистом уголке, зажатом между болотами Ковригина Гладь и Малуксинский Мох. Основные усилия полка сосредоточивались на удержании станции Погостье, где оборонялись 2-й и 3-й батальоны. Разъясняя задачу, начштаба определил, кого из прибывших выпускников училища в какой батальон назначить. Я был определен командиром взвода в 9-ю роту 3-го стрелкового батальона. Командир полка согласился с

предложением начштаба и повел разговор о трудностях, с которыми мы можем встретиться.

Дело в том, что в ходе Любанской операции войска 2-й ударной армии, вклинившись глубоко в расположение войск противника, не имея достаточных сил для развития наступления как бы сами оказались заложниками: ударом по флангам противник перерезал все наши коммуникации и замкнул кольцо окружения. Оборонявшиеся части 59-й и 52-й армий, подавленные авиацией и минометным огнем, не смогли помочь. Ежедневно немцы в полосе обороны сбрасывали десятки тысяч листовок, в которых говорилось о пленении генерала Власова, командующего 2-й ударной армией.

«Эти листовки, – разъяснял нам командир полка, – не советую коллекционировать. Сжигайте! Немцы на два слова правды наворотят тысячу слов лжи. Возможно, Власова пленили 11 июля, но ведь из листовок следует, что добровольно в плен сдалась вся армия. Более того, красноармейцы счастливы, что оказались в плену. Но разве группы солдат и офицеров не выходили к нам по болотам и в июле? И в августе 1942 года? Тому, что пишут немцы в листовках, верить нельзя. Вам следует усилить разъяснительную работу среди личного состава. Не падайте духом! Не поддавайтесь на провокации».

Больше всего мы страдали от растянутости линии переднего края обороны. Постоянно ощущали неукомплектованность личного состава. Нас во взводе было не более 20 человек, а ширина линии обороны растянулась аж на километр. Солдаты в основном солидного возраста, семейные. Для них я был сыном, и за словом они в карман не лезли. Ох и донимали они меня. Дескать, сынок, а ежели немчура пальнет, ответишь? Пришлось отразить нападки на взводного. Взял карабин и на макушке ели одним выстрелом сбил шишку. Больше подтрунивать надо мной не стали, зауважали. А вечером следующего дня к нам зашел начальник разведки полка старший лейтенант С.Т. Суворов познакомить с передним краем немецкой обороны. Приняв наркомовские 100 граммов, он свернул самокрутку и закурил. Тут же на наших глазах он получил пулю в лоб от фашистского снайпера. Так мы получили еще один урок, который для нас не прошел даром.

Словом, на войне как на войне...

28 июля 1942 года, когда вызрела первая ягода в лесу, нарком обороны подписал приказ № 227. В приказе излагалась суровая правда о создавшемся положении на советско-германском фронте. Резко осуждались пораженческие настроения: дескать, земли у нас много, можно и отступить.

И. Сталин потребовал любой ценой остановить продвижение фашистских орд. Предусматривались самые строгие меры к военнослужащим: генералам, офицерам, рядовым – ко всем, кто проявит в бою трусость и малодушие. В приказе намечались и практические меры по укреплению боевого духа и дисциплины воинов.

Дня через два в батальоне состоялось партийное собрание, на которое пригласили нас – офицеров-комсомольцев. С докладом выступил комиссар батальона политрук Гусев. Он зачитал приказ наркома обороны применительно к действиям нашего батальона:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Северный Кавказ с его нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа...

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба и более 10 миллионов тонн металла в год. Отступать дальше – значит погубить и вместе с тем загубить нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет усиливать врага и ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, хлеба всегда будет в избытке. Подобные разговоры ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

...Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают с высокой производительностью, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов и стрелкового оружия.

Чего же нам не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток.

Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования».

Приказ наркома обороны больше известен в народе как приказ «Ни шагу назад». Сегодня вокруг этого приказа достаточно спекуляций, Сталина обвиняют в излишней жестокости. Но разве можно представить себе жизнь, особенно когда решается судьба страны, без требования быть сильным, требования, которые ты должен предъявлять прежде всего сам к себе? Генерал де Голль писал в своей знаменитой книге «На острие шпаги»: «Сила – средство мысли, инструмент действия, условие движения; эта акушерка необходима, чтобы добиться хотя бы одного дня прогресса. Сила – это щит мудрецов, оплот тронов. Сила – могильщик пришедшего в упадок, она дает законы народам и определяет их судьбу. Сильные личности не всегда воплощают простое превосходство, ту поверхностную привлекательность, принятую в повседневной жизни».

Интересно сравнить настроения обитателей Кремля летом 1942 года, когда И. Сталин подписал исторический приказ, с атмосферой в ставке Гитлера в конце 1945 года, когда кое-кто из немецких генералов уже подумывал, как достойно расстаться с жизнью. Если в Кремле пораженческие настроения на корню пресекались и не было намека на какие-либо дворцовые интриги, то в Германии в высших сферах царил раздраз. Генералы, пленившие гордые европейские столицы, писали друг на друга доносы Гитлеру.

Особенно отличился идеолог рейха Йозеф Геббельс. Уже в самом начале 1945 года он выдал весьма нелестные характеристики многим полководцам фюрера: «У Гудериана нет твердости в характере. Он слишком нервный. Эти свои недостатки он обнаружил, командуя войсками и на Западе и на Востоке. У Гимmlера нет никаких оперативных способностей. Уж конечно, он никакой не полководец». Не повезло и Герингу: «Во всяком случае, колебания в отношении Геринга привели нацию к тяжелейшим бедам. Я намерен послать фюреру одну главу из Карлейля, как поступил Фридрих Великий с принцем прусским Августом-Вильгельмом, когда тот совершенно испортил ему циттауское дело. Фридрих устроил над своим родным братом и наследником трона расправу, которую я считаю образцовой».

Понятно, Геббельс не жалел черных красок для своих товарищей по

партии, призывая к расправе над ними. Совсем другие нравы царили в Кремле: если кому-то и перепало, то исключительно за дело. Сталину даже в эти критические для Отечества дни нельзя было отказать в справедливости и великодушии. И эта главная причина, почему нынешние лжедемократы без чувства меры прокручивают заезженную пластинку о жестокости вождя. С точки зрения отечественной «завлабовской» демократии приказ № 227 и связанные с ним чувства патриотизма, любви к Родине – анахронизм.

И чтобы отсечь народ от его величественного прошлого, ангажированная свора историков проводит беспрецедентную акцию по очернению защитников государственных интересов. Атаку на державников начали еще во времена Хрущева, развенчивая деяния Сталина, его полководческий дар.

Несомненно, те, кому это было выгодно, в лице Хрущева нашли идеального «героя истории». Недавно вышла в свет книга известных ученых Б.Г. Соловьева и В.В. Суходеева «Полководец Сталин». Они поведали неприглядную историю из жизни Н. Хрущева. Но сначала напомним читателям о сыне главного докладчика на XX съезде КПСС. Как известно, сын Хрущева Леонид активно сотрудничал в плену с фашистами. Он призывал красноармейцев сдаваться в плен, обещая райские кущи. И тогда Верховный главнокомандующий приказал нашим разведчикам выкрасть сына Хрущева у немцев. Вскоре Леонид Никитович предстал перед военным трибуналом, который приговорил его за измену Родине к расстрелу. Н. Хрущев умолял И. Сталина не допустить смертной казни. На что И. Сталин ответил: «Вы просите как отец или член ЦК? Как отец? А что я скажу другим отцам, потерявшим своих сыновей?»

Умер И. Сталин, и спустя несколько лет, будучи первым секретарем ЦК, Хрущев потребовал от министра обороны страны Г. Жукова представить летчика Леонида Хрущева к званию Героя Советского Союза. На что Жуков резко возразил, дескать, предателей не представляют к боевым наградам, тем более к высокому званию Героя. Скомкав наградной лист, Жуков бросил его в сторону Хрущева. Этот случай и послужил поводом наряду с другими для снятия Г. Жукова с поста министра обороны СССР. К сожалению, этот факт, чтобы обелить Хрущева, предали забвению, впрочем, как и многие другие факты.

Нет сомнений, что И. Сталин догадывался: могут наступить новые времена, и его оппоненты попытаются учинить над ним расправу. Посол СССР в Швеции А.М. Коллонтай сохранила некоторые фрагменты беседы со Сталиным в ноябре 1939 года.

«...Многие дела нашей партии и народа, – говорил Сталин, – будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом и в нашей стране тоже.

Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну и как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут много злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться.

Сила СССР – в дружбе народов. Острые борьбы будет надавлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали.

С особой силой поднимет голову национализм. Он какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, но только на некоторое время. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом развитие в будущем пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что Восток взбудоражится. Возникнут острые противоречия и с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к деяниям и победам нашего социалистического Отечества. Новые поколения поднимут знамя своих отцов и дедов. Свое будущее они будут строить на примерах нашего прошлого».

...Но вернемся к приказу наркома обороны за № 227. Это «пятая колонна» снабдила «порушителя русских святынь» подлейшими вымыслами из жития-бытия И. Сталина, замутив «оттепельные» воды истории грязными домыслами. Через критику Сталина открывался путь для развенчивания подвига россиян в годы борьбы с фашизмом. Критикуют Сталина, а на самом деле учиняют расправу над славянами, отечестволюбивыми мусульманами. Приказ наркома обороны за № 227 идеологи «пятой колонны» рассматривают как своеобразную высоту, которую необходимо взять, чего бы это ни стоило. Именно с этой высоты отчетливо просматривается будущее России, наша соборность, сопротивленческий дух. Сровнять с землей эту высоту, на которую так вовремя позвал нас Сталин, – вождьленная мечта врагов России. За это они все отдадут. Вне этой высоты мы не нация, а сброд.

Сегодня мы все беженцы в своем Отечестве. Одни бегут от надвигающегося будущего, другие устремлены в прошлое, ищут спасения у духовников. Бывшее древко государственного флага СССР для многих стало посохом.

Мне вдруг вспомнилась китайская мудрость: «Не дай бог жить в эпоху перемен».

Перемены в СССР происходили явно не в интересах народа и государства. Горбачев не в состоянии был воспринимать мир в его целостности и единстве. Он выхватывал лишь отдельные фрагменты из жизни и потому постоянно рушил связь времен. По-моему, он так и не понял, что Закон – это символ любви ко всему живому, хотя и закончил юридический факультет. Ни в коем случае Закон не должен служить для эгоистических побуждений фарисеев, обслуживать их идеологию. Что значит Закон для личности, славяне почерпнули по крупицам из Евангелия. «Не думайте, что я пришел нарушить Закон, – говорит Христос, – не нарушать я пришел – исполнять!»

Может, самая большая беда Горбачева заключалась в том, что он не научился отличать добро от подделок под добро. Он любил красоваться в зареве перестройки и национальные пожарища в республиках воспринимал не как бедствие, а как еще один спецэффект для освещения своей фигуры. Поразительно, что Горбачев, имея в доме специалиста по Великобритании, будет прислушиваться к советам М. Тэтчер, какие конституционные реформы необходимо провести в СССР. Хотя студенту юрфака известно: Великобритания отличается от других стран отсутствием писаной Конституции. Внимал генсек и советам Буша – как ограничить влияние спецслужб на важные решения президента. Горбачев, соглашаясь с Бушем, кивал, хотя надобно было знать, что «бесценные» советы он выслушивает от бывшего главы ЦРУ, матерого разведчика.

История падения Горбачева началась с политического флирта с М. Тэтчер, когда Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной отправились на «смотрины» в Лондон за год до своего звездного часа. К тому времени «забугорные голоса» всю обсуждали геронтологические проблемы членов политбюро. При этом столичные слушатели забугорного бреда совсем не замечали, что президент США Р. Рейган – ровесник К. Черненко, а Ф. Миттеран разменял восьмой десяток, когда его переизбрали президентом Франции. Не все также догадывались, что это не Брежнев окружил себя старцами под стать себе. Что сей букет из старцев селекционировал по цветочку Андропов, дабы обеспечить себе мощный финиш в борьбе за главную должность в партийной иерархии. Так что «проблема старцев» имела свою подоплеку.

Раиса Максимовна каким-то седьмым чувством угадала, что именно их семейству сигналият из европейских столиц. Что полный мандат доверия на

избрание ее благоверного на пост генерального секретаря могут обеспечить, как это ни выглядело парадоксально, Тэтчер, Рейган и Буш.

Надо отдать должное, на лондонских «смотреинах» Раиса Максимовна весьма преуспела. Это была феерия! Несколько раз в день она меняла наряды. То набросит кокетливо на плечики горжетку, то предстанет перед дипломатами в шитых золотом туфельках. Все ждали, что чета Горбачевых отправится на кладбище поклониться Марксу, ан нет! Мадам Горбачева проложила новый маршрут, неведомый женам других членов политбюро. И вот уже блицают камеры вездесущих фотокорреспондентов: супруга Горбачева примеряет бриллиантовые сережки в ювелирном магазине на берегах Темзы! Протокольный веночек с крепом для Маркса так и не был востребован. Но почему же? Ведь еще школьником сообразительный Миша Горбачев нарисовал портреты Ильича, за что и получил премию на районных смотреинах юных дарований.

Пришло время, и чета Горбачевых «посигналила» сильным мира сего – мол, мы ваш намек поняли. Оставалось спровадить Черненко в последний путь...

Флирту своего благоверного с сиятельной особой с Даунинг-стрит рассудительная Раиса Максимовна придавала огромное значение. В свою очередь, Михаил Сергеевич постарался не заметить прискорбного обстоятельства: «железная леди» в дни фолклендского конфликта отдала приказ потопить аргентинский крейсер «Хенераль Бельграно».

Словом, и «железная леди», и «бриллиантовая дама» из Москвы не переставали восхищаться своим кумиром. Маргарет Тэтчер настолько увлеклась «новым мышлением» Горбачева, что не придумала ничего лучше, как напечатать в стране великого Шекспира последние творения генсека умопомрачительным тиражом: по три книжки на каждого жителя Лондона, восседающего у камина. Каков успех!

При всем при этом позволю себе сделать комплимент домашнему философу Горбачева. Будущие историки наверняка уловят некоторое сходство Раисы Максимовны с Маргарет Тэтчер. Последняя, взглянув на портреты своих предшественников в знаменитом доме на Даунинг-стрит, изрекла: «Не беспокойтесь! Я сдвину их всех вниз!»

И Раиса Максимовна не церемонилась: раздражающие ее политические фигуры убирала!

Разглядел Горбачева среди минеральных источников и деревянных орлов Ставрополя Юрий Андропов, он и привел его чуть ли не за ручку в Кремль. Юрий Владимирович был опытным политическим тяжеловесом-борцом, по своему усмотрению создавал политическую ауру вокруг

«дорогого Леонида Ильича». Это Андропов осмотрительно согнал на обочину молодых претендентов на высший партийный пост в государстве: Шелепина, Шелеста, Полянского, обвинил в барских замашках и Романова.

Андропов понимал прекрасно, что понятие «враг народа» раздражает общественность, куда более благозвучно звучит «диссидент». Не разобрать: то ли это осуждение, то ли награда, признание заслуг перед другим государством. Вот почему на закате хрущевской эпохи, когда формировался политический сленг брежневского времени, и укоренилось слово «диссидент».

Сегодня диссиденты «от Андропова» почти все при регалиях, должностях, а кое-кто из них обороняет смятые перестройкой рубежи марксизма.

Поразительно: больше всех пострадали и сегодня не востребованы те, кто остался в стране. Это известные русские писатели, публицисты, философы. И здесь, как мне кажется, необходимо вернуться к так называемому делу «русистов», ибо из «дела писателей» будущим политикам предстоит черпать нравственные ориентиры. Поможет сей экскурс в «дело писателей» взглянуть иными глазами и на фигуру Андропова.

В кремлевском деле «русистов» было больше политики, чем литературоведческих изысков. Первую страничку в этом нашумевшем деле открыл сам Юрий Владимирович. И потому западные политологи постарались представить это дело как танковую атаку державников в так называемой бескровной «филологической войне». К тому времени в некоторых республиках посчитали зазорным изучать даже язык Пушкина. Вслед за филологическими спорами в республиках получили распространение разные виды сепаратизма: от экономического до политического. К неопишуемой радости нынешних столичных демократов, свой гнев Андропов обрушил прежде всего на русских писателей: В. Ганичева, С. Куняева, С. Семанова, В. Сорокина, В. Чалмаева, А. Никонова. Сокрушительной критике подвергли и книгу В. Белова «Лад».

Пожалуй, этой позорной войне с русскими писателями не найти аналога в мировой истории. Мне трудно представить, чтобы государственные деятели Франции или Норвегии развернули беспощадную борьбу со своей национальной литературой, с писателями, повязанными обоюдно «самой жгучей, самой смертной связью». Неужели Юрий Владимирович не знал о «дружеском» напутствии наркома внутренних дел Ягоды М. Шолохову: «А все-таки вы – контрик». И вот о чем я подумал: если бы Юрий Владимирович жил в эпоху Л. Толстого, Ф. Достоевского, он

также бы боролся с русской литературой? Почему Андропов запретил Никите Михалкову снимать художественный фильм «Дмитрий Донской» по сценарию известного русского писателя Юрия Ложица? Впрочем, бытует и другое мнение: кто-то же должен был отвечать за всесоюзную политическую наружку. В Кремле стояла ненастная погода, и нет ничего удивительного, что Юрий Владимирович прогуливался по Дзержинке под зонтиком идеологии. Шербургские были явно не в моде. И разве возвращение еще одного расстрельщика русской литературы А. Яковлева из Канады на кремлевский Олимп не штрих в биографии Юрия Владимировича?

Надеюсь, теперь понятно, почему М. Горбачев не воспользовался услугами русской партии и сервировал свою политическую кухню блюдами с тель-авивского стола, усадив за этот стол помощников и референтов Андропова. К тому времени политическая и финансовая столица из США переместилась в Израиль...

Начинал свои экономические реформы Горбачев активно и вдохновенно. Основные ее положения он косноязычно считывал с американского листа, ни в чем себе не отказывая в политической борьбе. И здесь не обойтись без замечания немецкого профессора Шубарта: «Когда Наполеон взял Берлин, немцы встали на вытяжку, когда же он взял Москву, русские подожгли свою столицу». Похоже, история повторилась, но в ее трагическом варианте: когда последний генсек завез в Москву демократию, как ее понимали Рейган и Буш, то порешил, что нашел панацею от всех бед, и на радостях подпалил всю экономику России и братских республик. Вскоре от них остались одни руины. Отныне мы живем в своем Отечестве подобно погорельцам, по всему миру бродим с сумой. Гитлер ограбил Германию, дабы почти 100 миллионов марок вложить в броню, пушки и самолеты. Наши же «новые русские» разворовали Россию, чтобы укрепить могущество других государств.

Туман на дороге с рассветом становился плотнее. Над островерхими елями краснело, как огромный раскаленный жернов, солнце. Колонна остановилась. Никто ничего не объяснял. К машине, в которой ехал А.И. Тизяков, поспешили две женщины. Я узнал их – это были врачи, они-то и сделали укол Тизякову прямо в машине. Видимо, от высокого давления, оно беспокоило его и раньше.

Деревни, деревни... Проехали Завидово. Поворот влево на Козлово. Фары высветили дорожные знаки. Вот здесь в мае произошла авария.

19 мая 1991 года. Как будто кто-то требовал от меня расслабиться,

побыть с женой, поехать куда-нибудь, подышать воздухом на природе. Был чудесный день, туман полз из леса к дороге, по которой юрко сновали «жигули», «Волги» и наши две машины, как два вороненых крейсера. Мы неслись в сторону Твери, в Завидово, шутили, смеялись, а Грей, английский кокер-спаниель, сидел на самом почетном месте, положив мне лапы на колени.

В Завидовском заповеднике нас встретили Вадим Кузнецов и Тамара, повели к пруду, где резвилась форель. Каждый раз мы радовались, когда пестрая, с ярко-красными крапинками форель кувыркалась в сочной зеленой траве.

Ближе к обеду мы поблагодарили радушных хозяев и поехали в Москву. И опять рваные серые облака, скользкая дорога. Какой-то, как бы предупредительный, монолог произнес Петр Сергеевич Акимов в адрес водителя: «Ты помнишь про езду Брежнева? Сколько было аварий». И все это бы не касалось нас, думалось, что застрахованы от всех напастей.

И вдруг! Перед самым поворотом на Ленинградское шоссе молоковоз, огненно-красный, как зловещий призрак, ударил в бок багажника. Нашу машину понесло через дорогу на большой скорости. Передние колеса перепрыгнули через глубокий кювет, а задние осели.

Больше всех пострадала Эмма Евгеньевна. Правая нога в нескольких местах оказалась сломана, а левая рука, которой она ухватилась за поручень, оторвалась и держалась только на коже. Мы перенесли Эмму Евгеньевну в связную машину и помчались в Москву. Еще в машине мне удалось дозвониться до Андрея Демьянова, дежурившего в приемной министра обороны. Попросил встретить нас в красногорском госпитале. Был воскресный день, многие хирурги уехали на дачу, но к нашему прибытию их всех собрали в хирургической.

И началась операция. Первая, через три дня – вторая. Телефон не умолкал, нам спешили выразить сочувствие. Позвонил и Валентин Иванович Варенников. Он предложил мне положить на гипсовую руку Эммы Евгеньевны гвоздику... И так было каждый день, пока Эмма Евгеньевна сама не подняла упавшую на пол гвоздику.

Колонна остановилась. Полковник из охраны предложил мне, вылезая из машины, накинуть плащ-палатку, дескать, крестьяне глазастые, любопытные, уж они-то опознают Язова. Я ответил, что мне в машине не холодно, а что касается любознательных, во всяком случае мне не стыдно, что меня везут арестованного в Кашин.

– Откуда вам известно, куда вас везут? – взметнулись брови

полковника.

– Посмотрите на указатель, на нем написано «На Кашин».

Об этом городке, как и о древней Тверской земле, я кое-что знал. Например, что вдова Михаила Святого, князя Тверского, Анна после его убийства в Золотой Орде удалилась в Кашинский монастырь. В Кашине княжил один из сыновей Анны. В монастыре Анна прожила почти 30 лет, намного пережив своего недруга – князя Владимирского, больше известного как московский князь Иван Калита.

Перед въездом в город возвышался обелиск со славянской вязью: «1289 год». Обратил я внимание и на старинные, из красного кирпича лабазы, около которых стояли длинные очереди, визитные карточки эпохи Горбачева. Остряки шутили: «Это люди обсуждают новое мышление Горбачева!»

Вдруг на высоком берегу незнакомой мне речушки показалась церквушка, чуть поодаль стоял монастырь. В этом святом месте и располагалась тюрьма. Со скрипом отворились тяжелые створки ворот, и уже не ласковым лаем поприветствовали правительственный кортеж Степанкова местные волкодавы.

Машины въехали на грязный тюремный двор, мне же предложили пройти в одноэтажное здание. Обыскивали тщательно, долго вертели в руках фуражку, прощупали все швы на кителе, выписали квитанцию на форму, отдельно на часы и на зажим для галстука. Взамен мне выдали широченные эковские брюки и куртку с нашивкой на рукавах: «ЗМИ». Не знаю, что это обозначало, но было ясно, что отныне я зэк.

В моей комнате – две металлические кровати, металлический стол, в углу – чаша «генуя» – вот и все удобства. Чуть позже охранник принесет тощий матрас, рваные застиранные простыни, тонкое дерюжное одеяло.

Окно в камере было разбито, тюремный пейзаж заключала рамка из толстой металлической решетки. Вот и первая весточка, кто-то о себе оставил бесценные сведения: «Пенза – Николай», «Тверь – Иван», «Петр – Кострома», «Фомич из Орла». Я еще подумал, что за решетку угодили русские города, не стыдно будет подписать и Язово! А вот и неожиданная встреча: на стене среди оборванных наклеек «огоньковский» портрет Новодворской с роскошными нарисованными вахмистерскими усами Буденного. Валерия Ильинична выглядела как заправская надзирательница за славянами. Она денно и ночью бдила...

Иуда-глазок в двери постоянно открыт – он тоже бдит. Закрывается глазок лишь на секунду, когда по коридору мимо камеры ведут заключенного. Первая ночь в кашинской тюрьме показалась вечностью.

Тяжелы и беспросветны мысли эка. Все счастливое рушится грудой обломков, сплошные утраты.

Утром 24 августа в камеру завели человека с большущим черным мешком. Наголо остриженный, он приветливо улыбнулся еще на пороге: «Юрий! Механик из Минска».

Говорил он не умолкая, к тому же оказался зятем Петра Мироновича Машерова. Первое, что я подумал: подсадная «кряква», психолог-оперативник.

Хорошо придумали с «зятем» Машерова. Любому захочется узнать, как убрали Петра Мироновича. Циркулировали слухи, мол, ниточка вела в Кремль. Хотя и нет доказательств справедливости этой версии, но именно Машеров разрешил опубликовать антиссионистскую книгу В. Бегуна в Минске. В Москве публицисту отказали буквально все издательства, даже «Политиздат», который увлекался этой темой. А если учесть, что сам Андропов возглавил кампанию по борьбе с «русистами», писателями славянофильского крыла, эта версия не лишена исторической правды, более того, сегодня она обрастает новыми подробностями. Вызывает удивление и тот факт, что проводить в последний путь Машерова поехал в Минск М. Зимянин, хотя он и не был членом политбюро, а это явное нарушение протокола, который обитателями Кремля тщательно соблюдался. Так что есть над чем поразмыслить.

Ну что же, послушаем твою версию, утеночек «подсадной». Когда у тебя, «зятек», началась командировка? Как только вертухай запустил в камеру? Открой профессиональную тайну: день «заезда» в камеру и «выхода» на волю в твоей конторе оплачивают за одни сутки, как и мастерам сцены? Будучи командующим Центральной группой войск в Чехословакии осенью 1980 года, мне довелось отправлять из Карловых Вар супругу Петра Мироновича, поэтому я знал кое-какие подробности о гибели Машерова.

Юрий обстоятельно обрисовал мне детали последней поездки Петра Мироновича. Бронированный ЗИЛ вдруг посчитали неисправным, и Машерову предложили «чайку». Ехали по Московскому шоссе с приличной скоростью, по осевой линии, до Жодино оставалось 14 километров. Навстречу шел МАЗ, водитель, заметив кортеж из трех машин, затормозил. Но за МАЗом шел самосвал, он и протаранил «чайку». Удар был настолько сильным, что Петр Миронович, его охранник майор В. Чесноков и водитель Е. Зайцев погибли мгновенно.

Я заметил сокамернику, что почти при таких же обстоятельствах погибли председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР и

командующий армией ПВО, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. Беда. Что это было? Цепь нелепых случайностей или определенная закономерность? Не будем забывать: беспокойно было в Кремле, постоянно шла подковерная борьба за выживание. Политические «селекционеры» не дремали, они все чаще задумывались над своим будущим, понимали: Брежнев не вечен, и кадры подбирали себе под стать...

А в новые времена мне больше всего запомнился траурный митинг, когда хоронили Кричевского и его компанию. Конечно, было жалко ребят, они были пешками в политической игре сильных мира сего. Чаще всех на митингах слышался голос Елены Боннэр, оперативная кличка – Лиса. Она сравнивала путчистов с фашистами. Думаю, Елена Георгиевна догадывалась: идет соревнование, кто больше грязи выльет на путчистов. Ораторы спешили пролезть в самые высшие эшелоны власти.

Не скрою, к Елене Георгиевне я относился более терпимо, чем к другим демократическим пассионариям, все-таки она была фронтовичкой, разделяла невзгоды с академиком Сахаровым.

Андрей Дмитриевич Сахаров воевал со всеми, и нет ничего удивительного в том, что и с Сахаровым воевали все и продолжают воевать и поныне, при этом аргументы выбирают в споре с академиком самые сокрушительные, убойной силы. «Академик Сахаров, – пишет один из казахских политологов, – испытывал водородную бомбу на родине Абая и Ауэзова, великих казахских писателей». Но на это обстоятельство Андрей Дмитриевич даже не обратил внимания. Не дрогнул! И я хочу спросить межрегионалов: как бы они отнеслись к Сахарову, если бы он взорвал водородную бомбу на родине Шагала, Гроссмана, в окрестностях дачных владений Ростроповича? Да мало ли где можно было взорвать бомбу?! Полистайте справочник Союза писателей и – взрывайте, испытывайте! Почему сия доля выпала родине Абая и Ауэзова? Разве академик не располагал данными о последствиях взрыва атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки? Ведь многим интеллектуалам хорошо известно, что когда президент Трумэн принял решение сбросить одну из атомных бомб и на древнюю столицу японцев – Киото, то бывший посол США в Японии встал на колени перед президентом США, умоляя его помиловать древнюю столицу. И тогда Трумэн на атомную казнь пригласил Нагасаки. Прекрасный сюжет для фрески в стенах ООН: коленапреклоненный посол уговаривает своего президента помиловать народ.

Ну что тут скажешь? Трудно пробиваться к истине. Смогли же русские

писатели отменить поворот сибирских рек, никого не убоялись...

На траурном митинге, посвященном первым жертвам демократии, который транслировали по тюремному радио, выступил и Горбачев. Слушал я выступление Горбачева о событиях 19–21 августа и думал: «Ну вот, еще один зарождается миф. Когда же мы освободим Историю от завалов лжи?»

– Михаил Сергеевич, – разразился тирадой мой сокамерник, – на виду у всего честного мира перебегает из одного политического окопчика в другой! Самый ходовой товар в России – политические румяна. Вот увидите: сначала во всех грехах обвинят коммунистическую партию, а потом на ее развалинах начнется бурное строительство самых разных политических движений.

Мой сокамерник оказался на редкость прозорливым. Я часто его вспоминаю, когда размышляю о печальной судьбе черномырдинского движения «Наш дом – Россия». Нет, не Черномырдин виноват в развале НДР. Виноваты большие и малые вожди, которые пристроили к «Дому» Виктора Степановича свои политические мансарды. Вот дом и обрушился под тяжестью пристроек, все из него выбегают, как во время пожара. Каждый заботится о своей репутации, престиже, дабы возвести свою пристройку к новым, щедро финансируемым политическим хоромам. Когда же мы подпалим нашим миром эти политические притоны и на их месте позволим многострадальному народу построить что-нибудь и для себя? Чтобы и детей растить с чистой совестью, и со светлыми помыслами защищать наш общий дом от врагов. Когда же мы построим дом с окнами на Родину?

Где-то во второй половине дня меня и «родственника» Машерова вывели на прогулку. «Полянка» для прогулки находилась на крыше двухэтажного здания и больше напоминала камеру с потолком, увитым колючей проволокой. Над проволочным двориком – настил, по которому ходят охранники с овчарками. Спрашиваю у опытного в тюремной жизни Юрия: «А зачем собаки? Неужто отсюда возможно сбежать?»

– Для чего волкодавы? Чтобы давить на нашу психику. Чтобы мы выглядели ниже четвероногих. И наш долг – не оскотиниться. Поэтому перейдем лучше к культурной части нашей программы. Дмитрий Тимофеевич, что вам известно о Кашине?

– Судя по стеле при въезде в городок, дата основания Кашина – 1289 год, время княжения в Твери Михаила Святого. Отец его, Ярослав Ярославович, был братом Александра Невского. По утверждению историка Сергея Соловьева, князь Михаил родился в 1272 году и был убит в Орде в

результате дворцовой интриги. После его гибели Кашинский уезд унаследовал младший сын Михаила Святого – Василий.

Говорили мы с Юрием долго, пора было и вздремнуть, но цепь на двери вдруг заскрежетала, защелкал ключ в огромном замке, со скрипом полуотворилась тяжелая дверь...

– Язов, – послышалось, – на выход с вещами!

Вещи были тюремными, и потому сборы оказались недолгими. Я догадался: на сей раз мы поедem в Москву! Выхожу из блока – снова стоят БТРы, кругом охрана, «Волги». Подошел к машине. В свете фар видно, как ветер рвет и крутит пожухлые листья. В тюрьме, отметил я, осень наступает чуть раньше.

Российский «Маяк», радио «Эхо Москвы» в эти дни стояли у плиты политического варева. Всех, кто ратовал за сохранение СССР, называли «путчистами». А тех, кто вел страну к развалу, именовали последовательными демократами. Наступят иные времена, и демократы начнут грызть друг другу глотки. Таковы нравы стаи.

Уже 23 августа нас по инициативе генерал-лейтенанта Махова исключили из партии. Поговаривали, правда, но я в это не верю, дескать, офицеры Главного штаба ВМФ приняли обращение к министру обороны Язову: объявить о своем выходе из ГКЧП, «следовать указаниям всенародно избранного».

Мне доподлинно было известно, что вечером 21 августа Горбачев по телефону разговаривал с начальником Генерального штаба генералом армии М.А. Моисеевым и приказал ему возглавить Министерство обороны СССР. Но нашлись более «преданные», они-то и подставили Моисеева и других совестливых генералов, лелея надежду занять сей ключевой пост.

Первым отрапортовал о своей преданности демократам генерал-полковник Шапошников. Он поспешил заявить, что сегодня, 23 августа, на заседании Военного совета ВВС будет обсуждаться вопрос о его, Шапошникова, выходе из рядов КПСС. Шапошников потом вспоминал, ему позвонил Моисеев и предупредил:

– Евгений Иванович, я в приемной Горбачева. Он просит вас прибыть к нему.

– По какому вопросу?

– Не знаю, – ответил Моисеев и спросил. – А это правда?

– Что правда?

– А то, что ты из партии вышел?

– Правда!

– Ну ладно, подъезжай...

Кто же взрастил генерала? Кому он обязан своей блистательной карьерой? Если бы Шапошникова спросили об этом в начале 1991 года, Евгений Иванович без колебаний бы ответил: «Партии!» И уточнил бы: «Родной партии!» Одним словом, Шапошников повторил уже не смертельный трюк театрала Марка Захарова.

Но это было только «славное начало». Позже Шапошников сдаст козырную карту, о которой мечтали в германском рейхе. В минуту величайших стратегических размышлений, озарений в борениях с коммунистами, бывшими своими товарищами, Шапошников выдаст перл – дескать, ради торжества демократии не грех сбросить и бомбы на Кремль.

Через три года в интервью программе «Новый взгляд» Шапошников подробно опишет и свой визит в Кремль. «Я не угадал причину вызова к президенту СССР. Оказывается, в Кремль меня пригласили, чтобы назначить министром обороны Советского Союза. Произошло это в присутствии всей новоогаревской команды – Горбачева, Ельцина, Назарбаева, Кравчука и других. Когда Михаил Сергеевич объявил о своем решении, я немного посопротивлялся. Очень уж неожиданно все случилось, да и авиацию бросать не хотелось. Горбачев, правда, тут же возразил: «У тебя и ВВС останутся, и все другие войска добавятся. Мы сейчас у товарищей спросим, есть ли возражения против твоего назначения?»

Борис Николаевич Ельцин, которого я впервые в жизни так близко видел, сказал: «Какие возражения могут быть? Мы же все решили!»

Бесценную мысль Ельцина подхватил Михаил Сергеевич, он распорядился: «Принесите указ».

Пока руководитель аппарата президента Г. Ревенко, – продолжает Шапошников, – ходил за документом, я решил, что нужно до конца прояснить ситуацию. «Михаил Сергеевич, вы не все обо мне знаете. Я только что вышел из КПСС». Немая сцена. Все молча переглядываются и смотрят на президента СССР, ожидая его реакции. Спустя мгновение Горячев ответил: «Вышли – значит вышли. Это не самая большая беда», – и подписал указ. После этого пригласил Моисеева. При этом Михаил Сергеевич предупредил Михаила Алексеевича, чтобы тот не делал никаких глупостей, очевидно имея в виду самоубийство.

Моисеев же, не разобравшись, ляпнул: «Заверяю вас, товарищ генеральный секретарь, что таких глупостей, как Шапошников, делать не буду и из партии никогда не выйду».

Проинформировало меня тюремное радио и о других кадровых перестановках: начальником Генерального штаба назначен генерал армии

В.Н. Лобов, первым заместителем министра обороны – генерал П.С. Грачев.

Я, конечно, догадывался, что в эти дни на самой вершине власти царит что-то невообразимое. Самозванные «кадровики» подбирали команду. Бывшие денщики советских вождей сбрасывали с вершины власти менее расторопных, более совестливых. Почувствовав себя под сенью какого-нибудь вождя-демократа, они называли Россию не иначе как «империей зла». В те памятные дни 1991 года многие карабкались на танк у стен Белого дома и слезали с брони уже при орденах, чиновниками самой высочайшей пробы. Без зазрения совести они изгнали с дач вдов полководцев, видных военачальников, конструкторов-оружейников, захватив их собственность под самыми разными предложениями. К сожалению, великий передел нравственности царит и поныне. Но еще Лукреций предупреждал: «На страшное злодейство нас обрекает безнравственность». Увы, не было в Белом доме кабинета с табличкой «Лукреций»!

Вспоминаю А. Бовина, придворного льстеца. Как он удивился, что на пресс-конференции среди членов ГКЧП сидел крестьянин Василий Стародубцев. Литобработчик статей и выступлений генсеков чуть ли не плакал от досады. Судьбу отныне вершили простые русские мужики. Это Бовин обкормил весь народ бездарным лозунгом: «Экономика должна быть экономной». За свою пылкую любовь к генсеку потребовал ни много ни мало – место посла в Люксембурге. Брежнев оторопел от подобного проявления чувств преданности Марксовой идее. «Такой большой Бовин – и на маленький Люксембург?» – умело отказал Брежнев льстецу.

Успешно набирал политический вес и бывший преподаватель, окропленный марксизмом уральское студенчество, Геннадий Бурбулис, один из редакторов позорного Беловежского документа.

С Бурбулисом чуть позже приключится презабавная история. Возомнив себя вождем-идеологом при ельцинском дворе, которому и океан по колено, практик-теоретик на одном из приемов изрядно набрался «коньяков из Парижа». При этом он обрушил все это «богатство» на дивный цветок в горшке, дар японских парламентариев. И как на беду – рядом стояла Наина Иосифовна. Супруга президента, она нашла в себе мужество решить «кадровую» проблему Бурбулиса. Правда, пикантность сей ситуации состоит еще и в том, что несколькими годами позже памятного приема Бурбулис попытается возглавить Конгресс российской интеллигенции. По-видимому, ожидался большой завоз икебаны из Страны восходящего солнца. Другой, более светской кандидатуры, дабы возглавить интеллигенцию России, не нашлось...

Среди столпов демократии все чаще встречаются типажи, которые заставляют задуматься: да неужто категория нравственности канула в прошлое? Посмотрите на глашатая столичной демократии Николая Сванидзе, который на российском ТВ поучает нас, как следует понимать права человека. «В СССР я был дворником, – сообщил о себе бесценные сведения служба демократии, – но, когда в августе 1991 года Россия вернулась в лоно цивилизации, мои друзья воспрянули духом!»

И я хочу спросить бывшего дворника: «Да неужели кремлевские вожди мешали М. Ромму снимать фильм «Девять дней одного года», Г. Товстоногову работать над «Холстомером», С. Бондарчуку создавать мировые шедевры, Е. Евтушенко и А. Вознесенскому сочинять хрестоматийные глянцы: «Казанский университет», «Лонжюмо» и разве Г. Вишневская, поработавшая буфетчицей, свой певческий дар угробила в офицерской гарнизонной столовой?»

Но вернемся к Николаю Карловичу. Стоило ему заполучить свой идеологический «надел» на российском ТВ, как ярый борец с цензурой и притеснениями без зазрения совести закрыл неудобные ему телевизионные передачи. Более тридцати программ «прихлопнул» певец демократических свобод! Да М. Суслов и за всю свою жизнь столько не закрыл. Но если Суслов расправлялся с чужаками, то Сванидзе беспощадно бьет по своим. Не верите – спросите Светлану Сорокину, со всем своим демократическим «скарбом» от глашатая свободы она перешла на другой телевизионный канал.

Может, кто-то попытается оспорить мое мнение, но я называю ее коллегу Ирину Зайцеву мужественной женщиной. Автор передачи «Герой без галстука», она умудряется, вопреки царящей строгой цензуре на ТВ, показывать «скромный» быт кремлевских вождей, глав администраций, республиканских президентов. Да подобная роскошь в их логовах-коттеджах не по плечу и многим арабским шейхам! Не понимаю я, почему Сажи Умалатова до сих пор не присвоила звания Героя Социалистического Труда за последовательное разоблачение «скромных» возможностей зарвавшихся местных царьков. Молодец, Ирина!

А что же наш давний знакомый Николай Карлович? Железной метлой идеологии он выметает всех инакомыслящих с ТВ, и прежде всего – русских.

Не понимаю я и Марка Захарова. Уж так добросовестно пропагандировал лучезарное ленинское учение среди столичной молодежи, советовал школярам в себе искать Ленина. Это Марк Анатольевич клятвенно заверял вождя московских коммунистов Гришина, что еще

послужит торжеству марксизма-ленинизма. Правда, были и другие режиссеры, например Андрей Александрович Гончаров, он обошелся без ленинианы и ничего – выжил, остался великим режиссером в истории русского театра!

Сегодня Марк Анатольевич любит вспоминать, как после каждой шатровской премьеры его вызывали на Старую площадь, учили подлинному марксизму. Но мы-то знаем подоплеку этих «проработок». С легкой руки Марка Захарова шатровских Ильичей тиражировали по всем провинциальным театрам, ибо запретный плод – сладок!

Предвижу, что кто-то может меня упрекнуть в забвении идеалов социализма, дескать, даже Язов сомневается в учении Ильича, еще немного – и запишется в партию Новодворской – Борового сплавлять картонные гробы с коммунистической символикой по Москве-реке.

Хочу успокоить своих боевых товарищей, соратников: не для того я проливал свою кровь на фронтах Великой Отечественной, чтобы вляпаться в гражданскую войну яковлевых, бурбулисов, чубайсов, кохов. Хотя признаюсь: взять Москву нам будет труднее, чем Берлин...

Да, тяжек крест людей, их ответственность перед державой, которые не ради политического вождения пришли управлять этим непростым миром. И чтобы не рухнул наш славянский мир, не распалась связь времен, каждый стоящий у власти обязан находиться в светлом поле деяний и поступков. Давно пора нам понять, что Родина – это не только деревня, где ты появился на свет, где работаешь и живешь ради своих детей. Государство – это наши благородные деяния, нечто слагаемое из полей, гор, лесов, рек, дающих жизнь таким же городам и деревенькам, соединенным общностью языка и историей, нравственными поступками наших предков, их верой и воинской доблестью. Вся политическая география нашего государства издавна вплетена в суровую нить личной судьбы каждого из нас.

К сожалению, сегодня что ни политик, то наставник. Что ни режим, то непременно – моральный, выше и подняться некуда. «Нравственность» политиков такова, что перед ней меркнут подвиги отцов-пустынников. Вот в такую драматическую эпоху мы живем.

Смена тюрьмы. Новые допросы

Машины шли на большой скорости по вновь отремонтированному шоссе Сергиев Посад – Москва. Часам к двум 26 августа подъехали к Матросской Тишине, открылись тяжелые ворота, около которых стояли бронетранспортеры.

В камере номер 201 на втором этаже Матросской Тишины меня встретил молодой человек Андрей Антонов. Камера была наполовину покрашена в черно-зеленый цвет, наполовину небрежно отштукатурена серым цементом. Шел третий час ночи. Я начал раскладывать тонкий черный матрац на металлические полосы двухэтажной, сваренной из труб кровати. Андрей конечно же знал, что эти полосы врезаются в тело, потому невозможно уснуть. Он и предложил мне подложить картонный лист, который тут же достал из-под своего матраца.

– У меня два листа, – пояснил Андрей. – Здесь сидел узбек, его ночью срочно перевели в другую камеру, и я этот лист подложил под свой матрац.

Впервые с 21 августа я крепко уснул, но тут же услышал команду: «Подъем!», которую старательно, словно спала в камере целая рота, через «кормушку» проорал охранник. Теперь-то было ясно, что меня привезли в Матросскую Тишину на допросы. Правда, я пока не знал, кого еще арестовали, кто находится в этой Тишине. Всю информацию тщательно дозировали, радио не включали.

Утром новость: застрелился Борис Карлович Пуго. Позже в камеру пришла весточка, что ушел из жизни и Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев. Я понимал, что степень участия Ахромеева в августовских событиях была символичной, и до сих пор не могу поверить в эту нелепую смерть. Слишком много здесь загадочного, Сергея Федоровича отличали мужество и кристальная порядочность. Ну что ж, держись, Язов! Уходить из жизни сейчас – подарок для переворотчиков, они об этом только и мечтают. Все на тебя спишут.

Снова меня пригласили снять отпечатки пальцев, сфотографироваться

в эковском костюме. Я попытался объяснить что в кашинской тюрьме уже фотографировали в профиль и в анфас, но «специалисты» не церемонились: «Мы выполняем приказ, вот и весь сказ».

Вечером Андрей рассказал о себе, как попал в Тишину. Родом он из Якутии, отец – кумык, мать – русская. Окончил геолого-разведочный институт в столице, поступил в заочную аспирантуру. Но на свою беду связался с кооперативом, которым «руководил» муж его двоюродной сестры. Этот деятель направил его в Якутию за золотым песком, где Андрея и повязали. А муж сестры изловчился и, получив свободный кредит, выехал в Израиль.

Верить Андрею? Или нет? Камера на восемь человек, но почему мы вдвоем? Почему «золотоискателю» подобная привилегия? Нет, с ним надо держать ухо востро...

Через день мне вручили под расписку посылку от Эммы Евгеньевны. Спортивный костюм, рубашки, электрическая бритва. Но почему нет записки? Что случилось? Наверняка был обыск в доме, как она там одна?

Я рядил и гадал: где Эмма Евгеньевна? В Баковке или в нашей московской квартире на улице Косыгина? Никто мне на мои вопросы так и не ответил, ни Леканов, ни Соловьев Правда, Леканов вручил мне от супруги две пачки сигарет «Мальборо», хотя, как я позже узнал, Эмма Евгеньевна передала мне целый блок.

Меня волновало также, когда состоится первая встреча с адвокатом. Я же не могу сам связаться с адвокатской конторой. Вскоре Соловьев назвал мне фамилию адвоката – Печенкин. Соловьев установил треногу для фотоаппарата и начал снимать мой офис-камеру, меня ракурс. Тогда я еще не знал, что допрос без адвоката не имеет юридической силы, что я имею право сколько угодно встречаться с защитником, в том числе и наедине. Все разговоры с защитником тайно подслушивались, правда, добытые подобным образом сведения доказательной силы не имели. Они могут быть использованы против обвиняемого в иных целях.

В камеру нам доставляли исключительно «демократическую» газету – «Известия». Официальное чтение для эков. «Вот почему, – подумал я, – у «Известий» всегда был большой тираж». Заливалось радостным щенячьим визгом и «Радио России»: «Наступил поворот во внешней политике. Наконец-то закончилась холодная война». Полководцами мира отныне называли Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе.

Целый день в камере горел дневной свет. Только ночью зажигалась красная лампа, словно кровью налитый глаз. Я пытался прикрыть это направленное свечение газетой, но тут же открывалась дверь. Каждый раз

бдительный наблюдатель-майор срывал мое нехитрое «изобретение», дескать, не положено, я вас не вижу. Наверное, охранник полагал, что я повешусь на своем спортивном костюме... Я еще подумал: «В армии майоры командуют батальонами, в войну командовали полками, а здесь майор стоит возле глазка каждой камеры».

В эти же дни пришла весточка с Воробьевых гор. Горбачев даровал мою квартиру на улице Косыгина Шапошникову: «Язовскую жену куда-нибудь переселим, ты моим соседом будешь».

Неправедный суд творил Горби. Он хорошо знал, что, пока обвиняемый находится под следствием, жилье за ним сохраняется в течение всего времени, как за временно отсутствующим гражданином.

Я еще раз напомнил следователю об адвокате, а он, в свою очередь, начал расспрашивать меня о «ядерном чемоданчике», о РВСН, КВО и других видах Вооруженных Сил, степени их участия в событиях 19–21 августа. Интересовался также, привлекались ли работники Министерства обороны для обсуждения вопроса о штурме Белого дома?

По нашему делу работало более ста следователей, и, естественно, Прокуратура РФ располагала огромным набором фактов, достоверных и вымышленных. А главное, заканчивался срок нашего пребывания в качестве подозреваемых. Поэтому следствие во что бы то ни стало готовилось предъявить нам обвинение. Собранных доказательств по делу было недостаточно, но тем не менее 30 августа мне предъявили обвинительное заключение. Мой защитник при этой процедуре не присутствовал.

Леканов, безусловно, знал, что если мой защитник не может участвовать в деле по каким-либо причинам – болезнь, отпуск, командировка, – то предъявление обвинительного заключения должно быть отложено до явки адвоката. Только после 30 августа Леканов приехал в СИЗО вместе с адвокатами Н.В. Печенкиным и Л.С. Абельдяевым.

Следователь, хитрый «забойщик», начал разговор с того, что 30 августа, когда было предъявлено обвинение, не было защитника. «Сейчас же, в присутствии адвокатов, – объяснил Леканов, – мы будем вести разговор практически о том же, о чем договорились до 30 августа. Я хочу узнать: чувствовали вы себя ущемленным в своих правах?»

Я ответил, что не могу сказать, что меня ущемляли, хотя я и не имел возможности получить юридическую консультацию. Это не шуточное дело, когда тебе инкриминируют измену Родине. Разве из допроса следует, что я подорвал обороноспособность страны?

«Из нашего разговора, – подчеркнул Леканов, – вытекает, что вы и

другие лица сговорились и, не соглашаясь с политикой президента, решили его отстранить от власти. Вот в чем соль и ваша беда?»

На это я ответил:

– В любом государстве народ представляет собой главную ценность. Народу принадлежит право выбирать, какой иметь общественный и государственный строй. На референдуме 17 марта народ проголосовал за Союз Советских Социалистических Республик, поэтому новоогаревский договор – антиконституционный. Мы были вправе выступить против его подписания. Возможно, в способе сорвать подписание договора мы и ошибались. Но почему вы не поставите вопрос: не оскорбил ли президент свой народ, заменив название СССР на СНГ? И для чего собирались подписывать договор по формуле «9+1»? Неужто запомнили, что в Союзе пятнадцать республик, почему другие республики не приняли в расчет?

– Вы не знаете свой народ. Вы даже не заметили, что оскорбили его воззванием ГКЧП. Мне кажется, вы сами почувствовали отрицательную реакцию народа на ваши действия.

– На стороне порушителей Конституции выступила жалкая кучка, несколько десятков тысяч человек из девяти миллионов москвичей. А потом, Москва – не весь Союз. Учтите, народы Союза проголосовали за сохранение государства.

Наконец, адвокаты стали задавать и мне вопросы. Первым спросил Печенкин:

– Вам вменяется в вину, что вы участвовали в устранении от власти руководства РСФСР.

– Ничего подобного не было. Силаев, Руцкой, Хасбулатов были у Янаева, Лукьянова, никто их не задерживал. Янаев и Крючков разговаривали с Ельциным, тот их спрашивал о штурме Белого дома.

Нас прервал Леканов:

– Ну уж если так, то давайте поговорим о плане, который разрабатывался в Министерстве обороны по захвату руководства РФ и штурму Дома правительства.

Я ответил:

– Весь этот «свист», извините за такое выражение, необходим был Ельцину для поднятия своего престижа. Без штурма нет и героев. Ростропович не напрасно там околачивался, играя роль подушки для спящего защитника. Свою лучшую роль в политическом спектакле сыграл и Шеварднадзе. Он жаждал получить свой надел – Грузию.

Но вот в разговор включился Абельдяев:

– У меня вопрос, связанный с признанием суверенитета республик и выхода их из состава Союза. Как это отражается на обороноспособности государства? Усиливается она или ослабляется?

– Это важный вопрос. С развалом государства ликвидируется вся система обороны. Система предупреждения ракетного нападения строилась исходя из целостности государства. Большинство станций предупреждения о ракетном нападении размещены вне территории РСФСР. Какой теперь может быть разговор о боевой готовности?

Тогда еще пытались обманывать народ разговорами о едином командовании, о том, что станции будут работать на безопасность России. Теперь же, спустя несколько лет, все поняли: это был блеф. Пример тому – «Скрунде». Заискивая перед американцами, разрушили систему предупреждения ракетного нападения. То, что годами создавал весь народ.

«За нами – подвиг наших отцов и дедов, – кликушествовал Горбачев, – миллионы людей труда: рабочих, крестьян и интеллигентов, которые 70 лет назад взяли на себя прямую ответственность за судьбы нашей страны».

3 октября в Тишину примчался меня допрашивать и заместитель генерального прокурора незалежной и самостийной Украины Даниленко. От российской прокуратуры присутствовал Соловьев. В полном смысле слова шла «охота на ведьм», и конечно же Кравчук не хотел отставать от Горбачева и Ельцина.

По совету моего адвоката иностранному прокурору на все вопросы я отвечать отказался. Вопросы мне переадресовывал Соловьев. Вот запись этого допроса.

– Вы планировали ввод чрезвычайного положения на Украине? Кто должен был оказывать вам в этом содействие?

– Не планировал. Это прерогатива украинского руководства.

– Кто из должностных лиц Украины – парламентариев, членов кабинета министров, ЦК КПУ – был информирован о вашем замысле еще до 19 августа? По чьему указанию приезжал в Киев Варенников и с какой целью?

– Никто. По служебной необходимости, связанной с выводом войск из-за границы, Варенников сам решал, с кем ему надо встретиться. Валентин Иванович являлся членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР, так что полномочий у него было достаточно.

– Поручалось ли Варенникову проводить совещание и по какому поводу?

– С властными структурами он совещаний не проводил, а что касается

военных, то в поручениях он не нуждается. Он – заместитель министра обороны и имел на это право.

– Поручалось ли Варенникову создавать ГКЧП на Украине, какие действия он должен был совершить?

– Не поручалось.

– Поступали ли от Варенникова шифровки?

– Да.

– С какой целью в дни путча Михалкин был на Украине? Кто его туда послал?

– Он находился в отпуске, куда ехать, где отдыхать – это его право.

– Отправляли ли вы директивы на Украину?

– Да. Была послана одна директива по приведению войск в повышенную боевую готовность.

– После прилета в Москву из Киева о чем вас проинформировал Варенников?

– Доложил, что войска приведены в повышенную боевую готовность, что его вместе с командующим войсками округа генерал-полковником Чечеватовым принял Кравчук.

4 октября меня снова вызвали на допрос, на сей раз к Лисову, заместителю генерального прокурора России.

– В феврале 1991 года у А.И. Лукьянова в кабинете состоялось совещание ответственных руководителей нашего государства. Чтобы мой вопрос не был в какой-то степени наводящим, я бы просил ответить на него следующим образом: подтверждаете ли вы, что такое совещание было, свое участие в нем, и если да, то кто в нем принимал участие?

– Ни на одном совещании в кабинете Лукьянова ни в феврале, ни после я не был.

– По данным следствия, была встреча на даче у Крючкова, где присутствовали и вы.

– Нет. Я даже не знаю, где дача Крючкова. Мы встречались однажды в здании КГБ. Там был Крючков, один его офицер и секретарь ЦК компартии Латвии. Шел разговор о положении в Латвии.

– В июне вы встречались с Крючковым и Баклановым в кабинете Крючкова. О чем шла речь?

– Речь шла об испытании ядерных боеприпасов на Новой Земле. Через некоторое время туда вылетала группа специалистов, состав которой был определен на этой встрече.

Лисов назвал фамилии якобы присутствовавших на совещании: Пуго,

Янаев, Тизяков, Прокофьев, Шенин, Агеев, Плеханов.

Я ответил, что на подобном совещании, да еще с участием названных товарищей, мне не доводилось присутствовать.

Лисов продолжал допрос:

– А вопрос о положении в стране, о возможном вводе чрезвычайного положения не обсуждали?

– Я же сказал, что в связи с закрытием Семипалатинского полигона мы втроем обсуждали вопрос испытаний ядерных боеприпасов на Новой Земле.

– Что вы можете ответить на вопрос о том, что подобная встреча состоялась 12 августа между вами, Пуго, Баклановым и Стародубцевым?

– Пуго в это время был в отпуске, со Стародубцевым я не был знаком, мы ни разу не встречались.

– Имела ли место встреча в первой половине августа в таком составе: Лукьянов, Пуго, Язов, Крючков, Янаев, Бакланов, Тизяков?

– Нет, на подобной встрече, как и на других, в первой половине августа я не присутствовал.

– Кто направил вертолет за Лукьяновым?

– Я посылал, но прилетел Лукьянов на гражданском вертолете.

– Обсуждался ли вопрос об уничтожении самолета с Ельциным при перелете его из Алма-Аты?

– Даже разговора на эту тему я не слышал.

– Зачем 20 августа заходили в кабинет к Ачалову, к чему призывали?

Говорили: «Товарищи, Отечество в опасности».

– В деле находится предсмертная записка Сергея Федоровича Ахромеева. Там говорится, что мы заглянули в кабинет Ачалова на 3–5 минут. Заслушали мнение Ачалова, Громова, Карпухина и других товарищей о ситуации в Москве. Но что я произнес «пламенную» речь – чепуха. Я напомнил несколько строф из стихов Семена Гудзенко – вот и все мое выступление.

– Следствие рассматривает важные вопросы обороноспособности страны. Речь идет о структуре защиты государства от любого нападения извне, которая у нас существует и предусмотрена. Получилось так, что президент Горбачев был лишен возможности в эти дни принимать участие в защите государства от нападения, потому что специально приспособленные устройства, заключенные в соответствующие чемоданы, были отозваны в Москву.

– Никакой кнопки в чемоданчике нет, это кодовая телесвязь для двух-трех корреспондентов, позволяющая посоветоваться в чрезвычайной

ситуации. Вопросы применения ракетно-ядерных средств решаются на командном пункте Генерального штаба. В случае если же противник упредил нас в нанесении ядерного удара, то ответный удар происходит автоматически.

Я понял, что Лисов верит в то, что был заговор, он находится под гипнозом газетной, радио- и телевизионной трескотни. Впоследствии я узнал, что прокуратура в эти дни получала от «доброхотов» пачки писем с предложением «пролить свет», рекомендации по уничтожению «путчистов».

Допросы продолжались практически до Нового года. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого вторично было вручено мне 2 декабря 1991 года.

Приведу его полностью, хотя и это постановление было отменено, так же как и последующее, третье.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о привлечении в качестве обвиняемого

2.12.1991 года г. Москва

Заместитель Генерального прокурора РСФСР Лисов Е.К., рассмотрев материалы уголовного дела о заговоре с целью захвата власти, сделал вывод, что в настоящее время собранные в процессе дальнейшего расследования доказательства дают основания для изменения, дополнения этого обвинения и предъявления Язову Д.Т. нового обвинения, а именно: в заговоре с целью захвата власти как самостоятельного преступления, совершенного им при следующих обстоятельствах.

В августе 1991 года Язов Д.Т., будучи Министром обороны СССР, в составе лиц, занимающих государственные посты: Премьер-министра СССР Павлова В.С., Председателя КГБ СССР Крючкова В.А., заместителя Председателя Совета Оборона СССР Бакланова О.Д., руководителя аппарата Президента СССР Болдина В.И., а также секретаря ЦК КПСС Шенина О.С., не разделявших позиции Президента СССР по вопросу подписания 20 августа 1991 года нового Союзного договора, в котором он вместе с указанными лицами усматривал опасность распада СССР, дальнейшего ухудшения экономического и социально-политического положения и утрату личного благополучия, организовал заговор с целью захвата власти в стране.

Для осуществления преступных планов в заговор по предложению его организаторов также вошли Председатель Верховного Совета Лукьянов А.П., Вице-президент СССР Янаев Г.П., Министр внутренних дел Пуго

Б.К., президент ассоциации государственных предприятий и объединений промышленности, строительства, транспорта и связи СССР (АГПО СССР) Тизяков А.И., председатель Крестьянского союза Стародубцев В.А., первый заместитель Председателя КГБ СССР Агеев Г.Е., начальник службы охраны КГБ СССР Плеханов Ю.С., начальник специального эксплуатационно-технического управления при ХООЗУ КГБ Генералов В.В., заместители Министра обороны СССР Варенников В.И. и Ачалов В.А.

17 августа 1991 года на расположенном в г. Москве конспиративном объекте «АБЦ» КГБ СССР Язов вместе с Крючковым, Павловым, Баклановым, Шениным, Болдиным при участии Варенникова, Ачалова и Грушко разработал план захвата власти, в соответствии с которым участниками заговора было намечено: Президента СССР, находящегося на отдыхе в Форосе (Крым), изолировать на даче и лишить связи с внешним миром, после чего предъявить ему ультимативное требование: ввести в стране режим чрезвычайного положения либо уйти в отставку.

При отказе Президента выполнить указанное требование осуществить его дальнейшую изоляцию, представить его больным и потому не способным к руководству, обязанности Президента возложить на Вице-президента СССР Янаева, образовать для управления страной Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР с передачей ему полномочий высшего органа власти, ввести в стране чрезвычайное положение.

Для осуществления намеченного плана при участии Язова было принято решение о направлении в Форос к Президенту СССР группы участников заговора в составе Бакланова, Шенина, Болдина, Варенникова, Плеханова и Генералова с задачей изолировать Президента и предъявить ему выработанные требования.

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года возвратившиеся от Президента СССР Бакланов, Шенин, Болдин и Плеханов сообщили о его отказе выполнить предъявленные требования; по совместному решению Язова, Крюčkова, Павлова, Бакланова, Шенина, Болдина, Янаева, Пуго, Лукьянова, Грушко, Плеханова и Ачалова, к которым впоследствии присоединились Тизяков и Стародубцев, Янаев в нарушение Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР, подписав на этот счет соответствующий Указ.

Продолжая преступные действия, Язов совместно с другими участниками заговора принял решение об образовании для управления страной антиконституционного органа – ГКЧП СССР с передачей ему всей полноты власти в стране, вошел в состав указанного Комитета и, таким

образом, наравне с членами ГКЧП Баклановым, Крючковым, Павловым, Пуго, Стародубцевым, Тизяковым и Янаевым незаконно принял на себя полномочия высшего органа власти, то есть непосредственно осуществил захват власти в стране.

Совместно с другими участниками заговора Язов с целью обеспечения действий ГКЧП принял обращение к советскому народу и обращение к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН. Осуществляя дальнейшие планы заговора, Язов 19 августа 1991 года непосредственно участвовал в принятии членами заговора противозаконных решений о введении в г. Москва чрезвычайного положения и о вводе в город войсковых подразделений; постановления ГКЧП № 1, которым грубо нарушались суверенитет республик и конституционные права граждан; постановления ГКЧП № 2 об ограничении в нарушение Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» перечня выпускаемых центральных, московских, городских и областных общественно-политических изданий; решения о проведении пресс-конференции для советских и зарубежных корреспондентов для обоснования действий заговорщиков.

20 августа 1991 года также совместно с другими участниками заговора Язов принял решение об ужесточении режима Гостелерадио СССР; о признании не имеющими юридической силы Указов Президента РСФСР № 59, 61, 62, 63 и постановления Совета Министров РСФСР № 435 от 19 августа 1991 года; об образовании штаба ГКЧП под руководством Бакланова; о направлении руководителям республик, краев и областей РСФСР телеграммы с предписанием образовать на местах органы, аналогичные ГКЧП.

Принимал участие в совещании в Министерстве обороны и на заседании ГКЧП по вопросу захвата Дома Советов РСФСР, что не было осуществлено в результате массового противодействия граждан и неповиновения непосредственных исполнителей операции.

Для осуществления планов заговора Язов использовал имевшиеся в его распоряжении силы и средства Министерства обороны и Советской Армии, а именно: 16 августа 1991 года он дал указание о подготовке двух вертолетов для доставки 18 августа в Москву для участия в реализации планов заговора А.И. Лукьянова.

18 августа направлял в ряд военных округов своих представителей для обеспечения предстоящего режима чрезвычайного положения.

Дал поручение о содержании и охране на территории в/ч 54164, расположенной в Московской области, подлежащих интернированию

народных депутатов и других лиц из числа возможных противников заговора.

Распорядился о предоставлении самолета для доставки в Крым к Президенту СССР членов заговора Бакланова, Болдина, Шенина, Варенникова, Плеханова и Генералова. Распорядился отозвать из места пребывания Президента СССР офицеров, обеспечивающих возможность Президента воспользоваться в случае необходимости абонементским комплексом № 1 управления стратегическими и ядерными силами, и об изъятии указанного комплекса. 19 августа 1991 года дал указание о введении в Москву воинских подразделений.

Поручил организовать над Москвой воздушную разведку.

Отдал приказ о приведении всех войск в состояние повышенной боевой готовности и направил на этот счет директиву.

20 августа 1991 года поставил командующему Московским военным округом Калинину задачу по обеспечению в Москве комендантского часа.

Распорядился о перевозке из Одесского военного округа двух полков ВДВ.

Таким образом, Язов Д.Т. совместно с Павловым, Крючковым, Баклановым, Шениным, Болдиным, Пуго, Тизяковым, Агеевым, Плехановым, Генераловым, Варенниковым, Ачаловым организовал и осуществил заговор с целью захвата власти в стране, то есть совершил преступление, предусмотренное статьей 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (статья 64 УК РСФСР).

На основании изложенного, руководствуясь статьями 143, 144, 154 УК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь Язова Д.Т. в качестве обвиняемого по настоящему делу, предъявив ему обвинение в преступлении, предусмотренном статьей 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (статья 64 УК РСФСР) – заговор с целью захвата власти, о чем ему объявить.

Заместитель Генерального прокурора РСФСР

Е.К. Лисов».

После возвращения с допроса я показал сокамерникам записку, присланную Эммой Евгеньевной через адвоката. Временами надоедало говорить только о следствии. Отдушиной была возможность поговорить о семье. Я рассказал, что из Омска приехала жена брата Мария Степановна, из Хабаровска прилетела моя двоюродная сестра Нина Петровна. Они

помогают Эмме Евгеньевне преодолеть одиночество.

Особенно я был благодарен врачу Владимиру Ивановичу Галину, который поддерживал в трудную минуту мою супругу, не позволял ей впасть в уныние.

Моих сокамерников на допросы не вызывали. Поэтому у них было время читать прессу. Вспоминаю статью в «Известиях» «За чашкой чая», которую они мне порекомендовали почитать. Горбачев на встрече с журналистами рассказывал байки. Якобы десантники уже ползли по территории дачи, а корабли шли в атаку! Вместо четырех сторожевых кораблей на рейде обитатели дачи насчитали четырнадцать. Ах, как умел приврать Михаил Сергеевич, ему не было равных. Хотя я ошибаюсь: был еще один враль – Яковлев. Упрятанные за решетку, мы вынуждены были сносить и клевету, и оскорбления в свой адрес. Даже руководитель следственной группы Лисов 4 сентября 1991 года заявил в «Литературной газете»: «От нас требуют не разбирательства, а быстрой кары для этих людей».

Лев Абельдяев, мой защитник, дал отповедь оборотням в своей статье в «Патриоте». Приведу маленький фрагмент из этой статьи, ибо он характеризует нравы новых обитателей Кремля: «Судя по всему, над маршалом, как, впрочем, и над другими обвиняемыми по этому делу, готовят не суд, а самую настоящую расправу, не имеющую ничего общего с правовыми действиями. Вспомним август 1991 года. Уже с 19-го числа пошли указы президента Российской Федерации. В них все члены ГКЧП заранее были названы преступниками. На весь мир объявили, что они совершили тягчайшее государственное преступление. А ведь ни у кого, даже у президента, нет права причислять кого бы то ни было к преступникам. Это прерогатива суда, и только суда.

Сознательно предпринимались меры, которые прямо подсказывали правоохранительным органам: делайте то-то, идите по такой-то дорожке... А глава правительства Силаев пошел еще дальше: одному из арестованных членов ГКЧП он определил и меру наказания – расстрел.»

Обратила на себя внимание и публикация в «Московских новостях». Авторы – доктора и кандидаты юридических наук поспешили теоретически подкрепить правомерность президентских обвинений. О какой, мол, презумпции невиновности речь вести? Они – члены ГКЧП – изменили Родине, и этим все сказано.

Все делалось для того, чтобы настроить общественное мнение против арестованных. В этом отношении показательно выступление в тех же «Московских новостях» Нуйкина. Его статейка называлась «Рыбу –

ножом?». Ее суть отвратительна: не следует соблюдать букву Закона, когда имеешь дело с членами ГКЧП. А мотивировка к такому призыву следующая: если бы они, гэкачеписты, пришли к власти, то они с нами бы не церемонились. Значит, и нам надо отбросить в сторону все правовые формальности.

Нуйкин известен с середины 80-х годов своими русофобскими экзерсисами. Правда, будучи у власти, мы не покушались на нуйкинскую свободу, хотя он частенько выступал с критикой КПСС, возводил напраслину на армию.

Похоже, что Нуйкин в этой статье запомнил, что построить правовое государство нельзя на фундаменте беззакония. Но так рассуждал ангажированный публицист; хуже, когда сия забывчивость посещает прокурора. Его забывчивость оборачивается катастрофой для общества.

Не имея достаточных доказательств нашей вины и не в силах опровергнуть показания обвиняемых, следствие избрало испытанный годами прием: если нельзя опорочить идею, надо опорочить личность. Идею еще будут отстаивать, а с человеком разбираться некогда. «Дирижировал» хором журналистов Бурбулис. Мы и пьяницы, и деградирующие личности, и властолюбцы. Но всех перецеголяли следователи. Они ступили на коммерческую стезю. Отдали за мзду видеоматериалы немецкому «Шпигелю». Лисов потом оправдывался, дескать, для добычи материалов допроса путчистов кто-то использовал специальную технику. С расстояния в сотни метров через стены списали с монитора следователя все, что им было угодно. А ведь допросы велись в тюрьме, подступы к которой охранялись достаточно тщательно.

Обмолвился Лисов и о том, что 60–70 процентов авторов писем в прокуратуру поддерживают заговорщиков. А ведь это было 30 октября 1991 года, когда еще существовал Союз и не наступил беспредел. Любопытная сложилась ситуация: генеральный прокурор руководит расследованием и сам же его контролирует. К тому же на себя и судебные функции возложил, мол, делает с Верховным судом общее дело. Отныне политики типа Шахрая и Бурбулиса решали, кого казнить или миловать.

Не случайно Генрих Падва, защитник А. Лукьянова, выступил с открытым письмом в печати к своему подзащитному. Генрих Падва писал, что адвокат не вправе отказываться от защиты. Но творится политическая расправа, а не правосудие, действуют иные доводы, на которые он как юрист не имеет возможности ответить.

Но были и маленькие радости. Я был весьма тронут, когда получил письмо и телеграмму от известного актера Ивана Герасимовича Лапикова.

Он пожелал мне бодрости духа и не сдаваться. Иван Герасимович был истинно народным артистом. Познакомился я с ним в Чехословакии на съемках фильма «Фронт за линией фронта». В этом фильме Лапиков пронзительно сыграл роль солдата. Как же богат русский народ могучими талантами, не придуманными и не раздутыми продажными критиками. Хорошо сказал один актер: «Живу без комплиментов, потому что я русский актер!»

Взволновало меня до глубины души и письмо от поэта Алексея Маркова с самыми добрыми пожеланиями. Алексей знал, что в беседах я часто использовал его стихи. Выступая в Московском общевоинском командном училище, я напомнил курсантам:

...Не всегда снисхожденье найдешь
У товарищей и у знакомых.
Надо быть наготове, мой друг,
Промах может порой не проститься,
Как саперу, которому вдруг
В минном поле пришлось оступиться.

Весьма интересным было письмо из Минска, написанное на полях газеты «Мы и время» водителем автобуса:

«Товарищи Язов и Крючков! Прошу извинения, под рукой нет бумаги. Я водитель автобуса и, перевозя пассажиров, знаю их настроение. Если вы сообщники Горбачева по ГКЧП, тогда вас надо судить. Если вы патриоты Советского Союза, то тогда тоже должны год отсидеть. Имея такую силу и возможности, не довели дело до конца. А теперь страдает нищий, обездоленный народ. Развал Союза и последующая либерализация цен, анархия привели народ в ужас. Мужайтесь!»

Трогательное послание получил от писателя-фронтовика Ивана Федоровича Курчавова, с которым мы воевали в одной армии на Волховском и Ленинградском фронтах:

«Дорогой Дмитрий Тимофеевич! Не могу не поведать вам об одном случае, похожем на анекдот. Стою я в очереди за ветеранским заказом. Люди ругают Гавриила Попова. Я их поддерживаю. Вдруг одна дама смотрит на меня и говорит:

- А я за Попова! А вы что – за Язова?!
- За Язова, – говорю, – он мой однополчанин.
- Так он, этот Язов, погубил моего отца! – гневно бросает дама.

- Где, когда? – уточняю я.
- Летом 1941 года на Украине.
- А Язов, – говорю, – в 1942 году закончил пехотное училище и прибыл к нам лейтенантом под Синявино под Ленинградом. Получил там в командование взвод. А взводный командир – это тот же рядовой боец. И в атаку идет первым, и погибает первым. И еще несет ответственность за своих подчиненных. Вы, дамочка, ошибаетесь. Не было Язова на Украине в 1941 году».

* * *

Руководство фашистской Германии тщательно готовило операцию по захвату Ленинграда. В августе 1942 года у Гитлера состоялось совещание, на которое вызвали командующего группой армий «Север» генерал-фельдмаршала Г. Кюхлера. Там же было принято решение перебросить под Ленинград из Крыма дивизии 11-й армии во главе с генерал-фельдмаршалом Э. Манштейном.

Ставилась задача: Ленинград окружить, овладеть Карельским перешейком, соединиться с финнами, а Северную столицу сровнять с землей.

Однако идея захвата Ленинграда, города героически обороняемого, сравнительно ограниченными силами была обречена на провал. Назову главную причину краха плана «Нордлихт». Это Синявинская наступательная операция, подготовленная советским командованием как упреждающий удар по врагу.

Общий замысел операции состоял в том, чтобы встречными ударами Волховского и Ленинградского фронтов при содействии Балтийского флота и Ладожской флотилии разгромить мгинско-синявинскую группировку противника и снять блокаду Ленинграда с суши.

Маршал Советского Союза К.А. Мерецков вспоминал: «Всего лишь 16-километровое пространство, занятое и укрепленное противником, разделяло войска Волховского и Ленинградского фронтов. Казалось, достаточно было одного сильного удара, и войска двух фронтов соединятся. Но это только казалось. Я редко встречал местность менее удобную для наступления. У меня навсегда остались в памяти бескрайние лесные дали, болотистые топи, залитые водой торфяные поля и разбитые дороги. Трудной борьбе с противником сопутствовала не менее трудная борьба с природой. Чтобы воевать и жить, войска вынуждены были строить вместо

траншей деревоземляные заборы, вместо стрелковых окопов – насыпные открытые площадки, на протяжении многих километров прокладывать бревенчатые настилы и гати и сооружать для артиллерии и минометов деревянные платформы».

В направлении главного удара наступали 8-я и 2-я ударные армии. На фронте нашей 54-й армии была предпринята попытка развернуть наступление в сторону Шапки и Тосно. Однако трехдневные напряженные бои успеха не принесли. Наша 177-я стрелковая дивизия перешла в наступление из района Погостье в направлении Веняглово 28 августа. Во второй половине этого же дня я был ранен и контужен.

Пришел в себя только в госпитале, который был развернут в лесу. Затем нас эвакуировали в Тихвинский район на станцию Пикалево. Там, в семи километрах от станции, в бараках цементного завода находился настоящий госпиталь. Обслуживали госпиталь студенты Свердловского медицинского института под руководством начальников кафедр.

В конце октября я был выписан из госпиталя и направлен в свой 483-й стрелковый полк. В справке было написано:

«Направляется в часть с отдыхом семь-десять дней». Но часть на фронте, какой там отдых!

С небольшими приключениями мы – трое офицеров – добрались до Погостья. Меня принял начальник штаба полка: «Давай быстрее в 3-й батальон, погиб командир 9-й роты Костя Соловьев, принимай роту. Твой сокурсник Николай Михеев командует ротой в соседнем батальоне».

Положение Ленинграда к началу 1943 года оставалось крайне тяжелым. Ситуацию усугубляло отсутствие топлива, сырья для промышленности. И тогда по дну Ладожского озера проложили кабель, трубопровод, по которым подавались электроэнергия и горючее. Но это были крохи. В этих условиях Ставка ВГК приняла решение: прорвать блокаду Ленинграда силами войск Ленинградского и Волховского фронтов.

14-16 января наш полк при поддержке артиллерийского полка РКГ, двух дивизионов реактивных минометов, всей артиллерии дивизии атаковал противника в районе рощи Жучок перед деревней Веняглово. Отдельным подразделениям удалось захватить несколько огневых точек на первой и второй траншеях, что вызвало яростные контратаки противника. В этом бою я был вторично ранен в голову гранатными осколками. Медсестра К. Буралкина, перевязывая меня, приговаривала: «С такими-то царапинами можно в госпиталь и не обращаться. Зарубцуются раны – будем искать тебе невесту».

Ротой я командовал до 18 января, когда стало известно, что войска 2-й

ударной и 67-й армий соединились в районе Рабочих поселков № 1 и № 5, прорвав блокаду Ленинграда.

Эта победа явилась переломным моментом в исторической битве за Ленинград. Как только Москва получила донесение о прорыве блокады, Государственный Комитет Оборона принял решение незамедлительно приступить к строительству на освобожденной узкой полосе земли железнодорожной линии. Дорогу от станции Поляна до Шлиссельбурга построили за 18 дней. Возвели через Неву и временный железнодорожный мост. И уже утром 7 февраля ленинградцы встретили первый железнодорожный состав с Большой земли. Так был окончательно развеян миф геббельсовской пропаганды о неприступности позиций немецко-фашистских войск под Ленинградом. Соединение Волховского и Ленинградского фронтов улучшило оперативное положение и в какой-то степени способствовало успешным наступательным операциям на Северном Кавказе и Нижнем Дону.

Была и у меня маленькая радость. Наконец-то мне промыли раны и наложили повязку, на неделю взяли под наблюдение врачей. Присвоили мне в феврале 1943 года звание старшего лейтенанта, правда, объявили об этом только в мае 1943. Шли бои, видимо, было не до меня. Маленький эпизод военного лихолетья.

В нашей камере пополнение, посадили новичка. Владимира Дмитриевича. Лет сорока, крепкого телосложения. Родом он из Алма-Аты, в Казахстане начинал свою ресторанный карьеру. Правда, выдающихся высот на этом поприще не достиг и потом перекочевал в ресторацию на Белорусском вокзале в Москве.

Не принято лезть в душу человека с расспросами, за что он угодил на нары. Обычно арестанты сами рассказывают о своих похождениях. Но почему-то чаще всего сокамерников интересовало мое продвижение по службе.

Старейшина нашей камеры Алексей Алексеевич десятый год томился по разным тюрьмам. Зачем его привезли из Нижнего Тагила и посадили со мной в одну камеру – до сих пор загадка. Несколько лет ему обещали устроить очную ставку с какой-то дамой из Орехово-Зуева, директором магазина, которая вручила взятку, причем взятку фирменным армянским коньяком.

Когда человек привирает, да еще вдруг и запутается, вот тогда он и называет себя фантазером. Но где ложь, а где правда для арестанта, просидевшего девять лет, – не принципиально. Главное – выжить,

дождаться встречи с родными, получить передачу, особенно согревает душу весточка об амнистии.

Больше всего Алексея интересовало мое отношение к Горбачеву. Денно и ночью Алексей костерил «пятнистого», никчемного президента, Владимира Дмитриевича, напротив, больше интересовала война. Несколько наших общих знакомых служили в Среднеазиатском округе. Словом, у каждого сокамерника была своя «специализация» по Язову...

В марте 1943 года я был направлен на курсы усовершенствования командного состава Волховского фронта в Боровичи.

Боровичский посад впервые упоминается в писцовой книге 1495 года. Город имел свой герб: щит, разделенный вертикальной чертой на две части. Левая сторона – золотое солнце на голубом фоне, правая – деревянный руль на серебряном фоне. Руль означал искусство боровичских лоцманов, проводивших суда – плоскодонные барки, боровянки – через Мстинские пороги.

Город на Мсте славился огнеупорными глинами, даже тротуары в городе вымощены огнеупорной плиткой. В городе-госпитале Волховского фронта, кроме 177-й стрелковой дивизии, формировались партизанские отряды, проходили подготовку снайперы, автомобилисты, медсестры.

В тридцати пяти километрах от Боровичей в селе Кончанское, своем родовом имении, отбывал ссылку в 1797–1799 годах русский полководец А.В. Суворов. Отсюда он ушел в свой последний великий Альпийский поход.

В марте 1943 года в Кончанском состоялся митинг по случаю открытия дома-музея Суворова. И мы, слушатели курсов, на лыжах поднялись на гору Дубиха, любимое место отдыха полководца.

Прекрасна боровичская земля. Здесь писал этюды Н. Рерих, знакомился с крестьянским бытом Н. Львов – ученый, архитектор, поэт и музыкант. В этом краю жил В. Шишков, автор «Угрюм-реки», «Емельяна Пугачева». Здесь работал известный детский писатель В. Бианки, назвавший боровичский край «страной див».

Здесь летом 1943 года я познакомился с девушкой, которая через три года станет моей женой. Это была Екатерина Федоровна Журавлева.

Видимо, прокуратура взяла на себя повышенные «социалистические обязательства» – досрочно закончить следствие. Извлекли на свет божий и «Положение о Министерстве обороны»: искали зацепку, где я нарушил присягу, в чем превысил свои полномочия. Предъявили мне и директиву,

которую я подписал 19 августа утром. В ней говорилось:

«В связи с обострившейся внутривнутриполитической обстановкой в стране приказываю:

Объединения, соединения, части и учреждения всех видов Вооруженных Сил СССР на территории СССР привести в повышенную боевую готовность. Руководящий состав округов, флотов, армий, флотилий, корпусов, эскадр, соединений и учреждений из отпусков отозвать.

Усилить охрану позиций РВСН, арсеналов, баз и складов хранения ядерных и обычных боеприпасов, вооружения и боевой техники, парков, аэродромов, позиций военных городков, штабов и важных военных и административных объектов.

Ограничить командировки, выезды автотранспорта и полеты авиации. Особое внимание обратить на соблюдение уставного порядка и воинской дисциплины. Организовать действенный контроль за личным составом, не допустить дезертирства военнослужащих. Принять все необходимые меры по розыску военнослужащих, самовольно оставивших части и учреждения.

Руководящему составу объединений, соединений, частей и учреждений, военно-политическим органам постоянно вести разъяснительную работу среди военнослужащих, служащих Советской Армии и ВМФ и местного населения о необходимости консолидации всех здоровых сил общества по сохранению Союза.

Принять все меры по уборке урожая, заготовке всех видов материально-технических средств и всесторонней подготовке к зиме.

В штабах соединений и выше установить круглосуточное дежурство руководящего состава. Постоянно отслеживать обстановку в районах ответственности и принимать безотлагательные меры по наведению должного порядка. Организовать взаимодействие со здоровыми силами местных органов власти, органами КГБ СССР и МВД СССР.

Обо всех случаях изменения общественного порядка и противоправных действиях немедленно докладывать по командной линии штабов и линии оперативных дежурных».

Следователь расспрашивал, каким документом определено введение повышенной боевой готовности. Я ответил:

- Директивой Генерального штаба.
- В соответствии с этой директивой какие права имеет министр обороны?
- В самом полном объеме. Директиву подписали министр и начальник Генерального штаба.

Вот такие дремучие вопросы задавал следователь. Предъявили мне и

решение коллегии МО о выводе войск из Москвы.

«Коллегия Министерства обороны СССР 21.8.91 г. в 8.00 рассмотрела ситуацию, сложившуюся в результате осуществления мер чрезвычайного положения, введенного в отдельных местностях СССР 19 августа с. г. решением Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР.

Для реализации мер, предусмотренных Конституцией СССР и Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», привлечены отдельные подразделения и части Советской Армии. Перед ними поставлены задачи по обеспечению стабильности обстановки, предотвращению возможных провокаций экстремистских сил, охране важнейших государственных учреждений, коммуникаций. Воины этих подразделений и частей с достоинством и честью выполняют свой конституционный долг, добросовестно решают поставленные перед ними задачи. Они, как и весь личный состав армии и флота, отчетливо осознают, что их участие в реализации мер чрезвычайного положения направлено на претворение в жизнь воли советских людей, выраженной в итогах всенародного референдума, на сохранение и упрочение единой для всех народов страны многонациональной Родины – Союза ССР. Время, прошедшее с момента введения чрезвычайного положения, показало, что личный состав в основном выполнил задачи, поставленные перед ним руководством страны.

Коллегия Министерства обороны СССР заявляет, что Советские Вооруженные Силы были, есть и будут частью народа, верным защитником его коренных жизненных интересов. Они твердо поддерживают политику перестройки, обновления советского общества, сохранения и упрочения международного мира и всеобщей безопасности и всегда готовы обеспечить достаточную и надежную оборону нашей страны.

Моисеев, Кочетов
21.8.91».

Из того, что решение коллегии подписал не Язов, а Моисеев и Кочетов, следствие сделало вывод: решение вывести войска из Москвы было принято без министра обороны, якобы он был против, а на выводе настоял Шапошников.

Надо было доказать следствию, что инициатива собрать коллегию принадлежала мне, что мы еще до начала работы коллегии начали выводить тяжелую технику. Члены коллегии были едины в том, что личный

состав и технику выводить необходимо. Правда, еще никто из членов Военной коллегии не думал, что рушится единый Союз и нам угрожает сепаратизм.

На обломках великой страны появятся пятнадцать государств без единой армии, с обездоленными и обнищавшими народами.

Загадка состояла в том, что я после коллегии уехал во Внуково, а директиву поручил подписать начальнику Генерального штаба.

...Приближались ноябрьские праздники. Эмма Евгеньевна была на свидании в октябре, передачи на троих хватило всего на два дня. Самые тяжелые дни в тюрьме – воскресенья. В один из воскресных дней слышим: в коридоре беготня. Спросили через «кормушку», что происходит. «Не знаем, не ведаем», – был ответ. Вдруг заиграло радио, чтобы нас отвлечь. А через жалюзи в окне донеслись звуки духового оркестра. Оказалось, что в штабе воздушно-десантных войск, расположенном напротив тюрьмы Матросская Тишина, проходила репетиция оркестра.

Ноябрьские праздники не запретишь шахрайским указом, не запретишь и русскую песню. Сколько теплоты она излучает. Да если бы ее запретили, мы бы выродились в нацию бурбулисов, гайдаров, превратились бы в стадо обезьян. И чем больше глумятся над нами демократы, тем больше бронзовеют на ветрах Истории фигуры наших духовников: истинных русских писателей, философов, публицистов, кинорежиссеров, мастеров сцены, полководцев, которые радели о благе державы. И никакие международные авантюристы не замутят святые родники русской души. Выживем!

А пока за стенами тюрьмы репетируют «Прощание славянки» и песню на слова славянина А. Фатьянова. Вся Тишина с воодушевлением подхватила знакомую мелодию. Нет, не запомнили русские свои родные мотивы. Пока напеваем русские песни, мы – нация!

Первые мирные годы

Закончилась Великая Отечественная война для меня в Митаве, недалеко от Риги. В конце июля нежданно-негаданно мне предложили отпуск. С превеликим удовольствием я оформил документы, но приобрести билет оказалось делом немыслимым. Нам с приятелем удалось доехать лишь до Кирова. С приключениями наконец-то я добрался до станции Колония. Недалеко от переезда постучался в один из домов, чтобы смыть дорожную пыль. Кроме хозяев-сибиряков, в доме жили эвакуированные ленинградцы. Они буквально засыпали меня вопросами: «Сильно ли разрушен Невский?», «Стоят ли кони Клодта на Аничковом мосту?». За самоваром я рассказывал о Ленинграде, пока не увидел знакомых лошадей на переезде: Поршень-мать и Поршень-дочь. Извинился, побежал к переезду: брат Михаил на тройке! Еще одной тройкой управлял Алексей Брюханов, сосед, одноклассник Михаила. Не теряя времени, поехали на элеватор разгрузить подводы. До Язова оставалось километров сорок...

Остановились на опушке покормить лошадей. Светило солнце, ни ветерка, и высоко в небе, почти на одном месте заливался трелью жаворонок. «Около леса, как в мягкой постели», – вспомнил я слова Некрасова.

Спустя четыре долгих года родное кособокое село встретило меня мычанием коров и блеянием овец, они возвращались с выпаса. Из родных первой заметил бабушку Алену. Плача, скороговоркой она запричитала: «Внучек, горе у нас, не выплачемся. Погибли Александр, Федор, Гришуня, Сергей, братья твои: Семен, Михаил, Петр, Илья, Николай. Всю молодую поросль Язовых война спалила-прибрала». Провожая меня до порога отчего дома, бабушка Алена успела поведать, кто умер, а кто возвратился в родные края калекой. Как на коровах по весне огороды вспахивали.

Матушка моя Мария Федосеевна уже бежала навстречу в цветастом довоенном платке. И снова слезы радости, вздохи, причитания.

Из ребят, с которыми учился в школе, многие погибли. Нина

Третьякова рассказала, что на станции Колония месяца полтора тому назад повстречала Михаила Летюка. Эшелон повез его дальше, на Восток. Посмотрел по сторонам – ни одной девчонки. Наши девочки работали в Омске на номерных заводах, не до институтов им было.

Матери моей перевалило за сорок, физически она была сильной, но горе давило ее, выматывало. Первый муж умер, когда она разменяла третий десяток, второй погиб в самом начале войны. Зоя и Лена, еще совсем маленькие, ласкались ко мне, и я старался большую часть времени проводить с ними. Мы вместе купались в озере Лебяжье, ходили по грибы.

Мать попросила выкопать новый погреб. С этим простым «сооружением» я провозился около месяца, хотя опыт был большой – сколько вырыл землянок с братвой, одна лучше другой. Бывало, копну лопатой землю, и слезы застилают глаза, слезы... Всех вспомнил, пока погреб под картошку выкопал. Засыпая на зиму погреб картошкой, я сосчитал, что только одних Язовых война прибрала аж 34 души.

Съездил и в райцентр Оконешниково порадовать тетушек, родных сестриц матушки: Язовы начали возвращаться домой.

У тетушек тоже горе: погиб дядя Сергей, а Петр Семенович вернулся с фронта калеккой. Но тем не менее лица у людей светились. Наши войска успешно развивали боевые действия на Дальнем Востоке, хваленая Квантунская армия терпела поражение. К концу августа японцы практически были разгромлены.

Сибирь была глубоким тылом, но и там каждый день рыли братские могилы, особенно в городах-госпиталях.

Когда я приехал в Омск, чтобы приобрести билет до Ленинграда, то прямо с вокзала поехал на северное городское кладбище возложить цветы умершим от ран воинам.

Никто тогда и не предполагал, что через несколько десятилетий бегавший по Ставрополью бесштаный Мишка Горбачев будет похваляться званием «лучшего немца года». Что воинов-победителей назовут дармоедами, а наше государство, которое собиралось веками, пустят в распыл...

Прибыв в Ленинград, я вскоре получил назначение в Эстонию, там дислоцировалась 10-я гвардейская армия генерал-полковника М.И. Казакова, 8-я гвардейская Режецкая ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова второй степени стрелковая дивизия имени Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова. Она стояла в городах Хаапсалу, Поливери и Ристи. Дивизия формировалась в июле-августе 1941 года в Алма-Ате и Талгаре. На все века она прославилась подвигом 28

героев-панфиловцев на легендарном разъезде Дубосеково. На всю Россию прозвучали крылатые слова политрука Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва».

Сейчас, правда, находятся лжецы, которые стараются намалевать новое лицо войны, принизить значение Битвы под Москвой. А тогда в Эстонии, в штабной полковой землянке, мы восторженно слушали рассказы бывалых панфиловцев о боевом пути дивизии. Да и сам командир полка был живой легендой. Полк находился в окружении, когда тяжело ранили будущего Героя Советского Союза Ивана Шапшаева. С ампутированной рукой он продолжал командовать полком. На операционном столе Иван Шапшаев произнес: «Хорошо, что не правую руку отняли, иначе как я подниму полк в атаку?»

До самой поздней осени офицеры жили в землянках, а ближе к зиме построили финские домики на поляне. Удобств никаких, но фронтовики знали цену даже такому «комфорту». Полковой клуб продувался всеми ветрами, но каждую свободную минуту мы собирались в нем послушать гармошку.

Полк жил одной дружной боевой семьей. И мы не представляли, как это можно уйти в самоволку, потрафить неуставным отношениям. В роте, которой мне довелось командовать, я насчитал представителей четырнадцати национальностей.

Зимой 1946 года вся страна готовилась к первым послевоенным выборам в Верховный Совет СССР. Кандидатами в депутаты были Варес и Колевисте, эстонцы. Они не скрывали, что кое-кто из эстонцев сотрудничал с фашистами, они-то и попытаются дестабилизировать обстановку в канун выборов. Поэтому избирательные участки тщательно охранялись.

Накануне выборов 9 февраля к народу обратился с речью И. Сталин. После выступления вождя – короткий митинг. А утром в половине шестого мы дружно пришли на избирательный участок, местные националисты были посрамлены, эстонцы поддержали своих кандидатов. Вспоминаю одного старика эстонца, который пришел на избирательный участок с крынкой молока. «Отдайте бедным молоко. Хотя мой сын воевал на стороне немцев, я голосую за власть Сталина. Немцы вывозили из Эстонии все до последнего зернышка. А сейчас на станции стоят два вагона с мукой – ленинградцы сами недоедают, а хлебушком с нами поделились. Власть Москвы – справедливая, народная власть».

Весна 1946 года запомнилась мне экзаменами по боевой подготовке полка. Нашу роту отметили, приятно было видеть, как командир полка лихо управлял одной рукой жеребцом, сопровождая на тактических занятиях

командующего армией генерал-полковника М.И. Казакова, старого кавалериста, гарцевавшего на жеребце белой масти.

Сразу после смотра я засел за письмо к своей возлюбленной Катюше. Отписал, как во время смотра конь командующего встал передо мной. «Лейтенант, вижу – непорядок, – пошутил Михаил Ильич, – мой жеребец всегда останавливается перед холостыми. Как ты дослужишься до генерала, коли не женат?»

Вскоре пришло письмо от Катюши. К тому времени я по письмам познакомился почти со всей семьей моей суженой. Три сына Федора Кузьмича были призваны в Красную армию: Георгий и Павел погибли в боях, а Михаил продолжал служить в зенитной части.

Я решил, что лучше всего будет, если моя Екатерина сама посмотрит, как мне служится в этих краях, и я попросил эстонские власти оформить соответствующие бумаги. Помог командир полка, он приказал оформить вызов, и я отправил ординарца Пхайко с документами в Боровичи. Уже на Пасху я получил от Катюши письмо, что вызов лежит под образами. С письмом в планшете я и отправился к эстонцам праздновать Пасху. Пошла по кругу большая кружка, литра на три, с пивом. Перед глотком пива каждый должен был что-нибудь рассказать...

В конце апреля мне дали отпуск, и я выехал в Ленинград. Предварительно собрал все свои незрелые фронтовые стихи, письма из Боровичей от Катюши и передал другу, дабы сохранил. Рано утром 28 апреля я добрался до Таллина, а чуть позже выехал в Боровичи.

Екатерина Федоровна заприметила меня еще у калитки. Ну вот и прибыл жених, при орденах, курчавый, худ телом, в довольно изношенных сапогах, жалованье 1200 рублей. Где родился, что за семья, все рассказал. За столом переглянулись – не шалопай, можно доверить девицу.

Отобедали – предложили баньку! Федор Кузьмич все расспрашивал: «А когда появляешься в роте, во фрунт становятся? Командиры справедливые?»

Очень горевали домашние, что Георгий не вернулся с войны. Его певучая гитара висела на стене. А Павел любил мастерить, это его поделки по дереву стояли на этажерке.

На Руси давно повелось: больше всего горюют матери, потому что многие отцы пали в битве вместе с сыновьями. Это сегодня наши Парады Победы на Красной площади кое-кого раздражают из кремлевской челяди. Они очарованы свободой «по-американски». Мы все купим – таков их жизненный девиз. Они не понимают, что, если бы не висели одинокие

гитары в русских избах, не стояли на лавке рассохшиеся гармони, не было бы и Победы, не было бы и России.

Первый послевоенный Первомай мы праздновали на площади вместе с сотрудниками Боровичского радиовещания, где Катюша работала редактором. Прямо с площади мы отправились с Катюшей в Шиботово, чтобы пригласить друзей и знакомых на свадьбу. Даже в праздничный день трубы «Красного керамика» коптили – разрушенный Донбасс, Кривой Рог, Запорожье восстанавливались. Они нуждались в огнеупорных изделиях для домен и мартенов.

С шульженковским «Синим платочком» зарегистрировали мы брак 4 мая, а скромную свадьбу устроили 9 мая – в День Победы. Была и музыка – старый патефон с цыганскими напевами и танго по-аргентински.

Медовый месяц провели в Боровичах, иногда выезжали в древнее село Передки, любовались Рождественской церковью, построенной еще в 1531 году. Ходили в Гверстянку, где была до революции помещичья усадьба, в Потерпелицы, на стрельбище курсов усовершенствования командного состава Волховского фронта. А дома моя теща Татьяна Андреевна пекла изумительные пироги: с луком и яйцами, с рыбой и печенью. Время приближалось к отъезду. Родители Кати, как профессиональные политики, интерпретировали фултонскую речь У. Черчилля. Пришлось убеждать и доказывать, что если и приготовился Черчилль к войне, то не готовы к войне народы, они сыты по горло Второй мировой. А заявление Черчилля в Фултоне – это давление на Советский Союз, на страны народной демократии.

Сборы были недолгими: два чемодана, корзина с посудой и тюк с подушками. Прибыв в Таллин, я узнал, что в Пярну, куда перебазировался наш полк, поезд идет с вокзала Таллин-Вяйке по узкоколейке со скоростью «семь километров в неделю». Действительно, поезд шел медленно, подолгу останавливался у каждой рощицы. И когда я смотрю с внуками трогательный мультфильм «Паровозик из Ромашково» писателя-философа Геннадия Цыферова, то вспоминаю старшего собрата ромашковского – пярнский паровозик.

Прибыли мы в Пярну вечером. Оставив свою молодую жену на вокзале, я пошел искать квартиру.

Разместили нас в отдельной комнате, да еще угостили ужином, хозяйка немного говорила по-русски. Когда мы утром проснулись, она уже ушла на работу. На столе лежала записка: «Катю, накорми мою порасенку».

Так началась наша жизнь в Пярну. Лагерь расположился километрах в пяти на берегу залива. Это расстояние я преодолевал бегом. Командир

полка, строгий на вид, поздравил меня с женитьбой и приказал срочно подготовить занятие по теме: «Наступление мотострелковой роты во взаимодействии с танками».

Где-то через неделю я провел это занятие. При разборе были критические замечания, но в целом командир полка отметил: недостатки кроются в отсутствии средств управления. Канули в прошлое времена, когда использовали флажки, свистки, ракеты в грохоте артиллерии и танков. Необходимы другие средства управления, иная структура частей и подразделений.

Командир нашего батальона майор Корецкий, в свою очередь, предложил создать в полку танковый батальон и артиллерийский дивизион, чтобы отрабатывать систему управления огнем. Во всяком случае, это довольно скромное учение вызвало заинтересованный разговор.

В Вооруженных силах шла реорганизация. На базе стрелковых создавались механизированные дивизии. Танковые корпуса переформировывались в танковые дивизии. Уменьшалось количество армий в округах, а округа становились фронтовыми управлениями на случай войны.

В июле прибыли офицеры из отдела кадров ЛенВО. Меня вызвали на беседу и предложили должность командира роты в 37-й гвардейской дивизии, которая дислоцировалась в Осиновой Роще, Сертолове и на Черной Речке. Меня соблазняли тем, что это будет парадная дивизия округа.

Опять были сборы недолги – и через неделю я уже в Бобочинских лагерях, где стоял 30-й гвардейский Ленинградский корпус генерала Н.П. Симоняка. Приютил нас в своем «шалаше» Сергей Магомедов, лезгин по национальности.

Командир полка полковник Иван Иванович Альхименко был немногословным: «Принимай вторую роту. Завтра же должен убыть с ротой на Черную Речку, подготовить казармы и столовую к зиме. Чтобы все покрасил под «орех»!»

День и ночь я проводил на объектах. Самое время восстановить отопление, но котлы были выведены из строя. А новые получить в 1946 году – и не мечтай! Досок тоже не было, пилили лес, а где его взять? И тогда провели разведку на переднем крае обороны финнов. Обнаружили сотни землянок с покрытием из сосны в два-три и даже восемь накатов. Возили бревна на единственной машине, трофейной «дизельмане», которая работала на солярке. Лес пилили на доски, сушили, нары в казармах росли как в сказке. Люди работали днем и ночью, вскоре с Карельского

перешейка прислали нам машину овощей: картофель, капусту, морковь. Проявил заботу и командир батальона Герой Советского Союза майор Массальский. Он привез три мешка рыбы с речки Вуоксы и полмашины грибов.

Пребывание в лагерях планировалось закончить корпусными учениями под руководством генерал-полковника Д. Гусева, которого прочили на должность командующего войсками Ленинградского округа вместо Маршала Советского Союза Л. Говорова, он, в свою очередь, отзывался в Москву для формирования войск противовоздушной обороны страны.

Подошла осень. Обсудив наше финансовое положение, мы решили, что у Екатерины Федоровны появилась возможность съездить к родителям: Михаил, брат, возвратился из армии, не виделись долгих пять лет.

На учениях наша механизированная дивизия из второго эшелона корпуса вводилась в прорыв, чтобы развить успех в операции. Дивизия оказалась очень громоздкой: три мотострелковых полка, два танковых, два артиллерийских, зенитный полк и еще несколько отдельных батальонов, – но тем не менее задачу выполнила. В последний раз я видел на параде войск Николая Павловича Симоняка, Героя Советского Союза, командира бригады на полуострове Ханко в Финляндии, первого командира 136-й стрелковой дивизии, которая после прорыва блокады Ленинграда стала 63-й гвардейской, первого командира 30-го гвардейского Ленинградского корпуса. Симоняк уходил из-за болезни в отставку.

Владимир Георгиевич Массальский, наш комбат, посоветовал нам: «Почитайте стихи М. Дудина «Дорога гвардии», где показан образ легендарного командира ленинградских гвардейцев».

Возвратившись на Черную Речку, я нашел, к своему удивлению, свою жену уже дома, чему очень обрадовался. Это была первая разлука, и Екатерина ее тяжело переживала, несмотря на хороший прием дома.

С возвращением полка с учений и лагерей командир полка распорядился, чтобы офицеры батальона жили в одном подъезде. Тогда об отдельной квартире и думать не смели. В нашей квартире из пяти комнат проживало шесть семей. Зимовали без отопления. В коридоре поставили печь, от нее по всем комнатам и шло тепло. Дров сожгли с десяток кубометров, но, слава богу, выжили. Новый, 1947 год встречали в клубе. Там было теплее, согревали нас и горячительные напитки. Но все было в меру, под недремлющим оком командира полка. Тогда по праздникам и солдатам полагалось 100 граммов, и определенная «веселость» не считалась предосудительной.

Ближе к весне роту отправили в Бобочино на полигон, вырубать лес, готовить танковую и артиллерийскую директрисы. Однажды я вышел на пригорок и обомлел: на земле лежало вышитое полотенце в цветах. Присмотрелся и ахнул: подснежники! Я еще подумал: «Какая прекрасная профессия у лесорубов. К ним по проталинам навстречу тянутся первые подснежники!»

17 мая мне позвонили: «Катю отвезли в роддом!» Ехать пришлось поездом со станции Перк-Ярви в Парголово, где и находилась больница. Дежурный врач поздравил меня с рождением дочери, чему я был несказанно рад. Похудевшая Катя подошла к окну, кивнула, дескать, все в порядке. Доченьку мы назвали Ларисой – Лариса Дмитриевна из «Бесприданницы» А.Н. Островского.

В этом же году был еще один праздник – 800-летие Москвы. Вспоминаю потому, что мне посчастливилось выступить на митинге, посвященном славной дате. Я увязал историю древней Москвы с героизмом воинов Панфиловской дивизии и курсантов-кремлевцев, защищавших подступы к столице. Запомнился мне 1947 год и испытаниями новых видов вооружения: танкового, радиолокационного, артиллерийских и зенитных систем.

Летом 1948 года мы с Катюшей поехали в отпуск в Сибирь. Доченька подросла. Четверо суток в пути как бы стали прологом нашей счастливой поездки. От того безмятежного времени у меня сохранился помятый чайник, очевидец иллюзий семейного уюта послевоенных лет, с которым я выбегал за водой на полустанках.

Из Оконешникова добирались до Язова на лошадях, Ларисе было все в диковинку: ягоды на лесной опушке, однорогая пегая корова. Мой приезд к матери совпал с покупкой дома в центре села – по соседству с колодцем «Добрая вода». День и ночь я пилил и строгал. Катюша с сестрами уходила по ягоды, два-три ведра собирали! Ягоду сушили, для варенья не было сахара.

Месяц пролетел незаметно, родни было столько в округе, не у всех успели и почаевичать. Уплатили за мать налоги, справили одежду для младших Зои и Лены и тронулись в обратный путь. С нами поехала сестра моя Нина Тимофеевна в надежде поступить в Ленинграде в фельдшерско-акушерское училище. Дней через пять мы прибыли в свой военный городок Черная Речка. Жизнь протекала без особых осложнений, если не считать теснотищи в квартире, где по-прежнему проживало шесть семей.

Осенью 1949 года поехал в Латвию закупать продукты, там они были гораздо дешевле, чем в Ленинграде. Через два дня примчался офицер из

нашего полка:

- Дмитрий Тимофеевич, в доме беда!
- Что случилось? Не жалейте меня, рассказывай.
- Дочка обварилась.

У меня потемнело в глазах, собрал пожитки – и в дорогу. До ближайшей станции было 20 километров. Грязь хлюпала под ногами, несколько раз проваливался в ямы, ничего не замечал. Мысли вертелись вокруг дочки, как облегчить ее страдания?

К обеду добрался, зашел в пустую комнату. Соседи подсказали:

– Катя и Лариса в Парголольской больнице. Вся надежда на Господа Бога...

Почерневшая от горя Екатерина Федоровна сидела в пустой палате. С плачем бросилась ко мне: «Не уберегла Ларису!»

Беда нагрянула, когда ее меньше всего ожидали. Соседка Фаина Петровна устроила стирку на кухне. Девочки – ее дочь Валя и Лариса – играли в коридоре. Лариса убегала, а Валя ее догоняла. И вот дочурка забежала на кухню. А там соседка поставила таз со щелоком на пол. В этот таз и упала наша Лариса. Похоронили дочурку на высоком песчаном холме, около одного из трех шуваловских озер. Беда пришла – открывай ворота. Сначала похоронили отца, а теперь вот и дочку. Бог дал, Бог взял. Удары судьбы.

...В 1950 году у нас родился сын, назвали Игорем. Боль стала забываться, но иногда она вспыхивала с еще большей силой и была связана с моими отъездами в командировки. В то время я проходил службу заместителем командира батальона, бывалые военные обычно так рассуждали: «Волка и замкомбата ноги кормят». В этом же году мне предложили должность в Ленинграде. Я был на седьмом небе от счастья: наконец-то закончу десятилетку, без аттестата зрелости нельзя было и думать об академии.

Похоже, мечта начала сбываться: весной 1953 года в звании майора я получил аттестат зрелости.

К тому времени родилась доченька Елена, а летом я успешно сдал экзамены в Военную академию имени М.В. Фрунзе.

Скажу откровенно: учиться было нетрудно, больше всего донимали поиски жилья. Сначала мы жили в Кускове, осенью переехали в Гиреево, затем опять в Кусково – с условием отапливать дом и платить 300 рублей за комнатушку. И лишь в конце 1955 года удалось найти квартиру на Тверском бульваре, дом 27, этот дом только недавно снесли.

Мы жили на Тверском бульваре с семьёю хозяйюшками на кухне и с видом на вечно молодого Александра Сергеевича Пушкина. Мечта! Это Тверской бульвар даровал мне незабываемую встречу с величайшим русским скульптором Сергеем Тимофеевичем Коненковым, мастерская которого находилась в самом начале Тверского. Вся окрестная живность прекрасно знала, что в мастерской Сергея Тимофеевича всегда можно чем-нибудь поживиться. Коты-чердачники буквально боготворили Коненкова. И даже когда они вели себя «некультурно», знаменитый скульптор не позволял своим домашним выгонять их на улицу.

В тот памятный для меня день Сергей Тимофеевич сидел на лавке и кормил голубей. Иногда к нему подбегали соседские мальчишки, отламывая от щедрого батона Коненкова и себе краюшку. Ребяшня играла в казаков-разбойников. Почему-то все мальчуганы – и «казаки», и «разбойники» – называли друг друга Сашками. Я заметил, что это обстоятельство почему-то весьма радовало всемирную знаменитость. «У этих сорванцов счастливые матери, – заметил Сергей Тимофеевич, – это дети матерей-одиночек. Они совершили грех на благо прирастания «вихрастого богатства России». Взглянут в окошко, вот тебе и имя – Александр! Наш-то район весь в Александрях. И девчухи Александры».

Я конечно же не преминул воспользоваться шапочным знакомством со скульптором и пригласил Сергея Тимофеевича в клуб академии на выпуск «Устного журнала», куда заходили на огонек Ю. Левитан, хирург С. Юдин, С. Михалков, И. Козловский, народный артист П. Массальский. Вскоре знаменитый автор «Егора-пасечника», «Старичка-полевичка», бюста Эйнштейна, «Марфиньки», портрета Есенина пожаловал в гости к офицерам академии.

Чуть позже, в 60-х годах, женщина, соседка по купе, рассказала мне, как сам Коненков изваял памятник ее мужу, погибшему на войне. «Мы, жены железнодорожников, пришли в мастерскую скульптора: скоро, Сергей Тимофеевич, страна отпразднует двадцатилетие Победы над фашистами. Но мы не знаем даже, где похоронены наши мужья. Они железнодорожники, из депо, что у Белорусского вокзала.

И Сергей Тимофеевич откликнулся на нашу просьбу. Безвозмездно вместе с сыном Кириллом он соорудил монумент нашим мужьям. Какой благородный человек, сколько в нем было великодушия! У нас до сих пор не было дорогих могил».

Эту историю я вспоминаю еще и по той причине, что сегодня одиноких ветеранов войны и тыла частенько хоронят в одной братской могиле вместе с ворами и бомжами на скудные средства местной

администрации российских городов по статье «ритуальные услуги». Хоронят в целлофановых мешках из накопителей морга. Часто даже не задумываясь о том, что умерший в свое время постоял за честь России на поле брани...

Ежегодно мы, офицеры академии, выезжали в летние лагеря в Наро-Фоминск, а на втором курсе – в Прикарпатский военный округ в Яворово, где проводились дивизионные учения с условным применением ядерного оружия. После проведенного учения на Тоцком полигоне Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым все тактические задачи разрабатывались непременно с применением ядерного оружия.

По результатам учения военные документалисты отсняли фильм, который мы неоднократно просматривали. Мощь оружия поражала воображение, а была-то испытана бомба всего-навсего около 20 килотонн.

Выпуск наших трех курсов – «А», «Б» и исторического факультета – состоялся в ноябре 1956 года. Так как я окончил академию с золотой медалью, за мной было право самому выбрать, где продолжать службу. Я выбрал свою 63-ю гвардейскую дважды Краснознаменную Красносельскую дивизию, должность командира батальона.

В это время проходило сокращение Вооруженных сил на миллион двести тысяч человек. Полные дивизии переводились на сокращенные штаты. Вскоре меня перевели в 64-ю гвардейскую Краснознаменную тоже Красносельскую дивизию в 197-й полк начальником полковой школы по подготовке сержантов – командиров отделений.

Жили мы на частной квартире в Парголово, на службу ездили на автобусах. Учить командиров и не жить в гарнизоне было противоестественно. Понимал это и командир полка Иван Сергеевич Гордиенко. Он изыскал возможность дать мне две комнаты в офицерском доме в Сертолово-2, где размещался полк. Школы в Сертолово-2 не было, ездили в Сертолово-1. Повел я Игоря в школу – не берут. По возрасту подходит, а парт нет. Пришлось самому смастерить. Так что Игорь учился за своей персональной партией.

В конце 1958 года меня назначили старшим офицером в Управление боевой подготовки в Ленинграде. Работа была творческая, часто приходилось выезжать в войска на учения. Квартиру в Ленинграде получил где-то через год.

Начальником управления был генерал-лейтенант Г.Н. Филиппов, тот самый Филиппов, который, командуя мотострелковой бригадой, с включенными фарами на танках ворвался на охраняемый немцами мост в районе Калача, создав условия для переправы танкового корпуса и

окружения немецко-фашистских войск в Сталинградской операции. За этот прорыв он получил звание Героя Советского Союза.

К сожалению, старые раны давали о себе знать, и вскоре на должность начальника Управления прибыл генерал-лейтенант Г.П. Романов. В годы Великой Отечественной войны он был членом Военного совета 23-й армии, оборонявшейся на Карельском перешейке. Генерал Романов и предложил на Военном совете мою кандидатуру на должность командира 197-го мотострелкового полка. Полк стоял в Саперном, в 110 километрах от Ленинграда, но по-прежнему являлся парадным полком.

Перед праздниками допросов стало меньше. 8 ноября, в мой день рождения, разрешили свидание с Эммой Евгеньевной и на один час с дочерью Еленой и зятем Александром.

Встреча в присутствии омовца – это какое-то кощунство. Два часа пролетели мгновенно. Пока я шел в камеру с цветами, сочинил стихотворение:

Опять мы встретились в тюрьме,
Ты подарила вдохновенье,
Спасибо, Эммочка, тебе
Что скрасила мой день рожденья.

Надо было выживать после гнетущих душу бестактных допросов следователей, и я понемногу начал записывать все, что касалось моей командировки на Кубу.

– А почему вы, Дмитрий Тимофеевич, начали описывать свое житье-бытье с Кубы? Обычно начинают с детства, матери? – спросил меня один из сокамерников.

– О детстве и матери я напишу на свободе. Когда за мной не будут подглядывать через глазок. Детство – это слишком личное, святое. Это колыбель, которую всю жизнь качает судьба. А начну я с Фиделя. Пусть эти капитаны-стукачи, подглядывающие за нами, уяснят: настоящие офицеры защищают честь Родины, а не торчат у «кормушек» и глазков. Может, Фидель их чему-нибудь и научит. Все равно будут рыться в моих черновиках...

Прощай, Саперное!

В наш гарнизон Саперное охотники наведывались частенько, но известие, что к нам приезжает сам Василий Иванович Чуйков, требовало проверки. Главнокомандующий Сухопутными войсками любил охоту, но в наших краях никогда не рыбачил и глухарей не отстреливал.

Василия Ивановича в войсках и любили, и побаивались. Ценили за волевые качества, полководческое искусство, за стойкость и мужество. Маршал отличался крутым характером и умел спросить за упущения по службе. Вспоминаю, как одна женщина-врач выдала весьма лестную характеристику Чуйкову: «У вас, Василий Иванович, чистые помыслы, как снега на Эльбрусе. Но эти снега готовы обрушиться лавиной, завертеть в водовороте тех, кто показал себя нерадивым».

Маршал требовал от командиров и войск действовать «как в бою». Большое внимание уделял разведке. Это по его инициативе создали разведбатальоны в дивизиях, они были способны вести радиотехническую и иные виды разведки, десантироваться в тыл противника.

Не любил главнокомандующий скоропалительных решений подчиненных ему командиров, он требовал всесторонней оценки ситуации и убежденности в правильности принимаемого решения. Маршал рассуждал примерно так: если командир принимает решение и способен его обосновать перед вышестоящим начальством, он имеет моральное право отдавать приказ войскам. Для нас, офицеров-фронтовиков, В.И. Чуйков, как и полководцы Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, Р.Я. Малиновский, Л.Л. Говоров, К.А. Мерецков, И.Д. Черняховский, был примером служения своему Отечеству. Наш командир дивизии Иван Калистратович Колодяжный, фронтовой офицер, повоевавший в Корее и получивший звание генерал-майора, со спокойной совестью ожидал прибытия главнокомандующего. Он сказал мне, что вместе с маршалом едет генерал армии Михаил Ильич Казаков и что он собирается предложить им отдохнуть на озере. А так как вокруг несметные тучи комарья, нужно

приготовить на всякий случай гостиницу.

Еще он предупредил меня: «Завтра утром маршал будет беседовать лично с вами, подготовьтесь, проверьте расчеты на выход по тревоге и обеспечьте, чтобы все офицеры были на своих местах».

Я собрал командиров подразделений и высказал предположение, что приезд главкома связан не с рыбалкой и охотой, скорее всего, это проверка новых образцов техники и вооружения в условиях лесисто-озерной местности.

И вот наконец около восьми утра мне позвонил начальник штаба дивизии полковник Степан Иванович Сидоренко, попросил подойти к офицерской столовой, там завтракают Чуйков, Казаков, Свиридов и Колодяжный.

При входе в столовую меня встретил подполковник И.М. Сысолятин. Он сказал, что сейчас маршал выйдет. Не успел он договорить, как на пороге показался В.И. Чуйков и первым поздоровался. Василий Иванович взял меня за левое плечо и спросил:

– Ну как, натурально здоров?

– Здоров, – скромно ответил я.

И мы пошли по гаревой дорожке. Я докладывал ему о состоянии полка, укомплектованности техникой и личным составом. В свою очередь, маршал поинтересовался выходом полка в зимний лагерь. Ответы мои выслушал очень внимательно и затем, как бы рассуждая про себя, сказал: «Вам из леса в лес ходить польза не велика, но то, что там, на полигоне, можно научить все подразделения взаимодействовать с артиллерией, противотанковыми и зенитными средствами, в этом я вижу смысл».

Затем Василий Иванович заговорил о больших учениях, на которые предполагалось направить наш полк. Вспомнил он и осенние учения 1961 года, когда полк за сутки совершил 500-километровый марш из Саперного в район Пскова. По словам маршала, ему доложили, что «полк показал себя тогда хорошо: штаб сколочен, командиры инициативные, техника действовала безотказно».

– Вам придется действовать самостоятельно, а возможно, и воевать. На войне как на войне – сам принимаешь решение, сам его выполняешь. Не напугал я вас?

Мне хотелось ответить с достоинством, а получилось как-то академически:

– Оказанное доверие оправдаю!

– Откуда родом?

– Сибиряк, из Омской области!

Василий Иванович оживился:

– В самую трудную минуту сибиряки выручили Родину под Сталинградом. Дивизия полковника Гуртьева, сформированная в Омске на базе пехотного училища и переброшенная на Волгу, заняла оборону на тракторном заводе, а затем вместе с армией перешла в наступление. Это были самые тяжелые бои, в них побеждали выучка, упорство, патриотизм. Там победил наш Дух! Сибирякам можно доверять!

Мы вернулись в штаб дивизии. Я остался в приемной, а маршал прошел в кабинет командира дивизии вместе со свитой, большой группой генералов и офицеров.

Через несколько минут меня пригласили в кабинет. Василий Иванович объяснил присутствующим:

– Новые части будут формироваться на базе гвардейской дивизии. В первую очередь предстоит подобрать командный состав отдельных мотострелковых полков. На должность командира 400-го отдельного мотострелкового полка предлагается полковник Д.Т. Язов. Я с ним разговаривал и считаю назначение продуманным. Есть ли у присутствующих вопросы?

Вопросов не последовало.

Сначала приступили к обсуждению кандидатуры на должность начальника штаба. Когда спросили мое мнение, я назвал майора Крысова Анатолия Георгиевича. Тут же генерал-лейтенант Майоров ознакомил с личным делом кандидата: «...вторично женат, первая жена умерла. Закончил Академию бронетанковых войск, уроженец Красноярского края.»

– Пригласите на беседу, – заключил маршал. – Кто ваш заместитель? Сдайте ему полк.

Я начал понимать, что предстоит сформировать совершенно новый полк и что учения будут проводиться вдали от Ленинграда.

– Кто начальник политотдела полка?

Я предложил майора Спинева Никандра Михайловича.

– На беседу!

В течение двух часов рассмотрели всех кандидатов от командира полка до командиров рот.

Когда я вышел из кабинета, в приемной встретил командиров полков нашей дивизии полковника А.С. Токмачева и полковника В.П. Некрасова, а также командира мотострелкового полка полковника Г.И. Коваленко, нашего соседа.

«Ну что? Куда?» – последовали вопросы. Я пожал плечами, мол, плановые учения. Хотя появились кое-какие мысли о необычности

«учений». Но догадки для командира так же неприемлемы, как и распространение ложных слухов.

Мы склонялись к мысли, что где-то на Севере намечается испытать термоядерное оружие. Не зря нам приказали взять с собой шапки-ушанки, теплые палатки, лыжи. Тогда же промелькнуло в печати, что в мае в учебном центре в Кубинке побывал Рауль Кастро. Но на это сообщение мало кто обратил внимание. Всех беспокоила Индонезия: там произошел переворот. Но любые наши предположения могли быть неверны из-за недостатка информации. Жены, как и подобает в подобных случаях, делали самые невероятные выводы. Не случайно Бальзак заметил: «Кто способен управлять женщиной, тот способен управлять и государством». Может быть, потому романист и не женился до 48 лет?

Тяжело, имея семью, собираться куда-то в неизвестное. Екатерина Федоровна, привыкшая к быстрым сборам, с сожалением сказала: «И зачем оставили квартиру в Ленинграде? Ты уедешь, а я снова останусь с детьми здесь, в лесу».

Через сутки нам, командирам полков, под расписку вручили директиву, началась бурная работа по формированию отдельного мотострелкового полка.

В разработке плана формирования полка непосредственное участие принял начальник штаба дивизии полковник С.И. Сидоренко. Офицеры и личный состав подбирались со всего округа, но костяк составлял полк, которым я командовал. Техника поставлялась только новая, непосредственно с заводов-изготовителей. Автомобили ЗИЛ своим ходом шли из Москвы, ГАЗ-66 поступали эшелонами с ленинградской базы хранения, самоходные артиллерийские установки (САУ) также поставлял округ. Одновременно с получением техники проходило переформирование подразделений.

Эта задача была возложена на командиров батальонов: капитана В.С. Еремина, подполковника А.Ф. Пахомова и майора М.С. Берестецкого. Командиры подразделений боевого обеспечения и боевого обслуживания те же вопросы решали под руководством соответствующих начальников служб полка.

В конце июня меня и начальника артиллерии подполковника Н.Е. Титаренко вызвал к себе начальник штаба округа генерал-лейтенант А.М. Паршиков. Доложив командиру дивизии о вызове, в шесть часов утра я и Н.Е. Титаренко на газике выехали в Ленинград.

В штабе округа пропуска нам уже были заказаны. Алексей Михайлович ждал нас в кабинете. Он был немногословен:

– Вылетайте в Лиепаяу. Сегодня туда прибывает танковый батальон, танки Т-55А, командир батальона подполковник Анатолий Сергеевич Ширяев из Киевского военного округа. Из Московского военного округа туда прибывает отдельным эшелоном батарея ПТУ РС «Малютка». Командир батареи капитан Г.С. Дихтяр. Проведите строевой смотр. Составьте акты приема техники и личного состава в шести экземплярах. Погрузкой и отправкой в район учения занимается Главный штаб Сухопутных войск и Генеральный штаб. Все ясно?

– Ясно!

– Вот документы: командировочные предписания, пропуска на военноморскую базу и билеты на рейс. Вылет в 11.00 с Пулковского аэропорта. Вашу машину оставьте в комендатуре. Вас отправят на гостевой «Волге».

В Лиепаяе мы без приключений добрались до военноморской базы. Через час эшелоны начали прибывать один за другим. С первым прибыл командир танкового батальона подполковник А.С. Ширяев – бодрый, энергичный, подтянутый. Он коротко доложил о составе батальона, о семье, как и я, он был фронтовиком.

Строевой смотр провели на другой день на строевом плацу базы. Был задан единственный вопрос: «Куда отправляемся?» Я отвечал, что на учения, в какой район – узнаете позднее.

Жалоб и заявлений не было, хотя в строю стояли солдаты, дослуживающие третий год. Солдаты выглядели молодцевато, смотрели в будущее с надеждой. Они были уверены, что Родина не оставит их в беде.

Один из офицеров в разговоре со мной вдруг сказал: «Нас посылают на Кубу». Я спросил: «Откуда вам известно?» Он ответил, что в Киеве формируется госпиталь, туда набирают сестер, водителей, а в военкоматах всех предупреждают, дескать, поедут в страну с жарким и влажным климатом, значит, на Кубу. Я возразил, что стран с жарким и влажным климатом много. Не будем гадать.

Вместе с командиром базы и капитаном теплохода «Красноград» мы осмотрели корабль. Пришли к выводу, что необходимо провести большие работы по подготовке помещений, чтобы личный состав мог в пути учиться и отдыхать.

Вернувшись в Ленинград, я доложил начальнику штаба округа, что принял в состав полка танковый батальон и батарею ПТУРС. В штабе получил информацию о том, сколько будет выделено транспорта, какие необходимо провести мероприятия по подготовке подразделений и как лучше обеспечить полк всем необходимым для длительного самообеспечения в отрыве от постоянных баз снабжения.

Возвращаясь в Саперное, заехал в Шувалово-Озерки на кладбище, где покоится наша доченька Лариса. Несчастье, к сожалению, посещает людей чаще, чем удача. Дочурка из нашей жизни исчезла, как волшебный сон. Это горе до сих пор меня мучает. Черная Речка вызывает у меня мрачные ассоциации: Пушкин погиб на дуэли на Черной речке, и в моей судьбе Черная Речка стала черной полосой: незатухающая боль утраты, словно огонь, испепеляющий сердце, постоянно мучила и Екатерину Федоровну.

Проезжая через осиновую рощу, вспоминал пережитое, мне казалось, что только вчера мы переехали из Ленинграда в Саперное. Этот городок постоянно проверял нас на прочность: весной, когда я с полком ушел готовиться к первомайскому параду, тяжело заболела Леночка. Ей тогда еще не исполнилось 8 лет, а уже пришлось в условиях дивизионного лазарета перенести тяжелейшую операцию, которую делал дивизионный хирург, а мы с женой стояли у окна в коридоре. Часа через два вышла сестра: «Аппендицит». Операция продолжалась, и наконец, еще часа через два, появился усталый врач, он успокоил: «Все будет в порядке. Уберегли!»

В начале июля формирование нового полка было закончено. Солдаты были как на подбор, второго и третьего годов службы. Особенно хорошую выучку прошли воины из северных дивизий, на одиночных стрельбах и тактических учениях они показывали высокие результаты.

В ходе формирования батальонов мы проводили учения на пересеченной местности, одновременно тренируя штаб полка в управлении подразделениями в различных видах боя. Шли пешим маршем, преследовали «противника» параллельными маршрутами на бронетранспортерах, закрепляли захваченные рубежи, обороняли побережье.

Особенно отличился на полигоне подполковник Н.Е. Титаренко, выполняя боевые стрельбы с артиллерийским дивизионом, батареей САУ и минометными батареями. Он был опытным, обстрелянным артиллеристом, выдержанным и находчивым, и очень скоро стал пользоваться всеобщим уважением.

В штабе дивизии на основании директивы штаба округа, которую разрабатывал непосредственно полковник Владимир Петрович Черемных, нам выделили сухогрузы «Ковров», «Сретенск», теплоходы «Эстония» и «Победа». «Красноград» уже из Лиепайи вышел в море. Вместе с начальником политотдела Иваном Матвеевичем Сысолятиным мы пришли к выводу, что, скорее всего, нам предстоит помогать Кубе.

Возможны и боевые действия – американцы Фиделя не жаловали.

В конце июля – начале августа началась погрузка в железнодорожные

эшелоны на станции Громово, что в семи километрах от Саперного. Первым уходил 1-й мотострелковый батальон Виктора Еремина, недавнего выпускника академии имени М.В. Фрунзе. Провожающих было много: жены, дети, сослуживцы, родители, друзья и конечно же начальники. Был какой-то особый настрой, играл оркестр, все шутили, и тени уныния не было на лицах. И лишь когда раздался гудок, наступила тишина и поезд тронулся, Виктор Еремин, улыбаясь, послал своей жене Галине воздушный поцелуй. Она держала на руках дочку Мариночку, сквозь слезы дочка крикнула: «До встречи!»

Эшелоны уходили каждые два-три дня, все меньше оставалось техники на танкодроме, все меньше людей оставалось в городке. Уже отправили Пахомова и Крысова, Спиев и с ним 500 человек уехали 10 августа. Я же с остальными, а их насчитывалось 500 человек, убыл из Саперного 18 августа.

Перед отъездом, как и обещал детям, сделали вылазку на Балахановские озера, где поспели малина, земляника, черника и было много грибов. Почти весь день провели в лесу, а к вечеру уставшие, но довольные вернулись домой.

И тут к нам заехали наши давнишние знакомые по Ленинграду Василий Семенович и Зинаида Александровна Коконины. Получился хороший прощальный ужин. Василий Семенович аккомпанировал, а Зинаида Александровна исполнила любимшие арии из опер, оперетт, протяжные народные песни.

Проводив гостей, мы с Екатериной Федоровной решили обсудить, как им жить без меня. Командующий обещал, что квартиру в Ленинграде моей семье дадут до Нового года, и я сказал жене, к кому ей можно обратиться за помощью.

Утром 18 августа нас приехало проводить все руководство дивизии. Хорошо, что никто не плакал, оркестр уезжал с нами, и ему было не до игры. Попрощались спокойно. Непрошенная слеза скатилась по щеке Екатерины Федоровны, когда я целовал детей. Поезд тронулся, и вскоре набежавший туман закрыл станцию и провожающих.

Командировка по маршруту Колумба

Во второй половине дня мы прибыли в Приморск. У причала нас поджидали военные корабли, несколько катеров, вдоль причальной стенки выстроилась команда моряков.

Я подошел к строю, капитан второго ранга доложил, что команда готова оказать помощь в погрузке материальных средств и размещении личного состава. Море было спокойное, стоял редкий туман, только чайки, вечные спутники мореплавателей, визгливо кричали над пристанью.

Вдруг прямо к пирсу подъехало несколько легковых автомобилей. Первым вышел из машины М.И. Казаков, за ним командующий ленинградской военно-морской базой. Я подал команду «Смирно!», доложил о прибытии на погрузку. Михаил Ильич подошел к строю, поздоровался, офицеры и солдаты четко ответили: «Здравия желаем, товарищ генерал армии!»

– Чувствуется парадная выучка, – улыбнулся Михаил Ильич.

Командующий побеседовал с офицерами и солдатами, и затем подразделения прошли торжественным маршем с песней. Пели так, что у Михаила Ильича проступили слезы на глазах. Командующий объяснил мне, что мы выезжаем в Кронштадт и что «Победа» уже подходит из Марселя.

Городок моряков, где нам предстояло разместиться на сей раз, был безлюдным. Здесь готовятся специалисты для 5 всех флотов, и сейчас они находились на практике.

К вечеру прибыли мои гвардейцы, катерами доставили персонал военного госпиталя, сформированного в Киеве, военно-морской лазарет из Ленинграда.

Распоряжался в городке представитель Генерального штаба, он и встречал, и размещал, и советовал, кому в какое гражданское платье переодеться. На переодевание ушли сутки, солдаты, да и офицеры не узнавали друг друга. В шутку стали называть себя «аграриями», специалистами по сахару.

Я до самого последнего момента ходил в форме, переоделся в гражданское только на «Победе». Многие засели за письма. Писали, не зная того, что все письма будут уничтожены.

Ночью удалось дозвониться до квартиры в Саперном, сказал жене, что говорил с Михаилом Ильичом – квартиру выделяют, поручение дано генерал-полковнику М.П. Константинову. Шел уже двадцать первый год моей службы в Вооруженных силах. Мне часто приходилось расставаться с семьей, переезжать, но мы с женой никак не могли привыкнуть к разлукам. Я положил трубку, и меня окутала грусть, знал, что и Катя не уснет до утра. В каком-то полубезытье я мысленно подходил к ней, и меня охватывал ласковый, как солнечный полдень, знакомый зной ее дыхания. И, убаюканный ее ласками, я плыл дальше к берегу счастья.

Беспокойные мысли не позволяли уснуть, столько было вопросов, и все без ответов. Вспоминались слова Василия Ивановича Чуйкова: «Ты будешь в полном смысле слова единоначальником, думай и решай. Все в твоих руках».

Утром военный городок моряков мне показался муравейником: все куда-то спешили в гражданском платье, было много женщин. «Аграрии» расспрашивали моряков: укачивает ли на корабле? Бывалые мичманы только посмеивались.

После обеда в день отплытия, а это было 23 августа, в городок прибыли командующие округом и военно-морской базой и генерал-полковник Николай Иванович Четверяков – помощник начальника Генерального штаба по организационно-мобилизационным вопросам.

Генералы интересовались, нет ли больных. Есть ли вопросы, жалобы, заявления. М.И. Казаков представлял меня личному составу как старшего над «пассажирами».

«Победа» бросила якорь на большом рейде. Сразу же приступили к погрузке продовольствия, медицинского имущества и оборудования, боеприпасов, оружия. В 24.00 подошли паромы для перевозки людей из Кронштадта к «Победе». Я шел на втором пароме. На «рейде большом» стояла тишина, на легких волнах лениво покачивалась стальная громадина с поднятыми стрелами кранов, через ситец белой дымки все ярче вырисовывались очертания «Победы» и гирлянда огней на спущенном трапе.

Я обратил внимание, что стоявший на борту полковник по головам считает людей. Когда я поднялся, он сказал, будто в пустоту: «Одна тысяча двести тридцать». Моряки-«квартирьеры» разводили женщин и офицеров по каютам, определяли места для размещения подразделений, им помогал

майор В.И. Поляков, начальник полковой разведки.

Генерал-полковник, два полковника и я поднялись в капитанскую каюту. Капитан представился: «Иван Михайлович Письменный». Ему показали телеграмму, подписанную министром гражданского торгового флота и министром обороны.

Генерал вручил два пакета:

– Первый откроете после прохода проливов, второй... Впрочем, об этом узнаете из первого пакета.

Пригласили в каюту офицера КГБ, и в его присутствии в сейф капитана положили пакеты, опечатав их тремя печатями.

– Все ясно, – сказали мы.

«Гости» продолжали сидеть, поглядывая на холодильник. Заметив их взгляды, Иван Михайлович спокойно сказал:

– Положено бы угостить, но корабль более полутора месяцев как ушел из Одессы, а иностранную валюту мы израсходовали.

– Спасибо, спасибо, – заметили генштабисты.

Мы вышли их проводить. И только тогда, когда катер отошел, Письменный спросил меня, как я устроился. Я ответил, что еще не знаю, где моя каюта. Тогда капитан провел меня на вторую палубу:

– Здесь я исключительно миллионеров и герцогинь размещаю, каюта люкс!

– Спасибо за доверие, – пошутил я, – пошикуем, переоденемся в гражданский костюм – и пошикуем!

– Кто из нас начальник? – спросил капитан.

– На море, на корабле – вы, Иван Михайлович, а уже на суше после высадки – ваш покорный слуга полковник Язов Дмитрий Тимофеевич. Сибиряк. Воевал с 1942 года до конца войны, был дважды ранен, женат, двое детей. Окончил академию имени М.В. Фрунзе в 1956 году. Полком командую второй год.

– Спасибо, расскажу о себе. Я одессит, 1900 года рождения, так что – ровесник века. В годы войны был капитаном третьего ранга, командовал боевым кораблем. В войну и погибла моя семья. После войны второй раз женился, имею сына, ему сейчас 12 лет, очень жалею, что редко приходится бывать с семьей.

На корабле у нас строгий порядок. Прошу вас предупредить пассажиров, что мы не «вольные птицы», нас может проверить международная санитарная инспекция, мы подчиняемся международным правилам судоходства. В машинное отделение, на капитанский мостик никто не имеет права заходить. И учтите: обычно мы возим 330 человек, а

вас в несколько раз больше! Поэтому прошу дать соответствующие указания.

Я собрал командиров всех частей и подразделений, пригласил первого помощника капитана, директора ресторана, и мы вместе решили все бытовые вопросы, определили, в какое время и какое количество «аграриев» может быть на прогулке. Категорически запрещалось что-либо выбрасывать за борт корабля, особенно газеты и пачки от сигарет. Мы должны были играть роль туристов, совершающих круиз.

Ровно в 5.00 на капитанском мостике Иван Михайлович дал команду: «Малый вперед». «Победа», слегка покачиваясь на волнах, медленно пошла... Кто-то начал напевать «Прощай, любимый город...». Песню вдруг подхватили на нижней палубе, и вот уже она взвивалась ввысь потревоженной ночной птицей, казалось, она расплескалась на весь Финский залив, ее слышат Ленинград и Выборг, очень мне хотелось, чтобы она донеслась и до Саперного.

Под любимую песню «Победа» набирала ход, и мы все дальше удалялись от родных берегов. Кронштадт таял на наших глазах, и только купол Матросского собора еще маячил вдалеке...

Еще до нашего отъезда мой заместитель подполковник Александр Иванович Мороз вылетел самолетом с рекогносцировочной группой в Африку, в Конакри. И вот теперь, оставшись в каюте один, сопоставив все факты, я пришел к выводу: мы держим путь на Кубу. Конакри – это, скорее всего, промежуточный пункт для заправки самолета.

Пока мы играем в переодевания, а что, если придется высаживаться с боем?

Вспомнил мемуары маршала Бирюзова «Когда гремели пушки». Он описывал, как в начале Великой Отечественной войны отправлял на фронт дивизию эшелонами поочередно. Но когда прибыл на фронт с последним эшелонам, то собрать дивизию полностью так и не смог. И дело было не в недостаточном профессионализме маршала, а в том, что после разгрузки части и подразделения вступали в бой, переподчинялись другим соединениям. Маршал вспоминал об этом как о самой большой своей неудаче.

Незавидное у меня положение. Не знаю, куда ушел транспорт, где места разгрузки, кто прикроет. Почему бы мне самому не вылететь самолетом, не принять полк на месте? Или, на худой случай, почему бы не отправиться с первым кораблем, например с танковым батальоном?

С этими мыслями я вышел на палубу. Светило солнце, в небе плавали редкие кудрявые облака, нарядные женщины и мужчины прогуливались по

палубам, иные сгрудились на корме, кормили чаек. Но вот на палубу вышел капитан «Победы», он объявил: «Идем с крейсерской скоростью – 12 узлов».

Ивана Михайловича обступили «туристы» и начали расспрашивать о «Победе». Он поведал, что это корабль немецкий, в войну горел, был заново отремонтирован и по комфортабельности не уступает другим нашим теплоходам.

Вскоре на горизонте появился большой корабль, капитан шепнул мне: «Многовато «туристов» на палубах – сократить!» Чуть позже вместе с капитаном поднялись на мостик, он пригласил в каюту, где завязалась дружеская беседа. Иван Михайлович оказался начитанным человеком. Он достал толстую тетрадь и показал мне свои выписки: «Я их делаю для сына Михаила, он у меня единственный, пусть почитает, во что я верю, в чем вижу смысл жизни».

Среди выписок я встретил имя «Тимофей». Капитан спросил: «Вы Тимофеевич, а знаете, кто это был в древности?» Я не знал. «Тимофей, – читал Иван Михайлович, – это афинский военачальник, много лет успешно командовавший флотом афинян. Однако после одного неудачного похода в 350 году до н. э. он был обвинен в измене, приговорен к огромному штрафу и ушел в изгнание. Враги Тимофея приписывали его предыдущие успехи счастливому случаю. Даже заказали картину, на которой был представлен спящий Тимофей, а Счастье ловило города, заморские земли огромными сетями».

...«Победа» подходила к проливам. Предраассветная мгла улетучилась, первые лучи солнца осветили острова слева по курсу корабля. Ясно просматривался город, набережная, зеленели островерхие кирхи. Это явился нашим взорам Копенгаген. Старпом на карте-схеме показывал: «Видите русалку?»

Снова «аграрии» в порядке установленной очереди вышли на прогулку полюбоваться берегом. Ветер усиливался, но солнце еще приятно пригревало, настроение у всех было приподнятое, пока мы не задумывались о предстоящих испытаниях.

Справа от нас остался Гетеборг. В сторону моря со свистом на форсаже взлетали реактивные самолеты, проходили учебные полеты. Но вот проливы остались позади, и мы вышли в Северное море.

Пригласил капитана госбезопасности Е.П. Топорова. Вместе пошли к капитану вскрывать пакет. Вскрыли. В пакете оказалась «Историческая справка о Кубе» и указание распечатать второй пакет после прохода через

Ла-Манш. Все стало ясно: идем на Кубу!

Иван Михайлович заметил, что в следующем пакете будет указан пункт назначения. Я собрал командиров частей и определил очередность изучения «исторической справки».

Справка объемом 28 страниц машинописного текста содержала краткий политико-экономический обзор стран Латинской Америки. Там же было дано подробное описание Кубы: географическое расположение, рельеф, административное деление, государственное устройство, состав правительства, партии, вооруженные силы на Острове свободы.

Кубинская проблема нам, военным, была знакома в общих чертах. Она больше занимала дипломатов. Попытка президента Кеннеди весной 1961 года с помощью кубинских контрреволюционеров покончить с Кастро не увенчалась успехом. И тогда американцы не раздумывая прибегли к блокаде Кубы, сценарий которой опробовали ранее в самых разных регионах. Блокада была палочкой-выручалочкой для политиков: натянутые взаимоотношения с чужаком превращались в вялотекущие. Но Хрущев на кубинскую проблему смотрел оптимистично, на заседании президиума всех заверил, что на переговорах в Вене с президентом США он переломит ситуацию в лучшую сторону. Микоян попытался было усомниться, но остался в гордом одиночестве, как говорится в подобных случаях, восторжествовала линия партии.

В Вене Хрущев и Кеннеди обсудили целый пакет проблем, традиционно – вопрос о Германии, о признании двух немецких государств, проблему прекращения ядерных испытаний, а под самый занавес переговоров перешли к Кубе. И здесь президент Кеннеди польстил самолюбию Хрущева, дескать, прошлогодняя операция по высадке десанта на Кубу выглядит безрассудной, к силовому решению Кеннеди подтолкнули дезинформаторы из стен Центрального разведывательного управления.

В Москву с венских переговоров Хрущев возвращался триумфатором – «на коне». Правда, министр иностранных дел Громыко вряд ли отважился бы повесить в своем кабинете «подкову» на счастье от этого «коня». Политический барометр зашкалило, он показывал грозные облака над Кубой.

«Интересно, – подумал я, – догадываются в Вашингтоне, что мы вот-вот ступим на берег?» Чтобы успокоить официальный Вашингтон и чтобы президента США не «заносило», Хрущев направил хозяину Белого дома известное послание от 18 сентября, в нем говорилось:

«Самые серьезные последствия может иметь резолюция сената по кубинскому вопросу. Содержание этой резолюции дает основание сделать

вывод, что США, видимо, готовы взять на себя ответственность за развязывание ядерной войны. Резолюция говорит об отказе США в помощи любой стране, которая торгует с Кубой. Это полный произвол!

Хочу обратить внимание Ваше, господин президент, на продолжающиеся облеты американскими самолетами наших судов. В августе имело место 140 случаев таких облетов. Американские военные корабли в открытом океане пытаются остановить наши суда. Хочу еще раз сказать Вам: советские суда, которые следуют по заданному правительством курсу, имеют указания не уступать никаким пиратским требованиям в международных водах и идти своим курсом, если даже им будут угрожать открытием огня. Пусть попробуют задержать или потопить наши суда – это будет началом войны, потому что мы ответим тем же. У нас достаточно подводного флота, который может постоять за честь своей Родины».

Не от хорошей жизни мы завозили ракеты на Остров свободы. Американцы уже давно обосновались в Турции. Военные любили рассказывать в узком кругу, как Никита Сергеевич расспрашивал в своей крымской резиденции известного иностранного корреспондента:

– Какие такие сокровенные тайны вам поведал турецкий берег?

Журналист пялил глаза, пытаясь узреть Турцию, и пожимал плечами.

– И вас еще называют акулой пера? – отчитал Хрущев знаменитость. – Там же сенсация! Американцы уже нацелили свои ракеты на СССР! Почему молчите? Полюбопытствуйте, ракетчикам принесли стейк на обед. Какая гадость! Пойдемте, я лучше накормлю вас варениками с вишнями.

Но вот однажды в Крым приехал на отдых болгарин Тодор Живков. Хрущев пригласил его прогуляться вдоль берега.

– Тодор, что там в Турции? Расскажи, ничего от меня не утаивай, мы же соратники!

– Плохие дела, Никита Сергеевич. Хуже не бывает! В Турции стоят баллистические ракеты, обслуживающему персоналу принесли стейк. И одна ракета нацелена на ваши вареники с вишнями...

Военные замыслы в отношении Острова свободы Дж. Кеннеди получил в наследство от президента Эйзенхауэра. Еще во время предвыборной кампании два кандидата на пост президента, Никсон и Кеннеди, без каких-либо политических тормозов эксплуатировали кубинский вопрос, дабы заполучить симпатии избирателей. И тот и другой пытались представить себя заклятыми врагами Фиделя Кастро. Но если Никсон был более умеренным, то Кеннеди оказался ястребом. Необходимо также отметить, что за несколько дней, прежде чем навсегда покинуть

Белый дом, Эйзенхауэр порвал дипломатические отношения с Кубой. А чуть раньше, когда Фидель Кастро в апреле 1959 года по приглашению Американской ассоциации издателей посетил Вашингтон, Эйзенхауэр не придумал ничего лучшего, как уехать из Вашингтона, чтобы избежать встречи с Фиделем. Эту миссию он возложил на Никсона, который, согласно дипломатическому протоколу, и принимал высокого гостя в американском конгрессе.

Заметим также, что Кеннеди на исторической встрече с Хрущевым в Вене прямо заявил: «Американцы непременно воспользуются опытом Москвы и разрубят гордиев узел кубинской проблемы с решительностью, которую продемонстрировал Хрущев в 1956 году в отношении Венгрии».

Кеннеди дал понять Хрущеву, что он не собирается воспользоваться услугами кубинских контрреволюционеров, а сделает ставку на регулярные американские войска. Чуть позже свое поражение в бухте Кочинос он объяснит несовершенством плана Эйзенхауэра, но на сей раз попытается избежать роковой ошибки, которая, несомненно, отозвалась на его престиже. Определил Кеннеди свое отношение и к ЦРУ, генералы спецслужбы предпочитали действовать автономно, часто игнорируя указания президента.

Свой план по изоляции Кубы от внешнего мира Кеннеди воплощал в жизнь самым активным образом. И вскоре многие правительства на Американском континенте прервали дружеские отношения с Гаваной. Более того, Кубу исключили из членов ОАГ, хотя это выглядело нарушением Устава ООН. ОАГ всегда рассматривалась как региональная организация ООН, и какие-либо меры по дискредитации страны в уставе не предусматривались.

Не прошло и месяца, как Кубу вытеснили из ОАГ, а генерал Ленсдейл уже представил дюжину вариантов по ликвидации Кастро. Маниакальные идеи генерала войдут в энциклопедию политического безрассудства нравов американской военщины. Карлос Лечуга, представитель Кубы в ООН в дни Карибского кризиса, довел до сведения общественности один из этих планов: предполагалось убедить многочисленное католическое население острова в том, что вскоре грядет второе пришествие Христа, который явится перед народом, если кубинцы избавятся от Ф. Кастро. Иными словами, вождь революции должен был покинуть родину, чтобы Христос мог прийти на Кубу.

Согласно этому экстравагантному плану, распространение слухов о скором явлении Христа на Кубе привело бы к народному восстанию. В свою очередь, подводные лодки американских ВМС озарили бы ночное

небо фейерверком из мелких звездочек – знак приближения мессии. Так при помощи иллюминации в Белом доме задумали расправиться с Фиделем.

Правда, метод свержения законной власти путем иллюминации Кеннеди раскритиковал в пух и прах. Сам Кеннеди был католиком и считал для Кубы второе пришествие Христа оскорбительным. Другое дело – лужайка перед Белым домом. Кеннеди предпочел экономические, дипломатические и психологические методы в борьбе с Кастро. Здесь американцы могли воспользоваться своим богатым опытом, опираясь на свое военное преимущество, им не впервой было нарушать международно-правовые нормы.

Но если американцы оперативно разрабатывали планы по уничтожению Кубы, то в Советском Союзе эту угрозу старались отвести. Было решено направить на Остров свободы представительную делегацию в составе Рашидова, Алексеева и маршала Бирюзова, главкома Ракетных войск. Бирюзов выехал на Кубу под фамилией инженера Петрова. Его имя сохранялось в тайне до последнего момента, пока Алексеев лично не доложил Раулю Кастро, кто на самом деле этот инженер-«аграрий».

Бирюзов предложил разместить на Кубе 42 ракеты. Фидель воспринял эту идею весьма настороженно. Ему казалось, что эта акция повредит образу революции в Латинской Америке. Для политического оформления этой идеи в Москву отправился сам Рауль Кастро. В Москве и составили черновой вариант договора. Фидель, как и ожидалось, внес свою редакцию. Отныне это соглашение называлось Договором о военном сотрудничестве и совместной кубино-советской обороне.

Безусловно, американцам было известно об увеличении масштабов перевозки товаров «для народно-хозяйственных нужд». Английская и немецкая разведки информировали своих союзников об активизации перевозок из СССР на Кубу. Традиционно проходили экспертизу наши суда в Босфоре и Средиземном море, их фотографировали с кораблей Шестого флота. Стратегические ракеты можно было спрятать в трюмах, но на земле они были как на ладони. Хотя находились среди советских военных и такие специалисты, которые верили, что не составляет особого труда замаскировать ракеты в «пальмовых рощицах». И что совсем удивительно, в эту байку поверили в Кремле. Конечно, теоретически ракеты возможно было замаскировать среди пальм, но как спрятать от взора противника 5 командный пункт, коммуникации, пусковые площадки?

...Неприветливо нас встретило Северное море. Ветер с каждым часом усиливался, непроницаемая мгlistая муть окутала все вокруг, корабль раскачивало, в бушующем море за гребнем волны следовала впадина, и нашу «Победу» бросало то на гребень, то в яму. «Победа» скрежетала, и казалось, корабль шел не вперед, а бился на одном месте в бушующих волнах под напором нарастающего ветра.

Палубы опустели. Шикарные «путешественницы» и их кавалеры разбрелись по каютам, матросы укрепляли шлюпки, спасательные плотки. Еще вчера выходили на палубы в порядке строгой очереди, сейчас же ни одной души, морская болезнь сковала движение.

Врач предлагал «туристам» валидол, но Иван Михайлович посоветовал выдать всему личному составу воблу и сухари:

– Важно, чтобы люди что-нибудь жевали. Вы конечно же знаете английского флотоводца Нельсона, так вот, он был подвержен морской болезни. За адмиралом во время шторма ходил вестовой с ведерком, и Нельсон постоянно жевал соленую рыбу.

Зашли к капитану в каюту. Он мне поведал секрет, что, когда очень качает, надо выбрать точку и лежа смотреть. Это и спасает. Попробуем. Лег на ковре, выбрал точку, смотрю, но тошнотворное состояние не проходит. Иван Михайлович открыл холодильник, налил два фужера «Смирновской», выпили, закусили воблой.

– Легче?

– Получше!

– Вот видишь, голова тоже дура, ее можно обмануть.

Я впервые услышал эту фразу, рассмеялся, полежал немного и пошел к себе в каюту. Искать на потолке «точку спасения». Но холодильник в каюте, к сожалению, был пуст, и голову обмануть больше не удавалось.

Море бушевало, штурман объявил: «Шторм 12 баллов». Для многих из нас, пехотинцев, связистов, врачей, сестер, не особенно было ясно, что такое 10 или 12 баллов, мы только видели величественно-грозные гребни волн, падающий в пропасть корабль. Все скрежетало и свистело, кружилась голова, и выхода не было. Дано одно – выжить!

Я спустился на первую палубу – ни души. Зашел в каюту капитана Н.А. Шеховцова и лейтенанта И.Н. Павленкова, они оба мучились морской болезнью. Я передал опыт с точкой, угостил воблой, зашел в соседнюю каюту – там такая же картина.

На обед почти никто не пошел. Из всего экипажа и пассажиров только человек двадцать – двадцать пять были устойчивы к качке, они работали, были веселы, а некоторые солдаты даже умудрялись играть в спортивные игры. Идеальный вестибулярный аппарат поддерживал их в рабочем состоянии.

При выходе из Бискайского залива нам следовало с капитаном вскрыть второй пакет с сургучной печатью. Но Иван Михайлович не спешил, знамо, куда плывем, – на Кубу! Живописуя в деталях, он поведал мне по секрету, как Никита Хрущев совершал вояж в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. «Представляешь, шторм 10 баллов. А Хрущев в 6 часов утра звонит капитану: «Почему на «Балтике» зажимают композитора Майбороду? Где «Рушничок»? Достукаетесь, поставлю вопрос на политбюро переименовать ваш корабль в «Ильичев»^[20]. Хлебнете горя, ни в одном порту вам не позволят причалить к берегу». И, напевая «Мать родная моя, ты до зорьки вставала», Никита Сергеевич вышел на палубу и широко расставил ноги.

Со страхом слушали в каютах «Рушничок» капризные пассажиры «Балтики» – редакторы центральных газет. Вот-вот Никита Сергеевич попросит их к нему подняться, дабы навести хрестоматийный глянец на очередной странице знаменитого доклада, который чуть позже назовут «исторической речью с ботинком фабрики «Парижская Коммуна».

Пока нас штормило в Бискайском заливе, вскрыли второй секретный пакет. «Следовать в порт Никаро», – прочитали мы в ориентировке. Разложили с Иваном Михайловичем карту и, не сговариваясь, начали искать порт Никаро на Острове свободы.

– Нашел! – воскликнул капитан. – Поздравляю вас с кубинской пропиской! Порт Никаро расположен в бухте Нипе провинции Ориенте в восточной части Кубы. Ананасный рай!

По соседству с Никаро в бухте приютились Антилья, Престон, Фельтон. Отныне мы держали курс строго в направлении Азорских островов.

...Шторм продолжался. Врач доложил, что «аграрии» уже не встают. Кое-кого уже подкармливают через капельницу. Порешили выделить несколько кают для самых слабых. В свою очередь, капитан принял решение провести учение с командой на случай аварийной ситуации. Матросы действовали сноровисто, несмотря на громадные волны, подготовили к спуску на воду все баркасы, заделали условные «пробоины». При этом считалось хорошим тоном щегольнуть испанскими словами: «Бамос компанеро», «Муче грасио».

Навестил Шеховцова с Павленковым, они лежали пластом, но от капельницы отказались, шутили: «Дмитрий Тимофеевич, пропишите нам лекарство, высадите на пять минут на берег!»

После окончания учения Иван Михайлович пригласил меня к себе в каюту. Улыбаясь, капитан открыл свою заветную тетрадь и прочел:

– «Если бы добро мы не совершали во имя дружбы, то и добра бы не было на земле». Это из летописи времен монголо-татарского нашествия на Русь, – пояснил капитан. – К сожалению, и тогда у русичей были проблемы. Не зря летописец взывал: «Не копайте яму друг другу». Как будто летописец дожил до наших времен. Дмитрий Тимофеевич, одна моя мысль постоянно глохнет. А вдруг разворуют нашу Победу? Кто на мелочный успех, а кто на карьеру. Мы нашу Победу не храним. Подходи с любой стороны и хапай! Разворовывай!

– Не беспокойся, капитан, мы выставим караул у нашей Победы. Не растащат. Выдюжили, дошли все-таки до Берлина!

– Почетный выставите караул – наверняка растащат. Сверху и начнут снимать с нашей Победы сливки. Я бы перед каждым обкомом партии не трибуны возводил, а рыл окопы. Упустим мы молодежь, чует мое сердце – упустим!

– Ну, это ты перебираешь. Посмотри, какие новобранцы с нами плывут. Деревенские хлопчики, самостоятельные, с дороги не собьешь.

– Да нет! Ты почитай эти модные книжки. Как поэты научились лицемерить. Смогли же люди отказаться от Бога, может быть, откажутся и от Победы. Ты знаешь, Дмитрий Тимофеевич, как надо жить? Чтобы тебя распяли на другой стороне креста. На одной стороне креста – Христос, а на другой – все мы, православные. Русские! Только так и выживем. Я, Дмитрий Тимофеевич, с большой надеждой на Кубу еду. Она для меня не просто Остров свободы, остров души. Ты мне расскажи, почему Хрущев снова замахнулся на наши святыни. Сколько монастырей позакрывали, древние храмы отдали под свинарники. Только Сталин напомнил нам о святынях, так кому-то понадобилось там, в Кремле, снова погасить лампаду...

Мы ехали спасать кубинскую революцию. К сожалению, в краткой справке о Кубе почти ничего не говорилось о самом Фиделе Кастро. Но когда я поближе познакомился с Раулем Кастро и мне стали доступными труды вождя кубинской революции, его взгляды на религию, на общество, я совсем другого открыл для себя Фиделя. Я никак не мог понять, почему «Кодекс строителя коммунизма» с заповедями Христа вступает в такое противоречие с православием, с религией коренного народа? Или, как нас

сегодня называют, титульной нацией.

Признаюсь, Иван Михайлович перелопатил мне душу. Он не диссидентствовал, не просиживал все ночи напролет с гитарой на кухне. Он читал наизусть стихи Анны Ахматовой и не одобрял вечера поэзии в Политехническом. Мол, поэзию нельзя превращать в лекцию с президиумом, когда на сцене, как на партийных съездах, восседают чиновники от литературы.

– Дмитрий Тимофеевич, это же кощунство – читать стихи на стадионе. Все равно что залезть даме под юбку у всех на виду.

– Иван Михайлович, вы не правы. А если это поэзия в рабочей спецовке?

– Вот именно – в спецовке! Со штангенциркулем в кармане, с рашпилем и с заточкой – распить «Столичную» на троих. Вы можете себе представить, чтобы Державин экзаменовал молодого Пушкина с рашпилем и с заточкой?

А нашу «Победу» все бросало как щепку, правда, кое-кто из «аграриев» уже вышел на палубу с «дамами» послушать кубинские мелодии, которые доносились из капитанской рубки.

Мы подходили к Азорским островам. И хотя ветер стих, «Победа» как заведенная продолжала качаться. До Никаро оставалось семь-восемь суток, и надо было думать, чем занять людей. Предложил всем начать изучать справку. Прочитали и удивились: почему Куба завозит из США сахар в десятки раз дороже, хотя на острове 162 сахарных завода? Пришлось объяснить: Куба – сырьевой придаток США и производит сахар-сырец.

Когда изучили справку об экономике Кубы, наступила очередь изучать испанский язык. Спустя час, как я разрешил познакомиться с разговорником, ко мне пришла делегация «аграриев» из Молдавии. Они утверждали, что в корневой основе испанского и молдавского языков много общего. Как обрадуется Фидель, когда узнает, что он молдаванин! По случаю «братской корневой основы» молдаване порешили даже подготовить вечер отдыха для «кавалеров и дам». От эстрадных певцов не было отбоя! Сценарий праздника поручили написать Е.П. Киселеву, старшему лейтенанту, дирижеру полкового оркестра. На самой верхней палубе над бассейном сделали настил из досок-сороковок, а репетиции перенесли в ресторан, дабы все сохранить в тайне.

«Покой нам только снится», – прекрасно сказал Александр Блок о жизни военных. Еще неделю тому назад были в Кронштадте, а сейчас мы идем в неизведанные дали маршрутом Колумба. Не будем уповать на судьбу, лучше мобилизуем все свои силы, чтобы выполнить приказ Родины.

Фидель бросил вызов империалистам, и нам негоже стоять в стороне.

Чем южнее уходили, тем короче становились дни. Яркие звезды усыпали небо, казалось, звездный ковш вот-вот зачерпнет из океана водицы.

Вскоре оркестр закончил репетиции, в роли конференсье выступил сотрудник секретной части полка Власов. Он прочитал монолог из «Ревизора». Это придало концерту академический характер, какая-либо халтура не проходила. Среди наших женщин нашлось много талантливых певиц. Сначала песни пели под оркестр, а потом распевали под баян и гитары.

Неохотно «аграрии» расходились по каютам, расставаясь, они говорили друг другу: «Буэнос ноче», – разговорник действовал!

Утром разговорились с капитаном о вчерашнем музыкальном вечере. Как прекрасно, что духовно мы были все вместе и нас объединяла великая идея служения Отечеству. Не дай бог утратить это единение! Враг изворотлив, и, растлевая наши души, он поспешит нам подбросить свои скудоумные мотивы. Посмотрите, как нарко-«голубая» эстрада правит сегодня миром. Как звезды эстрады насмежаются над русской душой. А пока до горбачевской перестройки еще несколько десятилетий, можно слушать песни славян...

На шестнадцатые сутки на рассвете в бинокль мы увидели восточную часть острова Куба. Подходили все ближе и ближе, и вот уже в приборы просматривается бухта Нипе. Было видно, как бились о берег волны и зеленели вдали стройные пальмы. О нашем прибытии уже знали и в Москве, и в Гаване, но ожидают ли нас в Никаро?

Где-то около часа мы дрейфовали в двух-трех милях от горловины входа в бухту. Наконец на легком катере прибыл лоцман-кубинец, он свободно говорил по-английски.

Капитан угостил лоцмана чашечкой кофе, вручил традиционные морские подарки, разговор проходил без переводчика и был ограничен морской терминологией. Затем вышли на капитанский мостик, и лоцман объяснил, что причалы заняты, в бинокль мы увидели сухогруз «Красноярск».

В бухте Нипе несколько портов, но свободный причал был только в Антилье. Порешили идти в Антилью. В прибор наблюдения я заметил, как начала движение колонна автомобилей из Никаро в сторону Антильи. Это заместитель командира полка А.И. Мороз, наблюдая за нами с мостика «Красноярска», принял решение подать транспорт под разгрузку.

Неожиданно узрел возню на корме. Присмотрелся: человек пять ткнули на тросике-удочке акулу. Когда ее стали перебрасывать через борт, она, извиваясь, ударила о поручень хвостом и ушла, оставив на крюке половину своей челюсти.

«Победа» медленно разворачивалась носовой частью в сторону залива, затем дала малый ход назад и левым бортом причалила к стенке. Опустили трап. Первым на борт поднялся А.И. Мороз в сопровождении офицера кубинских вооруженных сил.

Пока майор В.И. Поляков организовывал разгрузку, я заслушал доклад подполковника А.И. Мороза о состоянии полка, месте дислокации и какая получена конкретная задача.

Разгрузка проходила медленно, пирс был очень узкий, крановое хозяйство отсутствовало, разгрузку проводили корабельными кранами. На пирс нельзя было загнать более пяти машин, поэтому разгружались почти всю ночь. Последняя колонна ушла на рассвете. Когда все было закончено, я зашел попрощаться с экипажем. На скорую руку написал записку жене:

«10.9.62 года – прибыли. Мороз нас встретил, дошли все благополучно. Жара. Письма будете получать после ноябрьских праздников. Все в порядке. Крепко целую.

Ваш *papa*».

Иван Михайлович обещал письмо из Одессы отправить в Саперное телеграммой. Попрощался с экипажем, с командирами частей, которые следовали до Гаваны. По-дружески обнялись с Письменным. Пожелал ему «семь футов под килем». Я тогда еще не знал, что через два месяца увижу «Победу» и буду принимать моряков у себя в лагере в Касе-де-визито.

«Победа» медленно отходила от причала. На пирсе, чирикавая, прыгал воробей, совершивший путешествие от Кронштадта до Кубы вместе с нами. Попрыгал, почирикал и под звуки гудка «Победы» вспорхнул и улетел за ней.

«Счастливец! – подумал я. – Везунок!»

Ориенте

«Ориенте» в переводе на русский означает «восточная», «ориент» – «восток». Ехали обходными дорогами, объезжая крупные населенные пункты: Антилья, Делайте, далее повернули на Тобако. Дорога шла по слабо всхолмленной равнине.

Справа и слева от дороги через листву пробивались зеленые побеги сахарного тростника, красовались широколистные пальмы, согнувшиеся под тяжестью плодов. Повернули на Мангито. Вдруг вижу: у обочины дороги малая саперная лопатка, через несколько метров – каска, через некоторое расстояние еще предметы, явно не относящиеся к труду «аграриев», пришлось выделить автомобиль с группой солдат для повторного осмотра дороги от Антильи до Сан-Педро-де-Какокум. Кое-кто в пути задремал, где-то плохо увязали имущество, даже связку из десяти поролоновых матрацев нашли в кювете.

Сопровождающий нас кубинец показал ядовитые деревья. Гуава с небольшими листьями, лимоны ярко-зеленого цвета. Капли с листьев этого дерева, попадая на кожу, вызывают незаживающие язвы. Чем ближе подъезжали к лагерю, тем больше было ядовитых деревьев.

Приходилось читать в романах, что туземцы некоторых племен на островах ядовитыми стрелами отражали нападение противника. Мы же оказались беззащитными от этих «даров природы», уже заболело несколько десятков человек. Какова причина? Некомпетентность. Расчищая для палаток место, вырубали деревья, последние использовали и для нар. Вот этот «строительный материал» и был причиной тяжких заболеваний. И здесь следует отметить полкового врача майора В.И. Ульянова, он быстро разобрался в причине заболевания. В течение суток организовали систему охраны лагеря по двойному периметру. На внутреннем периметре – наши посты, по внешнему – кубинские. От кубинской дивизии, которой командовал капитан Д. Чавеко, с нами взаимодействовал начштаба дивизии лейтенант Герра. Я приказал заниматься обустройством, развертыванием

пунктов питания, организацией информации, сам же с подполковником Морозом и Геррой выехал в штаб дивизии, дабы связаться с Гаваной.

С горем пополам с узла связи кубинской дивизии (она дислоцировалась в городе Ольгине) удалось дозвониться до «центра» Павлова, под этим псевдонимом советскими войсками на Кубе командовал генерал Плиев. Доложил генералу Акиндинову о прибытии. Он сказал: «Иван Павлов в ближайшие дни прилетит к тебе и на месте все разъяснит, действуйте самостоятельно».

По дороге Мороз рассказал, как он летел, кто был вместе с ним, что район дислокации определили кубинцы.

– Что известно о нас американцам? Вы имеете информацию?

Мороз толком ничего не знал, без переводчика, по разговорнику оперативные вопросы не решаются. Заехали в Касе-де-визито посмотреть, как устроился Александр Иванович. Там я познакомился с капитаном Джоелем Чавеко – командиром дивизии. Чавеко исполнилось 23 года, с вьющимися волосами, бородкой, обвешанный ремнями, с огромным пистолетом, подтянутый, быстрый в движениях, он больше подходил на должность командира роты, но революция опиралась на молодых, самому Фиделю в то время было только 36 лет.

Чавеко пригласил нас к журнальному столику. «Агуа, сок, сербесер?» – начал разговор кубинец. Мороз объяснил, что нам предлагают сок и пиво. Я попросил апельсиновый сок и, продолжая разговор, пригласил Чавеко поехать с нами. Он согласился.

В танковом батальоне нас встретил подполковник Ширяев, повел к больным. Зрелище было не из приятных: опухоли, волдыри под глазами, раны кровоточили. Больные отгоняли moskitov, тучами висевших над нарами. Воздух был заполнен ядовитым запахом гуавы, на лагерь напоззала огромная зловещая черная туча. Чавеко подошел к ядовитому дереву, сорвал несколько листьев, размял их в руках и показал, что их надо варить, затем натереть отваром тело, в результате получится что-то вроде наших прививок.

– А вы сами болели? – спросили мы Чавеко.

Он засмеялся и объяснил, что так лечился в горах Сьерро-Маэстро.

Я спросил Чавеко:

– А с врачами вашими можно проконсультроваться?

– О нет, – ответил он, – врачи драпанули вместе с Батистой!

В районе дислокации полка не было никаких навесов. Все складировали под открытым небом. Стояли только палатки для личного состава. В этих палатках при тропической жаре, повышенной влажности

бактерии размножались в идеальных условиях. Уже через несколько дней консервы начинали вздуваться, «бомбажить». Отправив Мороза за врачом в Сантьяго-де-Куба, я с капитаном Чавекой отправился договориться о размещении нашего провианта на складах. Уже на другой день мы начали перевозить муку, сахар, масло, консервы и крупы, весь годовой запас продовольствия. Приехал и армейский врач из Сантьяго-де-Куба, он прописал лечение хлористым кальцием.

Ночью я проснулся от стрельбы. Позвонил дежурному: «Что? Где? Почему стреляют?» Он обзвонил посты и доложил: «Стрельба велась по внешнему периметру, где службу несут кубинцы».

С кубинским постом разбирался старший лейтенант А.П. Пыльцин. Он доложил, что стрелявший кубинец показал на кустарник: слышал разговор контры. По кустарнику и полоснул автоматной очередью. А наш воин дал ответную. В общем, виновником оказался попугай.

Пришлось ужесточить инструктаж, оборудовать посты, изменить их положение. Решили создать и смешанные посты, чтобы из-за незнания языка не стать заложниками случайности. И опять мне вспомнились слова Чуйкова: «Надо все предвидеть, советников не будет – ты всему голова».

Иван Павлов прилетел на аэродром в Ольгин без предупреждения. Стояла жара, и Павлов предложил стол с картой провинции Ориенте и нашей дислокацией вынести на воздух.

Когда вышли из палатки, он увидел солдат в трусах, они прокладывали переднюю линейку. Это генерала вывело из равновесия. Он начал ругаться: «Вы что – князь? Почему люди одеты не по форме?»

Павлов был человек крутого нрава, но справедливый. Он быстро понял, что надо уходить из этих джунглей, искать более высокое место.

Я доложил, сколько больных, какие меры приняли для сохранения продовольствия, что техника вся исправна и находится в боевой готовности. Сопровождал Павлова начальник войскового отдела оперативного управления полковник Соловьев Виктор Васильевич.

Объехали все батальоны, но в плавках больше солдат не встречали. Осмотрел командующий и больных, спросил генерала Пелипенко, заместителя по тылу: «А куда медицина смотрит, все солдаты в язвах?» Пелипенко ловко выкрутился, мол, госпиталь уже разворачивается в Ольгине.

Я знал, что это отговорка, но Пелипенко таким образом взваливал на себя ответственность, а это давало мне право просить оставить его в Ольгине, чтобы решить кое-какие хозяйственные вопросы. В Ольгине разворачивался объединенный продовольственный склад, и на наш полк

была возложена задача перевозить материальные ценности с кораблей. Прибывала на аэродром «Провидение» и эскадрилья боевых бомбардировщиков Ил-28, которой мы оказали помощь в обустройстве.

А когда я доложил Павлову о больных дизентерией, генерал приказал быстро уходить из этого района. Он посоветовал найти более высокое место, продуваемое ветрами.

Перед отъездом Павлова меня проинформировали, где расположились полки ПВО в провинции Ориенте. Теперь я был связан с генералом Пелипенко, который легко расточал обещания, а вопросы решал с большим скрипом. Каждый раз надо было звонить в Гавану, докладывать и выпрашивать. Например, вопрос о размещении госпиталя решался целый месяц. Под госпиталь местные власти передали нам здание Паласе юстиция.

На другой день мы с В.В. Соловьевым и с переводчиком выехали на газике в Сантьяго-де-Куба. Дороги на Кубе прекрасные. Проехали Сан-Педро-де-Какокум, Пуэто-эль-Кристо и вскоре были в Баямо. Справа в туманной дымке виднелись горы Сьерра-Маэстра. Переводчик увлеченно рассказывал о продвижении Повстанческой армии. Миновали Пальмо-Сориано, где находилась радиостанция, по которой Фидель часто обращался к кубинскому народу. Проехали Сан-Луис, Дас-Коминос, и вот мы в столице восточной провинции Сантьяго-де-Куба. На стенах домов красочные призывы: «Патрио о муэрте!», «Венсеремос!» («Родина или смерть!», «Мы победим!»). Мне подумалось, что любовь к Родине – это и есть величайшее чувство, которое воспитывается в каждом народе. Если, конечно, президент страны не запродаст себя вместе со своими домочадцами какой-нибудь державе.

В штабе армии нас встретил командующий Каликста Гарсиа. Запомнилось его небритое, скуластое лицо, выразительные глаза, неторопливость в словах. По кубинскому обычаю нам предложили с дороги что-нибудь выпить: сок, кофе, агуа, сербесер. Поблагодарив, мы вошли в кабинет, где на стене висела огромная карта с обозначенными на ней пунктами дислокации войск армии. Виктор Васильевич доложил о цели нашего визита, представив меня: «Компанеро Дмитрий».

Сначала нам показали на карте американскую базу Гуантанамо и наиболее опасные направления в случае активных действий американцев, удобный плацдарм для высадки морского десанта. В любом случае необходимо было дислоцировать полк на перекрестке дорог, которые сходились в Ольгине. При этом нам посоветовали решить проблему с водой. На Кубе воды мало, случается, что за три-четыре месяца и капли не

выпадает. Все зависит от дождей. Договорились, что командующий завтра направит вертолет в Ольгин со своим офицером из штаба армии и поручит Чавеке совместно с нами подобрать удобное во всех отношениях место. «Выбирайте место на высоте, – посоветовал командующий, – с источником воды и желательно вблизи линии электроснабжения».

Затем команданте пригласил нас на обед. В скромно меблированной комнате на стене висела картина: Фидель Кастро с ранцем за спиной идет в горы. Мы поинтересовались, давно ли Каликста знаком с Фиделем. Оказалось, что Каликста один из тех, кто принимал участие в высадке исторического десанта с «Гранмы».

После обеда команданте предложил осмотреть исторические места в округе. Поехали к старой испанской крепости, все здесь дышало Средневековьем. А вот и казармы Монкадо. Нам коротко рассказали о героическом штурме Монкадо отрядом Фиделя и Рауля Кастро.

В Сан-Педро-де-Какокум вернулись поздно вечером. Солнце давно ушло за горизонт, яркий шатер звезд и полная луна освещали наш палаточный городок, кто-то пел под гитару, доносились голоса из офицерской столовой. Вскоре прибыли начальник штаба полка, начальники служб, и я заслушал их доклады о проделанной работе за день, поделился своими впечатлениями о поездке.

Утром прибыл вертолет с представителем штаба армии и Чавеко. Мы облетали район по кругу. На северо-восточной окраине Ольгина мы заметили довольно большую площадку с несколькими асфальтированными дорогами. Я взглянул на карту: высота 260 метров, ниже протекает ручей. Но есть ли в нем ключевая вода?

Решили приземлиться. На краю площадки, ближе к дороге, стоял дом. Хозяин дома встретил нас радушно. Из разговора мы выяснили: земля принадлежала хозяину дома, он готов уступить ее под строительство, потому и проложил предусмотрительно дороги. Хозяин готов переехать, если государство предложит ему равноценный участок и выплатит компенсацию за дороги.

Мы осмотрели вырубку в скале, куда собиралась вода, изучили стоки при ливнях. О лучшем участке нельзя было и мечтать, место курортное, ни одного ядовитого деревца.

Чавеко доложил командующему армией, а тот Раулю Кастро. Все вопросы порешили в течение недели.

По-прежнему стояла жара, хотя сентябрь был на исходе. Даже ночью не наступала прохлада. До 15 часов все горит под солнцем, а в 16 часов, как по заказу, дождь, затем духота, палатки к утру все покрывались зеленым

грибком.

Создали рекогносцировочную группу, выехали в новый район и определили порядок размещения: на правом фланге – подразделения боевого обеспечения, мотострелковые батальоны, танковый батальон, артиллерийский дивизион, САУ, ПТУРС, две зенитные батареи.

Палатки разместили за передней линией в два ряда, каждая на 50 человек, затем оружейные «комнаты», погреб для питьевой воды. За развитие сценария по рекогносцировке отвечал инженер полка майор П.А. Жупаков, ему помогали артиллеристы, вооруженные теодолитами.

Вечером провели собрание коммунистов полка. Больше всего нас удивил полковой «министр культуры» капитан В.А. Грязнов. Он предложил на склоне высоты, которая амфитеатром спускалась к ручью, построить театр под открытым небом с кинобудкой. Материалов для возведения театра не было, и мы использовали доски, которые подготовили на пол для палаток. Амфитеатр получился уютным, хоть приглашай из Москвы Николая Охлопкова для постановки пьесы Еврипида. Помните реплику Пелея из трагедии «Андромаха»: «Остановись, спартанский царь! Закону дай дорогу!»

В конце сентября меня вызвали в Гавану на первый Военный совет. На аэродроме в Ольгине впервые встретился и познакомился с Дмитрием Мальцевым и Дмитрием Ржевским, моими коллегами. В Камагуэе в самолет Ли-2 к нам подсел и командир дивизии ПВО генерал Воронцов. Вторую посадку совершили в Санта-Кларе. К моей радости, к самолету подошел Григорий Иванович Коваленко, он приехал из Карбарьена. Обнялись по-братски – мы ленинградцы! Через час-полтора прилетели в Сан-Антонио. Встретил нас подполковник Василий Носарев, офицер оперативного отдела нашей дивизии. Он сообщил, что едем в Эль-Чико, там и отоспимся. Утром, в 9.00, военный совет.

– А где будет проходить военный совет?

– В штабе, недалеко от деревни Новой.

Почему-то вспомнился Ленинград. Что ни деревня, то Новая, что ни речка, то Черная. Через полчаса уже все перезнакомились. Впервые услышал фамилии Данкевич, Гарбуз, Ананенков.

– Язов, – вдруг слышу, – сказывают, ты перешел на кубинский ром? Полк разместил по соседству с кафе. Небось из окошка можно узреть, что за выпивка стоит в баре?

Это подошел ко мне полковник Михаил Георгиевич Титов, он прилетел передать Павлову документы. С тех пор мы друзья с Михаилом Георгиевичем, делим и горе и радость пополам.

Военный совет начался в 9.00. За столом – Плиев, Петренко, Данкевич, Гречко, Давыденко, Пелипенко. Многие сгладились в памяти, но этот Военный совет я запомнил на всю жизнь. После короткого выступления председатель Военного совета кивнул в мою сторону. Выходит, я главный докладчик, это меня вызвали на ковер. Начал я с ЧП, с отравления ядовитыми деревьями, с дизентерии. Но Плиев прервал мой доклад через несколько минут:

– Вы же развернули госпиталь?

– Пока еще не полностью, продолжаем лечить в полевых условиях.

– Как же так? – возмутился командующий и метнул взгляд в сторону Пелипенко. – Вы же мне доложили, что госпиталь развернули.

И минут на пятнадцать последовал монолог. Командующий говорил о честности, о правдивости информации, о принципиальности.

Доложил я и о новом месте дислокации полка, которое мы согласовали с мэром городка.

– Но мне доложили: там рядом ресторан и ночной бар! Вы что, приехали сюда охранять запасы рома? Или это случайное совпадение? Предупреждаю, что пьянство недопустимо. Пьяниц будем сплавлять в Москву, поближе к портвейну «Три семерки». У вас все? – обратился ко мне Плиев.

Слово было предоставлено командиру полка из Санта-Клары. Он начал с просьбы о помощи.

Плиев опять взорвался:

– И кто же вам должен помогать? Вы что, на курорт приехали? Может, вам выдать панаму и отправить на пляж к миледи?

Во многом был прав Исса Александрович, но ему не доложили, как нас выпроваживали из Союза. Ведь знали в Генеральном штабе, куда мы следуем. Почему же не определили минимальный перечень для обустройства? Шапки-ушанки взяли, но не догадались погрузить на корабль ни грамма цемента, ни прутика арматуры.

Объявили перерыв. Ко мне подошел генерал В.Н. Ананенков, расцеловались – однокашники. Командиры полков наперебой начали меня успокаивать, дескать, перепало тебе и за наши огрехи. Умеешь удар держать!

После перерыва выступил член Военного совета генерал-лейтенант П.М. Петренко. Он пытался сгладить впечатление о первой части заседания, когда с нас снимали «стружку», Петренко остановился на особенностях политико-воспитательной работы на Кубе. Далее Павел Максимович сообщил, что в ближайшее время выйдет бюллетень, он

несколько смягчит информационный голод. В заключение выступил Плиев. Ситуация была не из простых. Куба была пороховым погребом, и кое-кто хотел поднести фитиль. Всех карт Плиев не раскрывал, почти ничего не говорил о боевых задачах, оставил без внимания и ракетные части. Закончил свое выступление командующий призывом помочь кубинскому народу отстоять независимость своей Родины.

Вернувшись в полк, я провел совещание. Объявил, что завтра мы начинаем переезд строго по графику.

Переезд на новое место занял больше недели. На сей раз обошлось без ЧП. Солдаты благодарили за баньку, кто-то даже принес березовый веник, привез из России. Все сбежались полюбопытствовать на это диво. Порешили веничек не трогать, украсить им баньку.

Карибский кризис

Шел октябрь, жара не спадала. С помощью Чавеко мы из палатки переселились в дом, оставленный нам хозяином. Из щитов и досок соорудили магазин, где продавали кока-колу, соки и товары со столичными ярлыками. Зарплату офицеры получали в размере 100 песо, солдаты – 10 песо, вполне достаточно на соки и сигареты.

14 октября У-2, разведывательный самолет США, пилотируемый летчиком ВВС США майором Ричардом С. Хейзером с авиабазы Эдвардз, Калифорния, на большой высоте сделал несколько удачных снимков ракет, уже стоящих на позициях.

В оперативном управлении мы узнали о маршруте пролета разведывательного самолета. Конечно, его можно было сбить, но из Москвы получили строгий приказ: не сбивать, ракеты не использовать.

На вооружении частей ПВО находились ракеты ЗРК-С-75. Их эффективность для того времени была превосходной. Можно было уничтожать цели, идущие со скоростью 1500 километров в час на высоте 22 тысячи метров. Один дивизион в течение 10 минут сбивал до пяти целей, идущих с интервалами 1,5–2 минуты. На одну цель расходовали две-три ракеты.

Американцы, по-видимому, не знали, что на Кубе на охране воздушных рубежей стоят С-75. Поэтому нас предупредили: ни на какие провокации не отвечать. Нам рассказали, что еще в ноябре 1959 года под Волгоградом мы устроили американцам «смотрины»: сбили их разведывательный аэростат на высоте 28 тысяч метров.

Я приказал рассредоточить полк в горах и весь личный состав переодеть в маскировочные костюмы. Особо подчеркнул: огонь разрешается открывать зенитным батареям исключительно по приказу из центра.

Утром 20 октября мы тревожно ожидали начала Военного совета. Вышел командующий, он объявил: «Сейчас не время для разговоров. В

США «ястребы» призывают к войне против Кубы. Американские корабли находятся в море, объявлено от мобилизование 18-го воздушно-десантного корпуса. Я надеюсь, вы понимаете свою задачу. Прошу отправиться в войска, связь со штабом поддерживать непрерывно».

С беспокойством смотрели на меня офицеры, когда я вернулся с Военного совета: «Ну, что порешили наверху? Отменяется война или нам грозит апокалипсис?» Конечно, все хотели мирного исхода в противостоянии, правда, мало что от нас зависело, решение принимали в Кремле. Может, визит А. Микояна в Вашингтон снимет напряженность? Неужели нет шансов найти приемлемое решение и для США, и для Кубы, и для Советского Союза?

В этот же день собрал руководящий состав полка, впервые проинформировал командиров, что на Кубе находятся ракетная дивизия, две дивизии ПВО, полк фронтовых крылатых ракет и что на Кубе объявили мобилизацию.

Вскоре к нам прибыл и кубинский офицер из штаба корпуса, вручил телеграмму: «Дмитрий, прошу прибыть в штаб армии Сантьяго-де-Куба. *Рауль Кастро*».

Позвонил Плиеву, доложил: меня приглашает в Сантьяго-де-Куба Рауль Кастро. За меня остается подполковник Мороз. Исса Александрович, в свою очередь, распорядился: «Не снимаю с вас ответственности за командование полком. Приедете в штаб армии – позвоните. Хочу сам переговорить с Раулем Кастро».

Часа через четыре мы прибыли в штаб армии. Я представился Раулю Кастро, Каликсто Гарсиа, Евухенио Альмехейрасу, затем попросил разрешения связаться с Плиевым. Доложил командующему, что министр Революционных вооруженных сил Кубы рядом. По разговору Рауля Кастро с Плиевым понял: речь идет о фронтовых крылатых ракетах. Затем Мальцев развернул карту, показал позиции полка в районе западнее Гуантанамо и предложил, как и рекомендовал командующий, отвести полк в горы.

На совещании Рауль Кастро напомнил: территория Кубы разделена на три зоны, на три командования: Западное возглавляет Фидель Кастро, Центральное – Хуан Альмейда и Восточное – Рауль Кастро.

Возвратились мы в полк утром. Наши разведчики получили информацию: 22 октября президент Кеннеди проинформировал американцев: «Советские ракеты на Кубе». Начались ежедневные совещания в «ситуационной комнате» в Белом доме. В телевизионном обращении Кеннеди объявил блокаду Кубы и потребовал демонтировать

ракетные установки.

Одновременно США привели в полную боевую готовность все свои вооруженные силы, включая войска, находящиеся в Европе, Шестой флот в Средиземном море и Седьмой – в районе Тайваня. Для вторжения на Кубу выделили несколько парашютно-десантных, пехотных и бронетанковых дивизий. Для ударов по Кубе предназначалось 183 боевых корабля, на борту которых находилось 95 тысяч моряков. Высадку американских войск на Кубу должны были прикрывать несколько тысяч боевых самолетов. В воздухе круглосуточно находилось около 20 процентов всех самолетов стратегической авиации США с ядерными и термоядерными бомбами на борту. Призвали и резервистов. Войска союзников США по НАТО в Европе также привели в боевую готовность. А на Кубе, несмотря на мобилизацию, обстановка оставалась спокойной. Правда, в Ольгине был отмечен случай, когда из проходящей машины на большой скорости было сделано несколько выстрелов в сторону аэродрома, где базировались Ил-28.

В 15 часов на джипе к нам прибыли Рауль Кастро, Каликсто Гарсиа, командиры корпуса и дивизий, два переводчика и полковник Козлов – советник при командующем Восточной армией. Команданте Рауль Кастро объяснил: наш отдельный мотострелковый полк в случае высадки противника будет действовать на трех направлениях: Ольгин – Баямо – Сантьяго-де-Куба – Гуантанамо; Ольгин– Куэто – Никаро; Ольгин – Хезул – Мария – Хибара. Затем Рауль Кастро попросил командиров дивизий нанести на карты разграничительные линии, направления и задачи.

Пока офицеры работали с картами, министру показали технику. Но сначала Рауль Кастро остановился у палаточного городка мотострелкового батальона капитана Еремина. Внимание Рауля Кастро привлек дневальный, он буквально творил чудеса с двухпудовой гирей. То положит ее на пятку и ловко подбросит вверх, то начнет перекатывать по спине, то осенит себя крестом. Но вот солдат положил двухпудовку на табурет и вместе с гирей приподнял табурет зубами.

– Откуда ты родом? – поинтересовался министр.

– С родины акына Джамбула. А зовут меня Тахави! Мой отец-панфиловец насмерть стоял на подступах к Москве.

– Прими от меня, Тахави, подарок. Ручку с золотым пером. Отпиши этой ручкой на Родину – ты достойный сын своих славных предков.

Казах так расчувствовался, что не нашел ничего лучшего, как подарить Раулю Кастро двухпудовую гирю. Капитан Еремин ахнул и метнул строгий взгляд на казаха. Дескать, твой подарочек неподъемный, в нарушение протокола. Но Рауль Кастро, как будто он только тем и занимался, что

ходил по батальонам и поднимал гири, оторвал от земли двухпудовку и перенес ее к соседней палатке.

– Спасибо тебе, Тахави, за подарок, – поблагодарил команданте солдата, – но я не хочу ослаблять мощь великой Советской армии, – с достоинством вышел из пикантной ситуации Рауль Кастро.

...Обстановка в эти дни царила нервная, нас постоянно информировали о барражировании американских самолетов-разведчиков. Команды поступали взаимоисключающие: «сбивать – не сбивать», «стрелять – не стрелять». Мы тогда толком ничего не знали о результатах переговоров Плиева с Фиделем Кастро и потому не могли оценить противоречивость приказов сверху. Это и привело к тому, что 27 октября 1962 года ракетой С-75 был сбит американский самолет-разведчик У-2 «Локхид», пилотируемый летчиком ВВС США майором Рудольфом Андерсеном. Летчик погиб. В Вашингтоне 27 октября назвали «черной субботой».

Военные историки приписывают решение сбить Плиеву, но это большая натяжка. Причина кроется в неконкретных решениях Москвы. Надо было позвонить Фиделю Кастро и твердо заявить: «Мы принимаем такие-то условия американцев».

Отметим также, что Фидель Кастро лично позвонил Н.С. Хрущеву и выразил благодарность советским ракетчикам Воронцову и Валуеву. Остатки самолета собрали и увезли в Гавану как экспонат музея.

Словно по расписанию, нас стали ежедневно облетать американские боевые самолеты, утром и вечером. Подлетали на высокой скорости, включали форсаж и уходили в сторону моря в направлении пляжа Хибара. Свои провокационные вылазки американцы объясняли не иначе как демонстрацией стойкости духа президента Кеннеди. «Ястребы» требовали не церемониться с Кубой, мол, лимит времени давно исчерпан, пора и силу употребить, подвергнуть Остров свободы массивным бомбардировкам.

Все это вызывало беспокойство у руководства Кубы и, конечно, у ответственного за Восточную зону Рауля Кастро. В начале ноября он приказал провести рекогносцировку в направлении Сантьяго-де-Куба – Гуантанамо. На рекогносцировку выехали начальник штаба, начальник артиллерии полка, инженер и командиры батальонов. Нас разместили в Пунто-Гордо, на берегу залива, в особняке Эмилио Баккарди – главного винодела Кубы.

Вскоре к нам пожаловал министр. Мы доложили ему план работы на местности, министр коротко скомандовал: «Бамос!» – «Вперед!» Мы ехали

по маршруту Сантьяго-де-Куба – Эль-Каней – Ла-Мая – Санта-Каталина, далее полевыми дорогами и тропами вышли на первую высоту, недалеко от залива Гуантанамо. На высоте мы оборудовали наблюдательный пункт, с которого просматривались залив и вся территория американской военно-морской базы.

Через стереотрубы можно было читать номера самолетов. Авианосец «Энтерпрайз» стоял в двух-трех милях от залива.

В самом заливе маячили две подводные лодки и сухогруз под флагом Либерии. Довольно быстро мы уточнили и согласовали все вопросы.

«Там танки не пройдут», – доложил майору Раулю начальник штаба. С высоты просматривалось зеленое спокойное «море» неподвижных кактусов. «И через кактусы не пройдут», – добавил начштаба.

Я подумал про себя: «У нас кактус ассоциируется с зеленой причудой в горшочке на окне, а здесь кактус может остановить танк». Не верилось, но и опровергать опытного майора никто не посмел. Решили спуститься с высоты и разобраться, пройдут или не пройдут. Поехали вдоль рубежа. Там мы воочию убедились, что через заросли столетних кактусов ни один танк не пройдет.

Доехали до Гуантанамо. Рауль Кастро остался в городе по своим делам, а мы направились в Маяри-Аррибо. В моей машине сидел переводчик Рокке, испанец, он с 1936 года жил в Советском Союзе. Рокке сказал, что офицеры и солдаты боготворят Рауля Кастро за простоту, доступность, его не боятся, а уважают. И вдруг Рокке спросил меня: «А вы знаете, что по поводу солдатской любви сказал Александр Македонский?» Я ответил, что не знаю, но история помнит, как полководец спалил Персеполис, чтобы удивить Таис Афинскую. У Плутарха в «Жизнеописаниях» есть такой эпизод: Александр задает вопрос гимнасофисту: «Как должен человек себя вести, чтобы его любили?» Гимнасофист, не задумываясь, отвечает: «Любви достоин человек, который обладает могуществом и не внушает страха».

Оказалось, что и у Рокке есть томик «Жизнеописаний» Плутарха на испанском языке. «Для нас Аристотель и Александр – древняя история, – рассуждал Рокке, – а они были Учитель и Ученик, Ранний Философ и Великий Полководец».

Возвратившись в полк, мы начали готовиться к празднику Великого Октября. Никто из нас тогда не догадывался, что как раз в эти самые дни Миша Горбачев одолел первую высоту в своей политической карьере, возглавил комсомол Ставрополя. Спустя несколько десятилетий его непримиримый оппонент Виктор Анпилов мне поведает, как он

мальчишкой залез ночью с пацанами в яблоневый сад Горбачевых. Надо же, какие случаются совпадения в Истории, они не снились даже Плутарху.

Ноябрьские торжества мы отметили с друзьями-кубинцами в полковом клубе под открытым небом. Скрываться от американцев не имело смысла, и, к нашей всеобщей радости, нам продиктовали адрес, по которому можно получить весточку от родных и близких: «Москва-400, почтовый ящик 295 «А5». Благополучно решили вопрос и о нашем статусе.

Мы почувствовали, что гребень Карибского кризиса перевалил и что жизнь понемногу налаживается. Под ликующие возгласы офицеров старший лейтенант Киселев пел под гитару пронзительные слова на известный мотив:

Нам милей, чем пальмы и мимозы,
Белые российские березы,
Дорогих невест ласкающие руки,
Как они теперь нужны в разлуке...

8 ноября – день моего рождения. В честь именинника устроили футбольный матч, соревновались две офицерские команды, а Бронислав Старанцов, подражая Синявскому, горячо комментировал забитые мячи. Болельщики взрывались дружным смехом после каждого каламбура майора. Неожиданно пролетел американский истребитель. Зная мое увлечение Плутархом, Бронислав изрек: «Плутарх нам только снится. Дмитрий Тимофеевич, разрешите сбить истребитель на сувениры?»

Я наблюдал за матчем, размышляя об угрозах «с того берега». О деталях переговоров А.И. Микояна и В.В. Кузнецова с американцами мы не знали. Кроме категорического приказа «не стрелять», мы ничего не получали. В то же время нас засыпали шифровками – неукоснительно поддерживать боевую готовность и приготовиться к «сюрпризам».

Любые свои агрессивные действия США объясняли стратегическими интересами. Во имя этих интересов игнорировались и мораль, и международное право. И попробуй оспорить права американцев, тут же вам приклеят ярлык террориста. Это американская администрация присвоила себе право объявлять террористом суверенное государство. Вспомним недавний пример: кампанию, развернутую американцами по дискредитации президента Белоруссии Александра Лукашенко. И вся-то его вина, что он встал на страже национальных интересов в своем государстве.

...В Гаване нам было приказано собраться в 11.30. Ровно в назначенное время А.И. Микоян в сопровождении Плиева и других членов Военного совета появились в зале. После короткого выступления Исса Александрович объявил, что Анастас Иванович специально прилетел в Гавану довести до нашего сведения решение советского правительства по нашей группе войск.

Анастас Иванович вышел на трибуну без шпаргалок. Он рассказал, как идут дела в нашей стране: экономическое положение устойчивое, урожай соберем. Отметил, что кубинская проблема – поворотный момент в противостоянии социализма с империализмом. Немного коснулся Микоян и истории наших отношений с Кубой, напомнив, что 8 октября 1942 года между Советским Союзом и Кубой были установлены дипломатические отношения в ранге миссий. После государственного переворота в 1952 году и прихода к власти диктатора Батисты советская миссия в нарушение всех общепринятых дипломатических норм была лишена возможности осуществлять свою нормальную деятельность. В связи с этим мы прекратили дипломатические отношения с правительством Кубы. Но после победы Кубинской революции СССР в числе первых признал революционное правительство Кубы, опубликовав по этому поводу специальное заявление. Уже 8 мая 1960 года дипломатические отношения между нашими странами были установлены на уровне посольств.

Несомненно, основные тезисы доклада Микояна представляют интерес для историков. Раньше на докладе стоял гриф «секретно» и выдавался он по спецпропуску.

«20 января 1960 года, – сообщил Микоян, – на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н.С. Хрущев посетил в Гарлеме в гостинице «Тореза» главу кубинской делегации Фиделя Кастро. Фидель Кастро по поводу этой встречи заявил: «Визит премьера Хрущева был для нас чрезвычайным сюрпризом... Наши дружеские чувства и солидарность с советским народом неуклонно растут по мере того, как кубинцы познают, какое великое дело он совершил».

В 1956–1959 годах никто не ожидал – ни американские империалисты, ни мы, коммунисты, – что на Кубе забурлит революционный вулкан. Когда Ф. Кастро шел на Сантьяго-де-Куба, а затем на Гавану, американские империалисты думали, что одна хунта сменяет другую, все останется по-старому. Как шутили когда-то у нас в России: «При Николае и при Саше мы сохраним доходы наши». Американцы знали, что Фидель вышел из слоев буржуазии (его отец был латифундистом), и никак не предполагали, что он

станет под знамя марксизма-ленинизма.

Американцы теперь ругают себя, что они не задушили в зародыше революцию, они именуют Кубу не иначе как «инфекционным центром» для стран Латинской Америки. Поэтому в апреле 1961 года они высадили десант на Плайе-Хирон и Плайе-Ларга, потерпев позорное поражение.

Для американцев Куба – «инфекционный центр», а для нас – факел свободы. Зная, что готовится удар большой силы, СССР решил оказать помощь Кубе. Мы помогли оружием – обычным и ракетным, специалистами, но этого было недостаточно, чтобы отразить двадцатитысячный десант. Вот тогда и был разработан план «Анадырь». Вначале идею размещения войск на Кубе высказал Н.С. Хрущев.

Подготовленный Генеральным штабом план впервые был рассмотрен в ЦК КПСС 24 мая 1962 года. Окончательное решение приняли после поездки на Кубу делегации в составе Рашидова, Бирюзова и ряда других руководителей. Вернувшись, делегация поддержала инициативу Хрущева о размещении ракет на Кубе. Причем Рашидов заверил руководство, что ракеты можно замаскировать в пальмовых рощах.

План «Анадырь» предусматривал обширный комплекс военных мер, который был реализован, правда, не полностью. Американцы узнали о наших ракетах на Кубе из информации Аденауэра, сработала немецкая разведка. Потом уже, как известно, самолет У-2 сфотографировал установленные ракеты на позициях.

Фотографии показывали по телевидению, а журналисты помогали разжечь психоз, особенно в южных штатах Америки. Они не только напечатали фотографии ракет, но, прибегнув к вымыслу, стрелками показывали, на какие города направлены ракеты. Народ это принял за чистую монету – как «безупречную работу ЦРУ по выявлению планов Советов».

Наша задача состояла в том, чтобы победить без войны. Можно было начинать войну ради спасения Кубы? Думаю, что нельзя. Куба была бы уничтожена. Мы были не слабее Америки, но в Карибском море США сильнее нас. Правда, мы могли рассчитывать на ракетные удары с территории Союза, но это чревато мировой войной.

День и ночь члены советского правительства искали правильное решение и нашли: коль скоро ракеты обнаружены, площадки сфотографированы, значит, они перестали быть средством сдерживания. Следовательно, их можно демонтировать и вывезти с Кубы.

В ответ на это Кеннеди перед всем миром заявил, что американцы не будут нападать на Кубу. А это значит, Куба сохраняется как

социалистическое государство, на Кубе остается социалистическое правительство! Цель достигнута без войны.

В эти же дни совещались и в Белом доме. В телевизионном обращении к народу президент Кеннеди объявил о блокаде Кубы, потребовал вывода наших ракет. В конце концов компромисс был найден: СССР выводит свои ракеты с острова, а США гарантируют безопасность Кубы от нападения извне.

Видимо, желая несколько снять напряжение, А.И. Микоян прямо с трибуны рассказал анекдот: «Кеннеди не уходил из Овального кабинета целую неделю. Наконец помылся и пришел к своей прекрасной Жаклин. Вдруг сквозь сон слышит крик Жаклин: «Что ты делаешь?» А он полусонным голосом отвечает: «Наконец-то, Фидель, я поймал тебя! За бороду!»

Естественно, этот куртуазный анекдот Микояна вызвал смех в зале, но вскоре он вернулся к серьезному разговору: «Ваша задача – вывезти ракеты и ракетно-технические части и подучить кубинцев. Об этом получите указания от своего министра. – И закончил: – Уже в 1963 году, думаю, вы будете дома».

Долго офицеры аплодировали Микояну, он ответил на ряд принципиальных вопросов. Порадовал Анастас Иванович и тем, что отработан вариант беспосадочного перелета из Мурманска в Гавану. Значит, в ближайшие дни мы получим почту.

В Ольгине меня встретил майор А.Г. Крысов, сказал: «Офицеры собраны, ждут вестей». Они уже знали, что перед нами выступил А.И. Микоян. По своим записям пересказал выступление Микояна, поставил задачу подготовить проекты программ по переподготовке кубинцев на все виды нашего вооружения. Конкретные указания и задачи командующий доведет до нас в ближайшее время.

От офицеров посыпались вопросы: «Сколько времени отводится на переподготовку? Как учить кубинцев без переводчиков?» Объяснил, что касается переводчиков – сами будем готовить. Необходимо уже сегодня сформировать группу «испанцев» из молдаван. Пока решали проблему с переводчиками, подъехал офицер связи от Чавеко, вручил мне телеграмму: «Прошу прибыть Мондулей-3. *Рауль Кастро*».

Поехали по уже знакомой дороге в местечко Пунто-Гордо. Во дворе по соседству с бассейном стоял стол, заставленный всевозможными напитками, около которых собрались кубинцы и советские офицеры. Встретил нас Каликета Гарсиа, он и предложил нам кофе, сербесер, сок.

Открылась дверь, и Рауль Кастро любезно пропустил вперед Анастаса

Микояна. Дружеским рукопожатием Анастас Иванович поприветствовал офицеров, я же услышал: «Прошу доложить о состоянии полка». Я коротко доложил, но Микояна больше интересовали детали. «Есть вопросы, которые решить не в вашей компетенции?» – спросил Анастас Иванович. Просьба была одна: помочь подключиться к электролинии и изыскать медный кабель. Микоян переадресовал мою просьбу Раулю Кастро. «Поможем! – ответил команданте. – Подвезем кабель». Проблема рассеялась как утренний туман.

Вскоре всех офицеров пригласили на веранду. Под лучами заходящего солнца залив искрился серебром, легкий ветерок, запутавшись в брызгах, пробегал по воде. Вдалеке возвышались горы Сьерро-Маэстро, а старая испанская крепость надежно прикрывала вход в бухту. Наступила тишина, все любовались видами древней крепости-защитницы.

Тишину нарушил Рауль Кастро.

– Что будем пить? – обратился он к Микояну, наливая себе «Московскую».

Анастас Иванович пошутил:

«Ежели вы «Московскую», то мы постоим за честь «Кубинской», – и налил себе в рюмку из оплетенной бутылки выдержанный коньяк.

Мы, советские офицеры, поддержали Микояна, кубинцы же последовали примеру своего министра.

Рауль поднял рюмку:

– Я хотел произнести шуточный тост, но у нас в гостях пламенный большевик Анастас Микоян, поэтому наш обед носит протокольный характер.

Никто из собравшихся, кроме Рауля Кастро, не знал о горе, которое постигло Анастаса Микояна. Скончалась Ашхен Лазаревна, супруга Анастаса Ивановича. Они прожили душа в душу более сорока лет. Хрущев разрешил поступить Микояну по собственному усмотрению: вылететь в Москву на похороны или задержаться в Гаване. Микоян выбрал Гавану, похоже, ему не верилось, что США и СССР помирились и что со спокойной душой можно возвращаться в Москву.

Пройдут годы, и сын Хрущева переберется в США, в страну, на которую его отец нацелил с Кубы баллистические ракеты. Мог ли себе представить Кеннеди на переговорах в Вене, что сын его оппонента по кубинскому вопросу сочтет за благо обрести приют в одном из американских университетов? Сыновья же Анастаса Микояна остались в Москве, не польстились на профессорские коврижки на чужбине. Как говорится, шекспировские страсти. Но Шекспира в России и с огнем не

сыскать, одни публицисты...

После второй рюмки выдержанного «испанца» моего соседа потянуло показать мне семейную фотографию. Так я познакомился с Тимуром Гайдаром, корреспондентом «Красной Звезды». На фотографии был отрок с пухлыми губами, его сын. Через несколько десятилетий этот отрок пустит в распыл похоронные деньги стариков Страны Советов.

...Микоян и Рауль вышли из-за стола, извинились, дескать, пора и честь знать, хотелось бы выехать в горы Сьерра-Маэстра, еще раз увидеть места, где зарождалась Повстанческая армия, осмотреть исторические памятники Сантьяго-де-Куба.

Под утро я вернулся в Ольгин, там меня и ознакомили с заявлением Совета Министров СССР:

«В связи с распоряжением президента Соединенных Штатов Америки Кеннеди об отмене карантина-блокады в отношении Республики Куба и в связи с наметившейся возможностью завершения ликвидации последствий опасного кризиса, возникшего в районе Карибского моря, на основе договоренности, достигнутой между Председателем Совета Министров СССР Н.С. Хрущевым и президентом Соединенных Штатов Америки Кеннеди, Советское правительство дало указание министру обороны СССР Маршалу Советского Союза Р.Я. Малиновскому о проведении с 21 ноября 1962 года следующих мероприятий:

1. Ракетным войскам межконтинентального и стратегического назначения с полной боевой готовности перейти к нормальной боевой подготовке и деятельности.

2. Зенитно-ракетной обороне страны и истребительной авиации противовоздушной обороны с полной боевой готовности перейти к нормальному образу своей деятельности и боевой подготовке.

3. Отменить состояние боевой готовности для стратегической авиации.

4. Военно-Морским Силам перейти на нормальную боевую подготовку, а подводному флоту возвратиться в места своей постоянной дислокации.

5. Отменить состояние повышенной боевой готовности в Сухопутных войсках.

6. Отменить задержание увольнения из Советской Армии старших возрастов в Ракетных войсках стратегического назначения, Войсках противовоздушной обороны страны и на подводном флоте.

7. Отменить задержку обычных отпусков в Вооруженных Силах СССР».

Отменили в странах Варшавского Договора и целый ряд мер по

состоянию боевой готовности войск, установленных 23 октября 1962 года.

Надо было ждать обещанных указаний командующего, и они поступили. Нам надлежало начать с программы обучения кубинцев. Определили и срок – три месяца. Лагерь кубинцев планировали развернуть по соседству с полком. Так мы стали «военной академией» на Кубе. Сработало и наше «секретное оружие» – молдаване. Они освоили новую профессию военных переводчиков. Плиев потом шутил: «Пока стюардесса готовила кофе товарищу Микояну, который вылетел из Гаваны в Вашингтон, Язов обучил молдаван разговаривать по-испански. Пришлось Микояну сделать официальное заявление Дину Раску, государственному секретарю, мол, в СССР на одну республику стало меньше. Сообщите президенту Кеннеди: отныне Молдавия стала кафедрой испанского языка при Московском университете».

Молодцы молдаване, помогли нам преодолеть языковой барьер. И в самой Молдавии ходил анекдот: отправили молдаванина – тракториста с семилетним образованием в армию, а через неделю – письмо: «Мама, не печалься, обрадуй отца, меня призвали в Советскую армию служить интеллигентом. Мои новые друзья – Лопе де Вега и Лорка». Не случайно чуть позже в кишиневских издательствах переиздали всех классиков испанской литературы.

* * *

В Вашингтоне Микоян с Дином Раском обсуждали вопросы, связанные с уточнением деталей по демонтажу наших ракет и безопасности движения советских сухогрузов с ядерными боеприпасами. Через два дня Микоян вылетел в Москву.

1 декабря Н.С. Хрущев направил телеграмму Генеральному секретарю ООН господину У Тану:

«Уважаемый господин У Тан! Разрешите мне от имени советского правительства и себя лично поздравить Вас по случаю Вашего назначения на пост Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Выражаю уверенность в том, что Ваш политический опыт и проявляемая Вами забота о поддержании мира между народами позволит Вам впредь успешно справляться с возложенными на Вас обязанностями Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Желаю Вам успехов в Вашем благородном труде».

Вскоре У Тан прилетел на Кубу. На встрече с Фиделем Кастро он

высказал пожелание предоставить ему и экспертам ООН возможность проконтролировать демонтаж советских ракет, дескать, это поможет снять напряженность в отношениях между Кубой и США. Фидель Кастро категорически отверг это предложение, как и просьбу У Тана лично побывать на одной-двух площадках, дабы провести съемку объекта.

А между тем демонтаж ракет шел полным ходом. В Ольгин приехал полковник С.С. Шорников, перед нами поставили задачу эвакуировать ядерные боеприпасы и ракеты в порт погрузки в провинции Ориенте. Сухогруз «Александровск», на котором предполагалось ракеты вывезти, уже стоял под охраной. Получил я также информацию и о том, что в ста километрах от Ольгина заметили нашу «Победу». Вместе с майором Поляковым мы немедленно отправились в бухту Нипе. Встреча с «победителями» была теплой и сердечной. Иван Михайлович поведал мне, с какими приключениями на сей раз они дошли до Кубы, не обошлось и без воспоминаний о шторме, обрушившемся шторме в Северном море. «Хватит море пахать, – признался капитан, – устал, всех денег не заработаешь, ухожу на пенсию».

Я пригласил капитана съездить в Ольгин, но он отказался: «Не могу оставить корабль, погрузка начнется сегодня, но я разрешил двум штурманам поехать с вами».

Пообедали в столовой на «Победе», где продолжили разговор о Карибском кризисе. Я привел много примеров единства кубинского народа, разъясняя, что лозунги «Родина или смерть!», «Мы победим!» – это не фразы. Они сродни нашим лозунгам в годы войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

И здесь нельзя не упомянуть пока еще не востребованные откровения офицера Генерального штаба Вячеслава Котова, который в своей исповедальной книге «Память и боль» пишет: «Военную машину уподобляют айсбергу, дрейфующему среди других таких же исполинов в океане социально-экономической и военно-политической жизни государств, который имеет подводную и надводную части. Иногда пропорциональные и соотносимые, а иногда и нет. В последнем случае он, айсберг, становится неустойчивым. Подводная часть этого айсберга в мирное время находится под таким покровом, что ее суть непосвященные люди не распознают. И только во времена, когда происходят столкновения, узнают истинную силу и мощь».

19 декабря состоялся Военный совет. Состав Военного совета поредел, ракетчики уехали. За начштаба остался Ананенков, Давыденко, командующего ВВС, тоже не было.

На этом Военном совете присутствовал генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Дементьев – советник при министре РВС. Алексей Алексеевич посоветовал в первую очередь подготовить кубинских офицеров так, чтобы они сами обучали своих подчиненных. Пример показал капитан Чавеко, он ежедневно тренировался на электронном тренажере, наводя на цель противотанковый управляемый снаряд «Малютка».

Шли дни... Уходили ракетчики. Разудалая людская молва несла одну весть за другой. Одни клялись всеми святыми, утверждая, что не только ракетчики, но и другие части уходят в Союз, другие говорили о том, что наши подводные лодки угодили в американские сети. Во всяком случае, нельзя было отмахиваться от слухов, требовалась исчерпывающая информация, чтобы люди сами знали, что происходит на Кубе, вокруг Кубы, как реализуются договоренности между СССР и США. Я постоянно поддерживал связь с В.В. Соловьевым и с М.Г. Титовым, знал истинное положение в группе войск, стремился к тому, чтобы опасное слово, сказанное в тревожное время, не обжигало сердца людей. Слово – что непогашенная спичка, брошенная в сухую траву. Самые «знающие» нам предрекали: «Вас на Кубе оставят на пять лет, группа будет на постоянной основе, как в Германии». Приходилось информировать офицеров, насколько позволяли особысты.

Считанные дни оставались до Нового года. Поздно вечером позвонил Виктор Васильевич, предупредил: «На празднование четвертой годовщины Кубинской революции прибывает представительная делегация из Советского Союза».

Утром 31 декабря он уточнил и состав делегации. Возглавил ее вице-президент Академии наук СССР, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР Петр Николаевич Федосеев. В составе делегации Маршал Советского Союза Н.И. Крылов, генерал-майор И.М. Волошин, летчик-космонавт Павел Попович, Юрий Власов, актриса Зоя Федорова и другие.

Делегация прибыла 7 января, на Рождество, рано утром. Я не стал спрашивать, кто старший, я узнал Юрия Власова.

Сначала с поздравлениями и добрыми пожеланиями выступил секретарь ЦК, кубинец. Выступление Юрия Власова носило особый смысл, все его знали как чемпиона мира, но никто и не предполагал, какой он превосходный оратор, обладающий завидным красноречием.

Когда он сказал: «Тех, кто слаб, можно давить, грабить, суля экономические выгоды», все поняли: речь идет о США, которые давливают тех, кто слаб, обещая процветание. Особенно запала фраза Юрия Петровича: «Без Родины всем нам цена – копейка в базарный день».

Я предложил гостям пообедать, но гости изъявили желание поехать к морю. Была какая-то навязчивая мысль искупаться именно в Рождество, когда в России метели и стоят лютые морозы. До ближайшего пляжа в Хибаре около 40 километров. Пляж был совершенно пустынный, охранял его кубинец в накинутах на плечи брезентовой куртке. Я спросил его: «Кеталь компанеро?» – «Муче фрио», – холодно ответил он. Но когда он увидел Власова, воскликнул: «Гранду, гранду!»

В ласковом бирюзовом море при температуре 26 градусов мы не заметили, как прошло полтора часа. Только к вечеру возвратились в Ольгин. Возле самого дома увидели хамелеона, демонстрирующего нам чудеса своего превращения: на дороге – серый, на полянке – зеленый, на цветущем дереве – розовый.

За столом разговорились о кубинской природе. Угощать особенно было нечем, но по случаю приезда гостей приготовили индюка и поросенка, ананасы, спирт, пепси-колу. Юрий Петрович вспоминал своего отца, рассказал, что он пишет книгу о его работе в Китае. И как же я обрадовался, когда уже в наши беспокойные времена Юрия Петровича избрали депутатом парламента России, еще на одного воина стало больше в нашем стане.

...Зеленой ящерицей распласталась на тысячу километров на солнцепеке Куба. Но она никогда не меняет цвет, подстраиваясь под обстоятельства. Любовь кубинцев к России искренняя, неподдельная. В чем-то Куба нынче напоминает мне горделивую Белоруссию. К сожалению, не много найдешь государств в мире, где лидеры обладают огромным зарядом нравственности. Самозванные вожди народов больше стараются украсить свои страны-наделы пушками, ракетами, нравственность для них обременительна. Они только царствуют, но не властвуют в душах своих подданных.

История второй половины XX столетия мне больше напоминает заговор правителей с нечистой совестью. Время от времени они демонстрируют свое постыдное братство на самых разных саммитах, попирая духовный опыт цивилизации. Тщеславные президенты, короли, генсеки действуют по законам воровского «общака». Чтобы представить интерес для еще не определившихся государств, эти правители украшают свои режимы либерально-демократическими ценностями, политической бижутерией. И они негодуют, сбиваясь в кучку, ощериваются военными «братскими» союзами, когда в какой-нибудь стране власть переходит к президенту-державнику, защищающему интересы своего народа, а не международных финансовых олигархов.

Но вернемся к Карибскому кризису. 9 января 1963 года канцелярия Генерального секретаря ООН опубликовала тексты трех писем, направленных У Таном постоянному представителю Кубы в ООН Карлосу Лечуге, заместителю министра иностранных дел СССР В. Кузнецову и представителю Соединенных Штатов Америки в ООН Э. Стивенсону.

В письме У Тана к К. Лечуге говорилось:

«Принимая во внимание позицию революционного правительства Кубы, изложенную в Вашем письме от 7 января, одновременно хотел бы выразить также мою надежду на то, что заинтересованные правительства воздержатся от каких бы то ни было актов, которые могут сделать более тяжелой обстановку в Карибском море».

В письмах, направленных У Таном В. Кузнецову и Э. Стивенсону, Генеральный секретарь ООН разделял надежду обоих правительств, что действия, предпринятые для того, чтобы избежать угрозы войны в связи с недавним кризисом, приведут к урегулированию и других разногласий, существующих между ними, и к общему уменьшению напряженности в мире.

По поводу вывода ракетных войск и сроков вывода между руководством группой войск и руководством Кубы существовали определенные разногласия. Это даже отразилось на отношении к нам кубинских товарищей, которых мы учили владеть нашей техникой.

Дважды в день американцы облетали наш учебный центр. Кубинцы, изучающие зенитную технику, рвались ее «попробовать». И когда мы не разрешали, они возмущались. Приходилось объяснять, доказывать, что игра не стоит свеч, дескать, это согласовано на высшем уровне.

– С кем согласовано? Куба согласия не давала, – возмущались кубинцы.

И надо отметить: теплые отношения покрывались льдом отчуждения. Как-то я зашел в палатку, что-то вроде нашего красного уголка, и вижу: на стене вывешены флажки социалистических государств, но флажок Советского Союза в самом низу.

– Пурке? (Почему?) – спрашиваю.

Офицер подумал и ответил:

– По алфавиту.

Но на первом месте возле кубинского флажка – китайский? Буква «К» ни в испанском, ни в английском, ни в немецком не стоит на первом месте.

И тогда кубинец находит выход из положения:

– В Китае миллиард населения.

Но учили-то кубинцев россияне, жарились на солнце, мокли под тропическими ливнями. Недосказанное наверху аукалось внизу.

18 января перед командирами частей должен был выступить Кузнецов. Нам разрешили ехать на машинах. Выкатившийся диск ласковой луны сопровождал нас до Викторико-де-Лас-Тунаса, славившегося боем быков.

Сезон дождей еще не наступил, продолжалась сафра, грифы беззвучно парили в воздухе, отыскивая добычу. Они, словно мрачные вестники чьей-то смерти, величественно скользили в утреннем голубом мареве, и их тени зловеще плыли по высохшей саванне.

Проехали Флориду, Съего-де-Авина, Санти-Спиритус, и вскоре показалась Санта-Клара. Сориентировались по карте, перед Санта-Кларой должен быть поворот на Кайбарен. Ехать было еще 60 километров, и вскоре мы почувствовали запах моря.

Вот и Хуан-де-лос-Ремедиос. От океана он прикрыт большим количеством островов и песчаных отмелей. Военный городок полка расположен на западной окраине небольшого поселка. Море было рядом, солдаты имели возможность вечером искупаться, городок казался давно уже обжитым местом. От Гаваны не так далеко, следовательно, отношения со службами снабжения были теплыми. Кое-что они получили и от уходящих ракетчиков.

Григорий Иванович Коваленко – человек общительный. Большая часть службы прошла на Дальнем Востоке, затем перекочевал на Карельский перешеек, а сейчас вот и Куба. А дальше? Говорил: «После возвращения в Союз хочу послужить в теплых местах у Плиева». Я пошутил: «Скучаешь по загару?» – «Да я не то что загорел, уже обгорел. Пора «искать в раздевалке калоши». Что означало «заканчивать службу».

18 января 1963 года состоялась встреча с Василием Васильевичем Кузнецовым. Он прибыл в Гавану для переговоров с кубинским руководством. Вывод Ракетных войск уже шел полным ходом, но вопросы контроля так и не были решены. Исса Александрович воспользовался затяжкой переговоров и попросил Кузнецова выступить перед командирами соединений и частей, рассказать, какие обстоятельства предшествовали кризису.

«Операция была столь секретной, – начал свое выступление Кузнецов, – что о постановке ракет на Кубе и прибытии войск не знали ни советский посол в Вашингтоне Анатолий Добрынин, ни представитель СССР в ООН В. Зорин. Оба попали в неудобное положение, когда

разразился Карибский кризис, они искренне уверяли американцев, что никакого наступательного оружия на Кубе нет.

22 октября, в тот день, когда Кеннеди объявил на весь мир о советских ракетах на Кубе, А. Громыко улетал из Нью-Йорка, где он присутствовал на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Его провожал посол А. Добрынин, но Громыко ему так ничего и не сказал о ракетах, Громыко считал, что посол уже об этом проинформирован.

Перед МИДом была поставлена задача использовать все возможности, чтобы сохранить мир. 28 октября меня направили в Нью-Йорк для того, чтобы через дипломатические каналы закрепить то, что было достигнуто благодаря инициативе нашего правительства. Между 22 и 28 октября, в наиболее критический период, советское правительство проявило огромную творческую инициативу, чтобы разрешить кризис мирным путем. Основой договоренности были письма Хрущева и Кеннеди от 27 и 28 октября. Правительство США брало на себя обязательство не нападать на Кубу, и выражалось мнение, что и другие страны воздержатся от этого. Советский Союз дал слово вывести ракеты с Кубы. Замечу, что консультаций по этому вопросу с кубинским правительством не было, что в последующем осложнило решение о контроле.

В течение двух с половиной месяцев через дипломатические каналы требовалось отработать и принять в ООН документ, который бы устраивал всех: СССР, Кубу и США.

В это время проходила XVII сессия ООН, что позволило соцстранам разъяснить позицию СССР и раскрыть суть притязаний США. На сессии было 110 делегаций. Мы поддержали наших кубинских друзей, нам удалось добиться благосклонного отношения к позиции Кубы со стороны нейтралов.

В ходе встречи и переговоров с американцами они несколько раз возвращались к вопросу о воинских соединениях и частях, говорили, мол, это отборные гвардейские части. И это было правдой (зачем же за тысячи километров везти допризывников?!).

Таким образом, положение Кубы, ее международный авторитет были значительно подняты в результате разъяснительной работы среди государств, входящих в ООН. В свою очередь, американцы вдруг захотели уйти от обязательств своего правительства, изложенных в письме Кеннеди: ненападение, гарантия безопасности, признание статус-кво строя и правительства. Американцы теперь разобрались, что президент Кеннеди нанес большой удар и по доктрине Монро. Кеннеди наобещал слишком щедро.

Дальнейшие переговоры показали: американцев не устраивают три подписи под документом: СССР, США и Кубы. Американцы не желают садиться за один стол с кубинцами. Они внесли несколько документов, где были оговорки: что США могут подтвердить свое обязательство не нападать, если Куба будет «вести себя хорошо». А что такое «хорошо»? Идея социалистического пути развития не может быть для американцев «хорошей». Также они попытались узаконить через ООН свое требование о группе наблюдателей на территории Кубы.

Но нейтральные государства, особенно бывшие колонии, очень чувствительны к такого рода закабалениям, и это укрепляло наши позиции.

Вопрос об инспекции, о контроле за вывозом ракет без кубинской стороны не может быть решен. И мы не вправе решать за Кубу. Естественно, вопрос о контроле приобрел особо острый характер. Наши позиции укрепились, прими кубинское руководство хотя бы одно из предложений Генерального секретаря ООН У Тана. Он надеялся побывать на ракетной базе, сфотографировать демонтаж ракет, чтобы успокоить мировое сообщество.

Далее У Тан предложил создать группы, которые бы контролировали вывоз ракет с Кубы. И это предложение не прошло. Тогда У Тан предложил создать контрольные группы в Нью-Йорке, прямо в ООН, которые бы выезжали по заявке. Но на это не согласились американцы.

Американцы не хотели представлять общий документ, и мы согласились, что каждая сторона ознакомит протокольную часть ООН со своим вариантом.

Наша делегация в это время провела еще один круг разъяснительной работы, чтобы разоблачить позицию США. Мы предложили изложить все заявления в виде декларации. Но и здесь нам договориться не удалось.

Тогда мы предложили вернуться назад – направить в ООН письма Хрущева и Кеннеди и принять их в качестве официальных документов ООН. И на это американцы не пошли.

Но в конце концов под давлением общественности мы и американцы договорились написать заключительное письмо, в котором подтверждается договоренность. Правда, американцы при этом заявили, что они «никаких обязательств не дают», что «в гарантии, данные Советским Союзом, они не верят».

Некоторые утверждают: «Война предотвращена, а мир не выигран». Это не так, мир наступил. Никто не собирается уничтожить империализм, но и никто не позволил США диктовать свои условия Кубе, как ей жить и с кем дружить.

7 января мы подписали документ, а 9 января встретились с президентом Кеннеди. Мы изложили свою точку зрения на разного рода оговорки. Мы ожидаем, что президент выполнит свои обязательства, а если нет, то и мы... пойдём назад, а это опять конфронтация.

Далее В.В. Кузнецов рассказал о встрече с Фиделем Кастро: «Фидель сказал: Мы согласны со всем, но то, чего вы добились, можно было бы сделать другими методами».

«Вы понимаете, – закончил свою речь Кузнецов, – какую беду мы всеобщими усилиями предотвратили?»

Перед отъездом в часть я зашел в общевойсковой отдел, переговорил по вопросам отправки солдат домой. Виктор Васильевич объяснил, мол, график разработан, но выполнить не можем: не прибыл теплоход. А на сухогрузах отправлять людей нам бы не хотелось.

Он сказал, что, несмотря на встречу Кузнецова с руководством Кубы, пробежал какой-то холодок, реже, что ли, стали встречаться. Я поинтересовался:

– А кто сейчас начштаба группы?

– Почти все вопросы решает Степан Наумович Гречко. Ходят разговоры, что Исса Александрович скоро уедет: он плохо себя чувствует, диагноз не шуточный.

– А что с ним?

Ничего не сказал Виктор Васильевич. И так по его взгляду было все понятно.

...С тревогой ожидаешь встречи с человеком, которого ты боготворишь, который в беспокойном океане жизни светил тебе маяком. Сколько мне довелось встретить за свою жизнь людей, которым больше бы подошла профессия фальшивомонетчиков, возводящих неискренность на официальном уровне в добродетель. К сожалению, высокая должность избавляет многих от необходимости иметь еще и дарования. Исса Александрович Плиев жил так, как будто ему вовсе не придется умирать. Но главное его достоинство – он никогда не уверял других в том, во что сам не верил. Он часто любил повторять: «Военная присяга – это узы, а не узда». Делать других людей счастливыми – эту тяжелейшую и часто неблагодарную ношу Исса Александрович взваливал на себя ежедневно. Любил Плиев вспоминать в дружеской компании и о своих встречах с Михаилом Шолоховым, при этом старался нас просветить: «Что же вы, дурни, принимаете за чистую монету бред забугорных голосов, которые клеветают на Шолохова. Им-то можно иметь своих бабелей, а как у нас народится самородок – ату его! Ату! И травят русских писателей, и

услужливо подсовывают им веревку с петлей: «Примерь-ка на себя, дружок. Твой фасончик – классика!» Только бы с глаз долой, чтобы прописать на русском Парнасе свое сучье отродье». И непременно добавлял: «Михаил Шолохов по жизни своей прошел, как сквозь строй, под ударами шпицрутенов. И всего-то его вина, что он русский! За то, что он в бурке скачет вольным казаком, а не клянчит у Стены Плача в шапчонке заморской барышни».

– Да неужели Солженицын ошибается? – вдруг однажды усомнился кто-то из офицеров.

– Еще как ошибается Александр Исаевич! Нашли чему удивляться! Толстой и Тургенев и то друг друга чуть не подстрелили. Вздумали выяснить свои отношения на дуэли. А уж какие были светочи. Кому-то и Шолохов помешал. Большое желание его стреножить, поднять его брненное тело на пики лжи.

На Кубу Плиев вылетел под псевдонимом Павлов. Исса Александрович ходил по высоким инстанциям и все сокрушался: «Дали особистам волю, отблагодарили: генералу всучили псевдоним. Даже в драматические для Отечества дни я не прятался за псевдонимом. Вы что, спутали меня с деятелем культуры?»

– Это еще не все, – успокаивали генерала в особом отделе. – Вам, Исса Александрович, надлежит сдать нам партийный билет...

– Час от часу не легче! И кто же вам посоветовал обобрать генерала? Чья инициатива? Я буду жаловаться в ЦК!

– На кого? На Хрущева пойдете жаловаться?

– Да чтоб у него вся кукуруза росла под псевдонимами! – взорвался Исса Александрович. – Партийный билет хоть вернете? Не забудете?

И партбилет Плиев отдал в ГлавПУР, лишь убедившись в надежности сейфа.

Через несколько дней Плиев вылетел на новое место службы. Вот-вот должен был состояться неведомый пока еще миру поединок между Хрущевым и Дж. Кеннеди.

...Плиев приехал к нам в Ольгин посмотреть, насколько успешно кубинцы изучают новейшие виды вооружения. Ехали мы со скоростью 60 километров в час. Плиев несколько раз махнул рукой водителю, дескать, жми на педаль, ты же не детвору везешь в пионерский лагерь.

– Товарищ командующий, – оправдывался водитель, – вы же сами предупредили: лихачей наказывать!

– Чудак, как тебя звать-то?

– Виктор.

– Чудак Виктор, шестьдесят километров я установил для водителей, а не для себя. Чтобы через полчаса мы были в «эскадроне»!

Так Плиев именовал полк. Через полчаса мы прибыли.

– Пройдем в «эскадрон» к зенитчикам, – приказал командующий.

С радостью выслушали в полку, что в середине февраля отправят домой первую партию солдат четвертого года службы.

– А когда нас, офицеров, отправят домой? – поинтересовался кто-то из командиров.

– А вы что, чеховские три сестры? – мягко спросил Плиев. – В столицу захотелось, на балы? Офицеры и полковой духовой оркестр выезжают последними. Сынки, потерпите, вместе отправимся к дамам на танцульки в Сокольники.

При этом Исса Александрович поведал нам историю, как он однажды попал в общество дам с неприличными манерами. «Довелось мне однажды командовать 4-й армией в Баку. И представьте себе, меня, кавалериста, поселили в дом с непристойными картинами: на них красовались голые дамы. Так я пригласил художника и приказал ему одеть распущенных женщин в платья».

Мы знали, у Исы Александровича день рождения, и пригласили именинника за праздничный стол. Не спрашивая разрешения, налили ему и рюмку «Столичной». А заодно поздравили легендарного командира с награждением орденом Ленина.

С ответным словом выступил и Плиев. Но почему-то он начал свою речь с увлечения Бахусом. Он так и сказал: «Я не о Бахе веду речь, а о Бахусе. Он, по-моему, грек, а вы советские офицеры, и пить вам не пристало, как грекам. Буду зорко следить за вашими возлияниями». И пошутил: «Язов, уволь приказом из полка этого самого Бахуса». Поблагодарив за гостеприимство, Исса Александрович вылетел в Санта-Клару.

10 февраля нам стало известно: в порту Моа встал под погрузку сухогруз «Сретенск». Из опыта мы знали, что кухня, хлебопекарня на корабле рассчитаны только на экипаж 50–60 человек, а мы отправляли пятьсот. Колонна получилась довольно длинная – более сорока автомобилей. Выехали в назначенное время. К Моа шли вдоль берега, холодный ветер заставил потеплее одеться, только жесткие кактусы стояли неподвижно, выставив свои колючки навстречу ветру. Решили ночью не входить в город и порт. Отдыхали по-походному, в машинах под тентами.

На рассвете въехали в порт. Радужно нас встретили на корабле, капитан сказал, что у команды есть опыт в оборудовании твиндеков для

перевозки личного состава, да и кое-что из материалов припасено.

Воспользовавшись пребыванием на корабле, послал телеграмму в Ленинград, поздравил жену и доченьку с праздником весны.

...Утром, как мы и ожидали, прилетел генерал Георгий Павлович Исаков, передал привет от Грибкова, с которым мы вместе служили в штабе Ленинградского военного округа. Исаков не стал интересоваться проблемами обустройства. Он изъявил желание побывать на полигоне, до начала сумерек знакомился с учебным центром. Чем-то генерал остался доволен, что-то вызывало у него усмешку. Поводов было предостаточно: допотопное оборудование для танкодрома больше напоминало реквизит для цирка.

На следующий день в 5 часов утра мы выехали на полигон. В темном небе пробегали зарницы. В смуглой полутьме чернели вершины невысоких гор южнее Ольгина.

Когда мы прибыли на полигон, огненный шар солнца торжественно всплыл над приморской долиной. Дождя уже не было два месяца, стрельбище и танковая директриса на фоне голубого моря выглядели серой пустыней, вместо песка ветер гонял кусочки земли, перемолотые гусеницами танков. Командир танкового батальона кубинских РВС лейтенант Суари представился и попросил разрешения начать стрельбу.

– Кубинцев мы учим по нашим курсам стрельб, – доложил подполковник Ширяев.

Он, пожалуй, больше всех волновался за кубинцев. Поехали к мишеням, результаты не ахти какие хорошие, мало тренировались. Как пианист играет, не глядя на клавиши, так и в танке надо, читая «партитуру боя», отыскивать цель мгновенно, учитывая поправки на ветер, нажимать вовремя на клавишу.

Генерал Исаков и сопровождавшие его полковники понимали всю примитивность подготовки. К сожалению, любой совет генерала требовал вложения определенных материальных средств, которыми кубинцы не располагали. Да и в Москве никто не задумывался о наших проблемах, связанных с обучением кубинцев.

Слева на пляже, на почтительном расстоянии от учебного центра, ловили рыбу «пескадоры», и я пригласил Исакова посмотреть, как охотятся на тунцов. Когда мы подъехали, один из «пескадоров» на лодке подплыл к берегу и вытащил тунца, которого поразил тройником из подводного ружья. На наших глазах тунца разделявали мачете, которыми рубят сахарный тростник, здесь же укладывали в холодильную камеру рефрижератора,

оборудованного на легковом автомобиле. Волокли по берегу рыбаки и морскую черепаху, плавниками-крыльями она запуталась в сети. Черепаха была довольно крупная, ее, как и тунца, аккуратно разделали, сохраняя панцирь, из него мастера сделают сувениры. «Пескадоры» были довольны уловом, раньше пляж принадлежал американскому латифундисту, рыбаки сюда не имели права и ногой ступить.

После обеда гости выразили желание побывать в гарнизонном госпитале. Вот здесь и набросились на них врачи и медсестры, дескать, мы все уже пообносились. Что привезли с собой – донашиваем, жалованье не выплачивают – нет песо.

– Главное, чтобы чувства не пообносились, – парировал наскоки девушек Исаков. – Заневестились! А может, нам сюда выписать модельеров из Парижа? К сожалению, у нас в этих краях один покрой на всех. Вот вернемся в Москву – там и потанцуем. Потерпите, красавицы, совсем немного осталось ждать. Уходим мы с Кубы...

В заключение генерал напомнил, что от успеха переучивания зависит, как скоро мы вернемся на Родину. Но мы понимали: учебный процесс затянется до осени. Непоследовательность в своих действиях демонстрировал и сам Кеннеди: то старался сгладить остроту проблемы, а то вдруг его заносило, и он потворствовал кубинским наемникам.

Празднование 45-й годовщины Советской армии мы отмечали совместно с кубинскими товарищами. Единственная радость – девять писем из дома. Дети писали сами, без подсказки, интересно было следить по письмам, как они выросли, самостоятельно рассуждая. Иногда посмотришь на часы и представишь, что время московское, и в моем доме детишки музицируют для бабушки – на душе такая радость, все невзгоды отступали.

Неожиданно в Ольгин приехал М.Г. Титов, рассказал нам, что в Москве разоблачен американский шпион, некий Пеньковский, в прошлом полковник ГРУ. Это он в сентябре 1962 года проболтался американцам, мол, Хрущев размещает ракеты на Кубе.

– А Микоян утверждал обратное: Кеннеди получил информацию от самого Аденауэра, – сказал я.

– Это была попытка замести следы, чтобы наши не искали у себя шпиона. Пеньковского разоблачили перед карибскими событиями. Кеннеди к тому времени уже имел исчерпывающую информацию и о дальности полета ракет, и о времени, которым располагают американцы после их запуска.

Шкурные интересы Пеньковского нам дорого обойдутся, Дмитрий

Тимофеевич. Придется менять дислокацию ракет, обустривать новые шахты. Он же прорубил «черную дыру» в бюджете государства. Не понимаю я Пеньковского. Почему он с такой легкостью сдал Родину? Не по душе ему пришлась Родина с князем Дмитрием Донским, Кутузовым, Пушкиным, Есениным, Гагариным. Отлично сработали цээрушники. Ты объясни мне, Дмитрий Тимофеевич, почему американцы могут вычислить подлеца и хапугу, а мы лишь руками разводим?..

Вечером выехали с Михаилом Георгиевичем по служебным делам в Сантьяго-де-Куба. Зашел разговор об увлечениях кубинцев. Переводчик с упоением рассказал о петушиных боях. Сначала бойцовых петухов ощипывают, перья оставляют лишь на шее и крыльях. На верхний отросток – палец надевают острый шип, петушиное холодное оружие. Бой длится три-четыре минуты. Зрители, как на ипподроме на скачках, делают ставки. Если петухи до смерти не заклевали друг друга, то «гладиаторов» переносят на малый круг, и там бой идет до последнего вздоха. Официально петушиные бои запрещены, но «петушиная» мафия не дремлет, бои дают приличные доходы.

Сообщил Титов нам также, что США захлестнула анти-кубинская истерия. Американская пропаганда пытается обвинить Кастро в навязывании своей доктрины странам Центральной Америки. Не бездействует и ЦРУ. От шока с ракетами очухались и сейчас строят козни против Фиделя, ничем не гнушаются.

Как я понял из разговора, выехали мы к Мальцеву в качестве экспертов: посоветовать – оставлять или вывозить ракеты. Политическое решение конечно же примут в Москве.

Мальцев был рад нашему приезду, все похвалялся, что он «первый» на Руси производитель кофе: «Посмотрите, сколько у меня кофе, лимонов в округе, с утра до вечера витаминимся. Ракетчики попали в рай! Один на спор выпил аж стакан лимонного сока. Три дня лежал пластом. Пришлось эти лимонные пирушки запретить, но ребята нашли выход: устроили «грейфовый марафон».

Осмотрев позиции, Михаил Георгиевич встретился с офицерами, проинформировал, как будет проходить вывод Ракетных войск. Он также отметил, что американцы вынуждены выполнять свои обязательства. В Гавану уже прибыл американский корабль «Санто-Серро» с медикаментами в счет уплаты за ущерб, причиненный агрессией на Плайя-Хирон. Американцы зорко отслеживают ситуацию, сенаторы и президент принимают все меры, чтобы сорвать проведение Конгресса солидарности с Кубой. На Фиделя Кастро народы мира смотрят с надеждой,

освободительное движение против американской экспансии набирает силу.

В свою очередь, хозяин Белого дома решил созвать свое совещание, ораторы нам известны: послушные США руководители стран Центральной Америки. Один прихвостень уже заявил: «Мы разрешим завозить на Кубу только гвозди, чтобы на месте вбивать их в крышку гроба кубинского социализма».

Провокации в отношении Кубы не прекращались, они требовали от нас решительных действий. Вечером 17 марта американский катер обстрелял торговый корабль «Льгов», находившийся у причала в порту Исабела-де-Сагуа. Советское судно разгружало товары. Мы зарегистрировали прямые попадания в судно, которое, согласно международным правилам, считалось территорией СССР. Правительство Кубы осудило эту разбойничью акцию, возложив всю ответственность за инцидент на правительство США.

19 марта командиров частей снова вызвали в Гавану, проинформировали о том, что в Сан-Хосе (Коста-Рика) закончилось секретное совещание между Кеннеди и руководителями стран Латинской Америки. Была опубликована и «декларация» государств Центральной Америки. В ней, в частности, отмечалось, что страны Центральной Америки проведут совещание министров внутренних дел, чтобы воспрепятствовать «коммунистическому проникновению».

Представитель Гондураса Рамон Вильеда Моралес на этом совещании заявил: «Наш долг – Кубинскую революцию задуть любой ценой!» На это заявление «ястреба» зал взорвался аплодисментами, больше всех аплодировал перед кинокамерами Кеннеди. Один сподвижник Кеннеди до того договорился, что предложил катер, обстрелявший «Льгов», поставить на вечную стоянку. Как символ борьбы с коммунизмом.

Правда, в эти же дни в Лондоне в коммюнике, принятом на конференции десяти стран о свободе мореплавания торговых флотов, правительство США подверглось резкой критике. На этой конференции потребовали от США отказаться от дискриминационных мер против судоходных компаний, связанных торговыми отношениями с Кубой. В коммюнике подчеркивалось: страны, принимавшие участие в работе конференции, полны решимости продолжать борьбу за свободу судоходства без каких-либо ограничений со стороны США. Коммюнике подписали Бельгия, Дания, Франция, ФРГ, Греция, Италия, Голландия, Норвегия, Швеция и, совсем неожиданно для США, Великобритания.

А на Кубе творилось что-то необъяснимое: бомбили сахарные заводы, радиолокационные средства вдруг перестали засекают противника.

Требовалось разобраться, что же происходит: почему бессильны радары. С этой целью на Кубу прибыл генерал армии Г.В. Зимин, заместитель главкома войсками ПВО. 20 марта он принял участие в совещании командиров соединений и частей.

Генерал армии Г.В. Зимин заявил: «Я прибыл вместе с командующим войсками ПВО изучить ситуацию. Бомбят заводы, а мы только фиксируем факты. Надо действовать». Он отметил: «Если в Москве разведка американцев активизировала свои действия, вероятно, американцы не дремлют и на Кубе».

Г.В. Зимин просил задействовать все средства разведки в ночное время. Вместе с Гречко он пришел к выводу: бомбы сбрасывают со спортивных самолетов. Посоветовавшись с кубинцами, мы приняли решение прочесать всю территорию Кубы. Гречко оказался прав: вскоре мы обнаружили и конфисковали несколько спортивных самолетов. Бомбежки прекратились.

26 марта новая провокация: атаковали теплоход «Баку» с сахаром-сырцом для Советского Союза. Пробоина была настолько велика, что заделать ее не удалось. Корабль от гибели спасло то обстоятельство, что он сел на мель, но 10 тысяч тонн сахара-сырца мы все же потеряли.

Чтобы предотвратить налеты на корабли, договорились с кубинскими товарищами об охране самих портов. Принятые меры дали великолепные результаты: наши суда оставили в покое. Но американцы продолжали нас стращать: дважды на день их «фантомы» появлялись из-за горы Круст, включали форсаж и со свистом на бешеной скорости пикировали над лагерем. Затем, набрав высоту, уходили в сторону Хибары.

В апреле мы начали занятия с кубинцами по новой программе. На уроках кубинские офицеры рассказывали нам, как еще в 1823 году государственный секретарь США при президенте Монро, а позднее шестой президент США Джон Куинси Адамс сформулировали в отношении Кубы политику «зрелого плода». Предусматривалось, что США, воспользовавшись благоприятной ситуацией, погонят испанцев с острова, превратят Кубу в свою колонию. Д. Адамс подчеркивал, что Куба представляет собой плод, висящий на испанском дереве. И когда этот плод созреет, он неизбежно достанется Соединенным Штатам Америки. И этот день наступил: в декабре 1898 года был подписан Парижский мирный договор, по которому Испания уступила США свое колониальное ожерелье: Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины. Парижский договор лишил кубинский народ права иметь свое правительство и устанавливал на Кубе с января 1899 года военно-оккупационный режим США.

...Все чаще корабли уходили на Родину, нелегко было объяснять офицерам, почему мы «невыездные». Не все понимали, что сценарий в Генштабе расписан до мелочей, мы играли заданную роль в декорациях холодной войны, и этому сценарию не видно было конца. Надо было учить – учили. Надо было жертвовать своими интересами – жертвовали. Теперь опять все сначала.

28 апреля утром ко мне в кабинет с новостью: «Фидель в Мурманске!» – зашел командир кубинской дивизии.

Кое-что о визите мы узнали через неделю, когда пришла почта. А более детально об этом поведал мне посол Советского Союза на Кубе А.И. Алексеев.

По его версии, Хрущеву поступила информация, дескать, Куба выступает против подписания соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах. Александра Ивановича вызвали в Кремль, Хрущев приказал срочно добиться приема у Фиделя Кастро, объяснить, как важно подписать сей документ. Еще в январе Хрущев и Кеннеди обменялись посланиями по вопросу запрещения испытаний ядерного оружия в воздухе, на земле и под водой. Мировая общественность приветствовала эту инициативу Кремля. Мы даже согласились на создание на территории Советского Союза специальных станций для контроля за ядерными испытаниями. Была проведена соответствующая работа и в ООН. И вдруг осечка, сей разоруженческий шедевр Хрущева испортил Фидель.

– Вот поэтому я срочно вернулся на Кубу, – рассказывал Алексеев. – Вручил Фиделю Кастро подарок советского правительства – лимузин «чайку». Прямо в машине я и передал Фиделю просьбу Хрущева. «Мы не верим американцам, – в свою очередь ответил Кастро. – Мы проводим независимую политику. Мы не имеем ядерного оружия и не собираемся его создавать. Поэтому наше подписание или неподписание не изменит картины».

Фидель Кастро еще в 1961 году собирался посетить Советский Союз. Но тогда обстановка была неблагоприятной для Кубы. Надо было уточнить позиции, и Фидель Кастро наконец-то дал согласие приехать в Москву.

Н.С. Хрущев в это время был в отпуске, отдыхал в Подмосковье. Он хотел, как и Фидель Кастро, поговорить по душам, без протокола. По этому поводу Фидель заметил: «Мы будем много спорить, боюсь, я испорчу Хрущеву отпуск».

Посадка в Мурманске была совершена со второго захода. Над

аэродромом стоял туман. Встречал Микоян, даже посол Кубы в СССР не знал о прилете. Утром Фидель Кастро повстречался с мурманчанами, гость побывал на Северном флоте, посетил атомную подводную лодку и атомный ледокол «Ленин».

И вот наконец 28 апреля 1963 года Фидель Кастро прибыл в Москву, в аэропорту первые дружеские объятия с Хрущевым. После встречи поехали на Красную площадь, там состоялся грандиозный митинг...

Еще раньше Че Гевара передал нашему послу: «Фидель интересуется, можно 1 Мая выступить на Красной площади?»

1 Мая выступить у нас не принято, поэтому решили устроить митинг в день приезда гостя. Боялись, что Ф. Кастро, как обычно на Кубе, растянет свою речь на пять часов.

Но Фидель выдержал протокол, говорил он в пределах часа, и все остались довольны. Зато беседы двух лидеров наедине побили все рекорды, они длились по пять-шесть часов. Фидель потом вспоминал: «Хрущев «фаршировал» меня марксизмом, даже охотясь на кабана».

Посетили и ракетную базу, надо было убедить Фиделя Кастро, что при любых обстоятельствах СССР защитит не только себя, но и далекую Кубу.

...8 мая меня вызвали в Гавану. Причину не объясняли. По прибытии узнал: Исса Александрович Плиев уезжает в Москву. Потом объяснили и главную причину: поступил приказ министра обороны Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского № 104. Переговорил с А.И. Морозом, что приказ МО в полк будет передан телеграфом и чтобы утром 9 Мая на построении ознакомили с ним весь личный состав. В приказе говорилось, что сокрушительный разгром немецко-фашистских захватчиков ничему не научил империалистов США – этих новоявленных претендентов на мировое господство. Пренебрегая уроками Истории, они стремятся во что бы то ни стало задержать победоносное шествие социализма.

Отъезд Плиева вызывал разные толки. По его внешнему виду было заметно: он болен. Около 12 часов я зашел в кабинет теперь уже бывшего командующего. Плиев сожалел, что не успели доставить на Кубу ракеты Р-14, не прибыли и подводные лодки, хотя базы для них были подготовлены. Затем сказал: «Стоит ли это обсуждать? Важнее другое – война предотвращена».

Осенью 1972 года, уже будучи командиром армейского корпуса, я снова встретился с Плиевым. Перед отъездом из Крыма Исса Александрович пригласил меня побывать у Бахчисарайского фонтана.

В фонтане лежали две белые розы, и «слезы», капля за каплей, падали на бутоны.

– Великий Пушкин! – воскликнул Исса Александрович. – Поэт как бы нам напоминает, что истинные слезы и переживания творят из простого смертного Человека с большой буквы.

...Перед убытием в Ольгин я представился новому командующему генерал-полковнику С.Н. Гречко. Он обратил внимание на охрану наших судов в портах. Предупредил также, что наш отъезд раньше осени не состоится. В этот же день поздно вечером мы возвратились в свой лагерь. Отныне каждую неделю мы отправляли команды для сопровождения кораблей.

Именно в это время в США разрабатывались основные принципы идеологической войны против СССР. Советники Кеннеди считали, что лучше начать с развала КПСС, необходимо проникнуть прежде всего в центры управления партией. Значительно активизировали в США и средства массовой информации, чтобы представить нас как «империю зла». Заработали на полную мощь и новые «голоса». Главная задача – разжечь национализм. На эту приманку и клюнули представители интеллигенции, особенно в Прибалтийских республиках. Появились и первые перевертыши из числа писателей.

В перерывах между сочинением «нетленок», романов из жизни пламенных революционеров, они кропали повестушки, чтобы при случае передать их на Запад. Пристроить в какой-нибудь университетский журнальчик.

Неизвестные таланты обычно открывали к ноябрьским торжествам, чтобы испортить настроение кремлевским идеологам. Леонид Ильич в подобных случаях говорил: «Досрочно ввели свои идеологические мощности. Лучше бы выкапывали из литературной грядки «великих» к своим праздникам. Все эти новые таланты – ихние!»

Американцы успевали повоевать везде: в Суэце и в Сирии, в Иране и на Кубе. Единственный, кто противостоял Соединенным Штатам, – это Советский Союз. Об этой миссии СССР прекрасно рассказал Ф. Кастро на пресс-конференции, посвященной итогам визита кубинской делегации в Москву. Его выступление было программным, он отвечал на вопросы, что делать сегодня, завтра и в перспективе. Неожиданно для журналистов он развернул газету «Правда» и показал четыре страницы. «В «Правде» Хрущева вы найдете статьи о жизни в стране и важнейшие события в мире, – обратился Фидель к журналистам. – А вот наша, кубинская газета. На всю страницу красуется дамский туфель. Ну зачем нам реклама? – возмутился Фидель. – Если все продается по талонам?»

И зал взорвался дружным смехом. «Вот такая у нас веселая жизнь, –

прокомментировал смех журналистов Фидель. – Сами над своей глупостью смеемся. Но американцы тоже над нами похохатывают. А давайте испортим настроение Кеннеди. Или прекратим помещать в газетах глупую рекламу, или приступим к выпуску модных дамских туфель».

Неожиданно позвонили из Гаваны: «Гречко договорился с Раулем Кастро провести показательные занятия по стрельбам. Выбрали район аэродрома Ольгин. Покажите, как летают противотанковые управляемые ракеты».

15 июня день выдался безоблачным, самолеты один за другим приземлялись. Прибыли командующие армиями, представители Генерального штаба, видов РВС, Управления революционного воспитания, а также представители советнического аппарата. Первым прибыл майор Чавеко, ведь учения проводились дивизией, которой раньше командовал он. Приехали Каликто Гарсиа, Хуан Альмейда. Затем прилетели самолетом генерал-полковник С.Н. Гречко, генерал-лейтенант П.М. Петренко и другие офицеры управления группы. Последним приземлился самолет министра РВС, Рауль Кастро прибыл с супругой Вильмой Эспин в сопровождении Серхио дель Валье – начальника Генерального штаба и других видных представителей РВС. Среди советнического аппарата я узнал генерала А.А. Дементьева и полковника Козлова.

Первым сдавал экзамен молодой кубинец, негр, сержант (серхенто де терсера). Он рассказал об устройстве пусковой установки, системе управления. Командир машины не просто назвал тактико-технические характеристики, но обрисовал и поведение ракеты при ее полете.

Второй командир-кубинец, сержант лет двадцати, также держался с достоинством, спокойно отвечал на вопросы и в конце доклада заверил МО РВС, что все ракеты полетят, в этом он уверен, а что касается цели – это зависит от того, кто будет наводить ракету.

Боевая машина, которой командовал третий сержант Рафаэль Эстрада Суари, стояла в укрытии. Командир получил ракеты, зарядил их, одновременно давая пояснения, кто из членов экипажа за что отвечает. Цели с бронированными щитами выставили на удалении от огневых позиций на 3, 2 и 1 километр, прикрыв масками из сухого кустарника.

Вскоре командир дивизии подал знак, и маску с дальней цели сняли, все увидели силуэт танка. И уже через несколько секунд пошла первая ракета, по трассерам было видно, как она поднялась над местностью метров на двадцать-тридцать. Раздались вздохи сожаления. Подумали, что ракета уйдет в «молоко». Но ракета, снизившись, попала в цель.

Бой продолжался. Минуты через полторы сняли маску со второй цели.

Пошла вторая ракета, опять небольшой подъем, и ракета без погрешностей угодила в цель.

Командир дивизии продолжил доклад: «Прорвались танки противника». Он показал цель на удалении одного километра. Пуск, все замерли, и возмездие наступило!

На трех автобусах подъехали к первой цели. Бронированный щит был пробит почти в центре. Рауль Кастро, Вильма Эспин, командующие сфотографировались на фоне «подбитого танка». Рауль Кастро спросил меня: «Кто учил кубинцев?» Я представил капитана Дихтяря и его офицеров.

Рауль Кастро высказал много лестных слов и в адрес учителей и учеников и даже рассказал анекдот: «Хрущев наконец-то встретился с папой римским, начали договариваться о принципах мирного сосуществования. И договорились! Вскоре Хрущев признал, что мир сотворен за семь дней, а папа, в свою очередь, сделал сенсационное заявление: «Мир создали коммунисты».

В первой половине сентября получили приказ: передать 500 человек из полка в зенитно-ракетные части. Это был болезненный процесс для всех – и офицеров и солдат. В полку осталось меньше тысячи человек. Понемногу лагерь свертывался. Мне стало также известно, что в Ольгин прилетает Фидель Кастро, он примет участие в церемонии передачи полком боевой техники кубинской дивизии.

Утром 15 сентября я уже встречал в Ольгине С.Н. Гречко, посла А.И. Алексеева и генерала И.М. Мороза. А через несколько минут приземлился и самолет с Раулем Кастро.

Приехали в лагерь. Рауль Кастро дал нам понять, чтобы мы Фиделя не ждали. Тень недоумения пробежала по лицу посла Алексеева.

Ровно в 10.00 я скомандовал: «Смирно!» На флагштоке подняли наш флаг, кубинский был несколько приспущен. Первым выступил генерал-полковник С.Н. Гречко. Он поблагодарил личный состав полка за обучение кубинцев и пожелал кубинским воинам успехов в защите своей Родины. Подошла торжественная минута: грянул гимн Советского Союза, и наш флаг на флагштоке пошел вниз, он уступил место кубинскому стягу.

Ответную речь произнес Рауль Кастро. Он напомнил, что происки империалистов настоятельно требуют от правительства Республики Куба принимать необходимые меры для защиты социалистических завоеваний. Фидель Кастро делает все, чтобы укрепить армию и флот.

После выступления министра группа советских офицеров под бой барабанов во главе с комсоргом полка И.Н. Павленковым подошла к

трибуне, вручила Раулю Кастро макет танка Т-55А. В свою очередь, министр вручил послу коробку с сигарами и ромом для Хрущева. Затем Рауль Кастро вручил мне *Carra de Honor* – Почетную грамоту.

«ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА товарищу Язову Дмитрию Тимофеевичу

От имени Генерального штаба, всех воинов Революционных Вооруженных Сил Республики Куба и от себя лично выражаю Вам глубокую благодарность за самоотверженную работу по укреплению обороноспособности нашей социалистической Родины.

Примите нашу безграничную признательность за Вашу готовность сражаться насмерть вместе с нами во имя защиты Кубинской социалистической революции, против общего врага всех народов – империализма.

Мы твердо уверены, что Вы и впредь будете активно участвовать в укреплении нерушимой дружбы между кубинским и советским народами и их славными Вооруженными Силами. Пусть всегда сплачивает нас боевое знамя пролетарского интернационализма!

Заместитель премьер-министра,

Министр Революционных Вооруженных Сил

Республики Куба майор *Рауль Кастро Рус*.

13 сентября 1963 г., Гавана».

Вручение грамот советским офицерам заняло несколько минут. Затем четырьмя колоннами по двести человек офицеры и солдаты в белых рубашках и кремовых брюках торжественным маршем прошли перед трибуной. Рауль Кастро стоял рядом с Вильмой Эспин и несколько раз сказал: «Бьень, хорошо!»

Началось прохождение колонн кубинской дивизии. Кубинцы прошли перед трибуной одетые по форме: в касках, с автоматами на груди. Теперь Гречко и Алексеев дали оценку: «Отлично!» Пешие колонны прохождения закончили, взревели моторы, в три ряда перед трибуной прошли все виды техники: машины связи, БТРы, батарея ПТУРС, танки.

После маленького парада я пригласил на обед советских и кубинских офицеров. В свою очередь, командир дивизии кубинцев устроил прием для солдат и сержантов примерно на три тысячи персон.

На обеде Рауль Кастро уловил, что посол Алексеев скучает, он ищет причину, почему не приехал Фидель Кастро. Возможно, Хрущев попросил посла переговорить доверительно о чем-то важном с Фиделем. «Если вы хотите встретиться с Фиделем, – вдруг обратился Рауль к послу, – я готов

вам посодействовать». Обед свернули, и главные персонажи этой встречи вышли к машинам, поехали в сторону Никаро.

Фидель Кастро действительно хотел побывать у нас, но, когда ему стало известно, что прилетел посол Алексеев, он решил не заезжать в полк, а поехать в Биран, к могиле отца, месяц тому назад там похоронили и мать.

Вдруг по дороге в сторону Ольгина на большой скорости промчалась кавалькада машин.

– Это они, – сказал командир дивизии.

Мы сели в его машину и поехали в Ольгин. На площади милисиани – милиционер нам подсказал:

– Они проехали к старшему брату Кастро Рамону.

В дом Рамона мы не заходили, но нас заметил Гречко:

– Возьми в лагере макет танка и приезжай на аэродром, скоро будем улетать.

Я подъехал к самолету, когда посадка уже заканчивалась. Я поднялся по трапу и вручил подарок. Фидель крепко пожал мне руку и предложил присесть. Рассматривая макет, он отметил:

– Сделано большим умельцем. – Потом спросил:

– Как вы оцениваете уровень подготовки дивизии?

Я рассказал, что выполнены все упражнения по стрельбам и вождению, я считаю, что дивизия в отличной форме, она вооружена самой современной техникой. Вот-вот должны были убрать трап, и я поспешил к выходу. Но перед тем как уйти, Фидель Кастро меня обнял и попросил передать свою признательность и благодарность всему личному составу.

Надвигались тучи, раздались первые раскаты грома, провожающие юркнули под крыло стоящего рядом самолета. Лайнер премьер-министра вырулил на взлетную полосу и поднялся в воздух. Летчики, которые стояли рядом с нами, сказали: «Пошел в грозу».

Когда вернулся в лагерь, то почувствовал какую-то опустошенность. Полк перестал существовать как боевая единица. Я догадывался: ликвидационный акт утвердят, сопоставив то, что мы получили, с тем, что передали кубинцам. Поэтому я пригласил в Гавану начальников служб материально ответственных с документами. В течение двух дней они решили все вопросы. Осталось попрощаться с послом.

Алексеев встретил меня радушно, рассказал, как они с Фиделем летели в Гавану. Выяснили и мотивы излишней настороженности Фиделя Кастро. Причина – несогласование с кубинским руководством сроков вывода ракет.

Через несколько десятилетий откровенно скажу: так со стратегическим

союзником не обращаются. Фиделя Кастро могли бы и проинформировать. И не такие секреты доверяли генсекам из соседних стран, почему же Фидель попал в опалу? Кто задумал поссорить Хрущева с Фиделем? Неужели уже тогда в высших политических сферах протезировали американцам? Как догадывается читатель, на эти вопросы мы не скоро получим ответы. Путь к правде истории задымлен завесами секретности и лжи...

Казалось, все вопросы решены, но, когда возвратились в Ольгин и стали готовиться к отъезду, по радио предупредили: надвигается ураган, имя ему «Флора». Ураган сопровождался ливнями, реки вышли из берегов, так мы оказались отрезанными от Сантьяго-де-Куба. К исходу 28 сентября ураган затих, переместился в сторону Мексиканского залива. Из Гаваны сообщили: «Белицк» вышел, утром 30 сентября встречайте у причала в Сантьяго-де-Куба.

Когда мы загрузились, снова сгустились тучи, это ураган «Флора», развернувшись в Мексиканском заливе, опять пошел в сторону провинции Ориенте.

«Белицк» бился о стенки причала, и капитан принял решение встать в заливе на два якоря. Новый теплоход за несколько часов из «белой чайки» превратился в ржавую посудину. На восьмые сутки ветер затих, и вся эта круговерть, которая обмывала нас больше недели, начала рассеиваться и ослабевать. Мы просигналили, попросили, чтобы к нам подошел катер. Через час на катере я направил Мороза в штаб армии доложить обстановку. У нас осталось продуктов всего на двенадцать суток. Как потом рассказал Александр Иванович, проехать по городу было непросто. Вырванные с корнями деревья завалили улицу.

В заливе простояли девять суток, и, положившись на единодушный порыв «вперед!», мы вышли в открытое море, до дома оставалось пятнадцатьшестнадцать суток. Не успели отойти на несколько миль от залива, как над нами пронеслись два боевых самолета США. В течение дня они кружили над теплоходом. Солдаты бросали в самолеты гнилую картошку, дескать, нас не запугаешь.

Теплоход «Белицк» по сравнению с «Победой» имел приличную скорость. Судно было не загружено, и потому его болтало, иногда винт оголялся и бился о волны. Особенно густой туман был при подходе к Ла-Маншу. Гудок за гудком плыл над туманной гладью, этот звук сеял в душе тревогу и смятение.

Предчувствие меня не обмануло. В калининградском порту увидел

странную картину: из машины высаживаются солдаты, вооруженные карабинами. Пока мы пришвартовывались к причалу, нас по всему периметру окружили вооруженные солдаты.

Когда спустили трап, я представился генералу, поинтересовался, что сие означает? Почетный караул или встреча уголовников? Он ответил:

– Я не знаю, кто вы, предъявите документы. Я требую переодеть всех в военную форму. Только тогда разрешу оставить корабль.

Пришлось объяснять: обмундирование не надевали больше года, и видеть солдат в панамах, в шинелях с воротниками, объединенными крысами, зрелище грустное. Генерал ответил:

– Я выполняю приказ.

Объясняться дальше было бесполезно. Поднимаясь по трапу, впервые призадумался: «Кто же ты, Россия, своим детям? Мать? Мачеха?» Собрал в твиндеке офицеров и объявил: «Час на переодевание».

Привезли нас в городок мотострелковой дивизии. Надо отдать должное генералу Андрею Власовичу Болибруху, начальнику штаба армии: организовал работу так, что даже ночью машинистки печатали проходные свидетельства. Офицерам выписывали направления в те округа, из которых они прибыли: в Ленинградский, Киевский, Московский.

24 октября я в последний раз построил полк и вручил всем документы. С каждым солдатом и офицером попрощался по-братски. У многих непрошено навернулись слезы на глаза. Мы понимали, что слово «кубинец» станет символом для нас, как позже – «афганец».

Поезд отходил вечером, и мы съездили на могилу Канта, посмотрели полуразрушенные форты. Давно отгремели бои, но следы войны еще были видны. После экскурсии я зашел представиться командующему армией генерал-лейтенанту Александру Терентьевичу Алтунину, сибиряку. Оказалось, что мы из одного района Омской области.

...Вот и Ленинград. Радость заполнила душу, вижу, к вагону бегут мои дети, улыбка со слезами на лице и у Екатерины Федоровны. Игорь и Леночка подросли, особенно Игорь, и не узнать, ростом – выше матери. Остановили такси и поехали на улицу Замшина, на нашу новую квартиру.

Как быстро все кануло в Лету: заверения в дружбе, клятвенные обещания, хорошие манеры. В 1989 году, когда праздновали 30-летие Кубинской революции, Фидель Кастро прислал телеграмму в президентские структуры. Попросил дать согласие наградить кубинскими орденами участников высадки на Кубу в 1962 году. Так Горбачев не дал согласия, обозвав боевые ордена железками.

Кубинские ордена в России? К чему эта экзотика? Вон сколько орденов на арбатских лотках. Покупай сколько хочешь, и сталинградские, со следами крови, и Красного Знамени, Суворова, Кутузова, а коль не приглянулись – гони доллары, тебе продадут подлинную Звезду Героя. Зато сам Горбачев, не раздумывая, принял от канцлера Коля немецкую золотую медаль Отто Хана, ведь это не железка – золото! Горбачев покляничить умеет, как золотоордынец, шатается по миру, собирает дань для «Горбачев-фонда». Размежевание Москвы и Гаваны в начале 90-х годов было поспешным. С подобострастием мы взирали на государства, которые в состоянии бросить России обглоданную жульем косточку займов, и совсем не замечали искренних друзей. Если льстить Америке, так льстить до конца. И потому наша московская творческая интеллигенция торжественно отпраздновала 500-летие открытия Америки Колумбом, не вспомнив того, что только на Кубе было уничтожено свыше 100 тысяч аборигенов. Да неужто это русским невдомек?

Хорошо написал Владимир Возовиков: «Ох как нужно единство Руси, чтобы закрыть дорогу врагам в наши пределы, приструнить грабежников и крамольников. Да временщиков бы повыкорчевать с русской земли – и пришлых, и доморощенных».

Один из цековских вельмож А.Н. Яковлев еще в 1972 году опубликовал статью «Об антиисторизме». Православную церковь будущий идеолог предал анафеме, а тех, кто предлагал переиздать «Историю государства Российского» Карамзина, потребовал сурово наказать. Сам родом из Ярославской области, он в годы Великой Отечественной служил в морской бригаде. Так нас свела судьба, что наша 177-я стрелковая дивизия оборонялась в районе станции Погостье, а ее соседом слева была 6-я морская бригада, в которой служил старший лейтенант А.Н. Яковлев. В личном деле Яковлева почти на каждой странице: «Идеологически выдержан! Предан партии Ленина – Сталина». Пройдут годы, и обер-перевертыш, курирующий идеологию, расставит своих людей на ключевые посты, выполняя один из пунктов решения американского Совета Безопасности: «С помощью агентов влияния захватить средства массовой информации, разрушить коллективистский образ жизни, отрезать прошлое от настоящего, тем самым лишить страну будущего».

Вскоре Горбачев передаст Яковлеву обязанности куратора Варшавского договора, стран социализма. Идеологию же уступят В.А. Медведеву. Но идеология никогда не перестраивается, она перерождается. И поэтому А.Н. Яковлеву Варшавский договор стал в тягость. Это Александр Николаевич начал доказывать, что военный союз не нужен, хотя

блок НАТО распускаться не собирался и после падения «империи зла».

Вспоминая о прошлом, я стараюсь не допускать суетности в искренних чувствах моей боли. Можно только представить, сколько позвоночной гибкости, услужливости понадобилось Горбачеву, чтобы пробраться наверх. Еще будучи секретарем ЦК, курируя сельское хозяйство, Горбачев вылетал в Канаду, где послом был А.Н. Яковлев. Не исключено, что там, в Канаде, они и «забеременели» идеями перестройки. Многие партийные работники потом рассказывали, как Яковлев восторгался канадским образом жизни, рассуждая о преимуществах фермерского ведения хозяйства.

Мнением Яковлева Горбачев дорожил, он умел его мысли выдавать за свои, оригинальные. Кандидаты в члены политбюро, с которыми мне часто приходилось общаться, не всегда понимали, чего же хочет Горбачев. Тогда они смотрели на Яковлева и читали по его глазам все мысли Горби.

Прежде всего их единомыслие заключалось в копировании американского образа жизни. Но Горбачева можно было бы простить, в узком кругу его называли «кочевником», он кочевал от одной идеологии к другой. От краевой идеологии к государственной. От кремлевской восходил на высоты космополитизма, как будто это знакомая ему гора Машук. Когда Горбачев впервые выехал в Ленинград с амбициями генсека, он «все знал и ничего не умел». Но Яковлев – по образованию историк, он знал высказывания С.М. Соловьева, что «Русское государство образовалось на девственной почве, на которой история, цивилизация другого народа не оставила никаких следов; никаких преданий, никаких учреждений не досталось в наследство юному русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь собственными средствами».

К чему привела «перестройка» на западный лад, все знают: мы получили внутреннюю войну, самую опасную. Вчера было одно государство, а сегодня народ идет на народ.

План «Мандат III» администрацией Буша выполнен! «Мандат III» ясно определял, в чем должна состоять политика США: сдерживать советский «экспансионизм», способствовать развалу СССР, стимулировать большую открытость общества СССР и, наконец, ниспровергнуть режим. В «Мандате III» отмечалось: «Как и царская Россия, Советский Союз является многонациональным государством, в котором великороссы составляют едва половину населения и, скорее всего, станут меньшинством к 2000 году».

Программа «Мандат III», разработанная администрацией Кеннеди в 1962–1963 годах, действует и через 30 лет при Буше. Эта программа будет

действовать и в будущем, Америка поставила задачу стать властелином мира.

К сожалению, все чаще появляются в нашей демократической прессе материалы о том, что, мол, все мы заложники идеологического мифа о каких-то кознях США против России. Самое время разоблачить эти досужие вымыслы, они мешают демократизации в нашем обществе, не пора ли нам пожать друг другу руки, как это мы сделали на Эльбе. Сторонникам дружеских рукопожатий с США я бы напомнил выступление Б. Клинтона в октябре 1995 года на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов. Сей программный документ арканзасского Ромео сопоставим разве только с известным заявлением А. Даллеса: «Десять лет нашей политики в отношении СССР доказали правильность взятого нами курса на устранение сильнейшей державы мира. Используя прежде всего промахи советской демократии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, мы осуществили мечту многих американских президентов. Но в отличие от президента Трумэна, который мечтал сбить СССР с ног при помощи «ядерных кулаков», мы, несколько откорректировав программу Трумэна, преподнесли американцам на блюдечке Россию со всеми ее несметными сырьевыми богатствами.

Да, мы затратили на эту операцию многие миллиарды долларов, окупив с лихвой все расходы. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота. Под несуществующие проекты нам переданы за символическую цену свыше 20 тысяч тонн меди, почти 50 тысяч тонн алюминия, 2 тысячи тонн цезия, бериллия, стронция, современные технологии. Правда, кое-кто из наших политиков не верил в успех предпринятой операции. И напрасно! Расшатав идеологические основы СССР, мы бросили Россию в пучину экономического хаоса. Еще в начале 1991 года сотрудники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших грандиозных замыслов 50 миллионов долларов.

Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США».

Остается лишь добавить, что эти материалы, закрытые для российской общественности, получены оперативным путем, благодаря воинам «незримого фронта». И за достоверность их можно ручаться.

Тюремные думы

Спецназовцев, которые охраняли членов ГКЧП, самых преданных ельцинскому режиму, завозили вахтовым методом из российской глубинки. Нас охраняли бригадами куряне и ростовчане, ребята из Кургана и Саратова, но первыми удостоились чести нас охранять спецназовцы с родины «вождя», свердловчане. Обычно вахта продолжалась чуть меньше трех месяцев. Видно, Степанков подсчитал, что это крайний срок, чтобы верно служить ельцинскому двору, не переметнуться на сторону гэкачепистов. Но этот срок не все выдерживали. Уже через месяц устанавливались товарищеские взаимоотношения между гэкачепистами и их охранниками. А тут еще цены поползли вверх.

Известно, что конвоиры, прежде чем доставить Валентина Павлова, премьер-министра советского правительства на допрос, находили минутку-другую, дабы получить исчерпывающую информацию, что делать со сбережениями. Один спецназовец даже разоткровенничался: «Матушка попросила, поинтересуйся у Валентина Сергеевича, не сгорят ли ее деньги, которые скопила на похороны?» А когда Чубайс заморочил головы, мол, на ваучер можно получить две легковушки, бывшего премьер-министра каждый день одолевали просьбами: «Как обменять ваучер хотя бы на одну машину?» И Валентин Павлов читал ребятам лекции по экономике. Так что охранники находились в привилегированном положении, на ваучеры уже не надеялись, все чаще спрашивали: за какие такие прегрешения вас держат в Тишине? Один из охранников настолько прозрел, что ходил на демонстрации в колонне «Трудовая Россия» вызволять из тюрьмы гэкачепистов.

Новый, 1992 год я встретил в камере. По старой армейской привычке вытащил шматок сала, краюшку хлеба, луковицу, представил фирменное блюдо моей благоверной, Эммы Евгеньевны – узбекский плов, и на душе стало тепло и безмятежно. Это был первый Новый год в моей жизни, когда я не поднял чарочку...

Не знал я, что в эти предновогодние часы жены членов ГКЧП собрались перед воротами Матросской Тишины. «Отпраздновать Новый год с мужьями» им посоветовали руководитель издательства «Палей» Николай Мишин и поэт Анатолий Тихомиров. Они привезли из Подмосковья распушистую елочку, а Екатерина Петровна Крючкова – крестовину. Тамара Александровна Шенина – игрушки, Елена Лукьянова – шампанское. Нарядили елочку, подпоясали бусами, подняли бокалы. Никто и не подозревал, что из соседнего дома всю честную компанию держали на прицелах снайперы.

Демократическая пресса настолько была уязвлена этой выходкой, что посоветовала президенту ужесточить режим пребывания членов ГКЧП. Дескать, пора и всыпать, им бы горе мыкать, а они новогоднюю пирушку устроили у стен тюрьмы. Наутро «Вечерняя Москва» напечатала сразу два репортажа о праздновании Нового года в стране. Один из Кремля, с портретом Ельцина, другой – у стен Тишины.

Рассказываю «товарищам по нарам» о жизни своей, а сам задаю себе вопрос: «С чего начался распад страны?»

Помню, как в 1982 году праздновали 250-летие присоединения Казахстана к России. На торжествах я сидел в президиуме. Опоздавший на заседание председатель Совета Министров Грузии говорил: «Я польщен честью всех вас поздравить. Я надеюсь получить опыт празднования. Мы скоро отметим 200-летие Георгиевского трактата о добровольном вхождении Грузии в состав России. Некоторые княжества Грузии по двести и более лет домогались права стать подданными России».

Представители Татарии и Башкирии говорили о 400-летию единения татарского и башкирского народов в общем государстве Российском... Казалось, все возможное делается для сплочения народов, укрепления их дружбы.

И вдруг... из каких-то тайных закоулков нас захлестнул национализм. И этому способствовал сам Горбачев. Он поучал, указывал, менторствовал и всегда уходил от ответственности. Мне приходят на память слова Льва Толстого: «Ужасен тип людей, хотящих быть всегда правыми. Они готовы осудить невинных, святых, самого Бога, только быть правыми».

В декабре 1986 года состоялось заседание политбюро, на котором приняли решение освободить Д.А. Кунаева от работы в связи с уходом на пенсию. Динмухамеда Ахмедовича не пригласили даже на заседание политбюро. А 16 декабря собрали Пленум ЦК Компартии Казахстана, на котором секретарь ЦК КПСС Г.Л. Разумовский предложил избрать первым секретарем Г.В. Колбина, до этого работавшего секретарем Ульяновского

обкома КПСС.

Это назначение вызвало в республике непонимание. Если в Бюро ЦК Компартии Казахстана, по мнению Горбачева, и были малоопытные товарищи, то в республике 19 областей, следовательно, девятнадцать секретарей обкомов, аппарат Совета Министров, Президиума Верховного Совета Республики «малоопытные». Выходит, политбюро никому не доверяет?

До избрания первым секретарем обкома в Ульяновской области Г.В. Колбин был вторым секретарем в Грузии и даже изучал грузинский язык. Я не исключаю, возможно, он согласился на высокую должность первого секретаря ЦК компартии Казахстана, чтобы изучить еще и казахский язык. Но казахи этого не оценили и 17 декабря вышли на центральную площадь. Потребовали разъяснить решение прошедшего пленума ЦК.

В разговоре с Кунаевым Горбачев пообещал: «Мы разберемся и наведем порядок». И 17 декабря началось избивание молодежи, многих студентов исключили из институтов, бросили за решетку. Так Горбачев демонстрировал возможности демократии.

И что же дальше? У Горбачева появилась страсть перетасовывать партийные кадры. Первым, на ком он отыгрался, был Григорий Романов. Он составлял серьезную конкуренцию Горбачеву. И когда на политбюро обсуждали, кому быть генсеком, ни Щербицкого, ни Романова на заседание не пригласили, да и о Кунаеве вспомнили в последнюю минуту.

Г.В. Романов долгое время возглавлял ленинградскую партийную организацию. В 1973 году, по предложению Брежнева, его ввели в состав политбюро.

Заполучив власть, Горбачев поспешно спровадил Романова на пенсию. Затем Горбачев под предлогом обновления кадров расстался с Тихоновым и Алиевым и, наконец, подобрался к Николаю Ивановичу Рыжкову. За мужество, проявленное при ликвидации последствий землетрясения в Армении, Рыжкова назвали Человеком года. Какой прекрасный повод учинить расправу, смести с дороги. Еще, чего доброго, выберут генсеком. Надо принять превентивные меры, убрать Рыжкова.

Председателя Совмина подвергли несправедливой критике, и вскоре Совет Министров урезали в правах, а политбюро сформировали по национальному признаку.

Запылали Карабах, Сумгаит, Фергана, Ош, Узген, Осетия, Чечня, Приднестровье – Горбачев подрастерялся. Проблемы необходимо было решать, но они не решались.

В Америке на встрече, организованной Билингтоном, директором

Национальной библиотеки конгресса США, Горбачев признался: значимость национальных проблем он оценил только осенью 1990 года. Это, мягко говоря, неправда. На политбюро национальные проблемы рассматривались частенько. Вспыхнул крымско-татарский конфликт – создали комиссию под руководством А.А. Громько. Произошла трагедия в Фергане – председателем комиссии назначили Н.И. Рыжкова.

Особенно мне запомнились бакинские события. Дело зашло так далеко, что на главной площади города были поставлены виселицы. Когда об этом Е.М. Примаков доложил Горбачеву, последний скомандовал: «Вести в городе чрезвычайное положение». Войска ввели, но при этом погибло более пятидесяти человек. Горбачев понял: он подгорает. Поэтому он и не подтвердил письменно акт ввода чрезвычайного положения в Баку.

Многие писатели утверждали, мол, у Горбачева гибкий ум, он отличается оригинальностью мысли. После смерти Черненко злые языки гадали, с чего Горбачев начнет: «Сажать или сеять?» Ошиблись. Он начал дрейфовать, подгоняемый чужими мыслями. Кто-то из помощников посоветовал ему почаще беседовать с народом, это было горе для русского языка. В интеллигентных семьях родители затыкали детям уши. Околесицу нес человек с университетским образованием. Чем он занимался в университете? Стучал на товарищей?

Государство разваливалось, а президент собрался на отдых в Форос. Утром 4 августа, согласно списку, в аэропорт примчались провожающие: члены политбюро, секретари ЦК, министры-силовики. Странный этот обычай – всем партийным гуртом маячить перед светлыми очами президента. Говорят, что традиция пошла от Троцкого, когда его сопровождали в поездках одесские нахлебники. Времена были голодные, и в этих поездках весь честной интернационал Одессы отъедался в надеждах, что перепадет и какая-нибудь должность. Словом, кадры у Троцкого всегда были под рукой. Он насаждал их по всем весям, заботливо окучивая взором эти политические грядки. При Сталине институт провожающих упразднили, всего три-четыре человека для официальной фотографии. И в самом деле, зачем выстраиваться у трапа самолета, чтобы проявить верноподданнические чувства? Лучше выпусти на сто самолетов больше, испытай новую ракету, собери урожай, и Родина оценит твою деловую сноровку. Нет, не любил Сталин провожающих аэродромных истуканов, к ним вернулся Никита Хрущев.

По табели о рангах партийные деятели делились на «невыезжающих», которые еще не попали в списки «провожающих-встречающих», и на «аэродромных». Эмма Евгеньевна обычно шутила, когда кто-нибудь звонил

ближе к ночи из партийных сановников: «Дмитрий Тимофеевич, звонит «аэродромный». И что за мода всей гурьбой встречать генсека? Обычно так князей провожали в последний путь на Руси.

И действительно, во времена Горбачева штат «аэродромных» рос как на дрожжах, всяк старался попасть в кадры кинохроники. Отвоевали себе позицию у трапа и сотрудники арбатовского института. А с рассветом верноподданнических «услуг» дошла очередь и до артистов – звезд эстрады. Самые везучие попадали сразу в «спальники» – те, кто летел с Горбачевым в одном салоне. Конечно, преимущества в этой политической опаре имели «целовальники», они обычно позволяли себе прямо у трапа самолета продемонстрировать интимную близость – облобызать генсека. Самым искренним «целовальником», он же и «спальник», в Москве называли Георгия Арбатова. Американские ценности Михаил Сергеевич считал приоритетными, и поэтому директор Института Америки и Канады имел преимущество в гешефте, случались встречи после дальних странствий, когда Горбачев попадал в объятия Шеварднадзе обцелованным приткими арбатовцами.

Зашел разговор о том, что Кравчук не склонен подписывать Союзный договор, Горбачев что-то произнес невнятно, мол, как миленький подпишет. Накануне отъезда он принял участие в работе кабинета министров, наставлял следить за ситуацией вплоть до принятия чрезвычайных мер. На «хозяйстве» он оставил Янаева и Шенина.

С Г.И. Янаевым я встретился на торжественном собрании, посвященном Дню Военно-воздушного флота, мы не перекинулись и словечком, хотя и сидели рядом в президиуме.

С Павловым В.С. мы встретились в его кабинете по служебным делам, что подтверждается документами, и второй раз 17 августа на объекте КГБ – «АБЦ», где было принято решение лететь к Горбачеву в Форос. Цель все подследственные подтвердили: принять меры для сохранения Союза, вплоть до введения ЧП.

С О.С. Шениным встречались только 17 августа там же, он, как исполняющий обязанности секретаря ЦК в отсутствие Горбачева, согласился лететь, чтобы убедить его немедленно возвратиться в Москву, принять меры для сохранения государства.

С В.А. Крючковым и О.Д. Баклановым я встречался чаще. Бакланов проводил в Кремле совещание с участием атомщика Ю.Б. Харитона. Речь шла о необходимости испытания ядерного оружия на Новой Земле. По этому же вопросу собрались у Крюčkова минут на двадцать-тридцать, где было принято решение вылететь на Новую Землю, определиться, когда

начать работы по подготовке испытаний.

С А.И. Тизяковым и В.А. Стародубцевым я встретился только 19 августа на совещании у Янаева.

Анализ складывающейся ситуации показывал: если 20 августа подпишут Союзный договор, то СССР перестанет существовать. Для меня, как и для большинства граждан, развал Советского Союза являлся личной трагедией. За пределами России оставались русские, украинцы, белорусы. Что будет с ними? Тогда мы предполагали, а теперь это явь, когда о трагедии русских говорят в Прибалтике, Чечне, Грузии, в других республиках. Мы видели издалека, как наплывал на армию волкогоновский идеологический туман. Уже Яковлев форсил на подиуме американской демократии.

Все это вызывало необходимость лететь в Форос к Горбачеву. Собрались на объекте «АБЦ», здесь приняли решение, что в Форос полетят Шенин, Бакланов, Варенников, Болдин, Плеханов и Генералов.

В 16 часов 18 августа, в воскресенье они прибыли в Форос, предварительно отключив средства связи. Все спрашивают: почему? Да иначе бы не получилось разговора. Горбачев позвонил бы Бушу, а наших товарищей не стал бы и слушать.

Около часа он не принимал руководителей государства. Совещался с Раисой Максимовной, потом с дочерью и зятем, и наконец вывод: заговор. Не потрудился Горбачев задать себе вопрос: если заговор, то зачем они приехали к нему? Ведь его даже не изолировали. Охрана осталась, уехал только В.Т. Медведев. Но у страха глаза велики. Семейству Горбачева почудилось, что вместо четырех кораблей их теперь охраняли четырнадцать, вместо шести человек, прибывших с Генераловым, – шестьсот. «Даже ползли какие-то десантники в черном». Поделится своими страхами ми Михаил Сергеевич «за чашкой чаю» в газете «Известия».

Горбачев во всех интервью похвалялся, что он устроил «холодный душ» Шениным, Баклановым, Варенниковым и Болдиным.

Через четыре года журналист Борис Славин задаст Горбачеву вопрос:

– Михаил Сергеевич, а не приходило вам в голову в тот момент стать Сталиным и решить все, как говорится, одним махом?

Горбачев:

– Нет! Не могло мне это прийти в голову. Потому что это уже был бы не Горбачев.

Хоть в этом сознался, действительно – не Сталин. Сталин не поставил бы Родину на колени перед фашистской Германией. Сталин создавал, а Горбачев рушил. Да, были у Сталина ошибки, просчеты, но в самые

трудные годы он не оставил Москву.

Когда началась война, Горбачеву минуло 11 лет. На три месяца его станицу оккупировала фашистская орда. Леонид Гозман в журнале «Огонек» так прокомментирует этот факт из биографии Горбачева: «Немцы были врагами, с которыми на фронте сражался его отец. Но он увидел не окарикатуренных персонажей, а живых людей, и это было первым опытом понимания того, что пропагандистские стереотипы упрощают, примитивизируют мир, а значит, и относиться к стереотипам в собственной стране следует осторожно».

Мне лично Михаил Сергеевич рассказывал, как его прятали у чужих людей. Потому что его дед по материнской линии Пантелей Гопкало – большевик, председатель первого колхоза. И к его семье, следовательно, оккупанты могли и не применить «стереотипные» решения.

Отец Горбачева, Сергей Андреевич, служил в саперном подразделении в стрелковой бригаде, затем бригаду переформировали в 161-ю стрелковую дивизию, и в саперном батальоне сержант С.А. Горбачев прошел до самого конца войны. Был дважды ранен, награжден двумя орденами Красной Звезды, несколькими медалями за освобождение европейских столиц.

В партию Сергей Андреевич вступил после войны, в 36 лет, добросовестно трудился рядовым механизатором.

На уборке урожая на пару с сыном работал на комбайне. Оба были отмечены государственными наградами. Уже в 17 лет Мишу Горбачева наградили орденом Трудового Красного Знамени. В 18 лет он член РК ВЛКСМ, а через год его принимают кандидатом в члены ВКП(б).

Начало славной биографии сверстано, и Горбачев поступает в МГУ на юридический факультет. А где же еще учиться орденоносцу? Годы комсомольского вождизма зародили в нем стремление что-то переделывать и реформировать. Его даже называли мини-Хрущевым, как позже – мини-Брежневым, мини-Андроповым, пока он не приобрел славу реформатора-разорителя.

Карьера Михаила Сергеевича начинается в Ставрополье, где Горбачев припал к светлому родничку комсомольской славы. Так легче делать карьеру. К тому же в самый раз присмотреться, к какому коммунисту наверху прикипеть душой. Очень скоро Миша Горбачев с комсомольского воя взобрался на партийный. В 39 лет – случай, прямо скажем, редчайший – Михаил Сергеевич становится первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. В 48 лет он уже кандидат в члены политбюро.

Заискивающие тирады в адрес вождей всегда были на устах Горбачева. Он дозировал лесть, словно заправский провизор на весах тщеславия.

После смерти К.У. Черненко по предложению А.А. Громыко Горбачева избрали генеральным секретарем. Позже ходили слухи, что ставропольская мафия отметила то событие бурными возлияниями, несколько дней пиновала.

В минуту коронации новоиспеченный генсек выступил с короткой речью на политбюро. Обстоятельную речь он произнес только на апрельском пленуме ЦК КПСС. Он доложил ЦК, что экономика нашего государства топчется на месте. И чтобы польстить новым инициативам Горбачева, будущие карьеристы шептались в курилках: «Как рубит, о таком генсеке мы мечтали все эти годы!» А тех, кто не простаивал часами в политических курилках, Горбачев с темпераментом Минздрава предупредил: «Молчание опасно для карьеры!»

Светлана Шипунова, изучая Горбачева в перестроечный период, пришла к трем версиям:

1. Горбачев начал перестройку как «верный ленинец», а потом перешел в стан «демократов».

2. Горбачев давно замыслил покончить с социализмом, но скрывал это до поры до времени.

3. Последняя версия самая безжалостная: Горбачев – недоумок. Нет, он может быть хорошим семьянином, но для братской семьи народов Страны Советов – он всегда отчим.

В чистом виде ни в одну из предложенных версий я не верю. Все гораздо сложнее. Мне ближе другая версия: Горбачева на вершину власти привела ставропольская мафия. Но подтолкнуть «Мишку-конвертика» на самую последнюю ступеньку власти даже у мафии не хватило сил. Поэтому где-то на полпути мафия сдала Горбачева спецслужбам СИТА.

Развал экономики, падение жизненного уровня народа, безработица, забастовки, кровавые национальные конфликты, беженцы, преступность в стране – вот неполный перечень заслуг Горбачева перед своими хозяевами, которые заказали ему развалить могущественную страну. Заказчики выбрали на эту роль М. Горбачева – и не разочаровались...

Штаб ЛенВО

После длительной командировки на Кубу меня назначили в Управление боевой подготовки Ленинградского округа заместителем начальника отдела планирования и общевойсковой подготовки. Возглавлял управление генерал-лейтенант Александр Иванович Казмин.

Александр Иванович поручил мне подготовить тактические учения с дивизией генерал-майора Валентина Ивановича Варенникова. Дивизия дислоцировалась в Кандалакше, Алакурти, Пинозере и Лупче-Савине. Шел февраль 1964 года. Стояла снежная зима, февраль расщедрился сильными морозами.

Добравшись до места, я промерил на озере толщину льда, изучив возможность посадки самолетов прямо на лед. В конце рекогносцировки вывод напрашивался сам: учение возможно проводить только вдоль дороги на Алакурти.

Утверждая замысел учения, генерал армии М.И. Казаков прежде всего поинтересовался, какова толщина снежного покрова, пройдут ли танки. Я доложил: на переднем крае «противника» танки смогут пройти с большим трудом, а вот автомобильная техника в снегах завязнет. Вся надежда на колонны. Необходимо сформировать и отряды лыжников, чтобы обходить оборону «противника» по высотам.

Учение проводили в марте. На севере еще не чувствовалось, что пришла весна. Ночью всполохи северного сияния напоминали, что мы у полярного круга.

По тревоге дивизия организованно вышла в запасный район сосредоточения, где командиру дивизии вручили «боевой» приказ. «Противник» был реальный – расквартированный в Алакурти полк.

Валентин Иванович Варенников – опытный северянин. Он понимал, что наступать по дороге – значит упустить инициативу, «противник» дорогу оборонял. Но дорога необходима для материально-тылового обеспечения. Поэтому Валентин Иванович в каждом полку создал на ГТТ, ГТС

обходящие отряды. Минометы, тяжелые пулеметы, даже кухни разместили в кузовах тяжелых транспортеров. Зато легкие орудия поставил на специально изготовленные лыжи-волокуши.

Обходящие отряды сделали свое дело, еще шел бой за главную полосу обороны, а некоторые «опорные пункты противника» были уже в руках этих отрядов. Но что удивительно: трое суток на морозе и в снегу, и никаких происшествий. Это говорило о высокой выучке дивизии и опыте командиров.

Группа разбора всю ночь напролет готовила материалы для подведения итогов, и в пять утра я доложил командующему, что материалы к разбору готовы, заодно поинтересовавшись, какую выставить оценку дивизии.

Михаил Ильич улыбнулся и с хитрецей сказал: «Вы как школьники: обязательно выстави в дневнике пятерку или тройку. А я просто скажу: дивизия подготовлена для выполнения задач в условиях Крайнего Севера. Командиры с поставленной задачей справились».

Чуть позже, летом 1964 года, в округе проводились фронтовые командно-штабные учения. К этому времени я был уже назначен начальником Первого отдела УБП. На учениях участвовал как представитель штаба. Исполнял обязанности командира корпуса генерал-майор П.И. Клесов. Начальник штаба – полковник Неможенко.

После подъема по тревоге Управления корпуса мы вручили ему письменный приказ перебазироваться в район западнее Кандалакши. Средства связи, подразделения обеспечения были отправлены эшеленом по железной дороге, а сам штаб и мы, посредники, полетели вертолетом Ми-6. Погода была хорошая, и казалось, ничто не предвещает беды. Но когда стали проходить Белое море, началась тряска, вертолет бросало то вверх, то вниз, к тому же километра за три до аэродрома Пудежемья вдруг послышался пронзительный свист. Это лопнула труба высокого давления, по которой подавалось масло.

Резервная система не сработала, и вертолет резко пошел вниз. Лопасты винта еще вращались, за счет чего и создавалось торможение. Так мы дотянули до кромки полосы на аэродроме.

На нашу беду в редукторе загорелось масло. К счастью, дверь в вертолете не заклинило, и мы – 65 человек, как гномы в мультяшках, выскакивали из салона. Подошли пожарные машины, потушили огонь. Генерал Линев доложил в штаб руководства учением о происшествии, и часа через два нам прислали четыре вертолета Ми-4, учение продолжалось.

Когда Варенников узнал об аварии, то поспешил на пункт управления корпусом справиться о нашем здоровье. Шишки набили многие, и за

ужином, который нам устроил Валентин Иванович, мы вспомнили все детали этого полета.

Позже, анализируя командно-штабные учения, генерал-лейтенант А.М. Паршиков сообщил, что я утвержден слушателем в академию Генерального штаба. Я спросил его, кто еще направлен из нашего округа в академию? Он ответил: «Варенников, Черемных, Грачев».

Вскоре я получил отпуск, и всей семьей мы уехали отдыхать в Сухуми, а 29 августа 1965 года я был уже в Москве. Валентин Иванович передал нам, ленинградцам, памятные подарки от командующего войсками – именные командирские часы.

Зачислили нас во вторую учебную группу, старшим был генерал-майор Иван Макарович Волошин. Вот списочный состав нашего послевоенного братства: моряк-подводник – контр-адмирал В.С. Шеповалов, летчик-истребитель – полковник А.П. Елкин, политработник – полковник А.П. Бублин, командир полка – полковник С.А. Стычинский, два начальника штаба дивизии – полковники Г.Г. Борисов и Г.А. Олейников, работник тыла – полковник Н.С. Грачев. От министерства внутренних дел полковник К.Л. Кузнецов. Почти все – фронтовики, Варенников и Стычинский – участники Парада Победы.

Из ежедневной круговерти учебы в академии мне запомнилась поездка в Севастополь. На крейсере «Слава» (бывший «Вячеслав Молотов») мы наблюдали, как моряки вели прицельный огонь по надводным и подводным целям. Нашим «главным учителем» был Владимир Семенович Шеповалов, до поступления в академию Генерального штаба он командовал дивизией атомных подводных лодок на Северном флоте.

Вторым значительным событием я бы назвал выезд в Белорусский военный округ: мы, слушатели курса, приняли участие в крупных командно-штабных учениях.

После окончания академии мы разъехались по разным округам. В.И. Варенников – командиром корпуса в Архангельск, И.М. Волошин – начальником штаба армии в Баку, В.С. Шеповалов – начальником штаба флотилии на Северный флот, я – командиром дивизии в Даурию, в Забайкальский военный округ, С.А. Стычинский – командиром дивизии в Группу советских войск в Германии, Г.Г. Борисов – заместителем начальника штаба округа в Одессу.

Кануло каких-то 20–25 лет, и, к сожалению, безвременно ушли из жизни генерал армии И.М. Волошин, генерал-лейтенант Н.С. Грачев, генерал-лейтенант К.Л. Кузнецов, генерал-майор А.П. Бублин. Все они были совестью русскими патриотами и предпочли бы взойти на

любую политическую голгофу – только бы Родину спасти! И если бы меня спросили, кого считать символом российского офицерства 80-х годов, я бы не колеблясь посоветовал скульптору лепить образ с генерала Валентина Варенникова. Я не понимаю, как можно осудить офицера за проявление верноподданнических чувств к Отечеству. И очень жаль, что честь офицера отныне – понятие бюрократическое, истину принято отстаивать в судебном порядке. Мне доподлинно известно, что, когда Г. Попов приезжал на работу в мэрию, он перечитывал набросок речи генерала Варенникова, с которой Валентин Иванович собирался обратиться к судьям:

«Разве можно и дальше терпеть унижение нашей страны, холуев и пресмыкательство? Смотреть, как растлевают нашу молодежь. Найдите для меня, господа судьи, самую суровую статью за спасение человеческой души. Я буду только гордиться этим.

Осудите меня и за то, что я не предал слезы вдов, оплакивающих своих воинов-мужей, павших на полях сражений Великой Отечественной. Вам, поправшим мораль и человеческое достоинство, подвиги наших предков и отцов, на сей раз будет легко избрать мне самую суровую меру наказания.

Судите меня, не жалеите! Ибо вас, слуг безнравственности, за всю историю России-великомученицы будут судить принародно, начиная с Горбачева.

Осудите меня и за то, что чудом остался в живых под Сталинградом, на Зееловских высотах, при штурме Берлина, что прошел несломленным на Параде Победы по брусчатке Красной площади!

Покарайте меня и за то, что выводил из Афганистана к матерям и невестам сыновей и суженых. А не хватит статьи для «вышки» – припомните мне Чернобыль!

Вас, моих обвинителей из Кремля, я там не видел. Что же, судите меня, судите! Во всех случаях свой крест я буду нести с достоинством!»

7 декабря 1991 года охранники облачились в бронежилеты. Вскоре врубили и радио на полную мощность. Но тем не менее через жалюзи оконной решетки мы ясно слышали музыку, звуки военного оркестра. Кто-то обращался к нам по мегафону, но разобрать что-либо было невозможно. «Нанайские» мелодии по «Маяку» заглушали все голоса с улицы.

Позже от адвокатов мы узнали кое-какие подробности. Патриоты Москвы организовали демонстрацию у стен Матросской Тишины. Это был акт гражданского неповиновения, колонна манифестантов в сопровождении оркестра Военно-инженерной академии имени Куйбышева прошла от станции метро «Сокольники» до стен изолятора. Пожалуй, это был первый

акт негодования, и преследовал он не столько цель поддержать гэкачепистов, сколько выразить протест против того беспредела, который нарастал в древней русской столице. К стенам Тишины пришли военные, от солдат до генералов, депутаты, писатели, корреспонденты, единомышленники духовной оппозиции «День» со своим ведущим Александром Прохановым. Затерялись в толпе и переодетые «блюстители порядка».

Манифестанты развернули транспаранты: «Иуды – в Кремле, патриоты – в тюрьме!», «В. Степанков – карманный прокурор!», «Позор карманной юстиции!», «Меченый, оставь Советскую власть в покое!». Многие из демонстрантов и не подозревали, что Советской власти уже нет.

10 декабря в Москве собрали военных, чтобы нарисовать радужные перспективы. Впервые после 1985 года на совещание прибыл Горбачев. Он хотел показать Вашингтону, что сохраняет за собой пост Верховного главнокомандующего. В своем выступлении Горбачев обрисовал сложившуюся ситуацию в стране, говорил о необходимости проведения коренных преобразований, в том числе и в Вооруженных силах. Он отметил, что реализация реформ идет неровно, кое-кто, спекулируя на переживаемых трудностях, пытается навязать нам сепаратизм.

Президент напомнил генералам и офицерам, что новоогаревский процесс дает хороший шанс для выхода из кризиса. Глагодал Горбачев на этом совещании около пятидесяти минут, а послушать, что думают по поводу антиконституционных Беловежских соглашений командующие войсками округов, флотов, генералы и офицеры Генерального штаба, у Горбачева не нашлось времени.

На этом совещании выступил и президент Б.Н. Ельцин, он разъяснил генералам и офицерам причины трехстороннего соглашения, о необходимости именно таким образом приступить к созданию Содружества Независимых Государств. Ельцин утверждал, что трехстороннее соглашение позволит сохранить экономические, политические, культурные и другие связи, которые сложились между нашими народами. Мол, живительная формула Содружества позволит заключить договор об оборонительном союзе, о коллективной безопасности, основанной на едином командовании Вооруженными силами, централизованном управлении ядерными и стратегическими средствами. При этом, отметил Ельцин, некоторые оборонительные функции мы собираемся делегировать руководителям суверенных государств, их министерствам обороны и воинским формированиям.

Следующее высказывание Ельцина показало: вопрос о Вооруженных

силах глубоко не проработан. «Россия не намерена создавать свою армию, свое министерство обороны, если ее к этому не вынудят». Президент подтвердил свое решение через российский бюджет обеспечить денежное содержание офицерскому составу. Нарисовал он и радужную картину строительства жилья для военных, призвав к стабильности и спокойствию.

Ельцин выступал около часа и еще 30 минут отвечал на вопросы офицеров и генералов. Все симпатии были на его стороне. Под занавес Ельцин нокаутировал Горбачева, дескать, во время встречи Михаила Сергеевича с президентом США в Мадриде все расходы советской делегации оплатили американцы. Дескать, вот! Он уже ходит по миру. Клянчит...

Ельцин давно заигрывал с военными, обычно к себе на совещания он приглашал командующих войсками. Еще раньше, в самом начале 1991 года его советник Ю.В. Скоков навещался в Министерство обороны с предложениями создать структуры из армейских частей и подразделений для охраны железных дорог и грузов. Это был зондаж, как отнесется Министерство обороны к суверенизации России.

Но Горбачев на эти ходки из Минобороны не обратил внимания. Подозреваю, что Горбачев уловил новые веяния из Вашингтона и собирался уйти в оппозицию. Иного пути остаться в номенклатуре у него не было.

Положительно оценили в Белом доме и заявление лидеров трех республик, принятое в Беловежской Пуще. Распад великого государства – давнишняя мечта вашингтонской администрации. Американцы дали понять Горбачеву, что, если он будет «любой ценой» добиваться сохранения Союза, это может для него плачевно закончиться.

И уже 27 декабря 1991 года рано утром хозяином кабинета в Кремле стал Б.Н. Ельцин. По этому случаю Джордж Буш прервал отдых в своей загородной резиденции, поспешил выступить с телеобращением к американскому народу: «Советского Союза больше нет. Это – победа нравственной силы наших ценностей. Каждый американец может гордиться этой победой – от миллионов мужчин и женщин, которые служили нашей стране в вооруженных силах, до миллионов американцев, которые поддерживали свою страну и крепили оборону в период правления десяти президентов».

Вот такую отпраздновали победу в США, уничтожив при помощи «пятой колонны» государство. Чуть позже объяснит причину своей неумной радости и госпожа Олбрайт: «Кровавый сталинский сапог больше не увидят в Европе». Запомнала госпожа, как евреи в ермолках в самых кичливых европейских столицах считали за честь припадать к этому

сапогу со словами благодарности.

Воздали похвалу на пиршестве в Белом доме и Михаилу Горбачеву, дескать, действовал смело и решительно, весь был в заботах о переустройстве Европы. Поэтому и пала «империя лжи», ненавистный Советский Союз.

Что и говорить, эти свидетельские показания бесспорно тянут на статью Уголовного кодекса за измену Родине. Горбачев снискал себе такую дурную славу в стране, что один из российских депутатов, обсуждавший Договор о Содружестве Независимых Государств, заявил: «Договор хорош уже тем, что, слава богу, уходит Горбачев».

Зато Гельмут Коль выдал панегирик в адрес уходящего: «В течение почти семи лет, что он стоял во главе государства, М. Горбачев осуществил революционные перемены у себя дома и обновил внешнюю политику СССР... Михаил Горбачев вывел свою страну из паралича и угнетения, в которых она пребывала последние 70 лет. Решающий вклад Михаила Горбачева в достижение единства Германии и начало новых взаимоотношений между нашими народами не будет забыт. Мы, немцы, и я лично обязаны этому многим».

Так и хочется спросить Коля: «Это запуск Гагарина в космос – паралич? Расцвет науки в братских республиках – угнетение? Да о таком параличе мечтают во многих европейских странах.

Послушаем бывшего президента Франции Франсуа Миттерана: «Я приветствую Горбачева как самого выдающегося человека в истории нынешнего столетия, добившегося появления демократии в своей стране, завершения холодной войны и разоружения».

Ах, как лукавит Франсуа Миттеран. Да неужто он запомнил, что в XX веке жили Сталин, Рузвельт, Черчилль, Шарль де Голль?

Мы уничтожили ракеты средней и меньшей дальности, в том числе и «Оку», а Франция в это время приняла на вооружение ядерную систему с дальностью пуска 500 километров.

Как же это понимать? Мы выступили с инициативой уничтожить тактическое ядерное оружие и вывести войска из Германии, а французы и немцы создают совместный армейский корпус. Против кого? Чтобы угрожать России?

Но Миттеран знал, что делает, поэтому и не советовал Горбачеву стремиться к объединению Германии. Пока же Франция, приветствуя «выдающегося человека», продолжает испытания ядерного оружия, ничуть не смущаясь тем, что ее осуждают люди доброй воли.

Послушаем Маргарет Тэтчер: «Это великий человек... Он вернул

свободу странам Восточной Европы... Он впервые подарил ее народам Советского Союза. Настоящую личную и политическую свободу. Это огромное свершение. И он добился этого, не сделав ни одного выстрела».

Странное понимание свободы. Я был в Бомбее, так там до сих пор помнят о «свободе», насаждаемой в свое время англичанами. Белый город исключительно для богатых, беднякам же – городские трущобы.

Не пройти нам и мимо бывшего президента США Рональда Рейгана: «С самой первой встречи на высшем уровне в Женеве и затем во время других наших важных встреч я всегда находил его очень смелым лидером... Михаил Горбачев останется навсегда в истории. У него было огромное желание убрать те барьеры, которые разделяли наши страны.»

Р. Рейган – актер и довольно неплохо сыграл главную роль в своей жизни – роль президента США. На пути сближения с Советским Союзом он не убрал ни одного барьера, наоборот, чинил препятствия. Он добился, благодаря пособничеству со стороны Шеварднадзе, демонтажа Красноярской РЭС (СПРН) и в то же время строил станции СПРН с фазированной решеткой в Гренландии и Англии. Америка для себя всегда находит оправдание.

Польстил Горбачеву и бывший президент ФРГ Рихард фон Вайцзекер: «В эти дни и недели исторических перемен я бы хотел передать Вам искреннюю благодарность от имени немецкого народа за то сильное влияние, которое Вы оказали на процесс преобразований в Европе и на отношения между Востоком и Западом, а также за инициативы в области разоружения, которые превратили этот мир в более безопасное место».

Рихард фон Вайцзекер воевал под Ленинградом, он был моим противником, я тоже воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, защищая Ленинград, который они – фашисты – жаждали стереть с лица земли.

Кто же нам нахваливает Горбачева? Те, кто под фашистскими стягами разграбил Красное Село, Петродворец, Гатчину, Лугу, Псков, Новгород.

Фон Вайцзекер передает уходящему из Кремля «искреннюю благодарность от имени немецкого народа». А разве Хонеккер не немец, которого Горбачев предал?

То, что Горбачев покидал свой пост президента с тревогой, не было тайной. Он опасался, что придется ответить за развал государства. Прекрасно сказал о Горби президент Казахстана Н.А. Назарбаев: «Горбачеву надо перестать кликушествовать, перестать пугать всех и себя в том числе грядущей гражданской войной, апокалипсисом, вселенской катастрофой. Надо работать.»

Особенно пленили нас рассказы о Горбачеве из уст министра иностранных дел Германии Ганса Дитриха Геншера: «...Немецкий народ никогда не забудет, что именно Горбачев дал согласие на объединение Германии. Этим он завоевал признательность и сердца немецкого народа». Горбачев «вернул свободу и независимость народам Центральной и Восточной Европы и самым решительным образом способствовал процессу разоружения».

«Решительным образом способствовал процессу разоружения». Да Горбачев, кроме своей армии, больше никого не разоружил! Это факт исторический. Под прикрытием стремления народов к самоопределению мафиозные политические деятели, используя безволие Горбачева, при поддержке определенных сил на Западе, начали борьбу за власть. Западные спецслужбы сосредоточили все свои усилия на том, чтобы создать в СССР «политическую оппозицию». Рано или поздно история ответит на пока тщательно скрываемые вопросы величайшей трагедии. Как мафиозные структуры и кланы, используя политическое безволие Горбачева, при поддержке русофобской клики на Западе, начали борьбу за свое влияние на умы, не стесняясь в выборе средств.

Вспоминаю прием Р. Чейни, министра обороны США, в Москве. По протоколу сначала я давал обед в честь министра, на котором присутствовали члены делегации США и посол с супругой. Перед отъездом же из СССР Чейни пригласил нас отобедать в посольство США. От министерства обороны СССР этой чести удостоились всего шесть человек. Украшением приема стали: взяточник Станкевич, будущие воровские авторитеты, как всегда, подсуетились представители творческой интеллигенции – Евтушенко чуть ли не в обнимку ходил с Чейни. Должно быть, поэт, автор сценария «Я – Куба», поэмы «Казанский университет» из жизни Владимира Ульянова, делился секретами мастерства по созданию нетленок. Вскоре появились и Б. Окуджава, и Б. Ахмадулина, а также И. Заславский с супругой. Западные спецслужбы рассчитывали на «агентов влияния», которые направляли недовольство в нужное ЦРУ русло.

Чейни пригласил шесть человек и в пять раз больше едоков, которые не имели никакого отношения к оборонным делам. Цель этой акции предельно ясна.

Но послушаем З. Бжезинского, который в своей книге «План игры» предельно ясно высказался о том, что взять за основу в борьбе с СССР: «Поощряя нерусских требовать большего уважения к их национальным правам, можно будет постепенно переключить политический процесс в Советском Союзе на сложный и поглощающий внимание вопрос, который

ляжет в основу современной политической системы перераспределения политической власти. С точки зрения Запада более желательно, чтобы этот вопрос стал главной заботой советского руководства, а не экономические реформы».

Руководству Министерства обороны, равно как и президенту, было известно, что эмиссары западных разведок довольно часто выходили на прямые контакты с руководителями «демократических» неформальных объединений. А через два года сотрудники разведорганов Запада уже официально состояли на службе в высших эшелонах власти Прибалтийских республик в качестве советников и прочих «деловых людей».

«Перестройка», «новое мышление», «плюрализм», «вседозволенность и национализм» использовались Западом с одной целью: убрать с мировой арены СССР.

Не имея четкой концепции, Горбачев шарахался из стороны в сторону, свои неудачи и провалы он списывал на «виноватых» в центре. Газеты запестрели многочисленными перлами Горбачева: «Большая армия – большая кормушка для генералов и офицеров. Маленькая армия – маленькая кормушка. Выбирайте!» Или: «Во всем виноват Рыжков, с него и спросим».

Попал в немилость и Павлов.

Западные политологи называли Михаила Сергеевича российским Бисмарком. Бисмарк остался в истории как железный канцлер. Важнейшей своей задачей он считал консолидацию нации, без которой бессмысленно задумываться над проведением каких-либо экономических реформ.

Эту истину Бисмарка прекрасно усвоили в конце XX столетия китайцы. Многие теоретики-экономисты считают, что Ельцин совершил роковую ошибку, передав бразды управления экономикой амбициозному Гайдару, а не реалисту от экономики Валентину Павлову. Кстати, архитектор китайских реформ Дэн Сяопин советовал своим последователям тщательно изучать пакет экономических преобразований, предложенный опальным премьер-министром для возрождения России. Кое-чем из теоретического наследия Валентина Павлова в Пекине даже воспользовались. Но Горбачев, с присущей ему бестактностью, устроил Павлову аутодафе, отдав его на растерзание zaangażированным «акулам пера». Вполне вероятно, что политическую участь последнего советского премьера Горбачев решил с подсказки Буша.

Свидетели

Горбачевы

Главным свидетелем проходил Горбачев, его считали «потерпевшим» и надеялись, что он справится с этой ролью. Играть ему пришлось много за свою жизнь. На первый вопрос, какова была обстановка в стране в начале августа, Горбачев ответил: «Ситуацию, которая складывалась в стране к моменту моего ухода в отпуск, я могу охарактеризовать как беспокойную, тревожную. Она проявилась накануне, на сессии Верховного Совета, когда вдруг развернулась дискуссия о полномочиях кабинета министров. Причем, возвращаясь к прошлым событиям с позиций сегодняшнего дня, видишь там половину действующих лиц: Янаев от имени президента участвовал, Павлов излагал какие-то требования, Крючков, Язов, Пуго докладывали о ситуации. Но я должен сказать, что сейчас мы связываем это вроде бы как логическое развитие событий, как какие-то звенья всего этого процесса. Словом, противоборство сил нарастало.

Чем дальше мы продвигались по пути перестройки, тем сильнее задевали реформы все сектора жизни – партию, армию, госбезопасность и МВД, не говоря уже про экономику.

Я видел свою задачу в том, чтобы удержать процесс в рамках конституционных, демократических, несмотря на противостояние. На пленуме партии, в апреле, уже явно была видна заготовленная массированная атака на президента, когда 32 секретаря из 72 российских подписали заявление с известными требованиями. Консервативные силы консолидируются. Я об этом сказал прямо, чтобы предупредить эти атаки, чтобы двигать партию к реформированию с учетом всех процессов, которые проходят в стране.

Я уже на двух последних пленумах начинал не с докладов, а прямо с выступления. Называл вещи своими именами. Было очевидно, что противостояние сохранилось. Но все-таки в последние месяцы у меня уверенности было больше в том, что мы через эту трудную фазу будем проходить уверенно, успешно.

К тому же начался «новоогаревский процесс». Это очень важная тенденция, зародившаяся в самом обществе, им принята. Потому что общество не хотело гражданского конфликта. Нам достаточно региональных конфликтов. На базе «новоогаревского процесса» возникла возможность выйти на Союзный договор. Будет ясно, кому что делать, за что отвечают республики и за что – Центр...»

Отвечая на первый вопрос, Горбачев показал: он плохой мистификатор. Вначале хотел удержать процесс в конституционных рамках, а потом, поклявшись на Конституции, понадеялся на антиконституционный «новоогаревский процесс», который приведет к созданию СНГ.

Что же касается выступлений В.С. Павлова, В.А. Крючкова, Б.К. Пуго и Д.Т. Язова 17 июня 1991 года на заседании Верховного Совета СССР, то следует отметить: все наши выступления санкционировал лично Горбачев. Не было там крамолы. Один Гавриил Попов усмотрел в выступлениях заговор, побежал стучать послу США Д. Мэтлоку, дескать, в Кремле зреет переворот. О каких моральных устоях Попова можно говорить, если на подиуме горбачевских реформ он демонстрировал политический гардероб Буша.

О чем же говорил В.С. Павлов на заседании Верховного Совета СССР? Он доложил о проделанной работе правительства, об экономическом положении и о мерах, которые следует предпринять, если парламент даст кабинету министров СССР соответствующие полномочия.

Валентин Сергеевич потребовал:

1) предоставить кабинету министров СССР право законодательной инициативы;

2) наделить кабинет министров СССР правом принимать решения нормативного характера по реализации принятых программ экономической стабилизации и экономической реформы до принятия по этим конкретным вопросам Верховным Советом СССР соответствующих законов с докладом о таких решениях президенту и Верховному Совету СССР не позднее чем в десятидневный срок с момента их принятия;

3) разрешить правительству создать централизованную, независимую, единую налоговую службу по всей стране;

4) восстановить единство банковской системы;

5) предоставить правительству СССР право на базе централизации и укрепления соответствующих служб и подразделений КГБ СССР, МВД СССР, Прокуратуры СССР, Минобороны СССР и некоторых других органов создать единую общесоюзную службу борьбы с организованной преступностью.

О чем же я докладывал депутатам Верховного Совета СССР?

1. Сокращение ракет средней и меньшей дальности закончено. Рассматриваются вопросы по сокращению стратегических наступательных вооружений на 50 процентов, и предстоит уничтожить около 6 тысяч ядерных боеприпасов и около 800 ракет-носителей. При этом потребуется

для утилизации около 5 млрд рублей.

2. Из Венгрии вывод войск закончен. Из Чехословакии осталось отправить 5 эшелонов. Из Германии в этом году предстоит вывести еще четыре дивизии.

Далее я подробно остановился на проблеме размещения личного состава выводимых из групп войсковых частей. Немецкая сторона выделила 7,8 млрд марок на строительство военных городков. Мы провели торги с иностранными фирмами на строительство жилья. Выиграла финская фирма, она строит дешевле немцев.

3. Много идет разговоров и о вывозе с территории Германии ядерных боеприпасов. Но ядерные боеприпасы имеются и у американцев, англичан, французов.

4. После решения президента сократить на 500 тысяч личный состав армии мы уволили 100 тысяч офицеров. Из них 50 тысяч с правом на пенсию, 35 тысяч по собственному желанию – по рапортам. Но это не означает, что в армии нет излишка должностей, наоборот, у нас недокомплект офицерского состава на 8 процентов – в основном младших командиров. Необходимо найти должности тем, кому осталось дослужить два-три месяца до ухода на пенсию.

5. Сложная ситуация сложилась с призывом граждан на действительную военную службу. В настоящее время образовался некомплект личного состава – более 350 тысяч человек. Союзные республики приняли законы, в соответствии с которыми практически призвать на службу невозможно. В ряде республик план призыва выполнен всего-навсего на 6 процентов, например в Прибалтике, Армении, Грузии.

Если и дальше подобными темпами будем вести призыв, то к концу этого года укомплектованность Вооруженных сил составит всего 70 %. В пограничных войсках некомплект уже достиг 20 %.

О каких же дополнительных полномочиях говорил председатель КГБ В.А. Крючков, выступая на этой сессии:

«В период, когда исполнительные органы власти должны действовать особенно энергично и эффективно, не допуская возникновения всеобщего хаоса и анархии, их работу пытаются блокировать, мешают поддерживать конституционный порядок и стабильность в стране. Проявление терпимости, гибкости, стремление решать возникающие проблемы политическими средствами – понятны и оправданны. Однако есть пределы, за которыми просто необходимо и власть употребить. Нужны настойчивость и решительность в главном – в защите Конституции СССР, кстати никем не отмененной, в выполнении воли народа, ясно выраженной

на Всесоюзном референдуме о сохранении Союза ССР, в обеспечении прав и законных интересов граждан.

Во всем мире идут процессы интеграции, потому что это – веление времени, другого выхода нет. У нас же идет активный процесс дезинтеграции. Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер. Но нельзя не сказать и о том, что в этом направлении активно действуют определенные внешние силы. Хотел бы в этой связи сделать небольшое отступление и привлечь ваше внимание к одному весьма примечательному документу, направленному в 1977 году высшему руководству нашей страны внешней разведкой Комитета государственной безопасности. Сейчас можно осветить этот документ, потому что источник уже не относится к «особой важности». Датирован он 24 января 1977 года, адресован ЦК КПСС, называется «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан».

Далее В.А. Крючков познакомил с документом, подписанным Ю.В. Андроповым, в котором говорилось: «...Американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, продвигать их в сферу управления политикой, экономикой и наукой. ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающие приобретение навыков шпионской деятельности. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривление руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутривластного характера в Советском Союзе».

В одном из американских документов под названием «Требования к разведке в 90-е годы» говорится: «В предстоящем десятилетии тайные операции американских разведывательных органов против СССР будут важным инструментом внешнеполитической деятельности правящих кругов Соединенных Штатов Америки».

Доклад премьера, как и выступления министров, остался без последствий. Уже тогда, в июне, Горбачев, Ельцин, Попов и другие деятели «Демократической России» действовали сообща.

На второй день, узнав о «заговоре», Горбачев на Верховном совете произнес пламенную речь, правда, поставленные нами вопросы повисли в воздухе. И это понятно: политическая столица России переместилась в Вашингтон.

Вопрос Горбачеву: «Когда вы находились на отдыхе, кто выполнял обязанности президента СССР? И наделялось ли это лицо всеми конституционными полномочиями?»

Горбачев подумал и ответил: «Нет, полномочиями обладал только президент. Подобная процедура не была предусмотрена. Вице-президент, как и премьер-министр, действуют лишь в пределах своих полномочий.

Уезжая в отпуск, я высказал пожелание, чтобы Крючков и Язов находились на месте, я доверял им полностью. На сей раз я, словно что-то предчувствуя, попросил быть на месте и Ельцина».

Небольшой комментарий к «словно что-то предчувствуя» и к тому, что ситуация, возникшая 18 августа, явилась для него полной неожиданностью. Я уже отмечал, что Попов услужливо поднес фитиль к запалу ГКЧП через посла США Мэтлока еще 17 июня.

А. Бессмертных на допросе 6 ноября 1991 года рассказал о том, что 20 июня 1991 года, когда он только что возвратился из американской резиденции после переговоров с Дж. Бейкером в советское посольство в Берлине, ему позвонил сам господин Бейкер, предложив встретиться по весьма срочному делу.

Александр Александрович в это время уже беседовал с министром иностранных дел Кипра. Но, выдумав предлог, он оставил киприота и через черный ход помчался к госсекретарю США.

Дж. Бейкер сказал Бессмертных: «Я только что получил из Вашингтона информацию. Я так понимаю, она построена на разведывательных источниках. Вполне вероятно попытка уже сегодня сместить Горбачева».

Далее Бессмертных сообщил: «Я, конечно, совершенно опешил! Бейкер сказал, что его слова подтверждает шифровка». Далее он пояснил: «Понятно, это дело сугубо деликатное, и нам нужно как-то такую информацию передать. По нашим данным, в смещении будут участвовать Павлов, Язов, Крючков». Возможно, Бейкер еще кого-то назвал, но за троих я отвечаю точно. Эту информацию необходимо довести до сведения Горбачева».

Далее Бейкер спросил Бессмертных: «Есть ли совершенно защищенная связь с президентом? ВЧ у вас находится под контролем КГБ». Бейкер предложил имеющуюся информацию передать через американское посольство. Я, в свою очередь, обещал позвонить А. Черняеву, попросить его, чтобы быстро организовали встречу с послом США.

Вернувшись в посольство, Бессмертных свернул беседу с министром Кипра и позвонил Черняеву. Он сообщил о беседе с Бейкером, попросил его, что если на прием запросится посол Мэтлок, то желательно бы принять его. Черняев ответил: «Уже попросился, мы его принимаем».

22 июня утром, в день начала войны с фашистской Германией, состоялось возложение Горбачевым венков на могилу Неизвестного солдата. После церемонии возложения венков Михаил Сергеевич и принял Бессмертных, министр лично доложил полученную информацию от Бейкера.

«Михаил Сергеевич, – вспоминал Бессмертных, – поблагодарил меня за то, что я ему все рассказал. Он также сказал, что с этими деятелями поговорил. Круто поговорил. Но обстоятельства этого разговора мне неизвестны».

Лично со мной ни «круто», ни спокойно никто не разговаривал, президент солгал министру иностранных дел. Кому же он говорил правду? Остается только думать: президенту США! Но вернемся к протоколу допроса «свидетеля» Горбачева на суде.

Вопрос: «Непосредственно перед отъездом в Крым у вас были контакты с кем-либо из будущих членов ГКЧП? Не показалось ли вам их поведение необычным?»

Ответ: «Да, встречи были, но самого обычного рабочего порядка. Кроме того, они практически все провожали меня на отдых».

Отвечая на вопросы, Горбачев старался унижить приехавших к нему в Форос товарищей. Себя же Горбачев старался представить героем. Это хорошо понимали те, кто стоял за ним и, льстя его самолюбию, помещал Горбачева среди роскошных декораций Истории. Если же Горбачев проговаривался, то его монолог заглушали победными фанфарами. Все другие маленькие театрики Ростроповича, Афанасьева, Боннэр, расстриги Якунина были призваны растиражировать кремлевскую пьеску, как раньше говаривали, «от Керчи до Вологды».

Демократия победила, но среди победителей не оказалось Горбачева. Остались невостребованными и модные платья Раисы Максимовны от столичного кутюрье, в которых доктор философии щеголяла на политических смотринах во время выездов Горбачева на областные

партийно-хозяйственные активы.

Со временем костюмы от этой политической массовки на себя примерили «спасители России» с сомнительной репутацией, а реквизит от кремлевского спектакля растащили по бывшим советским республикам.

Валентин Иванович Варенников так воссоздает картину встречи с Горбачевым в Форосе: «...Беседа с нашей стороны проходила корректно. Михаил Сергеевич же допускал непарламентские выражения. Для меня это было странным. Но затем я все это отнес на счет того, что беседующие люди были близки друг к другу, хорошо усвоили традиции и поэтому общались так, как это было заведено.

Мною первоначально было принято решение – отсидеться и отмолчаться, тем более что никто никаких конкретных задач по этой встрече не ставил. Но беседа сложилась так, что я вынужден был подать реплику, а затем и предоставить президенту широкую информацию о высказываниях офицерского состава. Офицеры, в частности, спрашивали, почему проект Союзного договора не отражает результаты референдума, а также требования Съезда народных депутатов СССР о сохранении Союза? Почему сепаратистским, экстремистским силам позволено действовать так, как они считают нужным? Почему военнослужащие во всем ущемлены? Почему у нас не выполняется Конституция СССР, хотя президент на ней присягал перед всем советским народом?

Горбачеву ничего не оставалось, как сказать: «Я все это уже слышал...»

Горбачева допрашивали 14 сентября, а Раису Максимовну 8 октября 1991 года, так что было время подготовиться.

Слово Раисе Максимовне: «Под арестом нас держали 73 часа. Первое потрясение, когда Михаил Сергеевич зашел и объявил, что мы изолированы, что это арест. Михаил Сергеевич заметил, что он ни на какие авантюры не пойдет. «Мы с тобой», – сказала семья.

Очень трудно было понять, что в это время творилось и на море. Увеличили число сторожевиков и боевых кораблей. По-видимому, нам демонстрировали, что мы арестованы, что вокруг нас полная изоляция и нас в любой момент могут вывезти. Военные корабли – несколько десантных кораблей на воздушных подушках, как рассказал Толя, – шли прямо на нашу дачу. Не дошли совсем немного».

Следствие допросило сотни свидетелей, и никто не подтвердил, что менялось число «сторожевиков» на охране акватории вокруг дачи президента. Катера на воздушной подушке из Феодосии переходили на базу в Донузлав и ближе 14–15 километров к берегу не подходили.

Следователь Леонид Георгиевич Прошкин весьма вежливо поставил вопрос Раисе Максимовне: «Кого-либо из охраны, из obsługi вы просили о помощи, о содействии в организации связи с внешним миром? И был ли отказ с чьей-либо стороны либо препятствие в этом? Или настолько все было поставлено, что было невозможно кого-либо просить?»

Ответ Раисы Максимовны: «Мы вынуждены были общаться с Генераловым. Все требования – включить связь, дать газеты, включить телевизор – мы передавали Генералову через Олега и Бориса из охраны. Они были старшими по охране, и у нас не было оснований им не доверять. К ним я обратилась и с вопросом, можно ли передать информацию на волю, минуя Генералова?»

После того как Олег сказал, что мы блокированы с моря и по суше не проползешь, я стала думать, кому из окружающих нас мы можем доверить пленки и заявление Михаила Сергеевича. Одну из пленок я дала А.С. Черняеву по простой причине – с ним работала Ольга, а у нее, со слов Анатолия Сергеевича, больной ребенок и больной отец в Москве. Они – Анатолий Сергеевич и Ольга – бесконечно требовали, чтобы ее выпустили».

Маленькое пояснение. Муж Ольги Ланиной – водитель президента, его жена Ольга – референт Черняева.

Слово Раисе Максимовне: «Они бесконечно требовали, чтобы ее выпустили, в связи с тем, что у нее дома такая ситуация. Поэтому я и попросила Черняева передать пленку Ольге. Я попросила, чтобы она отнеслась серьезно к этому поручению и тщательно хранила пленку. Остальные пленки мы спрятали, одну из них я передала доктору».

Прошкин: «Доктору – это кому?»

«Игорю Анатольевичу. Другую Ирина спрятала так, что никто бы не нашел. Один документ я взяла себе, надеясь сохранить. С самого начала я чувствовала, что мы одной судьбой объединены – все, кто были в доме: и охрана, и наши женщины».

Очень здорово сказано! Одни царствовали, а другие на них спину гнули. Чего же вы Ольгу в Японию или в Америку не взяли? И почему женщины, которые связаны с вами одной судьбой, не могли искупаться на вашем пляже, а ходили на дикий пляж? Даже помощник Черняев уходил от вашего пляжа в сторону, чтобы искупаться.

Прошкин: «Женщины в доме – это кто?» – «В Форосе есть люди, которые постоянно работают и поддерживают порядок. Они работают не только на даче президента, но и на других объектах. Я затрудняюсь сказать, сколько их было».

Вопрос следователя: «Не говорил ли Михаил Сергеевич, кто из участников ГКЧП был самым активным?»

«Чтобы за Михаила Сергеевича не отвечать, я только одно могу сказать, кто наиболее активным был, я не знаю. Он сказал, что вел себя наиболее бесцеремонно Варенников. Но меня, конечно, поразил Плеханов. Раньше без разрешения даже в дом не заходил. А на сей раз он не только их на территорию дачи провел, но и в дом...»

Перечитываешь ответы бывшей первой леди обкомов, крайкомов, национальных округов и думаешь: сколько кичливости в ответах профессора философии, знатока английского этикета! Не инопланетяне прибыли посоветоваться с Горбачевыми – соратники по партии. На вопрос: «Сказалось ли происшедшее на здоровье президента, его семьи?» – Раиса Максимовна постаралась и здесь выдать слезу у следователя. «Я и Ирина прошли специальное лекарственное лечение», – ответила она.

Хорошо поживало семейство Горбачева, поди в каждой комнатенке по телефону. Звони – приглашай со всего света светил медицины, витаминься за счет казны! Это сегодня ветераны войны умирают без лекарств. Обвинитель от Народного трибунала В.И. Ильяхин так охарактеризовал геноцид народа в Отечестве, руководимом Горбачевым:

«То, что империализм не мог сделать во времена прямой агрессии против СССР и холодной войны, он сделал с помощью агента М. Горбачева и кучки ему же подобных прихвостней, стоящих у руля государства и партии. Но даже Запад, кажется, не ожидал такого успеха. Более 70 процентов населения оказались за чертой бедности. Люди уходят из жизни, будучи доведенными до полного отчаяния социальными условиями, бытом. В 1991 году в России совершено 39 тысяч самоубийств, из них 8 тысяч женщинами».

Догадывалась ли об этом Раиса Максимовна? Должна была знать!

Из показания дочери Горбачевых, Вирганской Ирины Михайловны: «Это был шок. Абсолютно. Всегда, когда как-то представляешь себе события заранее, кажется, что поймешь и подготовишься. А когда события начинаются, то оказывается, что это неожиданный удар. Не знаю, сколько времени, ну, наверное, минут двадцать мы еще говорили об этом... Потом папа пошел к ним, они все ушли в его кабинет. А мы вышли и сели на диване, стоящем у входа в кабинет. Сидели мы там все время, пока они разговаривали.

...На выходе мама спросила у Бакланова: «Зачем вы сюда приехали?» – «Мы ваши друзья», – не вдаваясь в подробности, ответил Бакланов и протянул на прощание руку. Мама руки ему не подала.

Ночью, после двенадцати, когда все улеглись. Толя снимал. Папа делал обращение к народу. Я ходила рядом, чтобы никто не появился. Мы отсняли несколько раз, закончили очень поздно, после трех. Потом пленку приводили в транспортабельный вид. Закончили работу к шести утра. Утром копии я отдала маме. Было всего четыре копии».

Как мне кажется, наиболее весомыми были показания Черняева, помощника президента по международным вопросам.

М.С. Горбачев говорил Черняеву: «Давай думать вот над чем: то ли это будет статья, то ли выступление по телевизору, то ли брошюра из нескольких статей. Ситуация такая, что надо основательно все продумать. Продумать, где мы оказались, в каком положении страна. Ситуация очень опасная – она может взорваться в разных направлениях».

Горбачев о прилете группы товарищей так сказал Черняеву: «Явилась вот эта публика – сволочи! Особенно этот мой Болдин. От него я никак не ожидал».

Безусловно, Горбачев прав. В Форос приехали не члены Нобелевского комитета. И справедливости ради отмечу: среди «публики» был и генерал В.И. Варенников, он не струсил, когда рванул реактор, а помчался в Чернобыль получать свою дозу радиации, не отсиживался, как Горбачев, в Кремле. Поэтому, чтобы навсегда отучить «лучшего немца года» хамить русским генералам, я приведу отрывок из книги «Крушение пьедестала» Валерия Ивановича Болдина: «Горбачев свалил все чернобыльские заботы со своих плеч долой. Он обязан был побывать в трудные дни на месте аварии. Но факт остается фактом: не поспешил Горбачев в Чернобыль, как не возникло у него желание посетить и другие горячие точки страны, где ждали помощи от лидера государства. Не пожелал он приехать в Тбилиси, Карабах, Сумгаит, на места межэтнических волнений в Узбекистане и Казахстане».

Но послушаем Анатолия, зятя. Натерпелся зятек страха, почувствовал, вот-вот кубарем покатится Горбачев с вершины власти: «Все в Форосе смотрели 19-го пресс-конференцию. Мы боялись, что могут отравить, раз заявили, что Михаил Сергеевич болен. Михаил Сергеевич продиктовал требование к Генералову: вернуть самолет! У Генералова была связь с Плехановым. А сейфом служила дамская сумочка Раисы Максимовны – она ее все время носила при себе и складывала туда все записки. «Пусть Ольга все это напечатает, а я подпишу, чтобы был виден мой почерк», – говорила она». А дальше Толя-зять вспоминает, как он дал самое секретное задание Ольге Ланиной за всю историю СССР, о нем не мечтал даже полковник Исаев: «Ольга, есть такой вариант!» Я отдал ей этот комочек, завернутый в

бумагу, она пристроила его в джинсы...

Ай да Раиса Максимовна, перехитрила Генералова. Передала на волю шифровку: «Жив! Жив курилка Горбачев! Он к вам еще вернется с протянутой рукой!»

В самолете Горбачев летел в Москву, сидя рядом с Силаевым. Тосты друг за друга, благодарности, вино лилось рекой! Крючков летел в этом же самолете, пытался переговорить с Михаилом Сергеевичем, но его не допустили.

Далее Черняев утверждает: «Я вспомнил, Горбачев говорил: «Я не могу поверить, чтобы Крючков и Язов...» Он как-то в самолете сказал Язову: «Я понимаю, как тебе тяжело, но я ценю, что ты из высших соображений политики, высокой политики, которую мы делаем, лояльно выполняешь то, что президент считает нужным».

Об этом Горбачев заговорил со мной, когда я попросил отставку в связи с болезнью. Тогда же и Шеварднадзе пожелал уйти в отставку. Это было в самолете по пути из Парижа в Москву.

Свидетель Б.Н. Ельцин

Бориса Николаевича Ельцина допрашивали, когда не стало Советского Союза, уже ушел из Кремля Горбачев и был поднят флаг над Кремлем. Допрос проводился в Кремле 13 января 1992 года.

Ельцин расписался в протоколе допроса свидетеля «Об ответственности за отказ и уклонение от дачи показаний по ст. 182 УК РСФСР и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 181 УК РСФСР предупрежден».

Впервые я встретился с Борисом Николаевичем в 1985 году, когда, будучи секретарем ЦК КПСС, он занимался вопросами военно-промышленного комплекса и прибыл на Дальний Восток для знакомства с предприятиями, работающими на оборону страны.

По русскому обычаю гостя встречали хлебом-солью. Об истории края Борису Николаевичу поведал первый секретарь крайкома Алексей Клементьевич Черный. И где-то после обеда Алексей Клементьевич позвонил мне (я был командующим войсками ДВО), предупредил, что Борис Николаевич желает посетить музей войск ДВО.

Музей и в самом деле заслуживал внимания. Много боевых реликвий раздобыл генерал армии И.М. Третьяк, а по инициативе Н.Ф. Кизюна грековцы написали диораму «Штурм японского укрепленного района в августе 1945 года». Выставили во дворе и образцы оружия периода Великой Отечественной войны, была даже представлена танкетка, которая участвовала в боях на озере Хасан.

Как сейчас помню: сначала познакомил я Бориса Николаевича с деятельностью Н.Н. Муравьева-Амурского, адмирала Г.И. Невельского, рассказал о службе А.Ф. Можайского в этих краях. Вскоре дошла очередь и до военного руководителя С.Г. Лазо.

И вот новый сюжет для студии Грекова: «Ельцин выступает в качестве свидетеля по делу ГКЧП». Б.Н. Ельцин 19 августа 1991 года позвонил Грачеву и спросил его: «Что происходит?» Грачев объяснил, что введено чрезвычайное положение, что войска идут к Москве. И спросил: что мне делать? В свою очередь, я попросил выделить десантников личного состава ВДВ для охраны здания правительства России.

Возникает вопрос: почему президент России обратился именно к Грачеву? И я вспоминаю, как в конце мая 1991 года Ачалов и Грачев прибыли ко мне в кабинет с предложением провести в Туле учение полка

ВДВ для Б.Н. Ельцина. Он посетит Тулу вместе со Ю.В. Скоковым. Среди встречавших был и Грачев. Потом мне доложили: учение чуть позже собирались продемонстрировать и министру обороны США господину Чейни.

Учение открыли девушки-парашютистки. Приземлившись с флагами СССР и РСФСР, они преподнесли Борису Николаевичу цветы. Сначала Грачев предложил выпить за благополучное приземление красавиц. Выпили! А когда опустились многокупольные парашюты с техникой, снова опрокинули стопарик! Кто-то под хмельком даже поинтересовался у гостя: «Борис Николаевич, много за свою жизнь испробовали стопариков?» – «Никогда себя не обижал. Больше, чем сейчас в небе парашютов. Я умею «десантировать» стаканы».

Надо отметить, что Тульская воздушно-десантная дивизия под командованием А. Лебеда блистала. А учения разведывательной роты на штурмовой полосе у Чейни вызвали неподдельный восторг. Борис Николаевич еще заметил: «Я тоже так могу». Все порывался проползти под огнем и колючей проволокой. Но Грачев отсоветовал Борису Николаевичу: «Неудобно будет в мокром костюме выступать перед избирателями. Люди выбирают президента, а не разведчика Тульской дивизии».

Так Грачев и познакомился с Ельциным, у них установились весьма приятельские отношения.

Б.Н. Ельцин утверждал на допросе, что гэкачеписты задержали вылет его самолета из Алма-Аты 18 августа аж на четыре часа. Позже один из его приближенных, не зная показаний своего патрона, напишет в «Литературке», что Нурсултан Абишевич Назарбаев мастерски играл на домбре, а Борис Николаевич на ложках. Настолько ладился концерт, что порешили отложить вылет. Вылет состоялся только через четыре часа. Когда поиграли в любимую игру президента теннис и помылись в баньке, Б.Н. Ельцин дал заведомо ложные показания, но что могло грозить «всенародно избранному»? Впереди еще был штурм Белого дома...

Свидетель П.С. Грачев

Впервые его допросили 25 октября 1991 года.

В свободном изложении он говорил: «В 12–13 часов 18 августа (на самом деле было в 9.00) меня вызвал Язов. Я прибыл к нему с генералами Сорокиным и Пикаускасом. У Язова находились Варенников (его не было!), Ачалов, Бетехтин, Шуралев (также не было). В кабинете Язов завел речь о том, что готовится правительственная делегация для поездки к М.С. Горбачеву, пришли к выводу: так дальше жить нельзя. Горбачеву предложат для наведения порядка ввести в стране чрезвычайное положение.

Следует отметить, что Язов на этом совещании указал: вводить меры чрезвычайного характера без согласия М.С. Горбачева нельзя. Какие персоны полетят к генсеку на совещание – не объявили.

Язов дал команду нам убыть на места, и на этом все разошлись. На совещании у Язова Ачалов никаких суждений по рассматриваемым вопросам не высказывал.

В седьмом часу вечера Язов снова нас вызвал и сообщил: «Делегация находится в Форосе, ведутся переговоры с президентом. Видимо, они будут успешными, и М.С. Горбачев даст добро. Далее он сказал, что М.С. Горбачев болен. Янаев возьмет на себя исполнение его обязанностей.

В 4 часа ночи 19 августа Язов вызвал меня на связь и объявил: «Все вопросы решены, вводится ЧП». Он пояснил: «Как тебе действовать, скажет Ачалов». Из этих распоряжений я понял, что Язов лично руководит войсками.

Примерно через час позвонил Ачалов: «Объявили полную готовность Тульской дивизии ВДВ, ее предстоит выдвинуть в сторону Москвы». На мой вопрос, чем это вызвано, Ачалов ответил: «Язов приказал». Я выполнил эту команду и через полтора часа доложил Язову о готовности к выдвижению. Язов дал добро и приказал выйти в район аэродрома Тушино. К этому времени я вызвал из отпуска генерала Лебедея и приказал ему, чтобы он проконтролировал движение дивизии.

После 6 часов утра мне позвонил по телефону в кабинет Б.Н. Ельцин, спросил меня: что происходит? Я ему объяснил, что введено чрезвычайное положение, войска идут из Тулы к Москве в Тушино, а дальше будут действовать по указанию министра обороны. Дивизия выдвигается для обеспечения общественного порядка и охраны важнейших государственных и хозяйственных объектов, а также системы

жизнеобеспечения.

На это Б.Н. Ельцин заметил, мол, это авантюра, провокация. Он приказал, чтобы я выделил личный состав ВДВ для охраны Белого дома. В 8.00 утра ко мне приехал советник Б.Н. Ельцина Портнов, и мы договорились с ним о взаимодействии.

Около 8 часов этого же дня мне позвонил Ачалов, передал указание взять под охрану: Госбанк, Гохран, радио и телевидение. (Радио и телевидение было взято под охрану до 6.00. Забыл Павел Сергеевич, что он из Медвежьих озер выделил и направил для этой цели разведывательную роту.) При этом я сказал Ачалову, что беру под охрану Белый дом и Моссовет. О просьбе Ельцина взять под охрану Белый дом Ачалов уже знал.

20 августа началось с того, что Язов спросил меня, почему Лебедь продался, почему он был у Ельцина? Я ему откровенно сказал: «Лебедь взял под охрану Белый дом, Язов приказал вызвать Лебеда, а мне идти в кабинет к Ачалову на совещание.

(Неправда. Во-первых, я с Грачевым не разговаривал. С утра находился в кабинете Янаева, там был Ачалов. Помощник Янаева приоткрыл дверь и сказал: «Вас просят к телефону». Я кивнул Ачалову: «Идите переговорите». Ачалов вернулся минут через пять: «Эхо Москвы» сообщило, что Лебедь застрелился».)

В кабинете Ачалова находились люди, многие в гражданской одежде – сотрудники КГБ. Ачалов сидел за своим столом, слева от него – Агеев, Варенников. Хотя совещание проходило у Ачалова, создалось впечатление, что вел его Агеев, он больше всех выступал, особенно против Ельцина. Мол, что правительство России ведет себя не так, как нужно, придется применить силу, в том числе и десантную дивизию.

(Не знаю, что говорил Агеев, но в сказанное Грачевым верится с трудом. В.И. Варенников не присутствовал на совещании, он прибыл из Киева только в 14 часов.)

Далее Агеев изложил план, по которому следует действовать при захвате Белого дома, а именно: «Окружаем Белый дом, ВДВ клином подходит к зданию, а в образовавшийся проход врывается группа «Альфа» КГБ». Ачалов на совещании вел себя пассивно, инициативы не проявлял. Напротив, Варенников горячился, убеждал, что нужно действовать решительно, уверенно.

Лично мне подобная затея не понравилась. Однако свое мнение я держал при себе и вслух его не высказывал из опасения, что меня инициаторы из КГБ не поймут. Моя мысль была направлена на то, чтобы до

конца выяснить план захвата и принять соответствующие меры исходя из договоренности с Б.Н. Ельциным.

Хочу заметить: лично я не собирался принимать участия в реализации предлагаемого плана захвата и не допустил бы использовать подчиненные мне ВДВ. На совещании обстановка продолжала накаляться. Чтобы ее остудить, я сказал присутствующим, что они не знают обстановки в районе Белого дома. В приемной находится генерал Лебедь, пусть он лично охарактеризует ситуацию. Ачалов поддержал меня, и в кабинет пригласили Лебеда, который доложил, что вокруг здания стоят многотысячные толпы, построены баррикады. О штурме не может быть и речи, это вызовет море крови и гражданскую войну. Агеев и Варенников проявили недовольство докладом Лебеда, мол, он нас запугивает.

(Грачев пытался все свалить на Агеева и Варенникова. Он не сказал, что в кабинет к Ачалову мы заходили с Сергеем Федоровичем Ахромеевым.

Задержались мы в кабинете с Сергеем Федоровичем не более 5 минут. Речь шла о том, что предполагается ввести в Москве комендантский час. Вот что по этому поводу написал С.Ф. Ахромеев в докладной записке на имя М.С. Горбачева:

«...20 августа примерно в 15 часов я встретился в Министерстве обороны с Д.Т. Язовым по его просьбе. Он сказал мне, что обстановка осложняется, и выразил сомнение в успехе задуманного. После беседы он просил пройти с ним вместе к заместителю министра обороны генерал-полковнику В.А. Ачалову, где шла работа над планом захвата здания ВС РСФСР. Он слушал Ачалова в течение трех минут, только о составе войск и сроках действий».

Как видим из докладов еще нерожденного плана, даже такой высокий профессионал, как Сергей Федорович, не уловил, что речь идет о вводе комендантского часа. Я же помалкивал, этот вопрос еще не был рассмотрен на совещании ГКЧП.)

Язов мне приказал перебросить два полка Белградской дивизии в Москву, поэтому, сославшись на его приказ, я прибыл в штаб. Тут и позвонил Шапошников: «Как настроение?» Отвечаю: «Мы, ВДВ, никуда ввязываться не будем» – и предложил Шапошникову взаимодействовать вместе. Мы приняли решение посадить белградские полки на два аэродрома: Чкаловский и Кубинку, причем батальоны разных полков вперемешку, чтобы их труднее было собрать.

Прибыл Лебедь, доложил, какой план был принят на совещании. На рекогносцировке у Белого дома, он окончательно убедился в

бессмысленности задуманной чекистами операции. Лебедь показал мне карту Москвы, обычную туристическую карту, на которой карандашом условно были нанесены положения войск МВД и ВДВ при блокировании Белого дома. Это не было планом, просто штриховой набросок, без какой-либо проработки. Мы с ним поговорили по душам и сошлись на том, что никто из ВДВ на эту акцию не пойдет. (Плана-то не было, а по штриховому наброску не воюют, а главное, не было приказа – ни блокировать, ни штурмовать, так от какой же «акции» ВДВ отказались?)

О плане захвата Белого дома я проинформировал Скокова – советника Ельцина, мол, нападать на них наши войска не собираются. В 24.00 21.08 я направил Лебеда к Белому дому, чтобы он изыскал возможность передать защитникам о намерении осуществить штурм здания подразделениями КГБ, посоветовать подтянуть к зданию как можно больше людей, ведь не осмелятся нападающие стрелять в народ. (А как же осмелились в 1993 году?)

Согласно плану войска намечалось выдвинуть к Белому дому в 24.00, а штурм назначили на 3.00. Я собрал всех своих заместителей и сообщил: ВДВ участвовать в штурме не будут. Примерно в 0.30 мне позвонил Громов, предупредил: «Войска МВД никуда не пойдут». (Громов правильно говорил, ГКЧП решение по штурму Белого дома не принимал.)

В час ночи на меня вышел по связи Карпухин – командир группы «Альфа», он сказал, что стоит перед мостом в районе Белого дома, впереди люди, его группа не будет участвовать в штурме. (Следователи ухватились за эту версию. Дескать, ГКЧП требовал штурмовать, а подчиненные отказались. Хотя никто, в том числе и верноподданный Павлик, не говорит, что Язов ему приказал, а он его приказа не выполнил. Мы защищали интересы России и стрелять в народ не собирались. Разве только Шапошников и Грачев грозились разбомбить Кремль.)

Примерно в час ночи 21 августа я позвонил Язову, на звонок никто не ответил. (Надо же, перед «штурмом» министр лег спать?) Позвонил Ачалову, мне ответили, что он спит. У меня созрело решение остановить всякое продвижение войск (Павел Сергеевич, вы уже все остановили). В 2 часа 30 минут мне, наконец, позвонил Ачалов, спросил, как идут дела и какое я принял решение. Я ответил: на площадке много народу, в чем он может убедиться сам, и что я решил выводить войска из Москвы.

(Ачалов и Варенников были у Крючкова. Мы сами приняли решение о выводе войск. Но Павлик приписал себе подвиг, выклянчивая у «гаранта» орден.)

Я считаю, что только решительные действия руководства войск МВД,

в частности Громова, командующего ВДВ, моих заместителей и Ачалова, командира группы «Альфа» Карпухина, не позволили осуществить план захвата здания и правительства РСФСР. (Все, что говорит Грачев, – вздор. Не случайно «герой» уклонялся от встречи с правосудием до 25 октября.) Вот какой вопрос задал ему следователь: «Павел Сергеевич, что вам известно о намерениях интернировать членов правительства России?»

Ответ Грачева: «Термин «интернирование» я впервые услышал от Язова на совещании 18 августа. Но там речь шла только о том, что в случае введения чрезвычайного положения появится много недовольных людей, мол, мы их будем интернировать, собирать. По указанию Язова в бригаде связи ВДВ подготовили казарму для их приема. У Язова никаких списков не было, он еще предупредил, чтобы этих людей кормили и не грубили с ними. 19 августа появились и первые интернированные: Уражцев и Гдлян. Уражцева я дал команду отпустить, а Гдлян предложено переночевать, опасаясь за его безопасность на улицах». (Это выдумки Грачева, дескать, Язов задерживал, а герой Грачев освобождал из неволи.)

Вообще много странного в показаниях Грачева: то он говорит, что Язов приказал действовать исключительно по его команде, то утверждает, что полки из Белграда приказал перебросить в Москву Ачалов. Факт остается фактом, Грачев проявлял огромную инициативу. Например, я издал директиву: привести войска в повышенную боевую готовность, а Павел Сергеевич самостийно привел их в полную боевую готовность. По его же инициативе и было организовано «место» для «интернированных» в Медвежьих озерах. Любому ясно, что не прерогатива министра обороны задерживать, допрашивать, тем более «интернировать». Я не отдавал приказа задержать Уражцева. Когда мне предложили с ним побеседовать, я сказал, чтобы самодеятельностью не занимались, и Уражцева отпустили. Вопросы интернирования решались на уровне Грачева и работников КГБ. На заседании ГКЧП этот вопрос не рассматривался.

А.Б. Корсак (начальник УКГБ по Москве и Московской области): «Грачев провел совещание инициативно, сообщил, что силы ВДВ уже подтягиваются к Москве.

Кроме того, на совещании был рассмотрен вопрос об административном задержании Гдляна, Уражцева. Грачев сказал: «Они давно сеют смуту». Местом, куда должны были привозить задержанных, было названо расположение одной из частей в районе Медвежьих озер.

Можно еще привести много доказательств, что интернированием занимался исключительно Грачев, это его инициатива.

Одни спасали Союз, а другие рвались к власти. Сразу после августа

униженная армия, прошедшая через чистку, стала оптом и в розницу разворовываться. В военных округах и на флотах были допрошены тысячи офицеров, сержантов и солдат, и всем задавался вопрос: «Чем вы занимались с 18 по 22 августа?» Как правило, офицеры давали объективные показания. Они понимали: разрушается великое государство!

Например, командир танковой роты Кантемировской дивизии лейтенант Бондаренко доложил рапортом по команде: «19 августа 1991 года в Москве неизвестные лица предлагали мне три миллиона рублей наличными и автомобиль-иномарку за танк».

Этих неизвестных мы хорошо знали. Они развозили водку, строили баррикады из троллейбусов, спаивали людей. Это они отстаивали «демократию».

5 сентября 1991 года Шапошников издаст приказ министра обороны № 425, в котором объявит состав комиссии по анализу деятельности руководящего состава Вооруженных сил СССР в период государственного переворота.

В комиссию вошли: генерал армии Константин Иванович Кобец – председатель; генерал-полковник Анатолий Николаевич Клейменов – заместитель председателя; Владимир Валентинович Селезнев; народный депутат СССР Владимир Николаевич Лопатин.

Собрали и объяснительные записки от заместителей министра обороны, главнокомандующих видами Вооруженных сил, от командующих войсками военных округов. Опытные военачальники, такие как И.М. Третьяк, К.А. Кочетов, И.М. Мальцев, В. Литвинов, в одночасье оказались не у дел, хотя никто из них не нарушил присягу.

На кремлевском дворе воцарились новые времена. Да и сами наши прославленные военачальники не захотели принимать участие в поругании родного Отечества. Вся рыночная идеология «новых русских» была предназначена «расчеловечить» человека. И не пора ли нам осознать, что народ перестанет безмолвствовать, когда мы ополченцами пойдем на Москву. А пока в кремлевском театре абсурда – одни премьеры...

Даурия

После экзамена в академии меня сразу увезли в госпиталь, где я пролежал полтора месяца. Когда я вернулся в наш дом на проспекте Вернадского, все выпускники академии уже разъехались. Но была и маленькая радость – мой сын Игорь поступил в Высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе в Ленинграде, и в начале октября Екатерина Федоровна решила его проведать. Уехала она 10 октября, и, как сейчас помню, во второй половине дня меня пригласили в Главное управление кадров министерства обороны, где я получил назначение в Забайкальский военный округ на должность командира дивизии в Даурию.

Вдвоем с дочуркой упаковали вещи, а когда вернулась из Ленинграда Екатерина Федоровна, скорым фирменным поездом «Россия» мы отправились в Забайкалье.

На пятые сутки прибыли в Читу. Встретил нас Владимир Харитонович Шудра и его жена Галина Януарьевна, мы вместе учились в академии Генерального штаба.

Командующий войсками округа генерал-полковник Петр Алексеевич Велик находился в Москве, и меня представили первому заместителю командующего генерал-лейтенанту Михаилу Георгиевичу Фомичеву – дважды Герою Советского Союза. Познакомили меня и с членом Военного совета генерал-лейтенантом В.А. Гончаровым, начальником штаба округа генерал-лейтенантом М.М. Козловым. Вечером мы с ним убыли поездом в Даурию. Встречал нас генерал-майор Сергей Филиппович Голиков.

Пока Екатерина Федоровна устраивала дочь в школу, я с командиром разведывательного батальона подполковником Черновым выехал на границу. Зона ответственности нашей дивизии распространялась аж на 300 километров, забот хватало.

В Забайкальске первый секретарь райкома Насак Иралтуевич Юндунов встретил меня радушно.

Юндунов – бурят, а по военной специальности – артиллерист,

дослужив до майора, уволился в запас. Был первым секретарем Агинского Бурятского автономного округа, но попал в немилость у Хрущева за то, что ввел «юндунки» – талоны, по которым на территории округа отоваривали мясом. Пошел на это секретарь округа после долгих раздумий, чтобы мясо спекулянты не вывозили в другие города.

Не каждая инициатива поощрялась в ЦК. Но после того как Н.С. Хрущева спровадили на пенсию, Насака Иралтуевича снова избрали первым секретарем Забайкальского райкома партии. И это было справедливо: он прекрасно знал историю Забайкалья, разбирался в течениях буддизма, и я с интересом слушал его рассказ о древней военной империи:

«По степной дороге на Кайластуй вы будете несколько раз пересекать вал Чингисхана, его сооружение относится к X–XII векам, когда не только по Монголии, но и в юговосточной части Забайкалья кочевали различные по этническому происхождению племена. В степях Центральной Азии в начале XIII века образовалось сильное государство с крепкой военной организацией. Предводителем – ханом этого государства был Темучин. Это его провозгласили великим ханом Чингисханом». – «А против кого поспешили соорудить вал Чингисхана?» – спросил я первого секретаря. «А против кого сооружалась Великая Китайская стена?» – вопросом на вопрос ответил Насак Иралтуевич и продолжил: «В Забайкалье, в северной части Китая, кочевали племена гунов, кыргызов, тюрков-уйгур, татар, караптов, и, вероятно, уже было государственное объединение маньчжур, так что, возможно, против манжур и сооружали. Вал Чингисхана уходит на территорию Китая, и вероятнее всего, что он с востока прикрывал юрты Чингисхановы, разбросанные в пределах рек Онона и Керулена, Аргуни и Ингоды.

Первым нанес на карту-«отписку» даурские земли землепроходец Петр Бекетов. Сотник П. Бекетов составил «отписку» о пути в Забайкалье в 1653 году. К этому же времени относится основание Читинского острога у слияния рек Читинки и Ингоды.

Род Бекетовых одарил Россию многими знаменитостями, от казака-сотника – землепроходца, братьев А.Н. Бекетова – ректора Санкт-Петербургского университета и Н.Н. Бекетова – известного физика-химика до поэта Александра Александровича Блока. Магистр ботаники Андрей Николаевич Бекетов был повенчан с дочерью коллежского советника Г.С. Карелина Елизаветой Григорьевной. 6 марта 1860 года в Зарькове у Бекетовых родилась дочь Александра, мать поэта А. Блока, которая вышла замуж за А. Блока, заканчивающего аспирантуру (адъюнктуру). После

окончания Блок получил назначение преподавать в Варшавском университете. Через год она возвратилась в Петербург исхудавшая, бледная, на последнем месяце беременности. Родители ее больше к мужу-немцу не пустили. Вскоре родился сын, она его назвала Александром.

Воеводы Даурии по царскому наказу выполняли самые обширные обязанности. Они строили и укрепляли остроги, вели ясачный сбор с местных племен и народов и зазывали в край переселенцев, определяли места, пригодные для земледелия. Даурия: дауры – древние племена, которые или были уничтожены, или ассимилировались с другими народами, но память жива. Даурия... Таврида – память о таврах – народе, жившем в Крыму и в южных областях Украины».

Поблагодарив хозяина за интересный рассказ, мы поехали вдоль Аргуни на погранзаставу Кайластуй и к вечеру добрались до Приаргунска. Переночевав на погранзаставе, мы на рассвете тронулись в путь по реке, по, возможно, главной полосе обороны – по валу Чингисхана и к двум часам ночи вернулись в Даурию.

Зашел в гостиницу, вижу – веселая компания играет в преферанс. Утром поговорили по душам, и больше я не видел, чтобы в гостинице собирались преферансисты. Нет, я не против игры, но какой же из тебя работник, если ты по ночам испытываешь свою судьбу в преферанс, играешь на спиртное...

Днем позвонил П.А. Белику, попросил разрешения выехать в Читу. Но он сказал, что сам прилетит в Даурию. Мы выехали на двух машинах с начальником штаба дивизии полковником Евгением Александровичем Жидковым на ознакомление с границей, после окончания академии имени М.В. Фрунзе он получил назначение в ЗаБВО и с тех пор служил на «манжурке».

Конец октября, земля промерзла на полметра, яркое даурское солнце в машине пригревало, а как только вышел из машины, мороз не отпускал.

«Суровая и сложная «государева служба» в даурской земле была и осталась. Раньше служили «срок», но мне выпала доля служить здесь бессрочно», – пошутил начальник штаба, рассказывая мне, как Афанасий Пашков, идя в Даурию, препроводил в Забайкалье и первого политического ссыльного – протопопа Аввакума.

Судьбу тяжелой и каторжной неволи в Забайкалье испытала плеяда блестящих военных чинов. И я всегда улыбался с Екатериной Федоровной над позывными читинского радио: «Бродяга Байкал переехал». Вот и мы вроде бродяг. Правда, не были бродягами декабристы, как патриоты, участники Отечественной войны 1812 года, знаменитый князь Сергей

Григорьевич Волконский и его жена Мария Николаевна Волконская – дочь героя войны 1812 года генерала Н.Н. Раевского.

Из примечания Н.А. Некрасова к поэме «Русские женщины»:

«В сражении при Дашкове, когда храбрые россияне от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на одну неприятельскую батарею, упорствовавшую еще покориться мужеству героев, он вскричал: «Вперед, ребята, за царя и Отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..» И что могло после этого противостать усилиям и рвению предводимых таким начальником войск? Батарея была тотчас взята».

Мы подъезжали к Александровскому заводу, правда, никакого завода и в помине не было. Оказалось, что это «завод», куда заводили каторжан для отдыха на какое-то время: Иосифа Поджою, Михаила Сергеевича Лунина, Михаила Александровича Фонвизина, Владимира Ивановича Штейнгеля, Николая Александровича Муханова и многих других, которые прошли через Александровский завод, Петровский, Зарентуйский, Нерчинский...

Сделав большой круг по степи, в Даурию мы возвращались через станицу Мациевская, где полковник Жидков показал мне два ряда ям, оставшихся от землянок, перед войной, дескать, стояла дивизия под командованием полковника Кошевого.

«Возможно, – сказал я, – в ноябре 1941 она прибыла под Тихвин, в 4-ю армию генерала К.А. Мерецкова. А названа станица в честь Евгения Осиповича Мациевского, военного губернатора Забайкальского края 90-х годов прошлого столетия».

Как и обещал командующий, через два дня он вылетел самолетом Ил-14 в Даурию. Встречать командующего выехали с начальником политотдела полковником Евсеем Павловичем Морозовым. Мы были вдвоем, и он «по секрету» рассказал: «На должность командира дивизии Велик представил полковника Харлампия Агафонгеловича Цирипиди, заместителя Голикова. Но в Москве его кандидатуру не поддержали. Имейте в виду, можете оказаться под прессом». Это известие меня обескуражило. Я знал капитана Цирипиди с 1941 года, он командовал 5-й ротой курсантов, когда меня зачислили в училище. Вполне естественно, у полковника могла появиться неприязнь ко мне, что отрицательно сказалось бы на работе.

Прибыв в штаб дивизии, командующий попросил всех заняться своим

делом. Оставшись вдвоем, он спросил меня:

– Какой вы видите главную задачу дивизии?

– Дивизия должна быть подготовлена к выполнению боевой задачи.

Главным в своей деятельности я считаю поддержание высокой боевой готовности.

Петр Алексеевич улыбнулся и уточнил:

– Это все верно. Но разве в палатках зимой, да еще когда техника на морозе, возможно обеспечить высокую боевую готовность? Основная ваша задача – утеплить дивизию, построить казармы, склады, хранилища. – И командующий развернул передо мной схему, что и в какие сроки мы должны построить, какие силы и средства необходимо задействовать. Он также рассказал о прибытии новых дивизий в состав округа и сказал, что без помощи войск строительные части с задачей не справятся.

Затем мы выехали в Харанор, там в палатках располагался артиллерийский полк и реактивный дивизион. Работа кипела, но от графика ввода новых объектов отставали. Приближалась 50-я годовщина Октября, и командующий поставил нам задачу: бросить все силы на строительство первоочередных объектов.

День и ночь мы трудились, чтобы подготовить строевой плац. От взора командующего не ускользнула ни одна деталь.

– А почему на кладке стен клуба отстаете? Если завтра Брежнев вздумает выступить у нас с докладом, посвященным славному Октябрю, где, командир дивизии, будешь его принимать, в палатке?

– Подтянемся, Петр Алексеевич, политбюро не заморозим, – попытался вызвать на себя «огонь» один из моих офицеров.

– Отставить! – распознал маневр офицера командующий. – Пусть Язов меня успокоит. Рапортовать мне в Москву о вводе новых объектов? Я к вам на открытие клуба приглашу ансамбль Моисеева.

– Ну если Моисеева с девушками – рапортуйте, Петр Алексеевич, – попытался и я отшутиться.

Мне казалось, что на строительстве объектов экзамен мы выдержим.

Но это мне казалось, а вечером, когда я докладывал по телефону командующему, выяснилось, что мы по-прежнему отстаем от графика. Пришлось подключить прожектор и поработать в три смены. 7 ноября я доложил командующему, что на всех объектах мы вошли в график.

– О ваших успехах меня проинформировали. Офицерский клуб брали, как Берлин. Даже прожекторами осветили.

Новый год встречали в офицерской столовой. Единогласно избрали тамадой Харлампия, он оправдал наши надежды, тосты сыпались как из

рога избылиия, в кавказском стиле: «Я хочу, чтобы у тебя было столько дней, сколько бы хотела иметь твоя жена. Я желаю тебе столько здоровья, сколько желает тебе твоя мама, тем более что на улице сваливают с ног холода. Предлагаю тост за наших матерей!»

Омские зимы по сравнению с даурскими вроде оттепели. Однажды ночью, возвращаясь из Забайкальска, мы с начальником политотдела морозной ночью оказались в степи – сломалась машина. Евсей Павлович побежал в Даурию, до которой было 12 километров, в сапогах, мы же с водителем остались. Сначала жгли тряпки с маслом, дошла очередь до запасного колеса, и лишь под утро за нами пришла машина. Для меня это был урок, с радикулитом я слег в госпиталь, но 23 февраля я был снова в строю.

К тому времени в Забайкальском военном округе насчитывалось восемь дивизий и только одно корпусное управление, включавшее три дивизии, пятью управлял непосредственно командующий войсками округа, он и подготовил в начале марта учение.

Еще утром началась пурга. Снег слепил глаза, не видно ни зги, и все же в назначенный час дивизия атаковала «противника», успешно развивая наступление в глубину его обороны.

Впервые Петр Алексеевич отметил: «Молодцы!» Затем мы перешли к обороне достигнутых рубежей, на нас наступала дивизия под командованием генерал-майора Якова Анисимовича Гугняка.

Разбор учения состоялся в Даурии в Доме офицеров. Командующий в целом дал высокую оценку действиям обеих дивизий. Меня поздравил с присвоением воинского звания генерал-майора.

Вскоре в округ прибыл министр вооруженных сил Монголии генерал-полковник Ж. Лхагвасурен. Петр Алексеевич предупредил: «Завтра вылетаем в Даурию».

Больше всего монгольского министра заинтересовала боевая история соединения. В 1942 году был сформирован под Москвой 5-й танковый корпус, который и принял боевое крещение в Сталинградской битве. Первый командир корпуса – генерал-майор А.Г. Кравченко. Это под его командованием корпус получил гвардейское знамя и наименование «Сталинградский». В последующих боях 5-й гвардейский танковый корпус участвует в освобождении Киева и получает наименование «Сталинградско-Киевский».

Лхагвасурен поинтересовался: «Это тот самый 5-й гвардейский танковый корпус, который входил в состав 6-й гвардейской танковой армии? И командовал этой гвардейской танковой армией генерал-

полковник А.Г. Кравченко, теперь уже дважды Герой Советского Союза?» Мы ответили утвердительно. Мы знали, что Ж. Лхагвасурен был заместителем командующего конно-механизированной группой генерал-полковника И.А. Плиева. Это под их командованием кавалеристы проводили по 18 часов в седлах. Об отдыхе и не мечтали, надо было взять город Жэхэ. И взяли!

За эту операцию Герой Советского Союза И.А. Плиев был удостоен второй медали «Золотая Звезда», а его заместителя – генерал-лейтенанта Ж. Лхагвасурена наградили орденом Суворова второй степени.

Вечером гости улетели, и где-то часа через два позвонил командующий: «Есть предложение сборы руководящего состава округа провести на базе подчиненной вам дивизии, завтра прилетит генерал Н.П. Чунихин с расписанием сборов».

Основную нагрузку возложили на 382-й гвардейский мотострелковый полк, которым командовал подполковник Борис Никифорович Гормылев. И в округе, и в дивизии этот полк называли «порт-артурский» – он имел это почетное наименование за овладение городом Порт-Артур 23 августа 1945 года.

Весна... Сопки зазеленели, городок выглядел нарядно. Из Читы прибыл железнодорожный состав из мягких купейных вагонов – гостиница на колесах для 500 офицеров – командиров полков, дивизий, управления корпуса и округа.

Занятия прошли интересно. Петр Алексеевич, обычно их комментируя, заканчивал фразой: «Пригодится в бою. Одобряю!»

...Жизнь шла своим чередом. Вспоминаю, как однажды на одном из полковых тактических учений солдат подобрал брошенную матерью только что народившуюся козочку. Пришлось поставить ее на довольствие. Соорудили бутылочку с соской, развели сгущенку, и козочка с удовольствием стала попивать молочко, греясь на моем полушубке. Возвратившись в Даурию, козочку передали опекать Леночке. Назвала ее Ладушкой. Она как собачка бегала за ней, разгуливала по городку, сама поднималась на третий этаж.

Затем решили отдать козочку в отару бурятам. Отвезли в совхоз «Красный великан». Недели через две решили навестить Ладушку. Девочка, дочь чабана, встретила нас и говорит: «Лэна, это не Ладушка, а Орлик». Такими мы оказались плохими знатоками животного мира. И все же на зов Орлик, теперь уже козел, не отзывался, а когда Лена назвала его Ладушкой, он подбежал и потребовал угощения.

Летом 1969 года министр обороны Маршал Советского Союза А.А.

Гречко проводил в Дальневосточном регионе крупные стратегические учения с участием штабов и войск Дальневосточного, Забайкальского, Сибирского и Среднеазиатского военных округов.

После известных событий на острове Даманский совершенно иначе оценивалась военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке. Все внимание было приковано к Китаю, к тому времени он создал ударные группировки войск на советско-китайской границе. Поэтому в ходе учений мы отрабатывали вопросы прикрытия государственной границы наличными силами и средствами, а также с подачей резервов из глубины страны. Тогда-то в нашей дивизии и побывали главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии И.Г. Павловский и начальник тыла генерал армии С.С. Моряхин.

Иван Григорьевич Павловский – дальневосточник, он 5 был в курсе всех новаций в Забайкальском военном округе.

Когда мы ехали в Шахалинор, где дислоцировался пулеметно-артиллерийский батальон 19-го укрепленного района, Иван Григорьевич интересовался всеми достопримечательностями. Заметив у переезда крест, он спросил: «А ну-ка, Язов, рассказывай, какому вы богу молитесь и почему без меня?» Пришлось рассказать: «Это памятник австро-венгерским солдатам, а слева от креста – долина, где Семенов приказал расстрелять солдат, отказавшихся покинуть родные земли».

Степь выцвела. Ржаво-белесая трава лежала под ногами, а еще недавно, месяц назад, она цвела огненными саранками, желтыми лилиями и алыми маками. Китайская тема не отпускала нас. Вспомнили март 1969 года, бывшая граница мира превратилась в границу войны. А еще раньше, в 1929 году, Чан Кайши задумал захватить КВЖД. Войска Чан Кайши насчитывали около трехсот тысяч человек с орудиями, пулеметами, самолетами. Был даже бронепоезд.

По решению советского правительства командующий Особой дальневосточной армией В.К. Блюхер разработал операцию по разгрому войск гоминьдановского маршала Чонан Сюэ Ляна, подготовившегося совершить молниеносный поход к Байкалу, чтобы отрезать Дальний Восток от страны.

И тогда В.К. Блюхер решил нанести упреждающие удары. Операция началась 17 ноября одновременно ударами на Забайкальском и Приморском направлениях. На забайкальском направлении действовало две дивизии: 35-я и 36-я, а также Кубанская кавалерийская бригада К.К. Рокоссовского.

Уже 20 ноября В.К. Блюхер доложил правительству: «Противник разгромлен и беспорядочно отступает. Взято свыше 8 тысяч пленных,

захвачен и командующий Северо-западным фронтом генерал Лян Чжунцзян со своим штабом».

– Я вспомнил о тех боях, – подытожил Павловский – потому, что на сопках Маньчжурии родился не только красивейший вальс, здесь получили закалку будущие герои Великой Отечественной войны: прежде всего К.К. Рокоссовский, П.К. Кошевой, А.П. Белобородов, И.И. Федюнинский, Г.И. Хетагуров, Н.Э. Берзарин и многие другие. Особая Дальневосточная армия была за эту операцию награждена орденом Красного Знамени, а В.К. Блюхеру вручили пятый орден Красного Знамени.

«Все это – история, – подумал я, – старая слава новую любит».

Нерешенные вопросы по пограничным спорам достались нам в наследство из-за возможности двоякого толкования договоров, подписанных еще между Российской империей и Китаем. Вот образчик одного из этих недоразумений: «Граница проходит по современному руслу рек Аргунь, Шилка, Амур...» А что значит – «по современному»? Русло реки со временем меняется.

С ухудшением братских отношений между нашими странами двусмысленности в договорах приобрели зловещий характер. Этому способствовало и то, что «наш дорогой» Никита Сергеевич расформировал почти все дивизии в Забайкалье, в Сибири и на Дальнем Востоке. Китайцы знали, что наша граница практически не была прикрыта.

Пока главком общался с личным составом огневых точек, дискуссия по проблемам отношений с Китаем не прекращалась. Вскоре нашли и главного обидчика: Хрущев – виновник раздора. В мутных водах «оттепели» утопил нарождающиеся теплые чувства между Москвой и Пекином.

В тот же день вечером гости улетели, а нас, командиров дивизий, пригласили в Иркутск. С докладом выступил министр обороны Маршал Советского Союза А.А. Гречко. Он проанализировал военно-политическую обстановку в Юго-Восточной Азии, отметив присутствие в этом регионе американских войск, их баз с ядерным оружием на Окинаве, в Южной Корее, на Филиппинах. Дежурили в водах Тихого и Индийского океанов и атомные подводные ракетоносцы США. Министр дал высокую оценку командующим, штабам и войскам Дальневосточного и Забайкальского военных округов, поблагодарив всех участников учения.

В Иркутске я встретил Владимира Петровича Черемных, мы вместе служили в ЛенВО и учились в академии, он командовал дивизией на Сахалине. Мы рассказали друг другу о служебных и семейных делах. Я вспомнил, что он пишет роман, спросил, когда мы увидим его детище.

Владимир Петрович только махнул рукой в ответ, дескать, сейчас не до музыки. Вспомнили Ленинград, друзей, товарищей, помянули добрым словом тех, кто уже ушел из жизни. Поздно вечером я улетел в Читу, только утром добрался до Даурии. И снова учения с боевой стрельбой. Но сначала я участвовал в рекогносцировке местности, которую проводил командующий войсками округа. До реки Онон от места дислокации дивизии около 200 километров. Это расстояние дивизия должна была преодолеть, подавляя сопротивление «противника», с ходу форсировать реку, а дальше выйти на Агинский полигон, где планировалось провести боевые стрельбы.

Агинский полигон, он же окружной учебный центр, назывался Цугульский Дацан. На этом полигоне учил войска еще военный губернатор генерал-майор Е.О. Мациевский. Военные историки утверждают, что в этих же местах обучал военному делу «тысячи и тьмы» и коварнейший Чингисхан.

Ночью, блуждая в степи, мы вышли к Онону, но не стали с ходу форсировать речку, как предполагалось по плану учения. Сначала мы провели мощную артиллерийскую подготовку. И только потом на фронте шириной более 10 километров форсировали Онон. Одновременно мы наводили мосты. Огонь вели из всех видов артиллерии и минометов, батареями ПТУРСов, а также с боевых машин пехоты. Переправу прикрывали с воздуха вертолеты. Первым вышел на противоположный берег Порт-Артурский полк, затем Венско-Мукденский, они стремительно развивали наступление. Наводка мостов заняла 25–30 минут, так что танки влились в боевые порядки наступающих еще во время боя. К исходу дня дивизия вышла к станции Ага, пройдя 60 километров с боевой стрельбой. На этом рубеже и была дана команда закончить учение.

Разбор учений Петр Алексеевич проводил в Цугульском Дацане. Построен он был на конкретных примерах. Больше всего досталось мне за ночную неразбериху и блуждания по степи. Результаты стрельб были неплохими, мы поразили более 50 процентов целей. С приподнятым настроением мы возвращались на «зимние квартиры». Я же с разрешения командующего убыл на отдых в санаторий «Молоковка» в 20 километрах от Читы.

В местной «Мацесте» я узнал, как в августе 1945 года в Молоковку доставили императора Маньчжурии Пу И со свитой интернированных министров во главе с премьер-министром Чжан Цзиннум. Кроме них, в Молоковке «отдыхали» пленные японские генералы с командующим 3-м фронтом Квантунской армии генералом Дзюн Усироху.

Японских военных содержали изолированно от императора Пу И и его

свиты, никаких ограждений в санатории не было, но никто из именитых пленников даже не отважился бежать.

Во второй половине октября 1945 года Пу И и японских генералов отправили в Хабаровск, там состоялся суд над военными преступниками, Пу И выступил свидетелем. А позже, в 1950 году, советские власти передали императора Пу И властям КНР, где он и был осужден.

Будучи в Молоковке, я узнал, что заместителем командующего по боевой подготовке назначили генерал-лейтенанта Владимира Петровича Дороднова, танкиста.

Как готовить батальонное учение с боевой стрельбой в обороне, было ясно. А вот методы проведения огневого урока в мотострелковой роте у меня вызывали сомнения. На этой почве у меня с Дородновым и возникли неприязненные отношения. Об этом прознал каким-то образом Петр Алексеевич. Он и приказал на войсковом стрельбище порт-артурского полка провести огневой урок, как этого требует генерал Дороднов. Я возражал: методика Дороднова начисто отбрасывала процесс обучения солдат, заменяя его простой тренировкой. «И что же вы предлагаете?» – спросил меня П.А. Велик.

Пришлось изложить свои методы подготовки мотострелковой роты. Еще в академии имени М.В. Фрунзе я написал дипломную работу по теме «Организация и проведение боевой подготовки войск стрелкового корпуса в ходе подготовки к прорыву обороны противника». Формы и методы обучения войск составляли основу этой работы. Исходил я из того, что молодежь призывают в армию два раза в год, значит, солдат следует обучать по периодам службы. С моим предложением командующий согласился.

Я доложил замысел, план и порядок проведения батальонного учения по оборонительной теме. Первой начала действовать авиация, она наносила удары по колоннам противника, которые выдвигались в сторону переднего края обороны. В опорном пункте роты, оборонявшейся в центре, мы и продемонстрировали все виды ведения огня: фронтальный, перекрестный, кинжальный, заградительный, подключилась артиллерия, танки, с гулом проносились реактивные управляемые снаряды. Минут тридцать все молча наблюдали за «полем боя». «Да, при таком огне не прикроешься цитатником», – произнес Петр Алексеевич.

Очень важным событием для меня был проезд в Даурию и однокашника по академии Генерального штаба генерал-майора Виля Кубасова – зятя Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. Он работал над диссертацией об использовании дымов в армейских и

фронтовых операциях на юго-восточном театре военных действий.

Со дня кончины К.К. Рокоссовского прошло немногим более года, память о нем была жива в народе, особенно в Даурии, где Константин Константинович командовал 27-м кавалерийским полком 5-й Кубанской кавбригады, а затем и 5-й Кубанской дивизией.

Конники Рокоссовского отличились на маньчжурских полях во время разгрома гоминьдановцев. Кавбригада прорвалась в тыл Чжалайнорского гарнизона. Оторванная от своих войск, она сковала силы противника, не позволяя отдельным группам вырваться из Маньчжурии.

Мы подошли с Вилем к домику, где жила семья Рокоссовского в Даурии, проехали по ковыльной седой степи, где когда-то мчались конники Рокоссовского. Человеком дела и чести назвал Рокоссовского скупой на похвалу И.В. Сталин.

В феврале командующий внезапно позвонил ко мне в Даурию и приказал незамедлительно прибыть на станцию Дивизионная. Вертолетом я долетел до Читы, а дальше на Ан-12 добрался до Улан-Удэ.

Петр Алексеевич рассказал, что встретился с Модогоевым – первым секретарем Бурятии, он высказал пожелание посмотреть в боевой работе все виды вооружения, от автомата до «Града», «Р-65» и самолетов поддержки. Занятия предполагалось провести на Агинском учебном центре и на аэродроме Степь. Докладывать по всем видам вооружения дивизии поручили мне, а по авиационной технике – командующему воздушной армией.

В даурской степи в марте приближение весны еще не ощущается. Налетит даурец – белый свет становится с овчинку, мишени летят, как карточные домики, в трех шагах ничего не видно.

К счастью, ветер стих, и мы из автомашин соорудили трибуны для наблюдения. Вскоре подъехали и автобусы с руководителями республик и областей.

Посыпались вопросы: «Кто и в какие годы командовал дивизией?»

Пришлось сделать экскурс в историю, назвать почетные наименования полков. Отечественную войну полки прошли как бригады. Потом перешел к тактико-техническим характеристикам автомата Калашникова. Затем показали гостям ручной пулемет, гранатомет, ротный станковый пулемет, СПГ-17, нарезные орудия.

Но вот на бронетранспортере подъехал командир артиллерийского дивизиона. Я попросил указать цель в пределах видимости. Насак Иралтуевич Юндуков, в прошлом артиллерист, показал на темное пятно сгоревшей травы на сопке: «Пусть это будет позиция батареи противника».

Не успел он закончить фразу, как полетел первый снаряд, за ним – второй. Небольшая поправка – и цель поражена. «Все заранее пристреляно!» – раздались голоса.

Пришлось пригласить артиллеристов-фронтовиков на командный пункт дивизиона, показать им современные средства наблюдения. Теодолиты, лазерные дальномеры и другие технические средства позволяли в самые короткие сроки подготовить необходимые расчеты для открытия огня.

Всеобщее восхищение вызвало нанесение удара по противнику огнем реактивного дивизиона «Град». Показали гостям и мины направленного действия.

...Шел четвертый год нашей жизни в Даурии. Службой я не тяготился, но меня все чаще беспокоило здоровье Екатерины Федоровны.

В феврале 1971 года меня пригласили в Главное управление кадров Вооруженных сил в Москву. Прямо из министерства обороны позвонил Екатерине Федоровне и предупредил: «Мы скоро переедем в Крым». Эта новость придала ей сил и повысила настроение. К моему приезду из Москвы она решила все вопросы, связанные с переездом.

Возвращаясь через Читу, я сообщил о переводе Петру Алексеевичу. И он начал меня уговаривать: «Здесь, в Борзе, скоро должность командира корпуса освободится. Развертывается армейское управление. Оставайся!» Но бюрократический маховик в кадрах закрутился, и в начале марта меня назначили командиром 32-го армейского корпуса.

С тяжелым сердцем уезжали мы из Даурии...

Крым

Уезжали из Даурии поездом, еще стояли морозы, а здесь, в Крыму, все цветет и благоухает.

Меня назначили командиром армейского корпуса, части которого были дислоцированы по всему Крыму. Прежде чем изучить состояние боевой готовности войск, по армейскому этикету я должен был представиться командующему войсками Одесского военного округа генерал-полковнику А.Г. Шурупову. Вечером вылетел в Одессу. Встретил меня в аэропорту генерал Григорий Григорьевич Борисов – заместитель начальника штаба округа. С ним мы учились в одной группе в академии Генерального штаба.

В 9.00 я уже был в приемной командующего, разговаривали о подготовке к XXIV съезду КПСС. Летом корпусу предстояло принять участие в больших оперативно-стратегических учениях под руководством министра обороны Маршала Советского Союза А.А. Гречко.

Вывод напрашивался сам собой: за короткое время изучить Крым как театр военных действий, особенно полигоны. Кроме того, и это, пожалуй, самое главное, изучить мобилизационные планы и возможности Крымской и других областей, которые поставляют в корпус мобилизационные ресурсы.

Возвратившись в Симферополь, надо было подумать, в какую школу пристроить Елену. Она занималась в Даурии в 10-м классе, и за два месяца до окончания средней школы ей предстояло переехать на новое место. Со скрипом ее согласились принять в среднюю школу № 9. Неубедительная причина отказать нам заключалась в том, что Елена успевала по всем предметам на «отлично», а они в школе уже определились с медалистами. Что я мог ответить на это? Сказал, что эта школа – восьмая по счету, где доведется учиться Елене, и на медаль мы не претендуем.

В Даурии все учителя были женами офицеров, с университетским образованием, и работали с душой, выпускники «штурмовали» самые престижные вузы в Москве.

Больше с директором школы я не встречался, дочь все-таки закончила 10-й класс с золотой медалью.

Знакомство с войсками заняло месяц, с начальником штаба корпуса полковником В. Ширейко мы объехали все побережье: мыс Чауда, морской полигон, Турецкий вал, Керчь, Багеров, Форос, Ялта, Алушта, побывали на Перевальной, там находился полигон, где проводили стрельбы боевыми снарядами из всех видов танков и артиллерии. Тогда еще не было автомобильной дороги Севастополь– Ялта и о Форосе слыхом не слыхивали.

126-й дивизией командовал Юрий Александрович Хворостьянов, 157-й – генерал Глеб Всеволодович Попов. На разборе учений министр обороны критиковал нас за опоздание при вводе в бой второго эшелона, но в целом положительно оценил взаимодействия корпуса с Черноморским флотом. Не все догадывались, что на учениях в районе мыса Чауда присутствовали Подгорный и Щербицкий и почти весь руководящий состав Министерства обороны.

По окончании учений А.А. Гречко поехал с семьей отдыхать в санаторий «Фрунзенское». Я, естественно, его и встречал, и сопровождал. Министр поинтересовался: «Кто из моих заместителей и главнокомандующих сейчас отдыхает в Крыму?» Я доложил: «Главный маршал авиации П.С. Кутахов в Судаче, адмирал флота Советского Союза С.Г. Горшков – под Севастополем, генерал армии А.Н. Комаровский – в Гурзуфе, генерал армии В.Г. Куликов вот-вот прибудет с домочадцами». На следующий день министр пригласил всех «курортников» к себе во «Фрунзенское». С генералом армии Комаровским министр осмотрел территорию между летними дачами и санаторием. На следующий день на аэродроме Гвардейский я уже встречал группу проектировщиков – генералов и офицеров Главного строительного управления. Они приступили к планировке военного санатория «Крым». Санаторий построили в кратчайшие сроки.

Ожерелье из дач и санаториев растянулось аж по всему побережью, и Ялта напоминала застежку на этом драгоценном сокровище. Прошли годы, и всех перещеголял Горбачев, бриллиантом на украденном ожерелье смотрелся объект «Заря» в Форосе. Сначала в округе подумали, что строят лечебный центр для чернобыльцев, но вскоре узнали: возводятся хоромы для генерального секретаря. Форосцы недоумевали: «Зачем он дразнит народ? Столько денег угрохали. Лучше бы каждому школьнику подарили пианино, мы бы эту хваленую Америку перегнали по Клибернам. За год бы управились!»

Кроме военных строителей, на «секретном объекте» трудились лучшие мастера из Грузии, Узбекистана, Прибалтики, Украины, дизайнеры из Москвы и Ленинграда. Главное здание украсили гобеленами с видами Крыма. Отдохни, Михаил Сергеевич, в Крыму и снова в бой с мировым империализмом! Видно, Горбачев давно не ездил в метро, и, чтобы ему напомнить о безмятежных годах юности, прямо от его апартаментов к самой кромке Черного моря на пляж протянули два эскалатора...

«А это еще зачем? – возмущались в окресте. – Отказывает себе в последней радости пройтись пешком к морю. Больше двигайтесь, Михаил Сергеевич, и вы станете народным генсеком».

«Это потому эскалаторы понастроили, – шутили местные острословы, – чтобы Михаил Сергеевич выходил из моря подобно греческому богу Посейдону, ступая на ступеньки бесшумного эскалатора».

«Сначала пусть уйдет из генсеков. Зачем нам генсек-Посейдон?»

Буквально каждую минуту пляжное братство взрывалось от смеха, и, чтобы прекратить насмешки над государевым мужем, на пляж откомандировали из Симферополя оперативную группу. Прошло всего несколько дней, и она вернула Михаилу Сергеевичу репутацию генсека, заботливого друга крымских трудящихся.

Довелось побывать и мне в том 1987 году вместе с Ю.С. Плехановым, начальником Девятого управления ГКБ, на этой грандиозной стройке века. Мы приземлились на аэродроме «Бельбек», аэродром принадлежал войскам ПВО. Чтобы можно было принимать самолет президента Ил-62, полосу удлиненили на 600 метров. Одновременно возвели аэровокзал силами строителей Черноморского флота.

Вспоминаю, мы ехали из Бельбека в Форос, Горбачев позвонил нам в машину: «Вы где разгуливаете? По всей стране вас ищут».

«Мы едем по дороге Севастополь – Ялта и находимся сейчас на траверзе «Шалаша».

«Я, – говорит Михаил Сергеевич, – по другому вопросу вам звоню. Хотя мы на политбюро и приняли решение не брать машины из армии на уборку урожая, Рыжков возражает. Дайте нам сорок тысяч машин!»

Я согласился только на тридцать, машины придется везти из групп войск в Восточной Европе. «Михаил Сергеевич, представляете, мы назад погоним десять тысяч КамАЗов. Французы подумают, что мы решили пленить Париж. Миттеран на вас осерчает», – попытался я отшутиться.

На самом деле были две причины, чтобы отказать Горбачеву. Во-первых, это отразилось бы на нашей боевой подготовке, а во-вторых, поляки бы нас обобрали, выставили бы счет по самому высокому тарифу за

проезд по их территории. Дорого бы нам обошелся хлебушек.

Я еще тогда подумал: «Генсек и в субботу на трудовом фронте, весь в заботах об урожае». Как и многие советские люди, я прислушивался к «великому реформатору», который обещал нам «социализм с человеческим лицом». Между тем реформы, которые уже в 1990 году народ обозвал «горбачевщиной», пробуксовывали. Горбачев сам рассказал на политбюро анекдот: «В трамвае висят портреты Горбачева и Брежнева. Брежнев – весь в орденах, Горбачев – в талонах». Этот анекдот он поведал и Бушу при встрече. Вот так мы весело жили, шутовали на краю пропасти.

Сейчас, когда я пишу эти строки, Михаил Сергеевич в Лондоне, на очередном политическом бомонде. Возможно, он отправится повечерять к Маргарет Тэтчер, с которой вместе ходили на дело. В его же стране обнищальные старушки бродят по российским помойкам, ищут себе на пропитание. Горбачев продолжает переезжать из одной европейской столицы в другую, разглагольствуя на тему «общечеловеческих ценностей». Невдомек Горби, что в его родной станице пенсионеров хоронят в целлофановых саванах. Уж лучше бы он поменьше занимался «общечеловеческими ценностями», а почаще думал о судьбе и незавидной доле своих земляков.

Когда же мы отступили от наших ценностей? Ведь легче всего изъять шестую статью из Конституции во имя того, чтобы лицезреть по ТВ вождей-маргиналов с бусами слов из несметных запасов бижутерии спецслужб США. На мой взгляд, моду на заокеанский менталитет нам завезла в Россию подиумная «звезда» американской демократии – президент США Р. Рейган. Вот когда проявилась потемкинская черта в характере Михаила Сергеевича. В белоснежных воротничках заборов несколько дней форсила наша древняя столица. Видимо, Рейган считал себя тонким ценителем русской литературы и поэтому заехал поужинать к московским писателям в Центральный дом литераторов. Не знаю почему, для многих это остается загадкой, но Рейган примчался в ресторацию дома писателей на дружеские посиделки со своим походным президентским клозетом. По дипломатическим каналам загодя согласовали: поместить эту штуквинку, в которой «нос дамы пудрят», именно в парткоме писателей. Где Булат Окуджава обычно принимал партийные взносы. Сейчас намечались другие «взносы», и к ним отнеслись с дружескими симпатиями во имя нарождающихся американско-советских отношений. Протежировал президентской «ночной вазе» сам Александр Николаевич Яковлев.

Словом, «ночную вазу» Рейгана без каких-либо препятствий морские пехотинцы посольства США поместили в партийных альковах. Можно

только представить, если бы, например, подобный аксессуар пожелал разместить в штабе демократов Егор Лигачев. Наверняка бы американские сенаторы пригрозили президенту импичментом. Но здесь все свои люди, готовые услужить демократии, поэтому просьбу Рейгана уважили.

Но случилось непредвиденное: президент, отведав разносолы русской кухни, поспешно ретировался в свою резиденцию, оставив именитый «горшок» в парткоме. Вот здесь будущие демократы призадумались: «Но это же собственность учителя-отца! Самое время поспешить к американцу на помощь. Зачтутся в Вашингтоне наши муки». Бьюсь об заклад, и Николай Васильевич Гоголь позавидовал бы этой «немой сцене», да что там Гоголь, она не могла бы присниться в кошмарном сне и Марку Анатольевичу Захарову, придворному комедиографу: самые «великие» русскоязычные писатели, чуть ли не добрая половина «классиков» русской литературы вежливо подняли бесценный сосуд и на руках понесли в американское посольство.

Путь, прямо скажем, недолгий, но попасть в историю можно. И попали в историю, оставив яркий след в дни августовских событий, призвав президента Б.Н. Ельцина расстрелять уже подлинных, настоящих русских писателей.

Каков сюжет для будущих комедиографов! Найдется ли драматург, который гусиным пером при свете коптилки опишет страдания столичных демократов? Не претендуя на соавторство, предложу ремарку: роскошный Дубовый зал Дома писателей. На столах остатки осетрины, пучеглазой икры, французские коньяки. В глубине коридорчика загадочная дверь. Чьи-то заботливые руки уже сняли медную табличку: «Партком писателей Москвы». Причем сняли без оргвыводов на Лубянке. За дверью стоит штучка, почти реликвия. Творцы Ленинианы с благоговением осматривают президентские достопримечательности. Будущие светочи демократии приготовились к первому демократическому шествию...

... Все вроде бы шло своим чередом. Дочь поступила в Симферопольский медицинский институт, а сын Игорь, окончив Высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе, получил назначение на Северный флот штурманом атомной подводной лодки. Но беда за нами шла по пятам, она подбиралась к Екатерине Федоровне.

В августе Екатерина Федоровна решила съездить к матери в Боровичи. Лишь потом я понял, что она ездила попрощаться с матерью. Она сама поставила себе диагноз – рак молочной железы. Надо было делать операцию, но она пошла к гомеопату, так мы потеряли четыре месяца.

В декабре 1972 года мне присвоили звание генерал-лейтенант, и я был

вызван в Москву. В Главном управлении кадров со мной побеседовали на предмет назначения на должность командующего армией. Жену это не радовало, она угасала на глазах, с большим трудом уговорили лечь на операцию. Положил ее в Боткинскую больницу. Вечером встретились с Валентином Ивановичем Варенниковым, ничего я не утаил от товарища.

Варенников в то время был первым заместителем главнокомандующего Группой советских войск в Германии. В Москву приехал по вызову, на совещание к первому заместителю министра обороны генералу армии С.Л. Соколову и, вероятно, рассказал ему о нашей встрече.

Утром мне позвонила Мария Самойловна Соколова, принялась меня распекать: «Вы не доверяете военным врачам? Почему положили жену в районную больницу? В госпитале имени Н.Н. Бурденко свой онкологический центр. Они пригласят на консультацию и самого Н.Н. Блохина».

Я перевез жену в Лефортово, а сам, получив назначение на должность командующего 4-й армией в Баку, полетел в Крым собирать вещи. С Леночкой вдвоем мы и вылетели в Баку. Доченька была встревожена операцией матери и неизвестностью, которая нас ожидала.

Встречи с «прорабами перестройки»

В Баку прилетели ночью. Встретил нас А.С. Бородаев, знакомый по Забайкалью, первый заместитель командарма. Прямо из аэропорта дозвонился до командующего войсками Закавказского военного округа генерал-полковника Павла Васильевича Мельникова. Он проводил учения в районе перевала Цхацкаро, что южнее Боржоми. Командующий, выслушав мой доклад, приказал: «Соберите всех командиров дивизий, полков и вылетайте в Тбилиси. Жду вас утром в районе учения южнее Бакуриани. Здесь и познакомимся».

В Тбилиси нас встретил генерал-майор Василий Константинович Кирилук. Доложил: «Погода в районе учения весьма неблагоприятная, расстояние до перевала – около 300 километров, надо выезжать незамедлительно».

Пурга то утихала, то усиливалась, кое-где снег перекрывал дорогу, но наши вездеходы без остановки продвигались на запад. Прошли Мцхету, Гори, Хашури, Боржоми, в районе Бакуриани навстречу нам выкатило солнце. Часам к одиннадцати мы вышли на заснеженную равнину, высота более 2000 метров. Пожалуй, впервые за всю историю в этом местечке вместе с техникой зимой через горы прошла целая дивизия. Для театра военных действий это было совсем не рядовое событие.

Построив прибывших в две шеренги, командующий рассказал о своем замысле, о плане проведения учения. Дивизии развернули до полного штата за счет резервистов. Как же было тяжело солдатам, не привыкшим ходить на лыжах, ступать по глубокому снегу.

На разборе учений встретился с генерал-лейтенантом Дмитрием Александровичем Гринкевичем, мы вместе учились в академии имени М.В. Фрунзе. Он и дал мне несколько полезных советов, рассказал об особенностях службы в Закавказском военном округе, охарактеризовал первых секретарей республик, они же члены Военного совета округа.

Возвратившись в Баку, в сопровождении офицеров-направленцев мы

выехали в Ленкорань.

Полковник Евгений Александрович Брюзгин, знаток истории Закавказья, рассказывал нам по дороге, как в 1813 году русские войска под командованием Котляровского штурмом взяли укрепленную персами крепость Ленкорань. Персы потеряли 3700 человек, а русские – в десять раз меньше.

После взятия крепости повалил густой снег, он-то и покрыл белым саваном окровавленную землю. Возвращаясь в Карабах, солдаты в скорбном молчании несли носилки, на которых лежал раненый победитель генерал-лейтенант Котляровский. Вскоре заключили Гюлистанский мир, по которому Персия навсегда отказалась от всех завоеванных ранее ханств в нынешнем Закавказье.

Из Ленкорани перелетели в Нахичевань. Местные руководители с гордостью отмечали: «Г.А. Алиев родился и вырос в Нахичевани. Это наш земляк». Пройдет чуть больше десятилетия, и Гейдар Алиевич снова вернется в Баку через Нахичевань...

Дома меня ожидал сюрприз: дочь собиралась вернуться в Симферополь. Она мечтает быть врачом, мол, а в Баку светил в области медицины – единицы. Дозвонился до госпиталя, пригласил Екатерину Федоровну. Просьба Елены показалась ей капризом. Часа через два – звонок уже из Москвы. На сей раз Леночка взяла трубку, плакали, как я понял, сразу в двух столицах. Успокоил жену, дочь и связался с Симферополем.

И вот я снова один, подошел к окну, увидел трепетавший на ветру листок и вспомнил пушкинские строки:

Как поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

Разные мысли теснились в голове, от самых радужных до гнетущих, только в работе находил утешение.

Время не шло, а летело. В начале марта предстояло развернуть дивизию в Нахичевани. Командующий генерал-полковник П.В. Мельников дал согласие призвать резервистов на три дня ранее установленного срока. Получили добро и от руководителей республик. На учение прибыл из Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск генерал-

лейтенант П.В. Гурьев, из округа – генерал-лейтенант В.И. Карпов.

Пропустив дивизию на исходном рубеже в районе Киврак, я обогнал колонну и выехал к Семеновскому перевалу. Дорога змейкой вилась в горах, и настолько повороты были крутые, что пришлось тягачи отдельно разворачивать от орудий и лишь затем их соединять.

Начало наступления назначили на 14 марта. Важно было одновременно развернуться в батальонные колонны, затем в ротные, взводные и в боевую цепь. Как и положено артиллерии, она вела огонь, подавляя огневые точки на переднем крае. В точно назначенное время мотострелки атаковали первую траншею.

Все шло по плану. Командир дивизии уверенно управлял частями. На широком фронте в горах они то скрывались, то появлялись на гребнях высот.

Вскоре артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника, высокий класс показали и танкисты. После овладения первой и второй позициями командир дивизии ввел второй эшелон в обход господствующей высоты, что было одобрено Мельниковым.

Неожиданно меня пригласили к аппарату ВЧ, дежурный сообщил: «Звонили из госпиталя имени Н.Н. Бурденко, операция прошла успешно, Екатерина Федоровна пока находится в реанимации».

Наступление продолжалось всю ночь, и только под утро противник нанес контрудар, дивизия перешла к закреплению захваченного рубежа.

Пока готовился разбор, я связался с Екатериной Федоровной, она меня успокоила: «Все хорошо, страшное осталось позади».

После разбора учения договорился с командующим флотилией на Северном флоте на пять дней отпустить Игоря к матери. Прилет Игоря был сюрпризом, и трое суток мы провели в палате рядом с Екатериной Федоровной. Появилась слабая надежда на благополучный исход. Главным лечащим врачом был опытный полковник В.И. Чунин, он и сделал операцию. И все-таки улетал я из Москвы с тяжелым предчувствием...

В конце марта состоялся Военный совет округа. Больше всех я запомнил выступление Г.А. Алиева. Он призывал повысить роль военно-патриотической работы, ему было чем гордиться: в Баку новшество – открыли интернат по подготовке молодежи для поступления в военные училища.

Во время обеденного перерыва в центре внимания уже был Эдуард Шеварднадзе. Он напомнил: в личном пользовании жителей Грузии находится всего 7 процентов обрабатываемых земель, 80 процентов плантаций цитрусовых принадлежит государству. Кто-то поинтересовался:

«А по какой цене государству сдают мандарины колхозы?» Оказалось, по 30 копеек. Частникам же государство платило 80 копеек, их цитрусовые засчитывались в план республики.

Первый секретарь ЦК Компартии Грузии хотел подчеркнуть, что частники лучше ухаживают за мандариновыми деревьями. Непонятно только было, как это грузины, самоотверженно работая на себя в частном секторе, не забывают при этом получать ордена от государства за выдающиеся заслуги по сбору мандаринов на государственных плантациях. А не лучше ли награждать частников? Это было бы справедливо. Шеварднадзе ничего не ответил, лишь покосился на меня.

Вскоре после 8 декабря 1991 года, когда с флагштока Кремля был спущен флаг Советского Союза и поднят флаг Российской Федерации, Шеварднадзе откровенно заявил: «В этом историческом подъеме флага России над Кремлем есть и моя доля участия. Все прогнило. Надо менять. Я действительно сказал эти слова Горбачеву зимним пицундским вечером 1984 года и не отрекись от этих слов и сегодня».

Что же надо менять и что прогнило? Вы же, Эдуард Амвросиевич, на XXVII съезде КПСС пели дифирамбы в адрес руководителей партии. Почему же не посоветовали прямо на съезде, что надобно поменять?

В своей книге вы рассказываете об отношениях с генеральным секретарем: «В условиях «феодальной» вертикальности мне не оставалось ничего другого, как играть по правилам системы. А именно – добиваться поддержки сюзерена. И я получил ее. Было бы нечестно утверждать, что поддержку я получил лишь благодаря славословию в адрес Брежнева. Гроссмейстеров лести у него хватало и без меня».

Ах, как скромничает Эдуард Амвросиевич. Да неужто запамятовал, как сотрясал воздух Дворца съездов во время работы съездов партии слащавыми панегириками?

«Иногда мы встречались и беседовали, – вспоминает Шеварднадзе. – Я делился с генсеком своими планами – это ему импонировало». И даже не высказали генсеку свои взгляды на самостоятельность Грузии? Лишь через два десятилетия вы, Эдуард Амвросиевич, освободили грузин от «ига» русских. А жаль! Под вашим мудрым руководством грузины бы не ведали беды. Только корочки от мандаринов разлетались бы в стороны... Слишком долго вы изливали чувства преданности и любви к московским колонизаторам – дух захватывает! И если раньше вы, Эдуард Амвросиевич, вкушали деликатесы с московского стола, то сегодня предпочитаете рейнские объедки.

Чего же добилась Грузия в эпоху второго воцарения батона Шеварднадзе в Тбилиси? Быть может, величайшего расцвета поэзии? Да нет! Музе, нищенке в ветхих одеяниях, оставшихся от советской эпохи, не до стихов. Она ушла в «челночницы» после ваших экономических преобразований, Эдуард Амвросиевич. Неудобно и Мельпомене выходить на сцену при свете коптилок. Зато щедро проплаченные клакеры каждый выход батона Шеварднадзе на политическую авансцену встречают бурными аплодисментами. И моноложит Эдуард Амвросиевич, и расточает бесконечные комплименты единственному зрителю в этом театрике – Международному валютному фонду.

Ни Армения, ни Азербайджан, ни Казахстан, да никакая другая республика жить лучше не стала. Повсюду развал! Ни двуглавый орел, ни лунный серп, никакие атрибуты суверенности и гроша ломаного не стоят по сравнению со страданиями народа, разъединенного и ограбленного.

Ложь, желание приукрасить себя в изобилии встречаются на страницах вашей книги, Эдуард Амвросиевич. Вы пишете: «В декабре 1979 года мы с Горбачевым почти одновременно узнали из газет о вступлении советских войск в Афганистан и поспешили встретиться друг с другом, чтобы обменяться мнениями».

И это ложь, Эдуард Амвросиевич! Вот вырезка из газеты «Заря Востока», там ваше выступление. Вы одобряете, приветствуете ввод войск в Афганистан. И когда я читаю в вашей книге критику в адрес политбюро, которое вы осуждаете за вмешательство в дела суверенного Афганистана, я вспоминаю, как уже после выхода советских войск из Афганистана вы вместе с Горбачевым требовали от меня продолжать оказывать помощь Наджибулле. И последнее, о чем я хочу сказать: «После неудачных покушений на вашу персону, Эдуард Амвросиевич, матери сыновей, которые стреляли в вас, как правило, идут с цветами на могилу Серго Закариадзе, Нодара Думбадзе, чтобы поблагодарить их за то, что не оставили они равнодушными юношей к судьбе Грузии...»

Вторым членом Военного совета округа был первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиевич Алиев. Он интересовался всеми делами в республике, это по его инициативе строили завод кондиционеров в Баку, а Ленкораньская долина превратилась во всесоюзный огород.

Л.И. Брежнев с глубоким уважением относился к своему питомцу. Не случайно в 1976 году Алиев – уже кандидат в члены политбюро ЦК КПСС. Гейдар Алиевич, насколько я его помню, начисто лишен высокомерия и чванства. От московских политиков он отличался внутренним аристократизмом. К женщине-стрелочнице, стоящей на полустанке в

телогрейке, он относился как к цветку в хрустальной вазе. И любые колкости дамы объяснял ее несомненной принадлежностью к розе. «Не обламывайте ее колючки, – произносил он часто в компании, – не приучайте розу быть сгорбленной». Алиев умел работать с кадрами и понимал, что если кого и заносит, так это от неумения расправлять крылья для большого полета...

Вспоминаю, как Д.Ф. Устинов, министр обороны, проводил стратегические командно-штабные учения «Юг». Результаты учения анализировали в Баку, после чего Дмитрий Федорович устроил обед, на который пригласили командующих округами. На обеде присутствовал Г. Алиев. На этом приеме я стал свидетелем шпажного политического боя, когда Алиев и Устинов скрестили шпаги, да так, что звон от них донесся аж до стен Кремля, на что, по-моему, и рассчитывал глава республики.

Алиев как бы в шутку сказал, что Устинов узурпировал власть в Азербайджане. Бакинцы и слова не могут молвить. Но как оказалось, Гейдар Алиев таким образом подбирался к самым глубинам своего велеречивого тоста, он закончил свою речь перечислением выдающихся заслуг маршала Устинова во имя укрепления обороноспособности солнечного Азербайджана.

Кто-то из местных коммунистов попытался расширить официальные рамки еля, призывая маршала Устинова всех собравшихся за столом взять в плен, ибо это самое сладостное и справедливое пленение бакинских «сыновей» маршала Устинова.

Конечно, все эти «искренние» тосты заранее обговорили и отредактировали в кабинетах республиканской элиты, и Дмитрий Федорович прекрасно понимал, с каких партийных вершин обрушивались на него водопады восхвалений.

«Очень хорошо, что стальные мускулы Азербайджана, – подчеркнул маршал, – отрезвляюще действуют на воспаленное воображение политических деятелей в Турции. Мы дружбу народов никогда не разменяем на лживые ориентиры».

Командуя армией, я никогда не замечал националистических пристрастий у Алиева, а вот легкая неприязнь к армянскому руководству просматривалась. Как-то на одном из военных советов в Тбилиси командующий П.В. Мельников высказал мысль, мол, пора Военный совет провести в Ереване. Но к моему удивлению, Алиев и Шеварднадзе вылететь в Ереван наотрез отказались. Они даже не попытались мотивировать свое решение.

В 1982 году Гейдара Алиевича назначили первым заместителем

председателя Совета Министров СССР, он переехал в Москву. Но вскоре к власти пришел Горбачев, и звезда Алиева закатилась. Горбачев всячески ограничивал его контакты с Азербайджаном. Конечно, это вызывало обиды у гордого и честолюбивого Гейдара Алиевича, он хорошо знал республику, и его бесспорный авторитет мог бы развязать многие узелки недоверия, стабилизировать ситуацию в Азербайджане, вернуть ее в мирное русло.

Сумгаит, Карабах, изгнание азербайджанцев из Армении, безусловно, оставили рубцы на сердце Алиева. Один из лидеров народного фронта Азербайджана Рагим Казиев вспоминал: еще будучи членом политбюро, Алиев пошел на контакты с лидером НФА, фактически он был теневым идеологом народного фронта. Да и не могло быть иначе, под политическим обвалом могли быть погребены все добрые начинания. Весь 1989 год в Баку был беспокойным, в новогодние дни 1990 года толпы людей сокрушали пограничные заграждения вдоль государственной границы. Причина? Противостояние властных республиканских элит и НФА, карабахский кризис. Набрал кульминационную силу и процесс вытеснения армян из республики. И уже 13 января в Баку выехали секретарь ЦК КПСС А.Н. Гуренко и член президентского совета Е.М. Примаков.

Страсти в Баку накалялись не по дням, а по часам, на многочисленных митингах руководителей республики призывали уйти в отставку. В эти судьбоносные для Азербайджана дни Горбачев мне напоминал черепаху. Из панциря власти он высовывал свой меченый лоб, чтобы оглядеться, что происходит в округе. При малейшей опасности он снова забирался с головой в этот панцирь, надеясь отсидеться в нем до лучших времен. Надо было что-то решать с Карабахом, счет пошел уже на минуты, а Горбачев демонстрировал черепаший скорости в этом вопросе. Его помощники сучили ножками, увязая в песках проблем под этим же панцирем власти.

Позже, размышляя над ахиллесовой пятой Горбачева, я пришел к выводу: ошибка Горбачева заключалась в том, что он попытался за столбить за собой категорию вечности, что для политического деятеля является большой ошибкой.

Войска в Баку ввели в три часа ночи, предварительно все вопросы согласовали с руководством республики – Везириным, Поляничко, Муталибовым.

Национальные конфликты начинали не рабочие и не крестьяне. Разжигали страсти интеллигенция, руководители республик. И ни в коем случае нельзя приписывать содеянное горсткой экстремистов всему армянскому или азербайджанскому народу.

Бывший народный депутат СССР Зорий Балаян, автор книг «Очаг»,

«Дорога», «Крылья», искал и находил единомышленников в Москве и Ленинграде.

Помню, мы отмечали юбилей Ленинградского военного округа, на который пригласили поэта М. Дудина. Когда ему предоставили слово, он немного сказал о героическом пути Ленинградского гвардейского армейского корпуса, а потом вдруг начал читать стихи о Карабахе. Я поинтересовался: «Какое отношение Карабах имеет к истории ЛенВО?» – «Но Карабах взывает о свободе! Армяне заперты в горах. Они наши единовверцы!»

Тема геноцида, армяно-турецких отношений накладывалась на всю историю Армении и, естественно, на Турцию и Азербайджан. При этом воспитывалась ненависть не к тем, «кто виноват», а ко всем азербайджанцам, что вызывало ответную неприязнь.

Активно действовало проармянское лобби и после того, как Сильву Капутикян приняли в Москве Горбачев и Яковлев, она поспешила выступить в Ереване по телевидению: «Беседа длилась около четырех часов... Заметив, что мы часто повторяем «Нагорный Карабах», товарищ Горбачев сказал: «По-моему, это слово означает «Арцах»...» М.С. Горбачев в свойственном ему стиле подыграл «знаменосцам и борцам за Великую Армению», что придало силы армянским националистам «идти на любые жертвы во имя Арцаха!».

А что же происходило в Азербайджане? Зимой 1987 года в Баку появилось историко-литературное общество «Ченлибель». Его лидерами стали М. Гатаин, политэмигрант из Ирана, Шахвердиев, методист бакинского Дворца пионеров, Н. Понахов, рабочий завода имени лейтенанта Шмидта. На волне перестройки под флагом борьбы с коррупцией они и призывали к борьбе «за чистоту нации, за объединение иранских азербайджанцев с Баку в «независимое и сильное азербайджанское государство». «Великая независимая Армения» и напротив «великий независимый Азербайджан», и никто не отважился выступить против этих бредовых идей «чистоты нации». К чему это привело? К кровавым разборкам. Этому процессу дали «зеленую улицу» Горбачев и Яковлев своей перестройкой «без руля и без ветрил».

Введя чрезвычайное положение в Баку, там удалось стабилизировать положение. Везирова сменил А.З. Муталибов, но положение в других местах – в Карабахе, Гяндже – было далеко не спокойным. В Степанакерте мы с В.В. Бакатиным застали мрачную картину – дома разрушены, голодные люди ютятся в подвалах, город был опустошен, «чистота нации» достигнута.

Нам передали, что в село Чайнекенд прибыли армянские вертолеты – мы вылетели туда. Там действительно находился один поврежденный вертолет, он доставил в Чайнекенд муку.

Картина ужасная, голодные люди показывали нам на градобойные орудия, направленные на дома мирных жителей. Власти никакой. Все кричали, доказывали, что их убивают, просили оказать помощь. Все, что можно было сделать, мы сделали, во всяком случае, успокоили жителей, обеспечили охрану села подразделениями внутренних войск МВД.

Решили лететь в Ереван. На аэродроме в Ереване нас встретил второй секретарь Компартии Армении О. Лобов и другие руководители республики. Нас прежде всего интересовало, откуда у армянских боевиков бронетранспортеры, орудия и даже танки? Поэтому пригласили к разговору, кроме руководства армии, военкома республики и начальников военных кафедр высших учебных заведений, представителей ДОСААФ.

Председатель ДОСААФ полковник в отставке Карапетян доложил, что из общества похищено 125 единиц оружия, якобы прокуратура ведет дело.

А начальник военной кафедры сельскохозяйственного института, в свою очередь, сообщил, что с кафедры забрали танк Т-62. Пригнали боевики трейлер, погрузили танк и увезли. В политехническом институте боевики забрали 57-миллиметровую пушку... Начальник военизированной противорадовой службы Осепян проинформировал, что боевики забрали девять противорадовых орудий и 1604 снаряда.

Отмечено несколько случаев нападения боевиков и на склады пограничников, подразделений ПВО. Было совершенно очевидно, что боевики организованы.

Межнациональные отношения ухудшались, центр об этом знал, но, надеясь, что «республики сами разберутся», генсек и пальцем не пошевелил, чтобы прекратить кровопролитие.

Под грохот канонады незатухающих межнациональных конфликтов будут рваться к власти мои «многоуважаемые» члены Военного совета ЗакВО – в Азербайджане Г.А. Алиев, в Грузии – Э.А. Шеварднадзе.

Удивительно, но многие коллективы Азербайджана обращались не в центр, который приказал ввести чрезвычайное положение в Баку, а непосредственно к военнослужащим, полагая, что от их поведения зависит судьба народа в Азербайджане, Армении, Молдавии.

Обращались и националисты из НФА, они ловко использовали Совет воинов-интернационалистов Азербайджана, Академию наук Азербайджанской ССР:

«Солдаты, мы обращаемся к вам от имени азербайджанского народа,

народа-труженика, интернационалиста.

Народ, который перенес все тяготы и лишения, у которого отняли духовные ценности и его историю, проснулся!

Вы можете потопить наше движение в крови, как это было сделано в Венгрии и Чехословакии, но мы уверены, вы не послушная серая масса сталинского и брежневского периода.

Наша борьба священна, мы не хотим крови и беспорядков. Хаос и кровь на руку нашим врагам. Остановитесь! Одумайтесь! Мы единый народ!»

А вот обращение к русскому солдату:

«Русский солдат! Одумайся! Подумай над тем, зачем ты здесь? Каждый твой шаг может вызвать ненависть не только к тебе, но и к твоему народу. Ты обманут, ты защищаешь не жизни армян, которых здесь уже нет, ты призван утопить в крови волю народа к свободе.

Сегодня ты – оккупант! Сделай так, чтобы завтра тебя снова назвали человеком!»

Введенные войска в народ не стреляли, а вот «народные защитники» в колонны войск постреливали. Били солдат, связывали проволокой и полуживых тащили на кладбище, привязывали к крестам русских могил.

Нам было известно, что все эти воззвания, обращения – дело рук комитета обороны. Члены этого комитета вели учет оружия в школах, военкоматах, на военных кафедрах. Они взяли на учет все радиостанции «скорой помощи», таксомоторных парков, кораблей бакинского пароходства. Дело дошло до того, что 19 января 1990 года Президиум Верховного Совета Нахичеванской АССР издал указ о выходе из состава СССР.

Все совершалось от имени народа, а на деле шла разнузданная дезинформация, например, объявили о «восстании курсантов-азербайджанцев» в общевойсковом училище. Когда выяснилось, что там никто не бунтовал, указали на военно-морское. Даже депутаты потребовали, чтобы мы доставили их в училище с целью убедиться, что там «нет резни». Выделили БМП, они посетили одно училище, второе – все спокойно.

Введя чрезвычайное положение, нам удалось стабилизировать обстановку. При этом для закрытия границы Министерство обороны передало КГБ воздушно-десантную дивизию, мотострелковую дивизию и один мотострелковый полк в Баку. Заказной характер «освободительных войн» в республиках не вызывал сомнений.

Еще в 1945 году шеф ЦРУ Аллен Даллес писал: «Мы бросим все, что

имеем, все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания!»

По сути дела, это была программа политики США на весь послевоенный период.

Кадры решают все

Екатерина Федоровна угасала с каждым днем. По моему ходатайству министр обороны дал согласие на мой перевод в Москву. Когда я ему докладывал по телефону ВЧ о семейном положении, он предупредил: «Я согласен, но имей в виду, в Москве армий нет, соглашайся на должность, которую предложат». Но прежде чем выехать в Москву, мы отправились в Тбилиси на партконференцию с членом ВС армии Алексеем Мефодьевичем Оверчуком. Ночевали в Кировабаде. Алексей знал о моем разговоре с министром и рядил-гадал, кто же будет назначен вместо меня на армию? У нас были добрые товарищеские отношения, и я ему сказал: «Пока кандидатура одна: начальник штаба армии генерал-майор В.К. Кирилюк».

Его предшественник Тихон Владимирович Давыдов убыл советником в арабскую страну, и несколько месяцев тому назад начальником штаба армии назначили Кирилюка. Алексей Мефодьевич сказал, что надо бы посоветоваться с членом ВС округа генерал-лейтенантом Аркадием Федоровичем Шелепиным. Я ему ответил: «Шелепин в курсе».

На партийной конференции находился представитель от Главного управления кадров министерства обороны генерал-майор М.Ф. Кузнецов. Мы с ним были в президиуме, и он мне сказал. «Уполномочен генерал-полковником И.Н. Шкадовым переговорить с вами по поводу вашего обращения к министру обороны. И.Н. Шкадов предлагает вам должность начальника Первого управления в Главном управлении кадров».

Я расспросил Кузнецова о функциональных обязанностях этого управления, но свое согласие давать не торопился. Одно дело – командовать и совершенно другое дело – подбирать, расставлять офицерские кадры на весьма высокие должности.

Примерно через месяц поступил приказ министра обороны о моем назначении, а также об утверждении на должность командующего 4-й армией генерал-майора В.К. Кирилюка.

С прилетом в Москву поехал в госпиталь. Екатерина Федоровна

обрадовалась: скоро я заберу ее из госпиталя. Жизнь наладится. В Подмоскovie прекрасный климат.

Дочь училась на третьем курсе, предстояло перевести ее в один из мединститутов в Москву. Проблемы... Проблемы...

Обратился к заместителю министра обороны генералу армии С.Л. Соколову, у него в резерве была квартира. Одну проблему решил. Оставалось слетать в Симферополь и перевести Елену во Второй московский медицинский институт.

Приехала родственница Екатерины Федоровны из Боровичей, помогла оборудовать квартиру. Жена приободрилась, повеселела, кое-что делала даже по дому.

Я улетел в командировку в Забайкалье, затем на Дальний Восток, потом выехал в Группу советских войск в Германии. Когда вернулся, Екатерина Федоровна недомогала, по-прежнему не хотела ложиться в госпиталь. И только в октябре согласилась.

Новый, 1975 год мы с Леной встречали вдвоем. Нарядили елку, каждый день вечером ездили в госпиталь. Екатерина Федоровна как-то сказала: «Старый Новый год встретим вместе». 13 января мы поехали к ней. Она успокаивала доченьку, пыталась улыбаться, и мы окрыленные вернулись домой.

Приехали, минут через тридцать звонок. Я беру трубку: «Говорит старшая медицинская сестра. Екатерина Федоровна умерла».

Она лежала в постели еще не остывшая, с поседевшими от облучения волосами, на щеках от высокой температуры еще теплился румянец. Не скрывая слез, мы с доченькой долго стояли молча. Кому что скажешь?

Очередной удар судьбы. У русских людей помогать в горе – черта самая необыкновенная, добрая. Когда мы возвратились на Мосфильмовскую, выяснилось, что к нам уже приехали Фаина и Владимир Никитины, А.Г. Крысов и многие другие товарищи из Главного управления кадров. Распределили, кто чем будет заниматься. Один давал телеграммы родственникам, кто-то занялся гробом, оградой.

Прилетели знакомые из Крыма, из Киева, а из Сибири прилетела моя мать Мария Федосеевна, сестры и брат. Из Боровичей приехала мать Кати Татьяна Андреевна. Впервые две матери встретились, Татьяне Андреевне было уже за восемьдесят, а моей матери шел 71-й год. Прилетел из Мурманска Игорь. Ритуальный зал в госпитале казался мрачным заточением, а дорога на Востряковское кладбище уж очень короткой. О свежести могилы две недели напоминали незамерзшие цветы, была такая мягкая зима.

Похоронили по-христиански, и поминки были, и девять дней отметили, и сороковины. Мы кашеварили с Еленой и плакали...

«В кадрах решают все!» – говорят военные. Мне всегда казалось, что офицеры продвигаются по службе благодаря своим способностям. Но в армии важно, где ты служишь. Одно дело – служить своему отечеству в Крыму, другое дело – в Забайкалье, в Группе войск в Германии или на Камчатке, в Подольске под Москвой или на Памире.

С прибытием в Главное управление кадров я представился генерал-полковнику И.Н. Шкадову. О нем я был наслышан, но лично мы знакомы не были.

Когда я уходил с полком с Кубы, он прибыл туда старшим военным советником, и многие, прибывшие с Кубы, говорили: пользовался большим авторитетом у Фиделя и Рауля Кастро.

Встретил меня Иван Николаевич кубинским приветствием: «Буэна дия, компаньеро!» Беседовали о кадрах. Иван Николаевич в качестве примера привел генерала армии И.Д. Черняховского. Он выступил на театре военных действий командиром танковой дивизии в звании полковника. Танковая дивизия сражалась в районе Лиепай, отступая, вела арьергардные бои до Новгорода. Сохранила и танки, и личный состав, более того, закрепились на выгодных рубежах. Вскоре Ивана Даниловича назначили командиром корпуса, затем командующим 60-й армией, а в 1944 году он уже командовал фронтом. Другой яркий пример: командующий Северным флотом контр-адмирал А.Г. Головкин, в 35 лет он взвалил на себя груз ответственности за судьбу Родины.

Интересно проследить возраст командиров в годы войны. Полками командовали уже в 28 лет, а многие командующие армией не разменяли и четыре десятка. И каждый день нагрузки: моральные, физические, никакой поблажки на молодость. Вчерашние десятиклассники, выпускники ремесленных училищ занимались конструированием новейших видов вооружения. Не зря американские корреспонденты писали, что русский сержант Михаил Калашников вооружил весь мир. Устинов потом признался, что, к своему стыду, он впервые узнал, что изобретатель АК-47 и в зените славы всего-навсего был капитаном. К сожалению, новое поколение нынче выбирает не Родину, а пепси. Нет, никогда не носил Михаил Тимофеевич костюма-тройки, и первое, о чем подумали заокеанские знаменитые оружейники, познакомившись с легендарным конструктором АК-47: «Надо бы скинуться на костюм для этого русского. Уж больно простенькая у него одежонка, не тянет на знаменитость».

В юности Михаил Тимофеевич писал стихи, он даже признался: «Я бы

стал поэтом, если бы не война». Пронзительные строки я нашел в исповедальной книге Михаила Калашникова^[23]:

«Иногда мне хочется крикнуть, да так, чтобы меня услышали многие-многие мальчишки в нашем Отечестве: «Дорогие мои, хорошие! Не завидуйте тем, кому богатые родители купили дорогую игрушку! Поднимите запыленную железяку у себя под ногами, оботрите ее, помаракуйте, поколдуйте над ней. Подумайте, что можно из нее сотворить. Согрейте ее своими ладошками, дыханием своим, сопением – уж она-то ответит вам благодарностью!»

И действительно, еще рановато нам говорить: «Прощай, оружие!» Суперсовременными стервятниками «Стелсами» ощерилось воинство НАТО на сербов, на славянское братство. Так и порывается душа прокричать: «Поднимайте, русские мальчишки, будущие гении, железки под ногами. Самое время мараковать и дерзать. Вороги уже стоят на пороге нашего общеславянского дома. Не зарывайте свой талант в дурман наркоты». Как же нам должно быть стыдно, что Москва превратилась в мировую столицу американского джаза, зато песни славян подвергнуты остракизму.

Нет, не была молодость помехой и для Льва Кошкина, больше известного в академических кругах как теоретик философско-технологического направления в науке – «роторные линии». Работал Лев Николаевич в столице подмосковных оружейников, городе Климовске. Многие местные конструкторы вспоминают, как Леву Кошкина, молодого наладчика, вдруг «засекретили», да так, что какое-то время подмосковные электрички проходили мимо станции с поэтическим названием Весенняя. Никто даже не догадывался, что здесь разрабатываются технологии третьего тысячелетия. Лишь лимузины членов политбюро, которые частенько челночили от древних стен Кремля в Климовск и обратно, в Министерство обороны, напоминали о том, что кто-то приезжал посоветоваться с Кошкиным, с его коллегой Виктором Максимовичем Сабельниковым.

К сожалению, как мне кажется, Лев Николаевич родился на сто лет раньше, и многие его технологические идеи новоявленное племя демократов поспешило предать забвению после преждевременного его ухода из жизни. И вот уже в местной газете появилось объявление: «Центральное конструкторское бюро распродает новейшее оборудование. Цены доступные, на условиях самовывоза». Если перевести это никому ничего не говорящее объявление, наполненное трагическим смыслом, то можно прочитать: «Кошкинское ЦКБ пошло с молотка. Продается

оборудование, уникальные станки, на которых, освещенные гением Льва Николаевича Кошкина, выпускались опытные образцы роторных технологий».

Да, незавидна судьба российских оружейников: в руинах ЦКБ Кошкина, института Сабельникова. Бывшие невыездные ученые, гордость советской науки – всеми забытые, вынуждены в электричках продавать себе на пропитание всегда и при всех временах благополучный «Московский комсомолец».

В чем-то судьба ученых перекликается с образом инженера Забелина в погодинской драме «Кремлевские куранты». Талантливый ученый стыдливо распродал вещи на барахолке, чтобы выжить, пока его талант не был востребован председателем Совнаркома...

Современная армия предъявляет высокие требования к моральным качествам офицерского состава. Я заметил, что с переменой дислокации ракетного полка жизнь в каком-нибудь старинном городке как бы преображалась, интеллектуализировалась, наполнялась новым смыслом. Книжные магазины буквально опустошались. Офицеры ночь напролет выстаивали в очередях, чтобы утром заполучить подписку на А. Чехова, Ю. Бондарева, П. Проскурина, томик стихов Н. Рубцова. Районный центр приобретал значение академического городка, ибо уже с самого раннего утра ракетчики штурмовали почту, где проходила подписка на журналы «Наш современник», «Новый мир», «Молодую гвардию», «Книжное обозрение».

Вспоминаю, как до дыр зачитывали в середине 80-х годов «Лад» В. Белова, «Протопоп Аввакум» Дм. Жукова, «Генерал Брусиллов» С. Семанова. Последняя книга числилась в списке раритетов, офицеры недоумевали, почему в толстых столичных журналах появлялась критика на отечестволюбивые произведения. Более искушенные конечно же догадывались, что в Кремле идет подковерная борьба, вот и обрушились критики на романы с державной тематикой.

Были в военных городках и свои Ромео и Джульетты. Проезжаю однажды мимо деревенской церквушки, народу тьма-тьмущая.

- По ком, – спрашиваю у богомольных старушек, – плачет колокол?
- Да военного отпевают. Родительское сердце чуткое, вот и приехала мать из самого далека по-человечески похоронить сына.
- Сколько лет от роду защитнику Отечества?
- Да совсем молоденький!
- А от чего умер?
- От любви! – выпалила старуха. – Приглянулась ему в нашей

деревеньке красавица. Души не чаял. На мотоцикле возил в рощицу миловаться. Дело-то шло к свадьбе, да две родные тетушки-болтушки отговорили девчущку, дескать, он тебе не пара. Сама себе чинишь разлуку. Ты девица полеводческая, а он – ракетчик, большого ума. Ты что, со своими буряками переедешь к нему? Соседушка-тракторист тебя любит, вот и привечай парня. С ним самоварничай! Завяжись в один узелочек, слюбишься. Словом, вырвали из рук офицера цветочек неземной красоты. Да, видно, были у него самые что ни на есть серьезные намерения. За год сгорел от тоски. А она, сердечная, как прознала про смерть офицера, в этот же день и траванулась. Вот, смотрите, сейчас они впервые после разлуки встретятся. Видите, второй гроб в Божий храм заносят.

Поразительная история, чего только не случается, весьма ранима офицерская душа. И чтобы продолжить тему экивоков жизни, поведаю еще одну историю, тем более что в ней замешан генеральский чин, бывший офицер Генштаба, правда, спившийся, на то была причина – жена погибла с сыном в автокатастрофе.

Но вернемся к Ивану Николаевичу Шкадову, он часто говорил: «Надо уметь, как древнегреческий философ Сократ, с гордостью идалго отказываться от подарков и помощи, которые нам так часто предлагают». Он имел в виду случай, когда он работал в Центральной группе войск в 1974 году и ему попытались под видом сувенира вручить дорогой подарок, и как Иван Николаевич деликатно всех поставил на место. Тогда перед отлетом из-под крыла лайнера вдруг вышла группа женщин вручить букет цветов в дорогой вазе. Что делать? Отказаться от подарка – значит оскорбить дам. И он передал эту вазу с цветами адъютанту, чтобы унесли в самолет. Начальники потирали руки, мол, удачно «всучили».

Но Иван Николаевич об этом случае с возмущением рассказал на собрании офицеров. А вазу? Вазу он вручил генерал-полковнику Петру Тимофеевичу Лукашину, провожая на пенсию с должности первого заместителя начальника Главного управления кадров.

В первой же поездке в Забайкалье и на Дальний Восток я убедился: не было справедливости в прохождении службы офицерами. На Дальнем Востоке, начиная от командующего до прапорщика, служили безвыездно по 25–30 лет. Ротация офицерских кадров исключительно внутри округа, с Приморья на Чукотку, из Амурской области на Сахалин или Курильские острова. В то время как Московский, Киевский и другие западные округа осуществляли замену офицеров в группы войск в Германии, Венгрии, Чехословакии, Польше. И дело не в климатических условиях, а в разнице

денежного довольствия, льготах. Некоторые офицеры по несколько заходов служили за границей.

Это порождало торгашество и практику подношений «сувениров». Направлялись солдаты и в гражданские организации зарабатывать марки, кроны, форинты. Это делалось цинично под лозунгом «интернациональных связей, укрепления дружбы», на самом же деле для обогащения командиров.

Как же исправить ситуацию? Ключ к решению проблемы искали долго. Акцент сделали на улучшении условий прохождения службы у себя дома, на повышении окладов и строительстве благоустроенных квартир. Но полной справедливости в этом вопросе мы так и не добились. Да и как добиться, если корабли и подлодки базировались и за Полярным кругом, и на Дальнем Востоке, нет тебе никакой замены.

Главное управление кадров, где решались эти вопросы, состояло из пяти управлений и нескольких самостоятельных отделов. Начальником 2-го управления был Герой Советского Союза генерал-лейтенант Георгий Никитович Ковтунов, 3-е управление возглавлял Алексей Семенович Трофимов, 4-м руководил Герой Советского Союза генерал-лейтенант Андреев Николай Родионович, 5-е управление званий и наград возглавлял Николай Константинович Бобков, его сменил генерал-лейтенант Олег Сергеевич Куприянов.

Офицеры «пятерки» накануне 30-летия Победы в Великой Отечественной войне работали сутками, несколько сот тысяч писем пришли с просьбой ответить: «Где похоронен папа, дядя, брат, не награжден ли он и чем награжден?»

Не всегда удавалось ответить адресату. В начальный период войны, когда войска попадали в окружение, документы, как правило, уничтожались. Лично мне, например, было интересно узнать, при каких обстоятельствах погибли мои братья. Илья Язов сражался в Крыму, но дивизия из Крыма не вышла. Значит, брат погиб? А где похоронен? Неизвестно. Второй брат Николай Язов пал на поле боя в 1944 году, он освобождал Украину.

Министр обороны А.А. Гречко метал молнии, если на вакантную должность командира дивизии, командира корпуса или командующего армией приносили для доклада справку на одного кандидата. Обычно он спрашивал: «Вы что, уже решили за меня?» Когда же приносили три-четыре справки, министр обращал внимание даже на мелочи.

И.Н. Шкадов ввел в практику составлять перспективные планы, куда вносились кандидаты для замещения вакантных должностей от командира

дивизии и выше. Офицеры-направленцы выезжали в войска на все дивизионные, армейские, фронтовые учения, чтобы на месте познакомиться с кандидатами на вышестоящие должности.

При выезде в войска со мной обычно ехал направленец на округ. На Дальний Восток – полковник В.Г. Крылов, в Среднеазиатский – полковник В.А. Васильев, в ГСВГ – полковник М.А. Бакутин.

Очередные учения под названием «Березина» министр обороны проводил в Белорусском военном округе. Войсками Белорусского ВО командовал генерал армии М.М. Зайцев, который хорошо знал свои полигоны, свои войска, умело маневрировал ими. На этих учениях он показал довольно много тактических новинок и приемов в использовании вертолетной авиации. В ходе учений я познакомился с командиром 24-й Самаро-Ульяновской дивизии генерал-майором К.А. Кочетовым и командиром 120-й гвардейской дивизии генерал-майором Н.М. Ахуновым, в последующем нам пришлось вместе служить.

В повседневной текучке дел не представляется возможность быстро оценить командирские качества офицера. И только на учениях, когда моментально меняется обстановка и командиру приходится принимать решение, вот в эти минуты и проявляются его характер, волевые качества, смекалка.

Поучительным для нас был разбор, сделанный министром обороны Андреем Антоновичем Гречко. К сожалению, это была его «лебединая песня». 26 апреля, приехав в Главное управление кадров пораньше, я обратил внимание, что машина И.Н. Шкадова уже стояла у подъезда во внутреннем дворике. Зашел в кабинет, звонок. Звонил начальник ГУКа. Поздоровавшись, Иван Николаевич сказал: «Зайдите ко мне». После короткого приветствия генерал армии сказал: «Умер Гречко». Две-три минуты сидели молча, затем Иван Николаевич попросил поднять материалы похорон Р.Я. Малиновского и заняться подготовкой соответствующих документов. Комиссию по организации похорон согласовали с Генеральным штабом и административным отделом ЦК КПСС. Определили также и состав комиссии по вскрытию сейфа на даче и в кабинете министра, где, как предполагалось, могли быть секретные документы.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР постановили:

1. Для организации похорон члена политбюро ЦК КПСС, министра обороны СССР Маршала Советского Союза Андрея Антоновича Гречко образовать правительственную комиссию в составе Д.Ф. Устинова (председатель), В.В. Гришина, И.В. Капитонова, Л.В. Смирнова, И.И.

Якубовского, В.Т. Куликова, С.Л. Соколова, А.А. Епишева, М.П. Георгадзе.

2. Похоронить А.А. Гречко на Красной площади, у Кремлевской стены.

В день смерти А.А. Гречко в последний путь провожали и первого заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР, начальника штаба Объединенных вооруженных сил государств – участников Варшавского договора генерала армии Сергея Матвеевича Штеменко, скончавшегося 23 апреля после тяжелой продолжительной болезни. А.А. Гречко подписал некролог, а когда прощались в Краснознаменном зале Центрального дома Советской армии имени М.В. Фрунзе, где был установлен гроб с телом С.М. Штеменко, все уже знали, что и министр обороны ушел из жизни.

Дом союзов. На фронтоне здания – портрет в траурном обрамлении. 28 апреля, Москва, воины Советской армии и флота прощались с министром обороны Маршалом Советского Союза А.А. Гречко.

В 13 часов 29 апреля 1976 года на центральную трибуну Мавзолея поднимаются руководители партии и правительства. Траурный митинг открывает председатель правительственной комиссии, член политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Д.Ф. Устинов.

Я стоял на трибуне рядом с Г.Н. Ковтуновым и, помнится, ему сказал: «Министром обороны будет Дмитрий Федорович Устинов». Он возразил: «Нет, или маршал Якубовский, или генерал армии В.Г. Куликов». Затем Д.Ф. Устинов объявил: «Слово предоставляется И.И. Якубовскому».

«Ну, что я тебе говорил», – пробасил Георгий Никитович.

Но уже вечером 29 апреля были объявлены Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении тов. Д.Ф. Устинова министром обороны СССР и второй указ о присвоении тов. Д.Ф. Устинову воинского звания генерал армии.

30 апреля рано утром мы в ГУКе подготовили первый приказ нового министра обороны о его вступлении в должность. Иван Николаевич приказал мне самому ехать на доклад. Помощники министра посмотрели проект приказа и сказали, что мы сами доложим. Я понял, кое-что меняется. Начальники все чаще стали засиживаться на работе, Д.Ф. Устинов работал допоздна. Некоторые документы рассматривал в 24 часа, а то и позже.

Ко всем мероприятиям Дмитрий Федорович готовился обстоятельно, чувствовалась сталинская закалка военных лет. Будучи наркомом вооружения, он сутками не покидал рабочее место.

В октябре генерал И.Н. Шкадов предложил мне ехать на Дальний Восток первым заместителем командующего войсками Дальневосточного

военного округа к генералу армии Ивану Моисеевичу Третьяку. 2 ноября вместе с командующим он был в Москве на подведении итогов боевой подготовки за 1976 год. Мы вылетели в Хабаровск.

Провожала меня со скромным багажом одна доченька. 7 ноября я уже командовал парадом, его принимал генерал армии И.М. Третьяк.

Матросская Тишина

Утром получил весточку от друзей, которая долго не отпускала сердце: вчера нелюди на подступах к Рижскому вокзалу избивали писателей, светочей российской словесности, чьи имена золотыми буквами рассыпаны по букварям и учебникам литературы. Как же надо было оскотиниться, озлобиться на российскую словесность, чтобы отдать приказ костоломам встать преградой на пути тех, кого народ издавна называет душой нации. Науськивали столичных городских напасть на писателей все те же знакомые персонажи из «пятой колонны». Я еще подумал: «Если бы Лев Толстой дожил до этих срамных времен, и он бы встал на пути нелюдей?»

После окончания следствия мы должны были не просто прочитать 125 томов, а изучить, определить, где правда, а где ложь, где явь, а где просто предположения следствия. Вскоре после завершения следствия по «событиям под мостом Нового Арбата» к нашему делу приобщили еще 15 томов.

Читать приходилось ежедневно по восемь, а то и более часов. Делать выписки, что-то запоминать... К апрелю начало сдавать зрение, даже ночью не выключался свет. Дежурная лампа постоянно была направлена на меня.

При обходе начальником изолятора Валерием Никодимовичем Панчуком и надзирающим прокурором я обратился с просьбой показать меня специалистам-офтальмологам в институте имени Гельмгольца.

И вот в один из апрельских дней, когда уже заканчивал таять в скверах рыхлый снег, мы на двух «Волгах» поехали в институт. И хотя справа и слева сидели вооруженные автоматами офицеры сибирского ОМОНа, с Валерием Никодимовичем завязался разговор о его прадеде Филиппе Кузьмиче Миронове. О его трагической гибели мне поведал прокурор Сибирского военного округа, который занимался реабилитацией незаконно репрессированных и наткнулся на дело командующего 2-й конной армией есаула Ф.К. Миронова.

Л.Д. Троцкий знал, что командующий 2-й Конной армией Филипп

Кузьмич Миронов назначен инспектором кавалерии всей Красной армии и что В.И. Ленин вызвал его к себе для беседы в Москву.

И тогда Троцкий и его единомышленники, находившиеся в руководстве армии и органах безопасности, решили физически уничтожить командарма Миронова. 13 февраля 1921 года на пути к Ленину Ф.К. Миронов был арестован военкомом по указанию Троцкого и по прибытии в Москву доставлен в Бутырскую тюрьму.

30 марта 1921 года из тюрьмы Миронов написал Калинин, Ленину и Троцкому партийное письмо и тут же был убит в прогулочном дворике тюрьмы часовым с вышки.

В.И. Ленин потребовал объяснений от ВЧК, но ни там, ни в Военморе, ни в партийных органах правды Ленину не сказали. Склянский сообщил Ленину смехотворную версию, по которой Миронов еще там, на станции, попытался убежать и был убит!

– То есть как? Убили без суда и следствия? Куда же он бежал? – едко спросил Ленин и сам же ответил: – В Москву, к Ленину?!

Валерий Никодимович все это знал, а вот омовцы сидели с раскрытыми ртами, слушая историю о гибели прославленного командарма от рук авантюристов, наводнивших страну после революции...

Когда я вернулся в Тишину, Миша Авезов молился, глядя в угол, покрытый толстым слоем пыли, просил Иисуса Христа о снисхождении. Алексей Берестовой, другой мой сокамерник, строил планы обогащения при капиталистическом строе. Он рисовал заманчивую картину: сначала прикупит кусок земли под высоковольтной линией и посадит картофель. Осенью картофель пойдет по 2 рубля за килограмм. Вот так становятся миллионерами.

Не знаю, кто принял решение, но нам принесли небольшой холодильник. На другой день о холодильнике узнал весь мир, дескать, им в камере не хватает только коктейлей.

Вскоре Лев Сергеевич Абельдяев дал интервью газете «Патриот», где попытался рассказать правду: «Я не единственный адвокат Дмитрия Тимофеевича. Мы работаем вместе с адвокатом Николаем Викторовичем Печенкиным. Поскольку у нас одинаковые позиции по всему, что связано с делом, буду говорить от имени нас обоих.

Судя по всему, над маршалом, как, впрочем, и над другими обвиняемыми по этому делу, готовят не суд, а самую настоящую расправу, не имеющую ничего общего с правовым действием. Какие признаки свидетельствуют об этом? Их много. Остановлюсь лишь на некоторых, самых, что ли, ярких.

Нелепость предъявленного обвинения увидели сами его творцы. Что делать? Прокуратура, убедившись, сколь несуразна воздвигнутая ею обвинительная конструкция, изменила формулировку обвинения. Теперь оно стало таким: «Заговор с целью захвата власти как самостоятельное преступление», то есть уже без «измены Родине»... Да нет такой статьи в законе! «Заговор с целью захвата власти» – лишь форма измены Родине.

Руководитель следственной группы Е. Лисов постановил, что уголовное дело в части «измены Родине» прекратить. А дальше? Дальше, как в анекдоте. обвиняемые стали изучать многотомные дела. Пройдет девять месяцев, и В.Г. Степанков отменит постановление Лисова! Генеральный прокурор России – юрист грамотный. Так что же он за девять месяцев не разобрался: присутствует измена или нет? Видимо, он не очень вникал в дело, важно затянуть процесс, измотать узников.

О том, что следствие ведется с обвинительным уклоном, я покажу на примере одного мелкого факта. В печати проскочила небольшая заметка. Ее автор имел отношение к разработке правительственных средств связи. Он утверждал, что гэкачеписты никак не могли лишить Горбачева связи с внешним миром...

Почему бы не допросить автора публикации в качестве специалиста? Не провести экспертизу с его участием? Если хочешь найти истину, это просто необходимо. Но нам отказали. Значит, истина не нужна. Она будет мешать.

Тем более что рейтинг узников Матросской Тишины поднимается. Народ видит, что с ними хотят расправиться. Поэтому власть имущие и подливали масла в огонь.

Что касается самочувствия нашего подзащитного, то оно, мягко говоря, оптимизма не вызывает. За последнее время Язов похудел на 24 килограмма.

Обеспокоенные здоровьем подзащитного, мы обратились с просьбой провести его медицинское обследование в стационарных условиях. Получили ответ, что Д.Т. Язов «в стационарном лечении не нуждается», подпись – А.В. Фролов.

Да не о лечении мы просим, а всего лишь обследовать! Но, видимо, в наших ходатайствах ищут не то, что в них есть, а что приказано видеть. Фролов – не врач, а юрист.

Но на этом эпизоде издевательства не прекратились. По нашей просьбе в августе к Язову были приглашены два известных врача – генерал-майор медицинской службы профессор Иннокентий Всеволодович Шастин и полковник Игорь Михайлович Новиков. Они осмотрели больного,

рекомендовали провести обследование в стационарных условиях. Мы снова обратились к Фролову. «У нас возражений не будет», – ответил он на этот раз.

Но, увы, радоваться было рано. Через три дня новое распоряжение прокурора: «Мы посоветовались и решили, что вернемся к рассмотрению этого вопроса после того, как обвиняемый прочитает все 140 томов дела».

Вот почему я и говорю, что не исключена возможность расправы и до суда».

Вырезка из газеты «Патриот», переданная мне адвокатом, ходила из рук в руки. Даже Алексей Алексеевич, зэк со стажем, иронизировал в адрес прокуратуры, исподволь готовясь к убытию из Матросской Тишины.

Приближалась годовщина августовских событий. Вечером принесли в камеру телеграмму из Норильска: «Москва, тюрьма Матросская Тишина, Язову. Мужайтесь беде не брошу – Владимир – в миру Сипаренко Владимир Сергеевич».

По всей вероятности, это один из многих служителей православия, которые всегда были за единство Отечества, за единую Великую Русь. Я и по сей день безмерно благодарен отцу Владимиру.

Огромный заряд я получил от знакомства с книгами прекрасного русского писателя Дмитрия Балашова, он предупреждал: «Утерявший веру утратит и Родину, возненавидит и ближнего своего! А за сим грядет паскудное служение животной силе!»

Вопросов и через год после событий 19–21 августа не убавилось. В 1992 году все «суверенные» вползли в тяжелейший экономический кризис. Развалена финансовая система, кругом неплатежи, свирепствует инфляция.

В конце августа Берестовой распрощался с нами. Куда уехал? Мы так и не узнали. Остались мы с Мишей Аvezовым вдвоем.

Подошел сентябрь, 4-го день рождения у Эммы Евгеньевны. Валерий Никодимович разрешил поздравить по телефону. Позвонил и поздравил! Эмма Евгеньевна сказала, что продала шубу, напольные часы. Теперь есть чем заплатить адвокатам, они практически работали бесплатно.

...В начале ноября меня еще утром разбудил охранник: «Дмитрий Тимофеевич, я вам принес новость: освободили Олега Шенина и Василия Стародубцева. Скоро и до вас дойдет очередь». А еще через несколько дней В. Стародубцеву пригрозили кутузкой, если он не прекратит без ведома степанковской прокуратуры выезжать с визитами в Ленинград. В этом, правда, кое-кто из политиков усмотрел ущемление прав города на Неве: Москве, дескать, можно, а Ленинград снова ходит в пасынках.

Свой день рождения, как и очередную годовщину Октября, я

отпраздновал в госпитале. Меня навестили родные и близкие, приехала и Людмила Георгиевна Зыкина со своим благоверным Виктором Федоровичем Гридиным, смерть которого позднее меня потрясла. Я еще подумал: «Должно быть, на небесах острый дефицит в прекрасных и душевных людях. Какой-то злой рок витает над Россией. Все великие русские женщины доживают свой век в одиночестве».

Выписали меня из госпиталя 12 ноября, и к 18 часам я прибыл в Матросскую Тишину на нары. Сокамерник Миша встретил меня со слезами на глазах, больше месяца маялся один в камере.

Миша еще на пороге камеры выдал сенсацию, мол, Вероника Кастро в фильме «Богатые тоже плачут» добилась поразительного сходства с его милейшей супругой, мыкавшей горе с тремя детьми в далеком Самарканде. И будет несправедливо, если я не расскажу о Мише, он скрашивал мои дни между допросами и не позволял мне унывать.

Родился мой сокамерник в городе, где по ночам Полярная звезда соперничает с изразцами на древних куполах величественной мечети Шахи-Занди, – это в древнем Самарканде. На окраинах города в старых кварталах и поныне ходят друг к другу в гости по крышам домов, а старики встречаются потолковать о жизни в тени карагачей. Времена года в Самарканде, месяц и даже день старожилы определяют по базару. Сначала Самарканд забирает в полон вишня, она царица базаров! Но постепенно вишню оттесняют урюк и абрикосы, а чуть позже подступают времена соперничества дынь с арбузами. А когда на базарные ряды завозили гроздья винограда, за временами было уже не уследить.

У евреев обычно принято писать: «Я родился в бедной еврейской семье». А Миша нарушил эту вековую традицию и на первом допросе заявил с достоинством: «Я родился в богатой еврейской семье». Это на самаркандском базаре, среди роскошества тубетеек, как рассказывал мне Миша, его предки узрели русского живописца Кузьму Петрова-Водкина, пригласили в свой дом на застолье. «И когда я рассматриваю в музеях натюрморты Петрова-Водкина, – гордился Михаил, – я узнаю на картинах фрукты из нашего родового сада. Помнят в нашем доме и двух москвичей, юмористов Ильфа и Петрова, посетивших Самарканд в начале двадцатых годов. Моя бабушка собрала им в дорогу корзину с золотистым урюком. Это мои предки помогали знаменитому самаркандскому роду Мусаевых основать в Иерусалиме школу для бедных, построить синагогу».

Миша всегда подчеркивал в разговоре, что позже эту синагогу посетили М. Горбачев, поэт Е. Евтушенко, знаменитая певица А. Пугачева.

Миша клятвенно уверял меня, что в концертном зале самаркандской

филармонии еще до войны за их семьей закрепили именное кресло, в доме боготворили скрипку. Хорошим тоном считалось среди узбеков, евреев посещать и театральные премьеры. Модные московские спектакли тиражировались в русской драме. Однажды Миша попал на «Обратную связь» А. Гельмана. Но если в Москве актеры во главе со Смоктуновским восседали за конторскими столами, то в самаркандском варианте на авансцену время от времени выходил человек, весьма похожий на Сулова. Он внимательно всматривался в зал, старался понять, насколько мысль о производственных деяниях близка самаркандским евреям. Через всю сцену вышагивали буквы знаменитого лозунга тех времен: «Экономика должна быть экономной». Этот лозунг в куцах Завидова А. Бовин, ныне частый гость московского телевизионного канала, придумал для Л. Брежнева.

Всякая премьера – событие в городе по причине присутствия в ложах местной идеологической элиты. Но вот на базар просочился слушок, что главный идеолог области посоветовал режиссеру загримировать персонажа на авансцене под руководителя республики Ш. Рашидова. Но режиссер был московский и, естественно, был влюблен в руководство ЦК КПСС на Старой площади и считал политической ошибкой опуститься до республиканского масштаба.

Представляю, сколько седин появилось на его неуступчивой голове, но пришлось уступить. И вот на сцене новая трактовка, казалось бы, надо радоваться, вождь узбеков на сцене, но в партере вдруг один узбек из обкомовской свиты неожиданно заплакал. Он прекрасно разобрался в партийной символике и вычислил для себя, что замена Сулова в калошах вовсе не случайна, Шарафа Рашидова забирают на повышение в Москву. Самое время было продемонстрировать лояльность к лидеру узбекской нации, которого я также всегда уважал.

Узбек в партере плакал и приговаривал: «Зачем забираешь? Оставь, Москва, нам Шарафа Рашидовича! Не забирай, Москва, великого человека, мы осиротеем!»

Глядя на человека из аппарата обкома, и другие узбеки заплакали, а тех, кто всплакнуть не отважился, толкали в бока, мол, на всякий случай поплачь! Сигнал-то всплакнуть пришел из обкома.

Мне и до рассказа Миши было известно об этой самаркандской трактовке. До сих пор вспоминаю, как Рашидов, давась от смеха, рассказывал эту историю. Но вернемся к моему сокамернику. Миша никак не мог понять, почему люди, отработавшие целый день на производстве, вечером в охотку идут еще «поработать» в театр, окунуться в трудовые и индустриальные будни по прокладке нефтепровода. А когда же жить?

И вот, приехав в Москву, он первым делом помчался в ефремовский МХАТ на тельмановскую пьесу. Пожалуй, он был единственным зрителем, кто хохотал на спектакле. В антракте его отловили в буфете и предложили за билет компенсацию, аж 25 рублей, чтобы он только покинул театр, дескать, вы еще не созрели для философского осмысления производственной драматургии. По-моему, Миша – единственный зритель за всю историю МХАТа, который удостоился внимания художественного руководства театра. Забавная история, она иллюстрирует нравы наших театральных деятелей, утративших чувство меры в погоне за государственными премиями.

Выйдя на свободу, Миша пришел в Самарканд, в родную школу имени А.С. Пушкина, где мальчуганом учился Ислам Каримов. Нашел на школьном дворе среди обломков парту, за которой сидел будущий президент Узбекистана, и навел на ней музейный глянец в благодарность за то, что Ислам Каримов проявил великодушие к семье Михаила, когда он пребывал в тюрьме на чужбине.

Позже Миша стал коммерсантом. Сказывают, что когда он подписывает договор, то скрепляет свою подпись печаткой: «Сидел за партией Каримова и в камере с Язовым».

...Перечитывая обвинительное заключение по уголовному делу № 18/6214-91 и сравнивая с тем, что происходит в стране, приходится констатировать: президент так ничего и не сделал для сохранения Союза. Горькой болью щемит душа, когда думаю о том, что стало с нашей армией. Под идеей реформирования армии Горбачев понимал ее сокращение. Он рассуждал упрощенно: если мы не собираемся нападать, следовательно, необходимо в армии провести реформу. Но сокращать надо разумно. Например: были войска, предназначенные исключительно для наступления, – воздушно-десантные. Но мы не собирались проводить крупномасштабные наступательные операции. И видимо, Игорь Николаевич Родионов совершенно правильно поступил, приняв решение кое-где сократить воздушно-десантные войска. Я бы тоже так поступил, потому что содержание одной воздушно-десантной дивизии обходится стране намного дороже, чем содержание танковой дивизии. Для того чтобы перебросить одну воздушно-десантную дивизию, необходимы четыре военно-транспортные авиационные дивизии. Защитники ВДВ говорят, мол, армия должна быть мобильной. А разве танковая дивизия или мотострелковая не мобильные? И если мы никуда не собираемся лететь, то где мы будем демонстрировать мобильность воздушно-десантных войск?

Другой пример военной реформы – это реформа М.В. Фрунзе после

Гражданской войны. Тогда в десять раз сократили количество войск, правда, продумали и систему подготовки личного состава на случай войны. Были созданы территориальные полки, куда на предвоенный период призывали граждан для переподготовки. На базе этой мини-армии легко было потом развертывать новую регулярную Красную армию.

За счет чего жила Советская армия? За счет социалистической системы хозяйствования. Она давала возможность и содержать армию, и обновлять технику. И когда я был министром, с этим не было больших проблем. И нефть продавало государство, а не Рем Вяхирев, и алюминий для самолетов. Но когда создали класс собственников, все пошло в доход собственников-номенклатурщиков, а они не привыкли платить налоги. А раз нет налогов, значит, нет и достойного бюджета. И вот уже в армию не поступают новая техника, самолеты. Нет и масла на солдатском столе.

О путях восстановления армии замечу следующее: прежде всего, необходимо работать над более совершенными видами оружия, над перспективой использования этого оружия в интересах обороны. Просто делать танки или самолеты сейчас бессмысленно. Пора изменить в обществе и отношение к человеку в погонах. Подумать, как восстановить авторитет военнослужащих. Вот один из примеров: по Версальскому договору, немцам разрешили держать армию всего-навсего в 100 тысяч человек. И они содержали армию, но из 100 тысяч офицеров. А потом за два-три года развернули такие вооруженные силы, что сначала Австрию подчинили себе, а через шесть-семь лет и всю Европу. В чем же здесь суть? В том, что сохранился престиж офицерского звания. Офицеры не стеснялись служить. Даже рядовыми, лишь бы не расставаться со службой, с армией. У нас же офицер, увы, самая непочитаемая профессия в обществе.

Прежде любое мероприятие, касающееся Вооруженных сил, готовилось основательно. План разрабатывался на год вперед, утверждался на Совете обороны. Как правило, с докладом выступал министр в присутствии всех главкомов и членов Совета обороны. Даже учения никогда не проводились спонтанно. Они заранее планировались. В годы Великой Отечественной войны перед проведением любой операции в специальной директиве расписывали, как должны действовать войска. Например, начиная операцию на Карельском перешейке, когда необходимо было прорвать в 1944 году линию Маннергейма, разработали директиву: каким образом штурмовать долговременные огневые сооружения, кто входит в штурмовую группу.

А как готовилась операция в Чечне? Одно дело – окончить академию,

другое – руководить вооруженными силами.

Грачев должен был знать: десантные войска никогда не штурмовали города. Я не знаю, где откопал Павел Сергеевич положительный опыт в использовании воздушно-десантных войск как основной ударной силы армии. Это была непростительная ошибка. А судя по тому, какие потери понесла армия, – и преступление. Уж очень он порывался угодить президенту...

Мне часто задают вопрос: «Сколько надо дивизий для Сухопутных войск, пятьдесят? А может быть, сто?» И я отвечаю: «Многовато или маловато, все зависит от материальных возможностей. Вы сохраните технику на эти пятьдесят или сто дивизий, а личный состав наберем!»

Ликвидация Сухопутных войск в нашем сухопутном государстве мне видится огромной ошибкой. Почему-то сливают ПВО с ВВС, Ракетные войска стратегического назначения с космическими. Хотя последнее слияние, наверное, оправдано. Мы об этом давно думали. Но войска ПВО и ВВС объединять?.. ПВО – это стационарные войска, они призваны охранять территорию страны, защищать города, политические и экономические центры. А ВВС выполняют задачи исключительно в интересах Сухопутных войск. Это войска поля боя. В чьих же интересах они будут выполнять сегодня свои задачи?..

Край величественный и суровый

Дальний Восток – край величественный и суровый. Когда мы подлетали к Хабаровску, горели торфяники. Недавно горела и тайга; только используя крупные воинские подразделения, удалось отстоять важные центры Хабаровского края. А тут еще одна беда: в Ванине взорвался склад боеприпасов.

И даже после ноябрьских праздников из Совгавани поступил сигнал: подорвались дети на гранате. Командующий войсками приказал мне вылететь в Совгавань с группой генералов и офицеров и принять срочные меры к тому, чтобы перекрыть все подходы к складу боеприпасов.

В Ванине картина была удручающая. Остовы труб, почерневшие кирпичные коробки зданий, обгоревшие деревья говорили о разыгравшейся трагедии. Тысячи семей остались без крыши над головой. Начали с того, что провели рекогносцировку бывшего склада боеприпасов и прилегающей территории. Оказалось, что хранилища с реактивными боеприпасами были окружены валами и вот эти обвалования становились направляющими для снарядов.

Отработали план: что делать, кто какую работу выполняет и кто за что отвечает. Уже на другой день стояли запрещающие знаки: «Осторожно, взрывоопасные предметы. Опасно!» С набором взрывателей, привлекательных для детей, окрашенных в красный, желтый, зеленый цвета, мы поехали по школам. Разъяснительная работа дала плоды: больше подрывов не было.

Зимой 1977 года Иван Моисеевич Третьяк уехал на Высшие курсы при академии Генерального штаба. Мне же приказал исполнять обязанности командующего войсками округа.

Дальневосточный военный округ разбросан на огромных просторах Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Камчатской, Магаданской, Сахалинской областей. Есть края, куда до места службы идут поезда, а есть и такие, куда новобранцы добираются на собачьей упряжке. А где люди,

там и происшествия.

Это случилось в конце зимы. На Сахалине от берегового припая оторвалась огромная льдина с рыбаками. Людей надо было спасать. Начальники доложили в Москву о ЧП, чтобы снять с себя ответственность, ненавязчиво подсказали Москве переложить миссию спасения на военных. Рискуя жизнями экипажей, в условиях шторма, когда крошится лед, а море закрыто низкими облаками, винтокрылые машины спасали рыбаков.

А то свирепый тайфун принесет обильные ливни, и опять надо спасать людей. И снова воины округа показывают беспримерное мужество и самоотверженность.

Но были происшествия, несовместимые со званием защитника Родины. Как сейчас помню: после одного из учений солдат отправил по почте посылку в Анапу со взрывчаткой. Особого труда не составило найти злоумышленника. Всыпал по первое число и солдату, и командиру. О ЧП доложил Ивану Моисеевичу в Москву. Поучительный получился разговор с командующим. Он спросил: «Когда выходит срок службы в звании подполковника у командира полка?» Поинтересовался, перед тем как объявить строга.

В таком же ключе зашел разговор и о командире дивизии. До снятия взыскания не могло быть и речи о генеральском звании. Но Иван Моисеевич на первое место поставил заботу о подчиненных. Воспитывать лучше без излишних придинок и наказаний, окажите человеку доверие – и он горы свернет.

Неожиданно в феврале во время студенческих каникул прилетела в Хабаровск дочь Елена. Объявила о замужестве. В марте справили свадьбу. Иван Моисеевич отпустил меня на целую неделю.

Муж Елены, Александр Олегович Лосик, произвел на меня хорошее впечатление. Не «докучая моралью строгой», я пожелал молодоженам семейного счастья и благоденствия.

Возвратившись в Хабаровск, жил опять один-одинешенек в пятикомнатной служебной квартире. 1 мая праздник, все с женами, только я без пары. И кто-то из товарищей по службе тост предложил: «Чтобы Дмитрий Тимофеевич до зимы «сгулял свадьбу». Но оказалось, в 53 года труднее, чем в 20 лет, решить сей вопрос.

С Эммой Евгеньевной мы встретились в Алма-Ате в сентябре 1976 года, я был там в командировке. Вроде бы мы обсудили все проблемы, но дальняя даль нас дисциплинировала. И только в августе вместе с дочерью Ульяной она перебралась ко мне. Счастливо мы зажили, как говорится: с коробом счастья, чтобы всем хватило.

Душой нашего округа были Иван Моисеевич и Мария Петровна, Иван да Марья, как в шутку они называли себя. Часто встречались и с семьей Сбоевых. С приездом Эммы Евгеньевны мы частенько прогуливались по набережной величавого Амура. Звучала медь военного оркестра, и парни несли своим девушкам огромные букеты сирени. Нам с Эммой Евгеньевной казалось, что все у нас впереди...

По итогам боевой и политической подготовки в 1977 году Краснознаменный Дальневосточный военный округ был назван в числе передовых в приказе министра обороны СССР. Высоких результатов в боевой и политической подготовке округ добился благодаря дружной работе Военного совета, всех управлений и штаба. Штаб возглавлял Ю.М. Потапов, членом Военного совета был М.И. Дружинин, боевой подготовкой руководил О.П. Артемьев, командовали армиями и дивизиями такие генералы и офицеры, как А. Ряхов, И. Полищук, Н. Калинин.

В начале февраля меня направили на Высшие академические курсы при академии Генерального штаба. Старшим нашей группы был Владимир Леонидович Говоров – генерал армии, командующий войсками Московского военного округа. Во время учебы на академических курсах – 8 марта – родился мой первый внук, назвали Олегом в честь деда по отцу – маршала бронетанковых войск Олега Александровича Лосика.

Второе событие – печальное. Умерла мать Екатерины Федоровны. Похоронили ее рядом с покойным мужем Федором Кузьмичом, так я распрощался с городом моей военной молодости Боровичами.

В Хабаровск вернулся в первые дни апреля. Командующий объявил мне, что принято решение на Южных Курилах разместить пулеметно-артиллерийскую дивизию. Мне было поручено сформировать дивизию, доставить на острова и заняться ее обустройством. Местом формирования я выбрал Князе-Волконский учебный центр, где размещались части учебной дивизии. Командир учебной дивизии генерал-майор В.В. Полунин занялся подготовкой пункта дислокации, а я с небольшой группой генералов и офицеров вылетел на Итуруп.

Чем же была вызвана необходимость поставить на Южных Курилах дивизию?

Это было время, когда США проводили откровенный курс на достижение военного превосходства над СССР, оголтелый милитаризм венчал любые начинания вашингтонской администрации.

На территории 32 государств – от Панамы до Японии и Южной Кореи, от Гренландии до Турции – Соединенные Штаты имели более 1500 военных баз и объектов, на которых проходили службу более

полумиллиона американских солдат. Только на Дальнем Востоке заморская группировка американских вооруженных сил имела свыше трехсот военных объектов. Взяла крен в сторону наращивания военного потенциала и Япония, подключившись к глобальной стратегии конфронтации, навязываемой Вашингтоном. Были даже факты, когда японцы под своими знаменами высаживались на наши острова, провоцируя пограничные конфликты. При этом агрессивная сущность японо-американского «договора безопасности» оправдывалась ссылками на «угрозу с Севера». Мы же на Курилах, кроме пограничного, отряда и нескольких радиотехнических рот и истребительного полка ПВО, ничем не располагали.

Необоснованность территориальных притязаний со стороны Японии не вызывала сомнений. Курильские острова были возвращены СССР в полном соответствии с Каирской декларацией и другими совместными решениями союзников, подтвержденными Потсдамской декларацией. Более того, все эти условия Япония безоговорочно приняла по акту о капитуляции. Кроме того, по Сан-Францисскому договору 1951 года Япония отказалась от всех прав и претензий на Курильские острова.

Место для штаба мы выбрали в Горячих Ключах. Туда и прибыл первый строительный отряд. Полетели вертолетом на Кунашир, определили место для пулеметно-артиллерийского полка. В первую же ночь нас тряхнуло, закачалась лампочка, а мой диван выехал на середину комнаты.

Практически все лето ушло на доставку личного состава и боевой техники на острова Итуруп и Кунашир. Причалов не было, приходилось перегружать на самоходные баржи Т-36, теперь эти баржи называют «зиганшин». Многие, вероятно, помнят, как весной 1960 года во время шторма сорвало с якоря и унесло из бухты Касатка в открытый океан баржу с экипажем, состоящим из воинов-дальневосточников младшего сержанта Асхата Зиганшгина, рядовых Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского и Ивана Федотова.

Осенью во время подведения итогов боевой подготовки в округ прибыл главком Сухопутных войск Иван Григорьевич Павловский. Он изъявил желание посмотреть, как будет зимовать дивизия. Опытный дальневосточник, он хорошо знал, что такое острова, где с одной, внутренней стороны море сковано льдом, а с другой – незамерзающий Великий океан. Зимой толщина снежного покрова достигает семи метров, и зимовать в палатках рискованно.

Все это командующий предвидел, поэтому с высадкой на острова

строители начали возводить капитальные хранилища для техники, казармы и дома для семей офицеров.

На аэродром «Буревестник» мы прилетели на самолете Ан-24 и сразу же вертолетом – в Горячие Ключи. Полковник И.С. Морозов доложил главному о состоянии дивизии, осмотрели и палаточный городок. С аэродрома «Буревестник» мы вылетели, когда уже наступала ночь. Маршрут полета проходил через остров Сахалин, Комсомольск-на-Амуре и Хабаровск. Сели на большой аэродром, где встретил нас Иван Моисеевич.

На разборе итогов проверки больше говорилось о недостатках, о подготовке к зиме. О положительном главком сказал кратко: «Хорошее у вас никто не отберет».

В ноябре на меня запросили «объективку» и в последних числах декабря вызвали на беседу в административный отдел ЦК КПСС. В здании Центрального Комитета я встретил генерал-полковника Б.В. Снеткова и генерал-полковника Ю.П. Максимова, их также пригласили на беседу по поводу назначения на вышестоящие должности. Борис Васильевич рассматривался к назначению на должность командующего Сибирским военным округом, а Юрий Павлович – Туркестанским военным округом, я же – командующим Центральной группой войск.

Иван Порфирович Потапов предупредил: «Завтра, в четверг, вас будет принимать генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, затем утверждение на политбюро». Он же нас представил Николаю Ивановичу Савинкину, который беседовал с каждым в отдельности, а мне дал много полезных советов о взаимодействии с советским послом в Чехословакии, министром обороны и руководством дружественной нам страны.

На следующий день с Н.И. Савинкиным в 9.00 мы уже были в Кремле. В кабинет к Леониду Ильичу один за другим шли секретари ЦК, члены политбюро, и только в 9.50 нас приняли.

Я доложил: «Товарищ Маршал Советского Союза, генерал-полковник Язов для беседы прибыл». Я заметил, в кабинете находились К.У. Черненко и Н.И. Савинкин. Леонид Ильич пригласил нас сесть за стол и спросил: «Вас просеяли?» – «Да, – подтвердили мы, – наши документы изучили и с нами побеседовали». Несколько напутственных слов, и Константин Устинович сказал: «Леонид Ильич, пора. Поговорим еще на политбюро». И мы прошли вместе с К.У. Черненко в Ореховую комнату.

Мысленно я возвратился в 1972 год, когда министр обороны маршал А.А. Гречко пригласил Леонида Ильича встретиться с руководящим составом Вооруженных сил. В темно-синем костюме легкой походкой Брежнев поднялся под аплодисменты всего зала на трибуну и, отложив в

сторону бумаги, полтора часа беседовал с генералами и офицерами Министерства обороны.

Тогда, в 1972-м, Леонид Ильич был в полном здравии, со знанием дела отвечал на наши вопросы. А сегодня Леонид Ильич с трудом подбирает слова вроде: «Вас просеяли?»

Возможно, на здоровье генсека повлияло покушение, когда офицер Ильин из Ленинградского топографического отряда у Боровицких ворот Кремля расстрелял магазины двух пистолетов Макарова. По радио объявили, что космонавты едут в первой машине, а во второй – Леонид Ильич Брежнев, но генеральный секретарь ехал в пятой машине, это его и спасло.

Серьезно Леонид Ильич заболел осенью 1974 года, когда после проводов американской делегации, возглавляемой президентом Фордом, на переговорах во Владивостоке по ограничению стратегических наступательных вооружений он отправился с визитом в Монголию. По пути в Монголию прямо в поезде произошло нарушение мозгового кровообращения. Надо было бы уйти с высокого поста, но «верные друзья» отсоветовали.

Доклад по каждому кандидату был коротким. Вопросы члены политбюро не задавали, все соглашались с назначением, коль Леонид Ильич произнес: «Я беседовал».

Нам сказали: «Ждите приказа министра обороны». Мы вышли втроем на Красную площадь, немного поговорили и разъехались по своим округам.

Центральная группа войск

Зима стояла на редкость морозной. В Доме офицеров в Хабаровске, где мы собрались встретить Новый год, было довольно прохладно. Я думал о вступлении в новую должность, надлежало решить и домашние проблемы.

Числа 10 января я отправил в Алма-Ату Эмму Евгеньевну с дочерью Ульяной, которая училась в девятом классе, а сам на следующий день вылетел в Чехословакию. Прилетели поздно вечером. На аэродроме Божий Дар встречали Д.С. Сухоруков, члены Военного совета, начальники родов войск и служб.

Утром мы с Д.С. Сухоруковым поехали в Прагу познакомиться с послом СССР В.В. Мацкевичем, имели в виду представиться Г.Н. Гусаку – президенту ЧССР, но он находился на отдыхе, поэтому нас принял Любомир Штроугал – председатель Совета Министров.

Каких-либо замечаний в адрес Центральной группы войск предсовмина не сделал, сказал лишь, что уполномоченным представителем чехословацкой стороны является начальник Генерального штаба, генерал-полковник Карел Русов, он оперативно и решит все ваши проблемы.

Министр обороны Мартин Дзур находился на медицинском обследовании, и мы заехали к Карелу Русову, с которым и обговорили все вопросы, связанные с проведением совместного учения «Дружба-79» на полигоне «Доупов».

Во второй половине дня заслушивали доклады командующего ракетными войсками и артиллерией, командующего войсками ПВО, командира 131-й авиационной дивизии, начальника тыла, а утром с Дмитрием Семеновичем вылетели в Братиславу, он хотел попрощаться с секретарем ЦК Компартии Словакии товарищем Ленартом.

Так начались рабочие будни. Старшим офицером для поручений был полковник Александр Сергеевич Курдыбанский. Целую неделю мы посвятили знакомству с войсками, объехали полигоны «Доупов», «Либава», «Мимон», «Аремов-Лаз». С начальником разведки побывали в

разведывательных частях группы, а с командующим ракетными войсками и артиллерией объехали подчиненные ему части. Командовал «богом войны» генерал-майор В.С. Устюгов, как говорят, природный артиллерист. В подчиненных ему войсках я нашел должный порядок и оценил достаточно высокую воинскую дисциплину.

Генерал-майор П.П. Полях представлял соединения и части противовоздушной обороны, которые, кроме занятий по боевой подготовке, несли боевое дежурство в системе ПВО Чехословакии. Одна из частей находилась на «Эмбе» – полигоне, где проводила зачетные боевые стрельбы.

Вскоре Дмитрий Иванович Литовцев, старший представитель штаба Варшавского договора при министре обороны Чехословацкой народной армии сообщил: генерал армии Мартин Дзур приглашает меня на беседу. В этот же день я приехал в министерство обороны ЧНА, генерал Мартин Дзур узнал меня, мы вместе учились в академии Генерального штаба.

Он рассказал о реакции партийных функционеров и военных на ввод советских войск в Чехословакию в 1968 году. Отметил, что весьма плодотворно работали с генералом Сухоруковым. Он также сказал, что среди больших военных начальников находятся и такие, которые приторговывают. Привозят из Союза телевизоры и продают вдвое дороже. Вообще-то это мелочь, но она сказывается на авторитете советских офицеров.

Далее он сообщил: с чехословацкой стороны помощником руководителя учения «Дружба-79» назначен командующий армией генерал Петржила и что от ЧНА на учение привлекается 20-я дивизия, которой командует полковник Вацлав Вацек. Я в свою очередь проинформировал министра о том что, от нашей группы выделяется 48-я дивизия под командованием полковника В.А. Харитонов.

Вскоре позвонил посол, сообщил, что президент на службе и готов меня принять. Мы с членом Военного совета поехали на прием к Густаву Никодимовичу Гусаку. Принял нас президент в Пражском граде, часовые стояли с карабинами на караул, рослые, подтянутые воины Чехословацкой народной армии.

Сначала нас провели в комнату, где стоял круглый стол, украшенный цветами. Густав Никодимович поздравил меня с назначением и предложил сесть за стол. Он подал знак, и официант принес по маленькой рюмке коньяка и орешки. «За здоровье», – произнес президент. Мы пригубили и почти полные рюмки поставили на стол.

Двумя годами раньше у Густава Гусака погибла жена, летела на

вертолете в Словакию. Погибли все: и пассажиры и экипаж. От горя Гусак даже запил... Посол мне потом рассказывал, что Леонид Ильич приезжал поговорить, помочь другу, подбодрить.

Почти два года я служил в Чехословакии, но никогда не видел Густава Никодимовича навеселе. Он взял себя в руки, заглушив неутешное горе работой.

Гусак был настоящим другом советского народа. В праздники – День Победы и День освобождения Праги от фашистов – все руководство партии и государства приходило на Ольшанское кладбище возлагать цветы на могилы воинов Советской армии. Стоял в Праге и памятник Маршалу Советского Союза Ивану Степановичу Коневу, командующему войсками Первого Украинского фронта, который участвовал в освобождении Праги.

Это нынешние «новые» городские власти в Праге называют нас теперь оккупантами. Комментировать такие заявления не хочу. Скажу лишь, что за освобождение Чехословакии погибло 144 тысячи советских воинов. А этих «новых» хотелось бы спросить: почему не подняли восстание в 1941 году? А лишь только тогда, когда пал Берлин?

...Март. Весна в полном разгаре. Поднятые по тревоге 5 48-я дивизия в городе Высока Мита и 20-я дивизия ЧНА в Карловых Варах выходят на полигон «Доупов». 48-й дивизии предстоит совершить марш более 400 километров, а 20-й дивизии – около 120 километров.

Небо хмурое, выпал снег, плохая видимость не позволяла выдерживать запланированную скорость на учениях. Неторопливый, рассудительный Владимир Александрович Харитонов совершает марш в предвидении встречного боя, поэтому для захвата выгодных рубежей выделил от полков первого эшелона передовые отряды. 20-й дивизией ЧНА командует полковник Вацлав Вацек. Командиры дивизий знают друг друга и довольно согласованно проводят работу по организации наступления. Наступление планируется с выдвиганием из глубины и с имитированием применения ядерного оружия.

Мне достаточно часто приходилось проводить учения, и почти всегда были какие-то сбои. На этом же учении наступающие одновременно на 20-километровом фронте вышли к переднему краю.

Целые сутки продолжалось наступление. «Противник» выдвинул резервы, нанес ядерные удары по наступающим, и они вынуждены были перейти к закреплению на достигнутом рубеже.

На разбор учений пригласили почти всех офицеров. Я отметил недостатки, которые были как у советских, так и у чехословацких командиров. Во всяком случае, после разбора обид не было. О ходе учений

я доложил министру обороны Д.Ф. Устинову и был удивлен, когда он сказал: «Я уже в курсе. Спасибо. Шифровкой доложите о результатах учения главнокомандующему объединенными вооруженными силами государств – участников Варшавского договора Маршалу Советского Союза Куликову».

После учений я выехал в Эстонию, выступал перед избирателями Харьюмааского округа, куда входили города Палдиски, Клога и много мелких населенных пунктов.

Из Таллина позвонил в Хабаровск сестре Нине Петровне, она сообщила, что мой сын Игорь решил жениться. Ну что ж, пора, сыну шел уже 29-й год. Но прилететь на свадьбу я так и не смог, зато через месяц получил фотокарточки, чему был очень рад. Наконец-то Игорь обрел семью и вместе с ней обязанности и определенную ответственность.

1979 год был годом боевой учебы. Возможно, хорошие результаты, показанные на учениях, способствовали тому, что генерал-майора В.Ф. Ермакова вскоре назначили командующим 14-й армией в Кишинев. Вместо него прибыл генерал-майор Игорь Николаевич Родионов. Чуть позже Ермаков и Родионов командовали 40-й армией в Афганистане.

Для нас ввод войск в Афганистан был неожиданным. Но уже в декабре мы получили директиву Генерального штаба сформировать мотострелковый полк по штатам военного времени и направить в Афганистан. Особой проблемы в этом не было. Из двух полков 30-й дивизии сформировали полк в течение двух суток. Проблема была с семьями офицеров и прапорщиков, их надо было отправить в Союз, но многие не знали даже, где их дом. Так что с семьями пришлось долго разбираться. Полк же на самолетах отправили в Кундуз в состав 201-й мотострелковой дивизии.

...Если практика – это ноги, когда ничто не сможет сбить с пути, то теория – это глаза армии. Теоретически были разработаны воздушная и противовоздушная операции, требовалось на крупных учениях подтвердить или отбросить некоторые теоретические положения. С этой целью начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Н.В. Огарков провел учение в Группе советских войск в Германии с привлечением управления Центральной группы войск, Южной и Северной групп войск и ряда округов.

Как говорят, учение было «демократичным», можно было критиковать, отстаивать, защищать свои и предложения других командующих, главное – на фоне созданной оперативно-стратегической обстановки следовало обосновать то, что вы предлагаете или защищаете.

На учениях были со своими штабами главный маршал авиации П.С. Кутахов и главный маршал авиации А.И. Колдунов. Между главными штабами ВВС и ПВО споров не было, ибо в воздушной и противовоздушной операции участвуют оба вида вооруженных сил.

В заключении командно-штабного учения главком ВВС показал в действии новые образцы авиационной техники.

Системы с бомбами лазерного наведения произвели на всех неизгладимое впечатление.

Н.В. Огарков на разборе учения сказал: «Раз имеет право быть воздушная операция, такое же право имеет и противовоздушная операция. Как яд и противоядие».

После этих учений я, с разрешения министра обороны, ушел в отпуск навестить в Хабаровске сына. У них уже родилась дочка, назвали Катей в память о Екатерине Федоровне.

Осенью, кроме подведения итогов боевой учебы, пришлось решать задачи, связанные с возможным вводом дополнительных войск на территорию Польши. Политическая обстановка там накалилась до предела, «Солидарность» под руководством Валенсы, попирая конституцию, рвалась к власти. Поэтому первый заместитель командующего генерал-лейтенант С.П. Боков с группой офицеров проехал по возможному маршруту ввода одной дивизии из района Праги в район Легнице. А командир 28-го армейского корпуса генерал-майор И.Н. Родионов также с группой офицеров провел рекогносцировку маршрута из района Оломоуц до Кракова.

В начале декабря меня неожиданно пригласил министр обороны в Москву и предложил должность командующего войсками Среднеазиатского военного округа. Присутствовавший при разговоре Иван Николаевич Шкадов заметил, что у меня жена алмаатинка. Дмитрий Федорович улыбнулся и сказал: «Так что ж мы время тратим?» Он уже готов был выехать «к теще на блины».

Ночью я снова вернулся в группу войск, польский вопрос так и не был снят с повестки, а 11 декабря он вдруг о себе напомнил. По ЗАС (засекреченной связи) позвонил Н.В. Огарков: «Это правда, что две чехословацкие дивизии пошли в Польшу?» Я ему ответил, что министр обороны Чехословакии проводит учение с двумя дивизиями и что у меня есть связь с генерал-полковником Д.И. Литовцевым, старшим представителем штаба Варшавского договора. Огарков попросил, чтобы Литовцев вышел на него по ЗАС.

Литовцев связался с маршалом и объяснил: учение проходило

недалеко от польской границы. Поэтому появились всякие домыслы.

Минут через тридцать я позвонил начальнику Генерального штаба и доложил: утром убываю в Алма-Ату. Он спросил: «Министру доложил?» Я сказал, что направил шифровку. Начальник Генерального штаба пожелал мне счастливого пути.

Семиречье

В Алма-Ате я бывал и раньше неоднократно. В 1959 году навестил сестру Зою Федоровну и родного дядю Ивана Яковлевича Язова. Тогда кое-что и узнал о истории этого прекрасного города, расположенного на северном склоне Заилийского Алатау и имевшего название Верный. Планировал город военный инженер А.П. Зенков. В 1868 году Верный получил статус города и стал центром Семиречья.

С военного аэродрома, что вблизи Копчагая, мы ехали по широкому асфальтированному шоссе, справа и слева – высокие тополя с пожухлой листвой, а перед нами маячили вершины Заилийского Алатау в снежных тюрбанах.

Среднеазиатский округ был, пожалуй, самым молодым из всех военных округов Союза. Первым его командующим был генерал армии Николай Григорьевич Лященко. За девять лет он принял из других округов ряд соединений и частей, в частности 8-ю гвардейскую ордена Ленина, Краснознаменную, ордена Суворова второй степени Режецкую мотострелковую дивизию из Прибалтийского военного округа. Дивизия формировалась в 1941 году в Алма-Ате генерал-майором И.В. Панфиловым и носила его имя. Штаб дивизии разместился в городе Фрунзе.

Округ образовали в 1969 году, обстановка на советско-китайской границе была беспокойной, поэтому Урумчинское направление прикрыли.

С 1978 года округом командовал генерал-полковник Петр Георгиевич Лушев, а первым заместителем был Герой Советского Союза генерал-лейтенант Сагадат Кожаметович Нурмагамбетов.

После ознакомления со штабом округа я подписал приказ о вступлении в должность, послав соответствующую шифровку министру обороны и главнокомандующему Сухопутными войсками. В этот же день я поехал представиться первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Динмухамеду Ахметовичу Кунаеву.

Кунаев, являясь членом Военного совета округа, знал нужды округа и

принимал участие в отправке воинских соединений в Афганистан. Знал и все государственные полигоны – Семипалатинский, Сарышаган, с удовольствием мне поведал и об истории создания космодрома Байконур. С первого дня у нас сложились теплые и товарищеские отношения, что я очень ценил и ценю до сих пор.

Членами Военного совета округа также являлись первые секретари республик Киргизия и Таджикистан. На следующий день представился Турдукуну Усубалиеву – первому секретарю ЦК Компартии Киргизии. За чашкой чая он рассказывал о республике и гордился тем, что Панфиловская дивизия стоит во Фрунзе. В этот же день я посетил управление армейского корпуса и части дивизии.

Далеко было до восторгов. В Курдае полки жили в щитовых казармах, офицерские семьи – в домах, оставленных средмашевцами. Военный городок выглядел уныло, под завывание ветра в еще не заснеженных горах щеки наждаком драил песок с мелкой галькой, да так, что нельзя было открыть глаз.

В выходной день полетел в Душанбе. На аэродроме нас встретил первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Джабар Расулов. Михаил Данилович Попков характеризовал Джабара Расулова как высокоинтеллигентного человека, да еще дипломата. Мягкий, по-восточному внимательный, он хорошо разбирался во многих вопросах хозяйственной деятельности.

Принесли чай с лимоном. Хозяин кабинета подчеркнул, что лимоны созревают в Кулябской, Курган-Тюбинской областях в специальных траншеях, которые при заморозках закрываются пленкой. Лимоны крупные, сочные, по цвету чем-то напоминают апельсины.

Мне показалось, что Джабар Расулович совсем одинок. Спросить об этом было неудобно. Но товарищи, сопровождавшие нас, подтвердили: живет с матерью и внуком. Ирина, дочь, в Москве, жена, журналистка, тоже в столице, в Душанбе и не заглядывает. Вот когда он был послом за границей, тогда они жили вместе. Трудно понять взаимоотношения в чужой семье, да к этому мы и не стремились. Как правильно подмечено: даже в самой худшей судьбе есть возможности для счастливых перемен.

В первой половине января 1981 года с группой генералов и офицеров я вылетел в Афганистан. Но сначала мы сели в Ташкенте, аэропорт в Кабуле закрыл туман. Из Ташкента с нами летел член Военного совета 40-й армии генерал-майор Н.А. Меркушев, который буквально удивлял нас познаниями новейшей истории Афганистана. Он рассказал, что 1 января 1965 года нелегально состоялся Первый Учредительный съезд НДПА. В состав

центрального комитета вошли Н.М. Тараки, Б. Кармаль, С. Кештманд, С.М. Зерай и другие. На первом пленуме Тараки был избран генеральным секретарем партии, а Кармаль – секретарем ЦК. Начала выходить и газета «Хальк» («Народ»).

Тараки считал партию авангардом рабочего класса, а Кармаль рассматривал НДПА как партию трудящихся Афганистана. Разногласия разрастались и углублялись, и вскоре Тараки предложил исключить Кармаля из членов НДПА.

И уже осенью 1966 года Б. Кармаль с довольно влиятельной группой членов партии вышел из состава ЦК и сформировал свою фракцию, которая в 1968 году стала издавать газету «Парчам» («Знамя»). Так образовалось в НДПА два крыла – «Хальк» и «Парчам», которые заявляли о своей принадлежности к НДПА.

К началу 70-х годов офицеры левой ориентации установили контакты с антимонархически настроенными сторонниками М. Дауда. И уже в июле 1973 года армия совершила государственный переворот. Монарх был свергнут, бывший премьер-министр Дауд стал президентом республики.

Но в апреле 1978 года и М. Дауда свергли. Во дворце, где проходило совещание с министрами, в ходе перестрелки М. Дауд и члены его семьи были убиты. Революционно настроенные офицеры взяли под свой контроль гарнизоны в городах Кандагар, Желалабад, Герат, Газни, военные аэродромы Шинданд, Мазари-Шариф, Баграм.

После победы вооруженного восстания новое руководство Демократической Республики Афганистан во главе с Н.М. Тараки приступило к осуществлению радикальных преобразований в стране. Социальная направленность этих реформ осуществлялась в интересах народа. Но соперничество в руководстве НДПА отрицательно сказывалось на достижении провозглашенных целей. И вскоре Б. Кармаля назначили послом в ЧССР. Под разными предлогами из страны выехали и другие парчамисты.

Против членов партии, которые не согласились с теми или иными методами развития революции, Амин и его сторонники применили террор, физически уничтожая инакомыслящих.

Вскоре по стране прокатилась волна беспорядков, на этом фоне и возникли серьезные разногласия между Тараки и Амином. Последний с марта 1979 года занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел ДРА.

10 сентября Л.И. Брежнев встретился с Тараки в Москве, когда тот возвращался из Гаваны с конференции глав государств Движения

неприсоединения. А через месяц информационное агентство «Бахтар» объявило: «После тяжелой и непродолжительной болезни умер Тараки». Позднее историки уточнили: не умер, а был задушен аминовцами в бывшем королевском дворце.

И снова новая интрига: Амин через министра иностранных дел Пакистана заявил, что СССР якобы потребовал от Афганистана отказаться от независимости и суверенитета и просил довести до Вашингтона, что не возражает против помощи со стороны США.

Раскол в НДПА оказал губительное влияние на армию. Началось гонение на парчамистов, плелись нити заговора против министра обороны Абдула Кадыра, министра общественных работ парчамиста М. Рафи, начальника Генерального штаба Шахпура.

После того как новый министр обороны Ватанджар ушел в отставку, контроль над армией взял Хафизулла Амин. Он неоднократно обращался к советскому руководству с призывами принять участие в сдерживании боевых действий бандформирований в северных районах ДРА. С такими просьбами он обращался к СССР 17 и 20 ноября, 2, 4, 12 и 17 декабря 1979 года, и 25 декабря советские войска вошли в Афганистан.

Поздней осенью 1979 года, возвратившись из Афганистана, генерал армии И.Г. Павловский – главнокомандующий Сухопутными войсками доложил о том, что нет никакой необходимости вводить наши войска в Афганистан. Но его голос так и не был услышан. Не приняли во внимание и веские аргументы Генерального штаба. Маршал Н.В. Огарков, маршал С.Ф. Ахромеев и генерал армии В.И. Варенников специально ходили на доклад к министру обороны маршалу Д.Ф. Устинову доказывать, что наше военное вмешательство приведет лишь к усилению мятежного движения в Афганистане.

24 декабря Д.Ф. Устинов объявил: руководство приняло решение ввести войска в Афганистан. О боевых действиях и речи не было. Имелось в виду, что войска возьмут под охрану важные объекты.

Но оппозиционеры не дремали, они подняли народ: «Мы – верные, а пришли – неверные».

27 декабря новая весть из дворца: Х. Амин отравлен, но советские врачи Алексеев и Кузнеченков все-таки его спасли. В 19 часов 25 минут начался штурм дворца Тадж-Бек. Амин был убит, погибли и два его сына.

28 декабря «Правда» опубликовала «Обращение к народу» Б. Кармаля: «Наконец после жестоких страданий и мучений наступил день свободы и возрождения всех братских народов Афганистана. Мы разбили машину пыток Амина и его приспешников – диких палачей, узурпаторов и убийц

десятков тысяч наших соотечественников – отцов, матерей, братьев, сестер, сыновей и дочерей, детей и стариков. Эта кровавая машина полностью разваливается до последнего кровавого винтика... Разрушены бастионы деспотизма кровавой династии Амина и его сторонников – этих сторожевых псов сардаров Надир-шаха, Захир-шаха, Дауд-шаха, наемников мирового империализма во главе с американским империализмом. От этих бастионов не останется камня на камне. Рушатся последние остатки цитадели национального и общественного гнета на нашей любимой Родине».

Б. Кармаля восприняли благожелательно не все слои общества, в том числе и в армии. В тех соединениях и частях, где большинство командного состава состояло из халькистов, не верили парчамисту Кармалю.

Афганская армия отличалась слабой боеспособностью, и вся тяжесть вооруженной борьбы с контрреволюционными отрядами ложилась на 40-ю армию. Но советские войска не были подготовлены к партизанской войне. Попытки командования организовать преследование мелких групп душманов не приводили к успехам. Душманы удачно маскировались под местное население. Наиболее воинственными были пуштунские племена, верившие в ислам, поклонявшиеся пророку Магомету.

...Утром мы вылетели в Кабул. Во дворце Тадж-Бек, где размещался штаб 40-й армии, мы встретились с Ю.П. Максимовым – командующим войсками ТуркВО, он и ввел меня в общую оперативную обстановку. Он показал на карте, где дислоцируются соединения и части, прибывшие в состав 40-й армии. Договорились, что я со своей группой на вертолетах облечу все соединения. Разместили нас в металлических «бочках», обвалованных грунтом. В таких же «роскошных апартаментах» жили офицеры управления армии.

В штабе армии я встретил генерал-лейтенанта В.Х. Шудру, сослуживца по академии Генерального штаба и Забайкалью. Он рассказал о фракционной борьбе в самой НДПА, о том, что партия изолировалась от народа. В армию не призывают, а отлавливают, народ живет в нищете. Недалеко от штаба армии располагался 181-й мотострелковый полк, и мы с Владимиром Харитоновичем наблюдали ужасающую картину: с солдатской кухни подвезли к оврагу остатки пищи. Тут же к помоям подбежали собаки, дети, старики, чтобы захватить месиво и кости.

Шудра сказал, что ежедневно формируют колонны с 5 продовольствием. Муку, сахар, керосин, соль направляют в отдаленные населенные пункты. Продукты распределяет мулла. Муллы и настраивают против нас местное население: от неверных брать – грех. К сожалению,

наше отношение к служителям ислама было отрицательным, что сказалось в целом на отношении афганцев к шурави – советским.

Командарм генерал Б.И. Ткач проводил меня до вертолетной площадки, и мы перелетели в кабульский аэропорт. Самолет Ан-24 взял курс на Кундуз. В Кундузе мы узнали, что погибли три офицера и восемь солдат. А дело обстояло следующим образом: афганцы, чтобы добыть керосин, простреливали трубопровод, ведрами расхищая горючее. Из-за этого частенько возникала пальба. На каждые сто метров не поставишь пост, а приборы ночного видения обеспечивали наблюдение до четырехсот метров. Одного аккумулятора хватало на 4–6 часов. Поэтому ночью, да еще в пересеченной местности контролировать весь охраняемый участок не представлялось возможным. При обходе трубопровода солдаты и попали под огонь из засады.

Из Кундуза мы вертолетом Ми-6 вылетели в Файзабад, там стоял отдельный мотострелковый полк, сформированный 68-й МСД САВО. Кругом горы, белоснежные шапки Памира отделяли этот полк от Родины.

На следующий день мы были уже в Джелалабаде. Там стояла отдельная мотострелковая бригада под командованием полковника Оздоева из Среднеазиатского округа. Он и поведал нам о «соловьиной роще», знаменитой не пением желторотых соловьев, а посвистом автоматных пуль. И в самом деле, в парке валялись БТРы и БМП, подбитые и сторевающие, солдаты их использовали как укрытия при обороне своих позиций.

Как сейчас помню, зашел я в одну из палаток, солдат застал в оцепенении. Я спросил: «Почему такие грустные?» – «Капитана нашего, командира минометной батареи, тяжело ранило. Ему уже прибыла замена. Он мог бы и уехать, да пошел с нами в бой передать батарею новому командиру. И вот теперь лежит с перебитым позвоночником, а у него двое ребятишек».

Замечу, что боевые потери среди офицеров почти в два раза больше, в расчете на тысячу человек, по сравнению с потерями солдат и сержантов. Специфика ведения боевых действий в Афганистане требовала иных форм, и командиры их находили. Отличились и конструкторы, они создали новые виды оружия. Так была разработана «Нона» – орудие-миномет, стрелявшее и минами, и снарядами, весьма эффективное в горах.

В поездке по воинским гарнизонам в Афганистане я убедился в необходимости предварительной подготовки офицеров и солдат в горных учебных центрах. Этими соображениями я поделился с генералом армии Ю.П. Максимовым, послом Советского Союза в Афганистане Ф.А. Табеевым.

Чуть позже для Алма-Атинского общевойскового командного училища мы создали в горах Киргизии учебный центр в районе Рыбачье.

О поездках в Афганистан я доложил Маршалам Советского Союза С.Л. Соколову и С.Ф. Ахромееву, которые находились в Кабуле. А второй раз побывав в Афганистане, о своих впечатлениях я рассказал советнику при начальнике Генерального штаба афганской армии генерал-лейтенанту Владимиру Петровичу Черемных, с которым служили вместе в ЛенВО и учились в академии Генерального штаба. Он всегда отличался аналитическим умом и откровенно подытожил: «Война на десятилетия. Надо уходить... А если воевать, то ограниченный контингент войск необходимо увеличить в пять-шесть раз и закрыть границу с Пакистаном, только тогда можно на что-то рассчитывать».

Вертолетом мы перелетели в Газни, там шли боевые действия, которыми руководил заместитель главного военного советника генерал-лейтенант Петр Иванович Шкидченко. Мы были знакомы еще по Крыму. Я принял от него 32-й армейский корпус. Он прошел всю Великую Отечественную войну, его самообладание было примером для командиров афганской армии. Из Алма-Аты я привез ему яблоки «апорт».

Но вскоре вертолет, на котором летал Петр Иванович, сбили душманы. В Афганистане погибли и генерал-майор авиации Николай Андреевич Власов, генерал-майор Вадим Николаевич Хахалов, скончался в госпитале генерал-майор Леонид Кириллович Цуканов, а сколько погибло офицеров? Из числа советников при командирах соединений и частей афганской армии погибли на поле боя 180 офицеров, а 664 были ранены. Среди них полковники А.И. Мельниченко, А.В. Еременко, подполковники Н.В. Бобрин, В.Ф. Крючков, А.М. Сериков и многие другие. Всего за 9 лет, 1 месяц и 18 дней в афганской войне мы потеряли более тринадцати тысяч человек.

Сражались героически. Истребительный полк, которым командовал полковник В.С. Кот из Учарала Среднеазиатского военного округа, в Афганистане налетал более 5 тысяч часов и возвратился почти без потерь. От имени Президиума Верховного Совета СССР мне было поручено вручить Звезду Героя Советского Союза В.С. Коту в Доме офицеров Учаральского гарнизона. Летчики, возвратившись домой, в Учарал, и не предполагали, что через недолгих пять-шесть лет эта земля окажется чужбиной, за границей, появились и публикации, и фильмы, рассказывающие об «афганцах», мол, их отличала жестокость. Пришла новая мода: забывать все хорошее. С болью в сердце об этом говорил на Втором съезде народных депутатов СССР майор С.В. Червонопиский: «До

слез обидно, что нам, кто вне всякой очереди шел под душманские пули, на итальянские мины, под американские «стингеры», приходится порой слышать из уст бюрократов от партии, советских, комсомольских и других органов уже ставшую почти крылатую фразу: «Я вас в Афганистан не посылал».

В ответ академику А.Д. Сахарову, который в выступлении на съезде народных депутатов СССР заявил, что наши добивали своих, чтобы «не сдавались в плен», Червонопиский зачитал выдержки из письма-протеста воинов-афганцев одного из парашютно-десантных полков, которые порой гибли сами, спасая своих товарищей и командиров. Многие тогда «покупались» на фальшивки иностранной прессы, среди них оказался и советский «отец водородной бомбы».

...Последний раз в Кабуле я был, когда приняли решение выводить войска из Афганистана. Помню, как вместе с послом Ю. Воронцовым, генералом армии В. Варенниковым, командующим 40-й армией генерал-лейтенантом Б. Громовым мы приехали к Наджибулле, чтобы окончательно согласовать с ним дату вывода войск из Афганистана.

На последнем этапе очень полезную работу проделал генерал армии М.А. Гареев, он уверенно решал вопросы укрепления афганской армии. Руководил выводом войск генерал армии В.И. Варенников, за что и был отмечен высшей наградой Родины.

После возвращения из Афганистана моя главная задача состояла в том, чтобы разобраться с оперативным и мобилизационным планом, уточнить вопросы взаимодействия с войсками ПВО и пограничными округами.

Тогда еще не было ни Нагорного Карабаха, ни событий в Тбилиси, Баку, Фергане, Узени, и ангажированные публицисты не называли генералов «дармоедами». Как и вся страна, округ жил полноценной жизнью, служил народу, Родине.

...Сарыюзек, Учарал, Ахмирово – эти гарнизоны я объехал на машине, из Усть-Каменогорска до Семипалатинска летел самолетом.

Во время второго объезда частей округа посетил Балхаш, Караганду, Саяк, Темиртау – здесь были расположены, кроме мотострелковой дивизии, окружные и армейские части. В зенитно-ракетной бригаде я не нашел должного военного порядка, и это стало предметом разбора на офицерских собраниях.

Актюбинск, Байконур, Эмба – мой следующий маршрут. Оставались Киргизия и Таджикистан. Когда я доложил министру обороны Д.Ф. Устинову о дислокации горнострелковой бригады в Оше, он предложил

вести в состав бригады кавалерийский эскадрон. Нам выделили средства, мы закупили лошадей и заказали сбрую. Это оказалось сделать не так-то просто, опыт был утерян, выручили кустари-одиночки.

В начале февраля состоялся съезд Компартии Киргизии, с отчетным докладом выступил первый секретарь ЦК Турдукун Усубалиев. Докладчик говорил, что не сделано, чего не добились, что влияет на социальную сферу. Усубалиев, если это было необходимо, умел пустить слезу, а иногда с металлом в голосе говорил о непреклонной требовательности к руководству в центре. Я сидел в президиуме рядом с писателем Чингизом Айтматовым, в перерывах он рассказывал о своем новом романе «Плаха».

Помню, как через Фрунзе летел в Индию президент Мозамбика маршал Самора Машел. Доложили, что посадка в аэропорту Монас связана с дозаправкой самолета, но генерал Эхтов – начальник училища по подготовке авиационных специалистов приоткрыл «государственную» тайну: сын Машела обучался в этом училище и приготовился к показательным выступлениям по пилотированию самолетов и вертолетов. Мне довелось наблюдать трогательную встречу маршала с сыном. Как сейчас помню его слова: «Парада!» – «Спасибо!» Вскоре Машел трагически погиб в автокатастрофе у себя в Мозамбике...

В июле 1981 года две братские республики Казахстан и Киргизия отмечали знаменательный юбилей – 40-летие гвардейской мотострелковой Режевской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова второй степени дивизии имени Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова.

Штаб находился во Фрунзе, дивизией командовал полковник В.А. Потрясков, начальником политического отдела был полковник В.А. Магда. На праздник съехались ветераны со всей страны. Мы очень сожалели, что не было с нами нашего командира полка Героя Советского Союза подполковника И.Л. Шапшаева. К моему сожалению, 19-й и 30-й стрелковые полки, где я проходил службу, расформировали.

На встречу приехала дочь генерала Панфилова Валентина Ивановна. В грозном 1941 году она была в боевом строю дивизии в медсанбате. Вместе с алма-атинскими писателями мы пришли в музей дивизии. Там хранилась статья из «Красной Звезды», подписанная полководцами Жуковым, Рокоссовским, Кузнецовым, Соколовским и другими. Они писали: «Смертью героя погиб генерал-майор Панфилов».

Гвардейская дивизия потеряла своего славного командира. Он был генералом большевистской закалки. В боях с гитлеровцами его военные талант и умение сослужили немалую службу Отечеству. Имя Панфилова

неотделимо от боевой чести дивизии, которой он командовал...»

Известный казахский писатель Дмитрий Снегин рассказывал: «Утром 18 ноября 1941 года комдив находился на наблюдательном пункте. Падал сухой снег, зима была морозная. Иван Васильевич направился в штаб дивизии, при подходе к дому усилился минометный обстрел. Стоявший на крыльце штаба артиллерист закричал: «Ложись!» – и кинулся к Панфилову. В этот миг мина разорвалась в двух шагах от генерала. Иван Васильевич упал как подкошенный, тяжело ранен был и артиллерист».

Приехал на встречу и Иван Демидович Шадрин, оставшийся в живых из двадцати восьми героев-панфиловцев Герой Советского Союза. Позже я узнал: один из героев-панфиловцев попал в плен к фашистам. И каково же было удивление особистов, когда они получили от американцев информацию: из фашистских застенков освобожден узник, герой-панфиловец, участник знаменитого сражения под Волоколамском. Доложили И. Сталину: какой-то самозванец позорит двадцать восемь героев-панфиловцев. Как прикажете поступить? Сослать в лагеря?

– Панфиловцы заслуживают лучшей доли, – ответил Сталин. – Наказать успеем. Прошу факты, что он авантюрист. Только не ошибитесь.

И проверили, и доложили И. Сталину: действительно панфиловец, Герой Советского Союза.

– Как же мне поступить? – призадумался Сталин. – Наградить орденом, что и в плену выжил? Товарищи меня не поймут. Какая просьба была у героя-панфиловца?

– Посмолить папироску!

– Что же вы отказали герою? Передайте ему в подарок мою трубку.

Вот таким образом И. Сталин отвел беду от панфиловца. Когда после смерти вождя описывали его имущество, то насчитали пять курительных трубок. А могла быть и шестая.

Отмечали сорокалетие панфиловской дивизии и в Алма-Ате. В центре города уютный парк носит имя двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев. Перед Домом офицеров всегда горел Вечный огонь. На фоне Кремлевской стены политрук стрелковой роты В.Г. Клочков распростер руки, как бы задерживая врага, за ним – двадцать восемь бойцов самых разных национальностей. Без слов ясно: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва».

В Алма-Ате я встретил и легендарного полковника Баурджана Момыш-Улы. Это он в Талгаре сформировал стрелковый батальон. Это он произнес слова: «Еще вчера вы – колхозники, учителя, инженеры – сами все решали. Сегодня Родина дала право мне приказывать, а вам

выполнять».

Рядом с Домом офицеров – средняя школа. В этом здании формировался штаб дивизии, ближе к Вечному огню оригинальное деревянное здание – «офицерское собрание», построенное по проекту талантливого архитектора А.П. Зенкова. Таким образом, площадь у Вечного огня является как бы составной частью парка двадцати восьми героев-панфиловцев.

Рассказал мне Д.А. Кунаев, что в 1978 году в Алма-Ате проходила международная конференция Всемирной организации здравоохранения. В работе конференции принял участие и сенатор Эдвард Кеннеди. Ему по душе пришлось Алма-Ата и особенно мемориал Славы в парке имени двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, где, вспомнив убитого брата – президента Кеннеди, младший брат заплакал.

Да, тогда, в начале восьмидесятых, советский воин, пронесший победное знамя над странами Европы, был окружен всенародной любовью. Иной шестидесятник» или более молодой «демократ» скажет: ностальгия, вы стояли «на страже сталинского дома». Да, стояли и защищали, в том «доме» проживали почти триста миллионов «жильцов», где теперь этот дом?

...Каждое утро до начала работы в штабе округа я выезжал в училище имени маршала М.С. Конева, чтобы ко Дню Победы закончить строительство курсантского клуба.

Обустроивалось не только военное училище, но и учебная дивизия в Отаре-Гвардейском, дивизия в Сарыозеке, танковая дивизия в Аягузе, мотострелковая в Семипалатинске. Обустроивались пулеметно-артиллерийские батальоны в Чундже, Пржевальске, Зайсане.

Помню, как маршал авиации Александр Иванович Колдунов провел боевые стрельбы новых ракетных комплексов С-300. Одновременно испытывался по реальным целям самолет-перехватчик МиГ-31. От Сухопутных войск участвовала 32-я армия – командующий генерал-лейтенант Борис Петрович Плотников, член Военного совета армии генерал-майор Анатолий Павлович Ларин.

Кроме войск армии, принимали участие фронтовые средства ПВО, которыми руководил генерал-лейтенант Петр Петрович Полях. На учениях были конструкторы всех средств ПВО. В качестве мишеней использовались самолеты-мишени Ла-17, реактивные снаряды и ракеты-мишени. Их запускали с различных направлений и так интенсивно, что это потребовало оперативного взаимодействия всех средств поражения. Наиболее успешно

решались задачи комплексами, где обнаружение целей и их поражение были автоматизированы и составляли единый комплекс ПВО.

Седая ковыльная степь переливалась на ветру волнами, солнце медленно поднималось с востока над Балхашем. Войска перешли в наступление. В бой вступили ракетные комплексы, я лично с командного пункта наблюдал, как было сбито несколько самолетов-мишеней. А когда «противник» перешел на самые низкие высоты, задействовали «кубы», «шилки», «стрелы». Все это проходило на широком фронте, и оценку могли дать только специалисты, имеющие радиотехнические средства обнаружения и наблюдения.

Александр Иванович остался доволен действиями 32-й армии и войсковых средств ПВО, хотя мы, общевойсковики, увидели массу недоработок. Отсутствовала единая система управления средствами ПВО, по одной цели вели огонь и «кубы», и «шилки», и «стрелы», а другая цель оставалась даже не обстрелянной.

Речь шла не об уничтожении такой воздушной цели, как самолет, а об обнаружении и уничтожении боеголовки ракеты. Без систем наведения и управления ракета – не оружие. Только в комплексе с этими системами ракета становилась надежным средством поражения.

12 января 1982 года коммунисты Казахстана отметили 70-летие Д.А. Кунаева. Мы, военные, пришли поздравить всем Военным советом, коль скоро и Д.А. Кунаев являлся его членом. Кроме приветственного адреса, мы подарили охотничий карабин и зажигалку. Она представляла собой макет танка с пушкой, пулеметом, со всеми атрибутами, характерными для боевой машины. Нажимаешь на зенитный пулемет, вырывается пламя – прикуривай! Нажимаешь на ствол пушки – льется коньяк в рюмку! Выбирай: сначала выпить или закурить. Динмухамет Ахметович коллекционировал зажигалки, и наш «танк» занял свое почетное место.

Вечером Динмухамет Ахметович и Зухра Шариповна, его ближайший друг и жена, устроили прием, на котором были все члены бюро, секретари обкомов, председатели облисполкомов, его помощники и близкие родственники. Прием превратился в большой вечер дружбы, не слышно было панегириков вроде «мудрый» и «великий», хотя в мудрости Кунаеву не откажешь.

У многих жителей Казахстана осталось в памяти и празднование в 1982 году 250-летия присоединения Казахстана к России. Для участия в торжествах прибыли делегации со всех концов нашей Родины.

Заседание открыл Д.А. Кунаев, первое слово он предоставил члену политбюро Гришину, который после приветственной речи огласил указ о

награждении республики орденом Ленина и прикрепил его к знамени Казахстана. Затем с докладом выступил Д.А. Кунаев. Он говорил об исторической предопределенности единения Казахстана и России: «С высоты нашего времени особенно четко видна глубинная значимость присоединения казахского трудового народа к народам России. В лице прогрессивной России казахский народ видел надежную защиту и военного союзника. Только Россия могла оказать реальную помощь и покровительство на историческом пути развития Казахстана». В заключение докладчик сказал: «Вместе с великим русским народом мы прошли путь, равный эпохам». Попробуй сегодня произнести подобную речь с высокой трибуны. Вас наверняка обвинят в имперском мышлении.

Празднование 250-летия присоединения Казахстана к России завершилось грандиозным праздником песни на ледовом стадионе «Медео». Показывая прекрасный ледовый стадион и окрестности, Д.А. Кунаев рассказал об уникальных направленных взрывах в этом урочище, которое носит имя Медео.

– Почему ледовый стадион носит имя Медео? – спросил кто-то из гостей.

Динмухамет Ахметович, продолжая рассказ, ответил и на этот вопрос. По берегам Малой Алма-Атинки, выше головного арыка, были расположены дачи городской знати, напротив Мохнатой сопки, которая взорвана и легла в тело плотины, на правом берегу речки возвышалась дача генерал-губернатора Колпаковского, разрушенная во время землетрясения. Участок после этого приобрел Медеу Пусурманов, известный своей предприимчивостью. Здесь у него было что-то вроде ресторана. Так это место и стало называться Медео.

Это был светлый и радостный праздник. Казахи гордились тем, что к знамени республики прикреплен пятый орден. Тогда и казахам и русским было ясно: добровольное присоединение Казахстана к России отвечает коренным интересам казахов.

В 1982 году первым заместителем командующего в округ прибыл генерал-лейтенант Наиль Мирсоитович Ахунов, до этого служивший в Белорусском военном округе командующим танковой армией. Он быстро вписался в дела округа и стал надежным помощником во всех делах. Генерал-лейтенант В.М. Архипов практически заново построил запасной КП. Жаль было с ним расставаться, в 1983 году его 5 назначили командующим войсками Закавказского военного округа. Вместо него прибыл генерал-лейтенант А.В. Ковтунов, с которым мы давно были

знакомы.

Членом Военного совета был командующий воздушной армией генерал-полковник П.И. Белоножко. Это он готовил авиационные полки для боевых действий в Афганистане. Неоднократно мы с ним вылетали в Баграм, где базировался полк истребителей-бомбардировщиков.

Однажды группе истребителей-бомбардировщиков была поставлена задача разгромить колонну противника. Хорошо приказать: разгромить! Изначально надо обнаружить, а условия весьма сложные: горный район, облачность. И полковник В.С. Кот летит сам. Благодаря высочайшему летному мастерству в этих сложных условиях командир обнаружил цель, навел полк истребителей-бомбардировщиков, и колонна боевой техники противника была уничтожена.

Из полка истребителей-бомбардировщиков Петр Иванович перелетел к вертолетчикам. Этот полк мы в Афганистан направили из Джамбула. В нем служил майор Вячеслав Карибулович Гайнутдинов, получивший высокое звание Героя Советского Союза. Он совершил в небе Афганистана сотни полетов, отражая вооруженные происки контрреволюционных банд.

Но один из полетов над горами для него оказался роковым. В ознаменование подвигов майора В. Гайнутдинова имя отважного воздушного аса навечно занесли в списки личного состава вертолетного полка.

Кроме В.С. Кота и В.К. Гайнутдинова, звание Героя Советского Союза получили воспитанники нашего округа подполковник В.В. Зербаков, подполковник В.И. Ухабов, майор Ф.С. Шагалиев, капитан Н.М. Акрамов, капитан И.В. Запорожин, капитан С.Н. Гуцин, лейтенант А.Е. Шахворостов, младший сержант Ю.В. Исламов, сержант А.Г. Мироненко, сержант Н.И. Креница...

Алма-Ата – столица творческой интеллигенции, город лириков. Какие были интересные посиделки с казахскими писателями, мастерами сцены. У нас в гостях побывали Ануар Алимжанов, Тахави Ахтанов, Олжас Сулейменов, Оралхан Бокеев, Шерхан Муртазаев, знаменитые актеры из Петропавловска-Казахского Иван Арчибаев и Тамара Кучина, режиссер из Караганды Николай Воложанин, блистательно поставивший «Гнездо глухаря» В. Розова, поэты Геннадий Кругляков и Михаил Балыкин, семипалатинец Владимир Сулыгин, Вера Ларионова.

Очень смешную историю мне поведал Михаил Балыкин, как его Пегас споткнулся на сцене театра имени Абая. Случилось это в 60-х годах, страна готовилась отпраздновать 10-летний юбилей освоения целины. В Алма-Ату обещал приехать на праздники сам Никита Сергеевич. Прославленный

коллектив абаевцев день и ночь работал над постановкой оперы «Целина». Либретто оперы заказали Балыкину. Но случилось непредвиденное – поэт запил на радостях: накануне идеологическое руководство республики одобрило первый акт будущей нетленки. Увещевать либреттиста было бесполезно, и тогда в ЦК Компартии Казахстана на семь часов утра вызвали директора театра. О чем ему говорили, можно догадаться, но уже в полдень поэта доставили в санаторное отделение больницы с соответствующей специализацией. К вечеру поэт протрезвел, и его ознакомили с посланием оперных певцов-абаевцев с припиской директора: «Миша, ты срываешь юбилей. Сиди и пиши! С партийным руководством согласовано. Из психушки вызволим, но сначала верни должок – второй акт оперы. Разносолы тебе доставят из ресторана. А чтобы ты оценил мою товарищескую поддержку, ежедневно будешь получать по две бутылки «Жигулевского». Это все, что для тебя могут сделать коммунисты театра», – и постскрипtum: «Не взыщи, за пиво высчитаю из твоей Ленинской премии».

Делать было нечего, пришлось засесть за либретто. Обычно в больницах подобного типа свет не выключается на ночь. Миша «поднимал целину» аж до одиннадцати часов вечера, пока в палату не заглянула нянечка.

– Спатеньки пора, спатеньки! – посоветовала нянечка вновь поступившему.

– Какой сон, мне надо дописать либретто! Никита Сергеевич приезжает в Алма-Ату. Я оперу пишу!

– Спатеньки, спатеньки! – уговаривала либреттиста нянечка, добрая душа. – У нас каждый второй пишет оперу! Я тебе завтра помогу. Мы вместе ее сочиним. А сейчас – спатеньки!

Утром выяснилось: главврач больницы запомнил предупредить нянечку о знатном «пациенте». Ошибку исправили, и больше никто из обслуживающего персонала не набивался к Михаилу в соавторы.

Спектакль обещал стать вехой в истории оперного искусства. Премьера прошла с триумфом. В центральной ложе восседало высшее партийное руководство республики, директор театра, главный врач больницы, под патронажем которого создавался шедевр, и сам виновник торжества – либреттист. В перерыве между первым и вторым актами составили список: кому надлежит получить Государственную премию, кому квартиры, а кому звание народного артиста СССР. Занавес на сей раз не закрывали, успех был сногшибательный.

Море цветов, оглушительные аплодисменты, с полчаса артистов

вызывали на бис. Особенно всем понравился второй акт. Главный врач похвалялся в фойе: «У меня корпели над шедевром, в санаторном. Да-с, у меня!»

Директор театра был преисполнен гордости и даже не высчитал за бутылки «Жигулевского» из гонорара. Алма-Ата приукрасилась, все приготовились к встрече именитого гостя.

Но вскоре состоялся всем памятный пленум в Москве, и Хрущева спровадили на пенсию. Оперу по команде из Москвы разнесли в пух и прах. Пегас так и не преодолел политические барьеры. Споткнулся!

Алма-Ата – театральный город. Событием стала постановка булгаковского «Мольера» Виктора Мажурина. Посмотреть на Нурмухана Жантурина в роли Мольера приезжали из Москвы. Но в какой бы город меня ни забрасывала судьба, я всегда выкраивал вечер, чтобы побывать на премьере спектакля по пьесе Виктора Розова. Удивительно скромный человек Виктор Сергеевич – уже будучи драматургом с мировым именем, он жил в коммунальной квартире при монастыре. Факт поразительный! Может быть, поэтому театр патриарха русской сцены не вытравить из памяти никакими порнушечными «изысками» новомодных столичных режиссеров. И как обидно, что нынешнее телевизионное начальство сослало в ссылку лучшие театральные спектакли, на которые ломались искушенные театралы Парижа, Лондона, Нью-Йорка, Варшавы. А жаль! И Виктор Розов, и Алексей Арбузов, и Александр Вампилов, и Михаил Варфоломеев в своей душе были демократами-созидателями. Скоро, очень скоро мы вернемся к их духовным исканиям, это время не за горами. Духовный опыт Советской России будет востребован. Так и хочется воскликнуть: «Эй, разные там Сванидзе, уступите место театру! Надоели вы на ТВ со своими политразборками, когда же вы перестанете линчевать Историю, приспособливать ее под капризы нынешних вождей? Все равно они не станут нашими духовниками. Ваш-то политический театр – фальшивый камень в роскошной оправе провинциальных русских театров. Не случайно говорят: «В Москве – деньги, а таланты, гении – в глубинке».

Поразили меня на древней земле Абая и традиции казахов. Однажды на семипалатинском базаре я увидел, как два молодых казаха били кнутами чапан, казахский халат. Рядом восседал старец, он продавал шубат, верблюжье молоко. Старик сидел без халата, и от этого его старческое тело еще больше казалось древним. Мне было удивительно наблюдать за «расправой» над халатом, и я подошел к парням. Каким-то чутьем я уловил, что между халатом и стариком существует неуловимая связь, старик вздрагивал после каждого удара плетью по чапану. И тогда я попытался

перехватить плеть у молодого казаха. Помню, как старик казах посмотрел на меня с благодарностью. Оказалось, что по древнему казахскому обычаю, когда кто-нибудь из аксакалов провинился, бьют не старца, а его халат-чапан в назидание. Интересный обычай, гуманный.

Летом 1982 года министр обороны Чехословакии генерал армии Мартин Дзур пригласил меня на отдых в Карловы Вары. Приглашение было направлено через наше Министерство обороны. Д.Ф. Устинов разрешил убыть в отпуск в июле.

Мы с Эммой Евгеньевной прибыли на аэродром Божий Дар, что рядом с Миловицами. Мартин Дзур спросил, где бы мы хотели отдыхать? Я сказал, что мечтаю посмотреть Чехословакию. Он засмеялся: «Действительно, за два года, кроме полигонов, они ничего не видели». Нам дали машину, и мы проехали через всю страну.

В последний раз с Мартином Дзуром мы встретились на космодроме Байконур в июле 1983 года. Вспоминаю и тот день, когда министр обороны СССР Д.Ф. Устинов пригласил всех министров обороны государств – участников Варшавского договора посмотреть, как стартуют стратегические ракеты, их подготовку к запуску и средства управления.

Тогда все министры считали, что ракетная мощь СССР – гарант существования стран социалистического содружества. Но все оказалось иначе. Ракеты до сих пор стоят на позициях, а Варшавского договора не стало, как и Советского Союза. Мы подточили «наш дом» в угоду «общеевропейскому дому». Ракеты стоят на позициях, они ни на кого не нацелены, зато блок НАТО подбирается к нашим границам.

...Вскоре наш округ вышел в число передовых, что было зафиксировано в приказе министра обороны по итогам боевой подготовки за 1983 учебный год. 1984 год запомнился мне еще и тем, что прошла предвыборная кампания в Верховный Совет СССР. Меня выдвинули кандидатом в депутаты от Аягузского избирательного округа Семипалатинской области. Я проехал практически по всем населенным пунктам, встречался с рабочими, колхозниками, военнослужащими. Встречи были доброжелательными.

В частности, избиратели попросили построить школу в военном городе Аягуз. И школу построили! После избрания депутатом я периодически отчитывался перед избирателями, даже будучи командующим войсками Дальневосточного военного округа я прилетел в Аягуз, чтобы встретиться с избирателями, а вечером и мы приезжали в Семипалатинск. Как сейчас помню, в русском театре имени Ф. Достоевского смотрели спектакль «Обвинительное заключение» Н.

Думбадзе, наслаждаясь блистательной режиссурой В. Мажурина.

В июне 1984 года я и генерал-лейтенант П.П. Полях работали в Сергиополе, военном городке недалеко от Аягуза.

Вдруг прибежал дежурный и сообщил, меня просит срочно позвонить генерал армии И.Н. Шкадов. Звоню. Он спросил, не надоело ли мне загорать в Средней Азии? Я ответил:

– Нет, не надоело.

– Тогда позвони министру обороны, – попросил Иван Николаевич.

Меня переключили по ЗАС на министра обороны. Тот шутя спросил:

– Подзагорел? Вы назначаетесь командующим войсками Дальневосточного военного округа.

– Когда мне прибыть в Хабаровск?

– Передадите округ – и в путь.

Вопросов я не задавал... К неожиданностям служебной карьеры давно привык.

Опять на Дальний Восток

Вылетели рано утром... Провожали меня члены Военного совета, новый командующий САВО генерал В.Н. Лобов, товарищи, друзья. Горючего на Ту-134 до Хабаровска не хватило, дозаправились в Улан-Удэ. Разница во времени у Хабаровска с Алма-Атой – 4 часа. Прилетели во второй половине дня. Среди встречающих – все знакомые лица: Иван Моисеевич Третьяк с Марией Петровной, генерал-лейтенант Н.Ф. Кизюн с супругой, генерал-лейтенант В.А. Патрикеев, генерал-полковник В.Е. Панькин, генерал-лейтенант В.А. Востров. Эмма Евгеньевна поехала в гостиницу, а я с Иваном Моисеевичем – в штаб округа.

Доложил министру обороны, что я прибыл и вступил в должность командующего войсками округа. Так начались рабочие будни на Дальнем Востоке. На третий день с секретарем крайкома партии Алексеем Клементьевичем Черным мы полетели в Комсомольск-на-Амуре, там на заводе имени Ленинского комсомола спускали на воду атомную подводную лодку. Громадный «кит», покрытый толстым слоем специальной резины, распластался в сборочном цехе на наклонных тяжелых рельсах.

Прежде чем запустить лебедки, адмирал В.В. Сидоров разрешил подняться на субмарину молодому лейтенанту с невестой в свадебном наряде. И вот лодка пошла. Медленно. Быстрее. Невеста ударила бутылку шампанского о перископную трубу, да так, что горлышко у нее осталось в руках.

Молодой лейтенант поцеловал невесту, а работяги пошутили: «Эта будет крепко за шею мужа держать, не вывернется».

Пока пригревало, посетили и части на побережье Ледовитого океана и в Магаданской области. Сели в Магадане. Первого секретаря обкома Н.И. Малькова на месте не застали, встретились с председателем облисполкома, рассказали, что полк будет размещен в Певеке и нам необходимо получить разрешение на небольшой участок земли в порту Певек. Он сказал, что не возражает, а вот Николай Иванович Мальков не согласен. Связано это было

с его личными отношениями с Иваном Моисеевичем Третьяком. Не случайно в Магадане ходили разговоры: «Прибыл малек из Владивостока и всех щук в Магадане разогнал».

Посетив базу моряков, я вылетел в Анадырь. Прилетели вечером. Встречающие были в шинелях. «Июль и август – еще не лето» – эта шутка имела здесь смысл. На побережье было много льда, и, когда мы утром на катере шли в город Анадырь, в заливе попадались отдельные льдины, среди которых выпрыгивали белухи, как бы соревнуясь с катером в быстроходности.

Встретила нас Н.П. Отке – председатель Чукотского окружкома. Она высказала ряд претензий к военным, якобы они в период нереста чавычи и кеты занимаются браконьерством. Поводом для этих жалоб послужил арест начальника окружного склада горючего, он выменял бочку краски у экипажа сухогруза на икру.

Дома в городе стояли на сваях, толщина стен в полтора раза больше хабаровских, да и стоимость дома в два с половиной раза выше, чем на материке. Север, здесь за все надобно платить, но можно и многое взять.

На самолете долетели до аэродрома мыса Шмидта. Дома и казармы неказистые, небольшие окна. Особенно тяжело давались инженерные сооружения, вечная мерзлота вносила свои коррективы.

На обратном пути сели в Магадане. Николай Иванович Мальков так и не выделил нам участок под застройку в Певеке, до сих пор не пойму, по какой причине. Скорее всего, возобладали амбиции: «знай наших» и «кто здесь хозяин».

Из Магадана перелетели в Петропавловск-Камчатский. Познакомился с ходом боевой подготовки по «мокрым пескам», побывал и на мысе Толстый, посетил флотилию атомных подводных лодок под командованием контр-адмирала Эдуарда Александровича Балтина.

Время не шло, а летело. В конце августа побывал в Южно-Сахалинске. Вместо деревянных казарм стояли спланированные городки. «Это результат воли и труда Ивана Моисеевича», – отметил первый секретарь обкома.

И вот я снова на Курильских островах, места знакомые. По решению Военного совета здесь я формировал пулеметно-артиллерийскую дивизию. Сели на аэродроме Буревестник. Отметил: по соседству с аэродромом вырос городок Горный. Трехэтажные дома для офицеров, казармы – все в сейсмическом исполнении. Сопровождал меня генерал Л.И. Чуйко – заместитель командующего по строительству и расквартированию войск. Вертолетом перелетели в Горячие Ключи, затем на Кунашир, Шикотан. Везде войска были обустроены, занимались боевой подготовкой: стреляли,

водили боевые машины, проводили с подразделениями тактические учения.

Возвращаясь в Хабаровск поздно вечером 1 сентября, мы наблюдали тысячи огней, плавающие свечи в районе, где сбили южнокорейский самолет. Намеренно игнорируя проявления доброй воли со стороны Советского Союза, правящие круги США, Японии и Южной Кореи раздули военный психоз, нагнетая провокационную кампанию по мифической «советской военной угрозе», притязая на советские земли.

Уж кому-кому, а руководству США было известно, что Курильские острова были возвращены СССР после разгрома японского милитаризма в полном соответствии с Каирской декларацией и другими совместными решениями союзников, подтвержденными Потсдамской декларацией.

Еще долго мерцали огоньки на плотиках, но тогда даже мысль не приходила, что вокруг инцидента с «боингом» изолюются слезами наши отечественные «демократы». Пришлось Б.Н. Ельцину отдать «черный ящик» Южной Корее, правда, пустой...

Несколько раньше, в конце июля, мы побывали во Владивостоке на праздновании Дня Военно-морского флота.

На рейде Амурского залива кильватерной колонной были выстроены корабли: авианесущий крейсер «Новороссийск», за ним другие крейсеры, эсминцы, миноносцы, десантные корабли и подводные лодки. Легкая дымка рассеялась, когда из моря вышел бог морей с трезубцем в сопровождении русалок.

Светило солнце, трибуны для гостей рукоплескали чудачествам русалок и чертей. На празднике я познакомился с первым секретарем Приморского крайкома Дмитрием Гагариным, был здесь и командующий армией генерал-лейтенант И.Н. Родионов, после праздника мы вместе уехали в Уссурийск.

С Игорем Николаевичем мы служили в Чехословакии, он в ЦГВ командовал корпусом. Его армия была самая большая в ДВО, и везде – поразительные сдвиги в лучшую сторону.

Вскоре Игоря Николаевича назначили командующим 40-й армией в Афганистане. Вместо него командование армией принял генерал-майор А.И. Костенко.

Приближалась 40-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. На бюро крайкома А.С. Черный поставил вопрос об увековечении памяти хабаровчан: в годы войны из состава Дальневосточного фронта на самые горячие направления прибыли двадцать три дивизии.

Когда военные комиссариаты поработали над уточнением посланных похоронок, то погибших оказалось свыше 28 тысяч человек. Поэтому памятник проектировался не как безымянный символ победы, а с расчетом увековечить фамилию каждого погибшего воина. В центре полукруга из цветного гранита – орден Отечественной войны, внизу – Вечный огонь и более 28 тысяч имен павших, перечисленных поименно, по алфавиту, буквы отлиты из легкого металла.

И стар и млад, все пришли на открытие мемориала. Слезы... воспоминания и даже разочарование. Родственники интересовались: «Почему нет моего дяди?», «Почему отсутствуют имена братьев, сестер?». Оказалось, не всех 5 хабаровчан призвали в армию из Хабаровска. Поэтому приняли решение: создать комиссию, пополнить мемориал именами павших в сражениях.

Праздновали сорокалетие Победы во всех гарнизонах округа. Мы сравнили доклады и убедились: праздник прошел спокойно. Обстоятельную информацию нам выдал и прокурор округа, начальники управления особых отделов.

Необходимость перепроверок докладов с мест была вызвана еще и тем, что некоторые командиры приукрашивали положение дел, выдавали желаемое за действительное.

Когда же стала нарастать эта тенденция? При Хрущеве, когда проходило сокращение армии. Вдруг начали призывать в армию молодых людей, отбывших срок в заключении, которые принесли в армию неуставные отношения. За это строго спрашивали с командиров, они, в свою очередь, предпочитали сами разбираться, не вынося сор из избы. Не хочю скрывать: иногда в частях при разборках и постреливали...

В августе 1985 года на празднование 40-й годовщины освобождения Кореи от японских захватчиков по приглашению ЦК Трудовой партии Кореи и правительства КНДР в страну Чучхе вылетела военная делегация, ее возглавлял Маршал Советского Союза В.И. Петров. В состав делегации входили генерал армии В.И. Варенников, маршал авиации В.Я. Савицкий, генерал-полковник Д.А. Волкогон и я, командующий ДВО.

В стране Чучхе

Утром 14 января вылетели в Пхеньян, в страну Чучхе. В Сунанском аэропорту близ Пхеньяна нас тепло встречали представители Министерства обороны.

На приаэродромной площади был выстроен и почетный караул. Маршал Советского Союза В.И. Петров принял рапорт начальника почетного караула и по-русски поздоровался.

Слева в дымке просматривались Ароматные горы, впереди – долина реки Тэдон. Пхеньян – город в парке, а ведь еще в годы колониального господства Пхеньян был обветшалым, здесь царили безработица и нищета.

За три года войны американцы 1431 раз подвергали Пхеньян варварским бомбардировкам, сбросили по бомбе на каждого жителя, превратив город в сплошные руины. Как это похоже на почерк натовцев в Сербии, ничего не изменилось с тех пор, правда, на сей раз перепало и китайцам.

В машине мы ехали вдвоем с маршалом авиации В.Я. Савицким. Мы видели стройные ряды монументальных зданий, украсивших город. Во второй половине дня нашу делегацию принял президент товарищ Ким Ир Сен в Кымсусанском дворце. Маршал Советского Союза В.И. Петров поздравил президента Ким Ир Сена с праздником 40-й годовщины освобождения Кореи и вручил подарок – картину «Красная площадь». Первый заместитель командующего Краснознаменным Тихоокеанским флотом вице-адмирал Н.Я. Ясаков, прибывший с отрядом кораблей в порт Вон Сан, также поздравил Ким Ир Сена с праздником и вручил традиционные морские подарки: бескозырку, тельняшку и новый бушлат.

В этот же день Ким Ир Сен принял партийно-государственную делегацию СССР во главе с членом политбюро ЦК КПСС Г.А. Алиевым и делегацию трудящихся Новосибирска, ее возглавил секретарь Новосибирского обкома КПСС А. Филатов.

В составе новосибирской делегации находился Я.Т. Новиченко – воин-

интернационалист.

Офицер Советской армии Я.Т. Новиченко охранял товарища Ким Ир Сена на митинге в Пхеньяне в дни его триумфального возвращения на Родину. Один из недругов Ким Ир Сена бросил гранату в вождя. Новиченко, не раздумывая, подмял под себя гранату, заслонив своим телом Ким Ир Сена. Все были уверены, что Новиченко погиб. Но случилось невероятное: перед митингом Новиченко засунул под гимнастерку, чуть выше ремня, книгу Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв». Она-то и спасла офицеру жизнь.

Триста тысяч корейцев, затаив дыхание, с надеждой посматривали в сторону трибуны.

«Что с Ким Ир Сенем? Он жив?» – несло по рядам. Каждый бы посчитал за превеликое счастье повторить подвиг русского офицера. И вот над привокзальной площадью снова раздался знакомый голос дорогого вождя: «Не беспокойтесь! Мы сражались с вами в горах Пэкту, выстоим и в Пхеньяне!»

Новиченко налили стакан водки в лазарете и под «русским наркозом» подштопали и подлатали. Десятки тысяч пхеньянцев столпились в саду под цветущими абрикосами, ждали весточку из операционной палаты. И офицер выжил! Каждые два часа в палату заходил адъютант Ким Ир Сена, справлялся о здоровье Новиченко. Пришла к Якову Тихоновичу и супруга вождя – Ким Чен Сук, принесла яблоки...

На память от Ким Ир Сена Новиченко получил серебряный портсигар. В сибирском селе Травное героя ждала жена Мария с двумя детьми. Яков Тихонович вернулся из Кореи без руки, отняли в госпитале.

Долгое время Новиченко работал агрономом, а чуть позже возглавил сельсовет. Однажды фельдшерица пожаловалась:

– Яков Тихонович, никакой связи с городом. Вы бы похлопотали. До врачей не дозвонишься.

– Да что я могу сделать? Более трехсот километров до обкома. Что-нибудь придумаем, – буркнул Новиченко.

– А вы покажите главному связисту области серебряный портсигар вождя. Мол, единственный телефон в округе – за двадцать километров. Намекните: по великим государственным праздникам вам звонит сам товарищ Ким Ир Сен. В Кремле прознают, что вождь Кореи не может дозвониться, областному связисту несдобровать.

Лишь один раз воспользовался Яков Тихонович в интересах сельчан знакомством с самим Ким Ир Сенем. Намекнул, что пожалуется в Москву. Через день примчалось начальство из областного центра: поставить

телефон!

А через 38 лет после памятного случая в Пхеньяне Якову Тихоновичу звонок из Москвы. Президент Ким Ир Сен дал задание сотрудникам посольства проведать о судьбе Новиченко. Как, жив курилка? И как же обрадовался товарищ Ким Ир Сен, когда узнал от самого Якова Новиченко, что герой здравствует, в семье шесть ребятишек и одиннадцать внуков и внучек. Вскоре Яков Тихонович вылетел со своей супругой Марией в Пхеньян погостить.

«Я всегда буду встречать вас, как главу государства, – обнял на пороге своего дома Якова Тихоновича вождь корейцев. – Вы мой боевой соратник! Вы отвели от меня беду! Моя любовь к вам не ведает границ. Обойдемся без церемоний, приезжайте ко мне со своими детьми и внуками».

И смущенная любезным приглашением Мария пошутила: «Если так, то приедем всем колхозом!» 25 мая 1984 года был опубликован Указ о присвоении Я.Т. Новиченко звания Героя Труда КНДР.

С Яковым Тихоновичем мы не раз встречались на приемах в посольстве КНДР. Ушел из жизни товарищ Ким Ир Сен, а через несколько месяцев скончался и Яков Тихонович. В последний путь Якова Новиченко провожал весь город. Пришла трогательная телеграмма и от товарища Ким Чен Ира. Семье Якова Тихоновича Новиченко назначили высокую пенсию. Времена на дворе царят перестроечные, и эта пенсия выручает семью героя. До сих пор почтальон приносит пособие в дом Новиченко: «Это вам от правительства КНДР, от всего корейского народа. Распишитесь! Корешок мы отправим в посольство».

Но вернемся к нашему визиту в Пхеньян. Всю военную делегацию включили в состав президиума центрального торжественного заседания. С докладом выступил член политбюро ЦКТПК премьер Административного совета республики товарищ Кан Сон Сан.

«Сорок лет назад, – отметил докладчик, – в нашей стране был положен конец колониальному господству японского империализма и блестяще осуществилась мечта нашего народа – возрождение Родины. Освобождение Кореи было великой победой, которую Корейская народно-революционная армия, развернувшая мужественную многолетнюю антияпонскую вооруженную борьбу под мудрым руководством великого вождя товарища Ким Ира Сена, одержала совместно с Советской армией в борьбе с японскими империалистическими агрессорами».

На заседании с приветственной речью выступил и член политбюро ЦК КПСС Г.А. Алиев. Остановившись на укреплении еще в годы войны советско-корейской дружбы, Гейдар Алиевич отметил волю и готовность

советского народа укрепить дружбу между советским и корейским народами новыми яркими деяниями.

Г.А. Алиев, закончив свою речь, передал великому вождю поздравительное письмо от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, адресованное генеральному секретарю ЦКТПК, президенту КНДР товарищу Ким Ир Сену и премьеру Административного совета товарищу Кан Сон Сану по случаю 40-й годовщины освобождения Кореи.

Особенно мне запомнился парад войск Пхеньянского гарнизона. Начался он в 9 часов утра. Под звуки торжественного марша на центральную трибуну поднялся Ким Ир Сен, справа от него стоял Г.А. Алиев, слева – Маршал Советского Союза В.И. Петров. Рядом с Ким Чен Иром – генерал армии В.И. Варенников, руководители партии и правительства КНДР, гости. Под музыку парадного марша на открытой машине вице-маршал О Чжин У, принимающий парад, выехал перед колоннами. Отрапортовал о готовности войск к параду генерал армии Ким Чван Чжин.

Мимо трибуны твердой поступью прошли колонны слушателей академий, курсантов военных училищ, гвардейцы с боевыми знаменами, колонны рабоче-крестьянского красного ополчения, красной молодой гвардии. Гостям на трибуне рукоплескали. Г.А. Алиев, улыбаясь, заметил: «Даже лучше, чем в Баку». Мы возложили цветы к монументу «Дружба». У этого памятника нас встретили представители китайского посольства, в том числе военный атташе КНР. Отношения между СССР и Китаем в этот период были далеко не лучшими, но В.И. Петров отметил: «Китайцы мужественно сражались в борьбе с американцами. Предлагаю возложить к памятнику китайским добровольцам цветы».

Затем мы поехали на стадион имени Ким Ир Сена, на праздничное выступление «Славная Корея» с участием 50 тысяч пхеньянцев. Мы восхищались, как с помощью цветных флажков создавались эпические картины, рассказывающие о героической борьбе корейского народа против японских завоевателей. Помню, как в обрамлении цветов флажками были выложены портреты М.С. Горбачева и Ким Ир Сена. Позже Горбачев расспрашивал членов делегации, каких размеров был его портрет и флажками какого цвета обозначили его пятно на голове. Пожалуй, это был единственный случай, когда портрет Горбачева выложили цветами.

В тот же день в Пхеньяне прошло факельное шествие. Нас пригласили на центральную трибуну на площади Ким Ир Сена.

Через площадь проследовал 50-тысячный факельный отряд. Он начал

движение от площади у Триумфальных ворот, прошел мимо монумента Чхоллима... Монумент воздвигнут на холме Мансу и олицетворяет героический дух и негибаемую волю корейского народа. Чхоллима – крылатый конь, преодолевший тысячу ли за день. Факельное шествие как бы продемонстрировало революционный дух корейского народа, монолитно спаянного вокруг Трудовой партии Кореи.

Побывали мы и в городе Вонсан, что расположен на восточном побережье Корейского полуострова. Практически мы пересекли весь полуостров с запада на восток, протяженность дороги – 200 километров. Со всех сторон город окружен живописными горами. Эти горы называют Алмазными. Почти отвесно спускаются к морю лесистые склоны, прорезанные каньонами и водопадами.

Утром на катере мы вышли в море. С нами находился товарищ Ким Чен Ир и министр вице-маршал О Чжен У. Из воды выступали громадные скалы, поросшие тощим кустарником. Остановились на рыбалку. Удочками довольно бойко ловили морских окуней. Владимир Яковлевич Савицкий умудрился поймать окуня за хвост. Ким Чен Ир пошутил: «Истребитель зашел в хвост!» Наловили рыбы довольно много, и Ким Чен Ир пригласил на уху. На одном из скалистых островов, на довольно ровной гранитной площадке, накрыли стол. Василий Иванович встал и провозгласил тост: «За процветание Кореи, за ее объединение, за здоровье и благоденствие трудящихся Кореи, за здоровье любимого вождя товарища Ким Ир Сена».

В Пхеньян возвратились поздно вечером. Утром 18 августа вылетели в Хабаровск. Перед вылетом на родину министр вице-маршал О Чжен У вручил от имени товарища Ким Ир Сена картину, на которой шумит водопад и стоят багряные деревья на склоне. Картина была вышита. Обычно картину «пишут» цветными нитками около года, и когда я люблюсь на технику корейской живописи, то вспоминаю, как переливается всеми цветами радуги водопад и как мы рыбачили с Ким Чен Иром, обсуждая проблемы мира и социализма.

Пройдет всего шесть лет, и один из греющихся у костерка предаст и Россию, и гостеприимную Корею. Это один из генералов ГлавПУРа Волкогонов.

XXVII съезд КПСС

Готовилось заседание Военного совета. Последняя декада августа на Дальнем Востоке – самая активная пора подготовки к зиме. С докладом по этому вопросу выступал заместитель командующего войсками округа по тылу генерал-лейтенант Р.Г. Тавадзе. Принципиальность вопроса заключалась в том, что, если опоздать и не завезти все необходимое – беда!

Достаточно сказать: если в солярку не добавить специальные присадки, то горючее кристаллизуется, забиваются форсунки, и техника стоит.

Поэтому я обратил внимание на недостатки, с которыми мы столкнулись в прошлую зиму. Об этом необходимо было сказать и потому, что командармы все были новые: генералы А.И. Костенко, В.А. Копылов, Ф.М. Кузьмин, В.И. Новожилов, да и командиры дивизий обновились наполовину, так что опыт прошлых лет им не мешало знать.

В период активного таяния снегов на Саянах переполняются реки Зея, Буря, а тут еще зарядили обильные дожди. Амур поднялся до 7 метров, расплескался на десятки километров в ширину. Плавали дома на Большом Уссурийском и Тарабаровском островах, вода подошла к трассе Хабаровск – Красная речка, а дорогу Хабаровск– Князе-Волконка залило водой, в том месте Амур соединился с рекой Сита, образовав целое море.

В эти дни прилетел министр обороны Маршал Советского Союза С.Л. Соколов с большой группой генералов и офицеров Генерального штаба проводить фронтовое командно-штабное учение.

Сергей Леонидович служил на Дальнем Востоке, участвовал в боях у озера Хасан, знал норы дальневосточных муссонов, но такого половодья, как он выразился, не видывал. На запасной командный путь летели на вертолете, на командные пункты армий добирались также только вертолетами и самолетами.

Министр обороны знал как дальневосточник, чему учить, и даже эти неблагоприятные погодные условия использовал для обучения командиров

и штабов.

В конце января – начале февраля по всей стране проходили областные и краевые партийные конференции. На конференции выбирали делегатов на XXVII съезд, потому было много «варягов» из Москвы, среди них я заметил поэта Роберта Рождественского. Он еще поинтересовался, где дислоцируется 31-я стрелковая дивизия. Я рассказал, что дивизия переформирована в танковую, но ее исторический формуляр, награды, почетные наименования сохранены. Я уже знал, что в годы войны начальником политотдела дивизии был отец Роберта Рождественского, а его мать – командиром медико-санитарного батальона. Эта дивизия стояла в Прибалтике и только в 1969 году прибыла в Белогорск Амурской области. В перерывах между заседаниями Роберт читал свои стихи, а вечером попросил показать баню, в которой парился сам В.К. Блюхер.

Роберт оказался заправским парильщиком и засыпал нас литературными байками. Один рассказ меня потряс: молодой критик Николай Сергованцев в журнале «Октябрь» разнес в пух и прах прозу А. Солженицына, неосмотрительно развенчав кумира Никиты Хрущева. Почти неделю, словно на работу, молодой критик ходил по утрам в ЦК КПСС, где идеологические нукеры Суслова учили его хорошим манерам. Но критик не смалодушничал, не отрекся от своих взглядов. И спустя месяц его разыскал бывший зэк, вместе с будущим лауреатом Нобелевской премии он отбывал срок в Экибастузе. Нет-нет, Роберт Рождественский ничего не приукрасил. Действительно, в лагере умирал зэк, сидевший по той же статье, что и Солженицын. Приостановить болезнь могли кусочки сахара, которым лагерное начальство не особенно делилось с заключенными.

И тогда самые отчаянные пошли к начальнику. Но тот, рассмеявшись, пообещал их на несколько часов выставить на мороз. Была зима, и морозы в Экибастузе стояли под сорок градусов. Чтобы не оставить в беде товарища, порешили усилить меры воздействия на зарвавшегося начальника: почти две тысячи заключенных устроили на снегу сидячую забастовку, при этом они все разделись. Так и победили! Но история на этом не заканчивается: только три человека бойкотировали эту акцию, не вышли из барачков. Среди них был и Александр Солженицын...

Бурные предсъездовские дни. 25 февраля 1986 года в 10 часов утра в Кремлевском Дворце съездов делегаты приветствовали генерального секретаря и членов политбюро. Делегацию коммунистов Хабаровского края, как и другие дальневосточные делегации, посадили на балконе. Роберт Рождественский пошутил: «Р-р-рылом не вышли».

Доклад М.С. Горбачева слушали с большим вниманием. Из доклада я усвоил, что перед партией стоит задача «о качественно новом ускорении экономического и социального развития страны во всех сферах жизни нашего общества». Эта программа получила название «перестройка».

Выступления делегатов в основном касались новых веяний. Диссонансом прозвучало выступление Э.А. Шеварднадзе, который по привычке здорово «лизнул» генсека, да так, что тот не выдержал и прервал оратора, отмежевался от его похвал, чем вызвал одобрение зала. Но Шеварднадзе знал, что он делает. За ласковые прикосновения к телесам генсека он получил ключевой пост министра иностранных дел.

Сразу же после съезда мы прошли в зал заседаний ЦК, где состоялся Пленум. В состав политбюро были введены: Л.Н. Зайков, Б.Н. Ельцин, С.Л. Соколов, Н.Н. Слюньков, Н.В. Талызин, в состав секретарей ЦК ввели: В.А. Медведева, В.А. Нишнова, Г.П. Разумовского, А.Н. Яковлева. Мы тогда не знали о распределении обязанностей и закулисной борьбе, уезжали со съезда в надежде, что новое мышление даст свои плоды, поднимет авторитет партии.

Тогда мы еще не ведали, да и представить себе не могли, что главный идеолог партии А.Н. Яковлев заложит в основу реформирования коренное изменение общественного строя, включающее в себя «ликвидацию моновласти, моноидеологии и монособственности».

«Тысячу лет нами правили и продолжают править люди, а не законы» – эта фраза Александра Николаевича датирована декабрем 1985 года, когда Яковлев в числе других работал над подготовкой доклада генсека XXVII съезду партии.

Кто же разрабатывал законы, обогащая теоретическую мысль партии? «Академики» вроде Яковлева. Законы они разработали в интересах определенных классов, личностей. Сегодня Конституция страны сработана под одного, всем нам знакомого человека, «гаранта». Кто же в таком случае правит людьми? Неужели законы? Правит «гарант».

В интервью «Независимой газете» Яковлев бахвалился: «Я бы с удовольствием вступил в спор, но нет оппонентов. А жаль». Ах как научился привирать «академик». Оппоненты были и есть. Женщина, которая в Самаре наподдала автору «Горькой чаши». Еще какая оппонентша!

Когда началась война с немецко-фашистскими захватчиками, Яковлев служил на Балтийском флоте. Из моряков и была создана 6-я морская бригада. Она ходила по тылам немцев, а в конце 1941 года заняла оборону на Волховском фронте, ее соседом была наша 177-я стрелковая дивизия.

А.Н. Яковлев имел воинское звание старший лейтенант. О нем писали газеты, некоторые заметки он показывал мне. В феврале 1942 года его тяжело ранили. В строй больше не возвратился. Получил высшее образование в Ярославском пединституте, работал в агитпропе ЦК, продолжил образование в США, где учился вместе с О. Калугиным в Колумбийском университете.

Как историк Яковлев конечно же знает, как складывалось во время войн национальное богатство США. И вот к этим разбойничьим традициям Яковлева и потянуло. То ли Канада повлияла, то ли университет, словом, напился наш народ из «Горькой чаши» яковлевской отравы, потеряв уже более 50 процентов промышленного потенциала.

Очень справедливо охарактеризовал Яковлева самарский рабочий А. Кузайкин, который «академиев не кончал», но попал в глаз: «А. Яковлев как Рихард Зорге, только наоборот. Зорге служил корреспондентом в фашистской газете и умер за коммунизм. Александр Николаевич же под партийным билетом прятал идею разрушения государства».

После XXVII съезда партии Горбачев много разъезжал по стране, летом 1986 года генсек прибыл во Владивосток. Самолет Ил-62 приземлился ночью. Моросил дождь, мы стояли под светом юпитеров недалеко от трапа, к которому подошел первый секретарь крайкома Д. Гагаров с супругой по традиции с хлебом-солью и цветами. После этой церемонии Горбачев направился к нам, военным.

А уже через сутки Михаил Сергеевич прилетел в Комсомольск-на-Амуре. Посетил авиационный завод имени Гагарина и там же наблюдал полеты Су-27. Полеты были не просто удачными, летчики демонстрировали самые головокружительные фигуры высшего пилотажа.

При встрече с народом Горбачеву приходилось нелегко. Надо было объяснять, почему на Дальнем Востоке плохо с продуктами. «Вот поэтому партия и осуществляет перестройку, проводит реформы, чтобы было все: и продукты, и все другое необходимое», – отбивался генсек.

Мне тогда показалось, что к нам прилетел дилетант. Горбачев находился в плену ставропольских стереотипов, по-моему, он даже не подозревал, что зима длится почти девять месяцев. Разговор о теплицах, огородах скорее вызывал скрытую усмешку, чем понимание.

На следующий день Михаил Сергеевич посетил мотострелковый полк на Красной речке. Шел мелкий морозящий дождь, ЗиЛы на большой скорости миновали КПП и остановились. Верховный главнокомандующий осмотрел строевой плац, казарму, зашел в столовую. Михаил Сергеевич поинтересовался: «Хватает ли хлеба?» Командир полка доложил:

«Остается». Я объяснил генсеку, что округ за год сэкономил 9 тысяч тонн хлеба. «Это же план целого большого совхоза».

Посетили гости и солдатский клуб, Людмила Фоменко преподнесла генсеку цветы, сказала такие проникновенные слова, что заставила Михаила Сергеевича улыбнуться. «А зачем нужен замполит в полку, вот образец политработника!» – ответил Горбачев. Потом мы поехали в штаб округа в сопровождении А.К. Черного. В зале Военного совета мы собрали руководящий состав. Я проинформировал, что с повышением требовательности резко повысилось количество зарегистрированных происшествий и преступлений. Генсек включился в разговор: «Наш Ставропольский край был вроде бы благополучным, находились мы где-то на седьмом месте. А на улицы вечером выходить было опасно. Ужесточили меры – скатились на пятьдесят седьмое место. Но зато навели порядок».

Улетел генсек, а проблемы остались. Главная из них – отправка для уборки урожая двадцати пяти автомобильных батальонов, каждый по пятьсот машин. Каковы затраты – доставить машины с Камчатки и Сахалина – никого не интересовало. Два водителя на каждой машине – один из армии, а другого призывали с «гражданки».

В начале января позвонил Сергей Леонидович Соколов, министр обороны, предложил мне должность начальника Главного управления кадров. Я дождался замены и вылетел в Москву.

Странички тюремного дневника

1992 год. 17 декабря Лисов прислал бумагу в СИЗО. В ней он информировал заключенных по делу ГКЧП, что теперь они числятся за Верховным судом. Документ был подписан 12 декабря 1992 года. Теперь, дескать, к нам не обращайтесь. Они «умыли руки». Отныне разрешение на свидание с родными мы получали через Верховный суд. Надзирающий прокурор, который посетил мою камеру 19 декабря 1992 года, объяснил: Верховный суд возглавляет некий Лебедев, и теперь только через него придется решать все вопросы. «До Бога далеко, до суда еще дальше».

24 декабря 1992 года «Маяк» передал, что назначен судья по делу ГКЧП, генерал-майор Анатолий Тимофеевич Уколов. Больше ни слова.

25 декабря. Освободили моего сокамерника Мишу Аvezова. За что просидел полтора года – никто не понял.

29 декабря 1992 года. Меня навестили дочь Елена и зять Александр Олегович. Прочитал поговорку в дневнике Л.Н. Толстого: «Хорошему сыну состояние не заводи. Плохому не оставляй».

Приближался новый, 1993 год. Просидел в Тишине 498 дней и ночей.

Тюрьма – это жизнь в себе. Границы свободы становятся безразличными. 28 шагов в снежном обледенелом дворе, по кругу ходишь, как лошадь. В тюрьме слово – серебро. Молчание – золото. Хожу и молчу. Делиться своими мыслями не с кем, да и зачем?

7 января 1993 года. Рождество. Выходные. Единственная связь с миром – «Маяк».

Адвокаты не приходят, празднуют Рождество. Вычитал у Чейза: «Ты что улыбаешься, как адвокат?» То, что имел в виду Чейз, понятно – гонорар. А мои адвокаты практически защищают меня без вознаграждения.

12 января 1993 года. Приехал адвокат Лев Сергеевич Абельдяев. Написали с ним письмо в суд с просьбой заменить содержание под стражей на подписку о невыезде.

Медленно, мучительно медленно тянется время в застенках. Идет мой

69-й год, уже на 18 лет пережил жену – Екатерину Федоровну.

21 января 1993 года, четверг. Доченька сумела дозвониться до Валерия Никодимовича, сообщила, что умерла ее свекровь Галина Давыдовна. Это моя сватья, а я не могу даже выразить соболезнование Олегу Александровичу, Тане и Саше Лосикам. Может, разрешат позвонить? Добрый человек Валерий Никодимович – разрешил! Дозвонился до Олега Александровича, выразил соболезнование, и больше ни слова. И за это спасибо.

У внуков не стало ни одной бабушки.

25 января 1993 года. Зашел в камеру подполковник Бобков, скомандовал: «Едем в госпиталь МВД!» В палату завезли в коляске и сразу под капельницу.

26 января 1993 года. Ко мне зашел начальник отделения майор Владимир Васильевич Королев, доброжелательный, вежливый, ко всем обращался со словами: «Родной, как самочувствие?» Он сказал, что я серьезно болен.

Во второй половине дня появились Валерий Никодимович Панчук, его заместитель Бобков, адвокат Николай Викторович Печенкин, Саша Лосик, Дима Старостин и врачи. Валерий Никодимович объявил решение судьи генерала А.Т. Уколова: мера пресечения заменена подпиской о невыезде. Суд назначен на 14 апреля. Тут же сняли охрану. Но врачи посоветовали не уходить из госпиталя, пройти полный курс лечения.

На следующий день меня посетили под водительством Эммы Евгеньевны товарищи по службе: Миша Савин, Саша Курочкин, Андрей Демьянов, Игорь Новиков. Пришел доктор-психолог в сопровождении врача Елены Борисовны, после осмотра он буркнул: «Надо больше гулять на воздухе».

5 февраля 1993 года. Адвокат Лев Сергеевич Абельдяев принес в палату пять томов обвинительного заключения. Начал читать, делать выписки, готовить свое выступление на суде. Столько нестыковок, ложных утверждений в этих пяти томах, я просто удивлялся, как нагло интерпретировали показания свидетелей.

11 февраля 1993 года. Выписали из госпиталя. Сердечная благодарность начальнику госпиталя Феликсу Борисовичу Попову, начальнику отделения Владимиру Васильевичу Королеву, милейшим Татьяне Николаевне, Виктории Михайловне, Елене Борисовне.

Приехали Эмма Евгеньевна и Дима Старостин. 15 минут езды, и мы – дома. Грей ждал! Не могу описать, как он выражал чувство преданности, носил тапки, прыгал на меня, показал всю свою собачью сноровку.

На другой день отправился гулять с Греем в парк за Дворцом пионеров на Миусской площади. Меня окружили знакомые по «лай-клубу».

Интересно было разговаривать с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским. Он вывел на прогулку своего кокер-спаниеля. Разговорились о войне. «Полководцы Жуков, Василевский, Конев, Рокоссовский, Толбухин и Малиновский, – убеждал меня Смоктуновский, – действовали на фронте без подсказки Сталина. Мы бы и без Сталина победили. Там, где вмешивался Сталин, непонятно что творилось. Я был сержантом-разведчиком, служил в 3-й гвардейской танковой армии, мы дошли до Гляйвица и почему-то повернули на юг – на Катовице».

Я помалкивал, пока «храбрый сержант» излагал свои аргументы, потом поинтересовался: «Вам известно, что в эти дни проходила Ялтинская конференция и что Сталин из Ялты разговаривал с Коневым? Он спросил Конева: «Вы понимаете, что такое Силезия?» Конев ответил: «Понимаю, товарищ Сталин, – царство угля». – «Нельзя допустить, чтобы немцы его разрушили. Необходимо создать видимость окружения. Срочно поверните армию Рыбалко на Катовице. Но дайте возможность немцам выйти из котла. Силезия – золото. Донбасс разрушен, нам и Польше необходим уголь».

Затем я спросил Иннокентия Михайловича: «Вы почти все в театре народные артисты, своего рода маршалы в искусстве. Зачем вам нужен режиссер?» – «А как же без режиссера. Без режиссера театр не может работать». – «Так вот и Верховный главнокомандующий был в армии и в государстве своего рода режиссером. Выбрать направление главного удара в операции, безусловно, могли и Жуков, и Конев, и многие другие полководцы. А вот где взять технику, резервы, определить масштаб перегруппировки войск – это решал Сталин».

В Сталинградской операции было выбрано два удара по сходящимся направлениям: Клетская – Калач-Советский и Сарпинские озера – Калач-Советский. На направлении главного удара необходимо было сосредоточить пять танковых корпусов. Кто поставил эти корпуса? Сталин!

Еще вам один пример: немцы перерезали железные дороги. Ни Жуков, ни Василевский не могли принять решение построить на левом берегу Волги железную дорогу. А враг уже вышел к среднему Дону. Для строительства рокады по левому берегу необходимы рельсы. Где их взять? Только Сталин мог принять решение, поразительное по своей неожиданности: вывезти рельсы с БАМа! Рельсы снимали с полотна звеньями, укладывали на платформы и везли по всему Транссибу в огнедышащее пекло. Звено за звеном ложились рельсы, где на насыпь, а где

просто на опаленную степь. И в августе 1942 года рокада вступила в строй! По ней пошли войска в Сталинград, а к огненным позициям – пушки!

Современная война – это не битва двух полководцев, а война народов. И руководить войной должен глава государства.

Со многими моими доводами великий актер согласился, камнем преткновения были репрессии.

«Никто репрессии не оправдывает», – убеждал я Смоктуновского.

Не знаю, отнес или нет к репрессии Иннокентий Михайлович расстрел парламента в Белом доме. По телевидению показали, как Смоктуновский и еще несколько «патриотов» сооружали около Моссовета баррикады по зову Гайдара. При встрече с актером-«ополченцем» я сказал ему: «Роль Гавроша вы плохо сыграли. А все потому, что Гайдар – режиссер никудышный».

Чуть раньше, когда Гайдар попробовал себя в роли Сусанина, состоялся общественный суд над Горбачевым.

Еще 4 ноября 1991 года Виктор Иванович Илюхин, будучи начальником Управления прокуратуры Союза ССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, возбудил уголовное дело в отношении президента СССР М.С. Горбачева за измену Родине.

Дважды материалы по Горбачеву направлялись в прокуратуру России для нового возбуждения дела, но Степанков – бдил! Поэтому в феврале 1993 года по требованию всенародного вече – древнего законодательного органа Руси был проведен трибунал.

В своей речи главный обвинитель по делу Горбачева показал суду, как Горбачев скатился до предательства интересов народа, как он умышленно не исполнял Конституцию СССР, другие законодательные акты. Как он стал клятвопреступником, преднамеренно предавая национальные интересы, подрывая обороноспособность и безопасность Союза. Он преднамеренно нарушил Ялтинские, Потсдамские, Хельсинкские договоренности, чем создал условия для пересмотра итогов Второй мировой войны.

Виктор Иванович Илюхин показал всему миру моральную нечистоплотность Горбачева, его корысть, карьеризм, злоупотребление властью.

Трибунал обратился к Верховному суду Российской Федерации с просьбой возбудить уголовное дело в отношении М.С. Горбачева и постановил обратиться в Международный комитет по Нобелевским премиям с просьбой о лишении М.С. Горбачева Нобелевской премии мира как совершившего преступление против мира и человечности.

Кое-кто попытается оспорить решение трибунала, дескать, собрались юристы, что-то там порешили. А кто вас уполномочил? Мы завтра соберемся в красном уголке ЖЭКа и ваши решения отменим. И я хочу напомнить рьяным защитникам горбачевщины: Нюрнбергский процесс тоже был общественным. И народ имеет право, коли судебная власть безмолвствует, обслуживая исключительно интересы режима, собрать свой трибунал: «Суд идет! Обвиняемый М.С. Горбачев, встаньте! Вы признаете свою вину?»»

Встреча с Бушем

В январе 1989 года сотрудники арбатовского института США и Канады пребывали в эйфории. В Доме кино на Васильевской можно было услышать по «большому секрету», что к нам едет сам Киссинджер! Примчалась из-за границы, дабы сыграть роль Анны Андреевны, жены Городничего, на российском политическом небосклоне, и Галина Вишневская. Правда, нашлись и такие, кто не доверял слухам. Но это дело поправимое, достаточно справиться у кутюрье Зайцева, который обшивал Раису Максимовну: «Первая леди заказывала себе обновы?»

«Да она эти наряды уже примеряла», – проболтались портняжки.

«Ну, если уже примеряла, – сострил актер Никулин, – значит, что-нибудь да оттяпает от СССР!»

Горбачев явно засиделся в политическом одиночестве. Старожил американской номенклатуры Рейган уже отошел в сторону, он уступил место в Белом доме Бушу, президенту-«полководцу», который вместе с Горбачевым и добьет Варшавский блок.

В «трудовой книжке» Буша можно было насчитать несколько профессий, но главная все-таки – кадровый разведчик. Остается только удивляться политическим пристрастиям американцев: то у них президент – бывший актер, то президент – разведчик, а вот нынешний, из Арканзаса, – Ромео.

Киссинджеру оказали в Москве радушный прием, заморский «челнок» чуть ли не у трапа самолета передал из 5 рук в руки послание президента Буша. Так было положено во Внуково-2 начало переговоров о новом статусе Восточной Европы.

Остролов с Лубянки, известный советский разведчик Леонид Шебаршин по этому поводу сказал: «Прилетел Киссинджер в столицу. Вместе с «архитектором перестройки» Яковлевым и грузином Шеварднадзе будут отваливать огромную глыбу от диктатуры. Не все политики продажные, кое-кто сдает себя и в аренду!»

Шебаршина Горбачев побаивался. Поэтому спешил поздравить разведчика с каждым советским праздником: «Уважаемый Леонид Владимирович! Сердечно поздравляю! Желаю больших успехов в обновлении нашего общества и укреплении обороноспособности государства».

Московским «обновленцам» Киссинджер дал мудрый совет, как «укреплять обороноспособность государства», уже мчась из Внукова в сторону столицы. Начинать надо было с Варшавского договора. Но это как раз и вдохновляло Шеварднадзе, он считал себя экспертом по военным проблемам. Правда, лезть вперед батьки Горбачева со своими инициативами, да еще когда Раиса Максимовна не успела продемонстрировать всему мировому сообществу новые наряды, было, мягко говоря, бестактно и неосмотрительно. А главное, невеликодушно по отношению к первой леди страны.

Забегая вперед, скажу: Киссинджер блистательно провел переговоры. На заседании кабинета американского президента в Белом доме осенью 1989 года он выдаст в адрес Горбачева комплимент самой высочайшей пробы: «Если бы вы, господин Буш, захотели уничтожить Советский Союз, вы бы сделали по-другому, чем Горбачев?»

Отмечу, не все в США поддерживали закулисные переговоры, назову помощника госсекретаря по европейским проблемам господина Риджвея, куратора СССР и стран Варшавского договора господина Симеона. Они призывали не церемониться с Россией и считали недели, когда Берлинская стена рухнет и ее осколки разберут на сувениры.

Политическая телега Михаила Сергеевича уже покатила с горы, перевернувшись, она заодно перебила и все перестроечные горшки. Но «прорабы перестройки» не унывали, они дружно пересели в раскрашенный цирковой фургон Дяди Сэма, который выехал из стен ЦРУ на политические гастроли по всем республикам необъятной Страны Советов. Наши отечественные демократы свисали с фургона, подобно пустозвонным погремушкам...

К весне Горбачев совсем пал духом, президент Буш упрямо тянул с переговорами. Создалась уникальная ситуация: в Кремле были готовы сдать Варшавский договор со всеми потрохами, а Буш медлил. Как соломенная вдова, сидел на кремлевском крылечке Михаил Сергеевич, поджидая своего американского дружка. И бывший президент-актер, и новый президент-разведчик наконец-то сжалились! Вскоре три главных персонажа новейшей истории веселой компанией отправились на губернаторский остров к подножию статуи Свободы засвидетельствовать

нерушимую дружбу.

Горбачев вернулся в Москву с хорошим настроением и «созидательным» зудом. Но ледок в дипломатических отношениях все-таки не растаял. Надо было что-то предпринять, чтобы понравиться Бушу, Горбачев объявил о закрытии сразу двух ядерных заводов, а в мае, принимая Бейкера в Кремле, поведал о своем желании односторонне сократить ракеты ближнего радиуса действия на 5 процентов. Этого, конечно, было маловато, чтобы претендовать на Нобелевскую премию мира, но заплатить двумя ядерными заводами за чай в компании американского президента – вполне щедрый подарок. Отныне батону Шеварднадзе каждое утро названивал в Вашингтон и спрашивал: поступило ли долгожданное предложение свидеться? Все лето неутомимая советская дипломатия пыталась вывести из летаргического сна администрацию президента. Уже сам Шеварднадзе публично заклеил позором прежнее советское правительство за вторжение в Афганистан. Наперебой приносили свои извинения за «сталинскую оккупацию» Европы и ледоколы российской демократии А. Яковлев, Г. Старовойтова, Г. Якунин.

И уже летом в Москве объявился очередной сердечный друг Горбачева рокфеллеровский мальчик на побегушках Збигнев Бжезинский. Хотя Бжезинский формировал свои взгляды в рядах демократической партии, духовно он был ближе к Бушу, чем к своему бывшему благодетелю, евангелисту Картеру. Потеряв последний инстинкт политического самосохранения, «архитекторы перестройки» встретили Бжезинского с угодливостью, переходящей в низкопоклонство.

Под самый занавес переговоров гостя повезли в Катынь, чтобы он на месте убедился, с каким «тираном-вождем» водили дружбу Рузвельт и Черчилль и какой хороший и сердечный Михаил Сергеевич. Вот с кем надо дружить Бушу!

Оценивая «великое молчание» Буша летом 1989 года, историки обычно подчеркивают сдержанность и даже робкую несмелость Буша. На самом же деле под маской неопытности и сдержанности просматривалось волевое лицо. Не понимали в Кремле, что это вовсе не боязнь окунуться очертя голову в мировые проблемы, а дипломатический камуфляж Буша. Да и зачем рваться в бой, если появился свой человек в Кремле – Горбачев. Если Горби добровольно, по собственной инициативе, делает всю черновую работу за ЦРУ.

С Фиделем Кастро перессорился, раздружился с Э. Хонеккером, еще чуть-чуть, и нашего Михаила Сергеевича придавило бы обломками Берлинской стены. Хорошо сказал о последнем генсеке Фидель Кастро: «Я-

то думал, на Кубу высадили отряд недобитых контрреволюционеров, а это Горбачев примчался со своей свитой».

Требовались новые инициативы. И чтобы дать мировому сообществу понять, что в Москве засилье интеллектуалов, Горби выступил с инициативой создать что-то вроде мирового правительства, которое бы состояло из лауреатов Нобелевской премии. Оставалось только гадать, откуда у простого крестьянского паренька из Ставрополя объявилась страсть к нобелиантам? До этого не могла бы додуматься и английская королева. Москвичи шутили: «Начните, Михаил Сергеевич, с Кремля. Чего вы себя обложили арбатовыми?»

Должно быть, призыв интеллектуализироваться был звоночком самому Яковлеву. Не дай бог, его не пригласят в «мировое горбачевское правительство». Пока не поздно, надо пробиться в действительные члены Академии наук.

Как становились академиками в горбачевскую эпоху, ни для кого не секрет. Попробуй остановить члена политбюро, коему приспичило попасть в одну бочку с Диогеном. Да с пробивными способностями Александра Николаевича можно было и яблоком упасть на голову Ньютона. Словом, философская и экономическая мысль бурлила вокруг Горбачева. Чаще всего она пробивалась родником в передовицах «Правды». Бывало, возьмешь в руки газеты – одни родники, только не зевай, припадай, набирайся живительной богатырской силы.

Зафонтанировал на страницах «Правды» и ключ Георгия Шахназарова, помощника Михаила Сергеевича. Он разродился опусом «Мировое сообщество управляемо». Впервые на официальном уровне в Советском Союзе признали мондиализм, модную теорию, которую в кабинетах внешней разведки в Ясенева относили к секретному оружию США. Комментировали эту статью в научных кругах по-разному: с симпатией в Институте США и Канады и с явным недоумением в Министерстве обороны.

Дело в том, что мондиализм отказывал самостоятельным государствам в суверенитете, и вдруг программная статья в «Правде». Да неужели мы будем безропотно делегировать администрации Белого дома наше исконное право на суверенность? Помогать выстраивать общую стройную концепцию правового и политического беспредела? Передадим «мировому правительству» свои многочисленные энергетические и сырьевые источники?

Надо отметить, что отдельные элементы нового «мирового порядка» существовали и в древние времена. Но если раньше войны не выходили за

пределы одного-двух континентов, яркий тому пример походы Александра Македонского, то уже после Венского конгресса 1814–1815 годов мы наблюдаем попытку упорядочить отношения политические и экономические между многими государствами в Европе. Как известно, в Венском конгрессе приняли участие, помимо российского и австрийского императоров, знатные особы из Дании, Баварии, Пруссии и другие властители мира.

С.Н. Бабурин в своей знаменитой статье «Мировой порядок после СССР и территориальный вопрос» очертил границы государств после первого мирового передела: «Согласно Венским договоренностям, Франция во главе с «легитимным» Людовиком XVIII сохраняла свои границы 1792 года. За Великобританией остались захваченные ею Мальта, голландские колонии и протекторат над Ионическими островами. От Дании она получила также остров Гельголанд. Россия получила Польшу, Финляндию и Бессарабию, Пруссия – Рейнскую провинцию, а также Познань, часть Саксонии и Вестфалии, шведскую Померанию с островом Рюгеном.

При этом следует признать, что Венская система носила континентальный характер, она не выходила, за редким исключением, за пределы Европы. Новый Версальский договор от 28 июня 1919 года определил уже судьбу Бельгии, Люксембурга, некоторых осколков Российской империи, а также территорий Китая, Сиам, Либерии, Марокко, Египта, Османской империи».

Как видим, Версальский договор удовлетворил притязания наиболее развитых европейских государств и носил бескомпромиссный характер. Например, Германия утратила почти восьмую часть своей территории и многие колонии. Стремления же Германии изменить Версальские договоренности привели, в свою очередь, ко Второй мировой войне. Новые Ялтинско-Потсдамские соглашения определили, в свою очередь, современную политическую карту мира. Чтобы закрепить за государствами-победителями новые границы, создали ООН, которая переживает сегодня глубочайший кризис. В основе этого кризиса – притязания олигархов на энергетические и сырьевые богатства России. Дирижируют этим процессом США. Вот почему мы стали свидетелями нынешнего обвала Ялтинско-Потсдамских соглашений. Отныне мы живем по чертежам нового мирового порядка, который нашел свое отражение в договоренностях на Мальте в 1989 году, уточненных в 1997 году в Мадриде.

Скажу откровенно, вылетая с ответным визитом во главе делегации Министерства обороны СССР в октябре 1989 года в Вашингтон, я достаточно был знаком с геополитическими амбициями хозяина Белого дома. Первое, что меня поразило в США, так это то, как много уделяется внимания проблеме сохранения исторических памятников, связанных с покорением Северной Америки. И если наши «демократы» со средневековым темпераментом крестоносцев остервенело набросились на исторические реликвии «империи зла», якобы она держала в узде Варшавского договора страны Восточной Европы, то в США я увидел совсем другую картину. Не ошибусь, если скажу: на всем пространстве США – территориальном, географическом, духовном – царит палочная дисциплина блока НАТО. Без пиетета к НАТО ни один политик или конгрессмен не сделает и шага. На государственном уровне в США сохраняют контроль над странами блока НАТО, Латинской Америкой. Какая-либо критика блочных пристрастий американцев в Белом доме воспринимается как предательство национальных интересов. Это только мы позволили казахским националистам на исконно российских землях, где на берегах Иртыша исстари возвышались крепости Российской империи, сбросить с пьедестала Ермака. В США за подобный оголтелый национализм можно угодить на электрический стул.

Мы знали, что, согласно протоколу, нам предстоит встретиться с 41-м президентом США Дж. Бушем. В январе 1989 года он поклялся на Библии отстаивать прежде всего национальные интересы американцев. Инаугурационная речь Буша выглядела на редкость высокопарной. «Дуют новые ветры, всему миру мы предлагаем новые начинания», – начал свою речь бывший глава ЦРУ.

Политику противостояния с Советским Союзом Буш унаследовал от президента Рейгана. Это Рейган озвучил «лебединую партитуру» финансовых олигархов, призвав к «ревизии фундаментальных норм, существующих между государствами». В своей знаменитой доктрине он уравнивал законность в международном праве с силой и волей Соединенных Штатов. Доктрина же Буша закрепила за хозяином Белого дома право нарушать фундаментальные принципы международной справедливости. По существу, США превратили государственный терроризм в инструмент внешней политики – вспомним Никарагуа и Гренаду. В своем интервью газете «Иерусалим пост» в октябре 1983 года Рейган подчеркнул:

«Грядущее разрушение Советского Союза должно стать решающей, последней схваткой – Армагедоном, описанным в Библии».

Ричард Пайпс, профессор Гарвардского университета, который сформулировал для Рейгана основные положения борьбы с «империей зла», вещал в 1981 году: «Нет и не может быть другой альтернативы, кроме войны с Советским Союзом, если СССР не согласится на капитуляцию».

Эту мысль белодомский «ястреб» развил в своей книге «Так больше жить нельзя», призывая покончить с Советским Союзом в ближайшие годы.

Уже в 1982 году стратеги из Пентагона совместно с израильскими боевиками провели широкомасштабную операцию в Ливане, направленную на захват Западного Бейрута. Беззастенчиво нарушив известные всему миру резолюции ООН, они зверски убили двести русских солдат, которые обслуживали сирийскую противовоздушную оборону. Захватили израильские террористы и здание посольства СССР. Это была первая советская территория, на которой американцы и израильтяне хозяйничали несколько дней. К сожалению, Кремль официально не отреагировал на эту акцию, мы смолчали. Попросту говоря, мы сдали своих солдат...

Похвалиться перед нами своими новейшими тактическими разработками американцы начали в форте Брэг в штате Северная Каролина, где дислоцировалась 82-я воздушно-десантная дивизия. Нам довелось наблюдать, как две бригады спешно загружались в самолеты, чтобы выполнить ответственное задание своего президента.

Вечером же финансовые олигархи, представители власти Северной Каролины, командир 18-го воздушно-десантного корпуса прямо под открытым небом устроили нам прием с экзотическим названием «Обглаживание пороссячьих косточек». Перед ужином выступил оркестр и хор знаменитой 82-й дивизии. Обычно эта дивизия принимает участие в составе экспедиционных войск, когда требуется подавить какое-нибудь суверенное государство. Для себя я отметил: Буш желает нас сделать свидетелями своей очередной подлой вылазки. Но об этом чуть позже.

Сначала нам продемонстрировали душещипательную картину из американской жизни. Командиры разных рангов смиренно, приложив руку к сердцу, созерцали, как на флагштоке поднимается вверх звездно-полосатый флаг.

Потом начались показательные учения для гостей из «империи зла». К моему удивлению, у командира 18-го воздушно-десантного корпуса не дрогнул ни один мускул на лице, когда разбился первый танк. Причина простая: куполы парашютов не набрали воздуха. Десантирование

повторили, и снова парашюты полностью не раскрылись, на сей раз прямо на наших глазах разбилась машина с пушкой. Лишь после этой неудачной попытки командир отдал приказ увеличить высоту десантирования.

Показательные учения в Сан-Диего совместно с дивизией морской пехоты были ответными, мы уже показали американцам в Туле на базе 106-й воздушно-десантной дивизии отдельные приемы десантирования. «Показательные учения русских, – отметили американские газеты, – обошлись без каких-либо материальных потерь». Но нас не радовали явные неудачи американских десантников, единственное, о чем я подумал, как этот ляп воспримет американский президент? Что его проинформируют о потерях перед нашим визитом в Белый дом, в этом я не сомневался.

Встреча с президентом США Дж. Бушем была назначена на 10 часов утра. В сопровождении министра обороны США Р. Чейни мы прибыли в Белый дом в точно назначенное время. Чейни пошел к президенту в Овальный кабинет, меня же пригласили на чашечку чаю.

Я посмотрел в окно, перед Овальным кабинетом толпились журналисты. Ровно через 10 минут Чейни пригласил меня к президенту. Дж. Буш усадил меня справа от себя у камина и только тогда разрешил пригласить корреспондентов. Представив меня журналистам, Буш начал свою речь с того, что принял решение арестовать Норвегу, навести в Панаме порядок. Ровно десять минут назад, проинформировал президент журналистов, в Панаме высадились две бригады парашютно-десантной дивизии. Об этой победе американской демократии президент просил сообщить всему мировому сообществу, и прежде всего, руководству НАТО.

Во время своей «исторической» речи Буш ощущал меня цепким взглядом, как яотреагирую на это известие.

– Господину Язову, – улыбнулся Буш, – посчастливилось первому узнать о нашей акции возмездия.

На этот завуалированный выпад я шутливо заметил президенту:

– А я-то думал-гадал, почему не все офицеры 82-й дивизии «обгладывали пороссячи косточки»? Норвега испортил аппетит десанникам.

– Надеюсь, господин Язов понимает, почему мы разбили при десантировании танк и пушку? Наши доблестные десантники спешили проучить Норвегу!

Последние слова президента потонули в громких аплодисментах мастеров пера. Прошло несколько дней, и стали известны результаты этой «миротворческой миссии». Десантники расстреляли семь тысяч мирных жителей.

Журналисты ликовали, и только один Чейни хмурил брови. Он понимал, что кроется за словами президента. Я же подумал: как на эту постыдную акцию «возмездия» отреагирует Горбачев? Смирится с оккупацией суверенной Панамы или, как всегда, промолчит?

Буш продолжал демонстрировать свое прекрасное имперское настроение, он всем своим видом давал нам понять, что к мнению Кремля не собирается прислушиваться.

Не скрою, собираясь в Вашингтон, я проштудировал биографию Буша. В годы Второй мировой войны он, самый молодой летчик военно-воздушных сил США, летал на бомбардировщике. Во время одной операции его сбили над Тихим океаном. Без всякой надежды на спасение он боролся за свою жизнь. И кто знает, если бы его не подобрал экипаж американской подлодки, может быть, и остались бы в живых семь тысяч ни в чем не повинных панамцев.

Своим продвижением в большую политику Буш, несомненно, обязан Р. Никсону. Он остался на плаву в большой политике даже тогда, когда после уотергейского дела Никсон подал в отставку. На сей раз его подобрал в дни политического шторма Дж. Форд, доверив ему налаживать американо-китайские контакты. Буш в Китае развернул бурную деятельность, он знал, что рано или поздно ему понадобятся большие деньги, чтобы занять кресло в Белом доме. Поэтому в Китае он прежде всего начал продвигать интересы тexasских нефтяных магнатов.

Буша хорошо запомнили в Китае, и, когда он победил в изнурительном марафоне за пост президента, самое первое поздравление пришло из Пекина.

Заполнив китайскую страницу в своей политической биографии, Буш по рекомендации Дж. Форда сменил Колби на посту директора ЦРУ. Всего один шаг – и Буш вселится в апартаменты Белого дома. Баловень судьбы – не иначе! Правда, Юрий Андропов вовсе не считал Буша везунком, он назвал его самым опасным политическим противником. Будучи руководителем комиссии по борьбе с терроризмом, Буш много сил отдавал эффективной работе спецслужб США за рубежом. Он резко критиковал Р. Рейгана, называя его планы по экономической блокаде Кубы «шаманской экономикой». Но при этом нелюбезная критика не помешала Бушу вскоре занять место вице-президента США в рейгановской команде. Славно потрудился Буш и в «похоронной команде», так называл вице-президент свои обязанности, связанные с похоронами глав государств: президентов, королей, генсеков в самых разных странах мира. Однажды Буш обмолвился, что он похоронил многих хозяев Кремля, но самое

большое удовольствие он получил, выполняя свои протокольные обязанности по «захоронению коммунизма в «империи зла».

Отец сорок первого президента США был известен как 5 сенатор от штата Коннектикут с 1952 года по 1963 год и прославился в сенате «громადой дел» против нормализации отношений между США и Кубой. Именно сенатор Буш представил поправку в сенат, гласившую о том, что США имеют полное право и даже обязаны атаковать Кубу. По мнению старшего Буша, его поправка должна была продемонстрировать СССР, что «доктрина Монро» не изжила себя, что она является частью внешней политики США и самое время применить ее на практике.

Во время встречи с Бушем в Овальном кабинете у камина как-то само собой получилось, что я напомнил хозяину Белого дома об антикубинских настроениях его отца, о том, что сам Буш конфликтовал с Рейганом по поводу экономической блокады Кубы. Президент конечно же знал, чем я занимался на Кубе.

– Хорошо, что вы, господин Язов, не повстречались в рукопашном бою с моим отцом-сенатором. Иначе бы я потерял отца или в вашем лице приятного собеседника, – пошутил Буш.

– Мне кажется, господин президент, в вашей семье царит культ «доктрины Монро». Хотя, насколько мне известно, отец старшего Буша, ваш дедушка, весьма симпатизировал большевикам.

Было заметно, что последние мои слова несколько задели президента. Он догадывался, о какой сокровенной тайне благородного семейства Буша я хочу напомнить. И он поспешил дать мне бой:

– Мне только остается восхищаться вашими историческими изысканиями, господин министр. Научная мысль в России не дремлет. Этим историческим фактом вас вооружил Институт марксизма-ленинизма в Москве? А разве ваши прадеды, господин Язов, не были большевиками?

– Мой дед по матери, господин президент, землепашец. А по отцу – солдат! И в нашей семье всегда недолго любили Троцкого. Сколько он бед принес российскому крестьянству, сколько детей сделал сиротами. Уверяю вас: мы хорошо помним «братскую» помощь из Америки, кто субсидировал Троцкого и его опричников. Замечу: гражданскую бойню в России проспонсировал и ваш предок. Он симпатизировал меньшевику Троцкому, а не большевику Сталину. Русские патриоты это хорошо помнят, господин президент. И как великий молитвенник Сергей Радонежский в свое время благословил Дмитрия Донского на битву с недругами, так и бывший семинарист Иосиф Сталин благословил на битву с фашистской ордой полководца Георгия Жукова.

– Это риторика, господин Язов. Всего-навсего риторика... Мы в Панаме, и с этим вам придется смириться.

Во время этого примечательного разговора я вдруг понял: в Белом доме просчитали все варианты, как отреагирует Горбачев на агрессию в Панаме. «Горбачев – банкрот», – поймал я себя на мысли. Американцы похваляются своими накачанными военными мускулами, мы же прощаемся с былым могуществом Советского Союза.

Вежливо, согласно дипломатическому протоколу, я откланялся. Министр обороны Чейни предложил мне своеобразную экскурсию: взглянуть на портреты американских президентов, их здесь ровно сорок. Больше всего меня заинтересовал портрет Кеннеди. Версия для простаков, мол, президент пал на незримой холодной войне, отстаивая национальные интересы американцев, не выдерживает серьезной экспертизы, как и сенсационное предположение, что это дело ЦРУ.

Президент Кеннеди был убит в ходе гражданской финансовой войны, которая развернулась в Вашингтоне, и убийцы Кеннеди – банкиры.

Это президент Кеннеди 4 июня 1963 года подписал указ за номером 11110, он сам выбрал для себя винтовку с оптическим прицелом. И здесь следует признать его заслуги перед Отечеством, ибо он встал на защиту американской конституции. Подписывая указ, Кеннеди вернул министерству финансов США его законное право печатать купюры, обязав свято выполнять конституционные обязанности. Это и привело к трагедии в Далласе. Президент замахнулся на исключительное право Рокфеллеров, Варбургов, Ротшильдов самостоятельно печатать доллары. Только по этой причине правительственным долларам не суждено было появиться в обращении. Вот почему новый президент США Линдон Джонсон незамедлительно после выстрела в Далласе распорядился уничтожить более четырех триллионов напечатанных денег. В высших политических сферах конечно же догадываются, кто пригласил президента Кеннеди на казнь, догадываются, но молчат.

Примечательно, что после развала СССР российскую печать наводнили статьи, призывающие запретить государству самому печатать купюры. Осмелюсь выдвинуть версию: совместная американско-российская «революция» 1991 года как раз и преследовала цель присоединить финансовую систему России к карманным деньгам все тех же Рокфеллеров, Варбургов, Ротшильдов.

Задержался я и возле президента Рузвельта. Его портрет висит по соседству с портретом Трумэна, который отдал чудовищный приказ сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Внутренне я

протестовал: как может висеть портрет палача рядом с портретом Рузвельта? Это президент Трумэн отдал приказ сбросить бомбы на буддийские храмы в горах Кымгана. «Из 109 буддийских храмов, – вспомнил я разговор с Ким Чен Иром, – остался лишь один храм. Какое это невежество – сбросить бомбы на святыни. Пройтись по ним напалмом».

Дрезден в Европе, Пхеньян, Токио в Азии – невосполнимые жертвы американской демократии. Необъявленная война против мирного населения – это самая постыдная война в XX веке. Так зачем же выдавать белое за черное? Возводить напраслину на Советский Союз? И вот уже нет Страны Советов, зато расцветает пышным цветом НАТО-фашизм. Падают американские бомбы на православную Сербию, но образ варварской Скифии, нарисованный еще воспаленной фантазией Геродота, для России остается неизменным в трудах американских политологов. Справедливо заметил А. Герцен: «Мы не избалованы сочувствием других народов, не избалованы также их пониманием».

Прощай, Афганистан!

Принципиальное решение Горбачева о выводе наших войск из Афганистана определилось еще в 1985 году. Но до подписания в апреле 1988 года Женевских соглашений по Афганистану прошло три года.

Решая проблему о выводе советских войск из Афганистана, требовалось ответить на принципиальный вопрос: каким мы оставим Афганистан после вывода советских войск? Против вывода войск не возражал даже Наджибулла. Правда, он не собирался ни с кем делиться властью. Но без национального примирения Наджибулла долго бы не удержался на вершине власти.

В свою очередь, Шеварднадзе и Крючков поддержали кандидатуру Наджибуллы на пост президента Афганистана. Они внушили ему мысль, что избрание его президентом надо рассматривать как компромисс, дескать, пора выступить в качестве национального лидера, а не руководителя НДПА.

Советская сторона делала все возможное, чтобы повысить боеспособность афганской армии. В этом афганцам оказывали большую помощь наши советники генерал армии М.И. Сорокин, а на заключительном этапе генерал армии М.А. Гареев.

В целом же подготовку войск к выводу из Афганистана осуществлял генерал армии В.И. Варенников. После довольно длительных переговоров с афганским руководством уже в конце 1987 года мы приняли решение отвести советские и афганские войска от границы с Пакистаном. Все проблемы, связанные с выводом наших войск, основательно рассматривались на заседаниях политбюро. План вывода советских войск из Афганистана был рассмотрен и на Совете обороны. По плану, изначально советские войска сосредоточивались в крупных гарнизонах. Создавались три группировки войск: Западная – в районах Кандагар, Шинданд, Герат; Южная – Джелалабад, Хост, Газни, Гардез; Центральная – Кабул и полоса вдоль дороги до советского приграничного города Термез.

По просьбе Наджибуллы на северо-востоке страны в Файзабаде в отрыве от остальных сил мы оставили мотострелковый полк. А в Западную и Южную группировки войск афганской армии мы из Хайратона завезли трехмесячные запасы материальных ресурсов.

Вывод войск разбили на два этапа. Сначала в течение лета 1988 года советские войска выводили из западных и южных районов страны. После этого, до конца 1988 года, предусматривался перерыв. Афганское руководство и армия, по нашему мнению, должны были приобрести опыт, чтобы самостоятельно выполнять задачи борьбы с душманами. И лишь в начале 1989 года в месячный срок необходимо было завершить вывод советских войск из Кабула и других районов Центрального Афганистана.

Для обеспечения движения наших войск к советско-афганской границе маршруты были отрекогносцированы, созданы опорные пункты для заправки техники горючим. Войска выдвигались в составе усиленных мотострелковых батальонов, способных самостоятельно вести бои вдоль всего маршрута, действовала система связи для управления войсками и авиацией.

С началом вывода наших войск моджахеды попытались захватить Джелалабад и Хост. В сентябре – октябре 1988 года Наджибулла неоднократно обращался к Горбачеву и к нам в Министерство обороны за помощью. Мы помогли техникой, но личный состав в район боевых действий не направили.

И вот первая победа, правительственные войска Афганистана сдержали натиск, нанесли под Джелалабадом заметное поражение противнику. Президент Наджибулла вел себя беспокойно, часто звонил в Кремль с просьбами оказать помощь. Вскоре меня попросили выехать в Афганистан и там на месте разобраться.

Встречали нас генерал армии В.И. Варенников, посол Ю.М. Воронцов, генерал-полковник Б.В. Громов и представители афганского руководства.

Оценив сложившуюся обстановку, мы пришли к выводу: не следует терять время, необходимо быстрее вывести на позиции по маршруту Кабул – Термез 40-ю афганскую армию, а с 15 января начать вывод и Центральной группировки.

На следующий день нас принял президент Наджибулла. Мы доложили о нашем решении и заверили, что воздушный мост будет действовать, более того, на некоторое время в Афганистане остаются генерал армии В.И. Варенников и советские советники в афганской армии. Кто-то положительно охарактеризовал М.А. Гареева, и президент Наджибулла обратился ко мне с просьбой направить Махмуда Ахметовича к нему

советником.

Возвратившись в Москву, об этой просьбе я доложил М.С. Горбачеву. И уже 7 февраля 1984 года М.А. Гареева откомандировали в Кабул, присвоив ему воинское звание генерал армии. Вывод войск, как и запланировали, начали 15 января и закончили 15 февраля 1989 года. Войска вывели без боевых потерь.

За эту операцию генерала армии В.И. Варенникова и генерал-полковника Б.В. Громова удостоили высокого звания Героя Советского Союза.

Встреча с Цзян Цзэминем

В начале мая 1991 года в составе делегации Министерства обороны СССР я вылетел в Китай. Торжественная церемония встречи проходила перед Музеем вооруженных сил КНР, приветствовал нас министр обороны генерал-полковник Цинь Цзивей.

С Великой Китайской стеной мы познакомились, еще подлетая к Пекину. Она действительно прекрасна в лучах мандаринового солнца. И как принято в Китае, на второй день визита нас повезли любоваться этим архитектурным шедевром.

Возведение стены связано с именем императора Цинь Шихуанди, который задался благородной целью соединить воедино ранее существовавшие отдельные фрагменты оборонительных сооружений в общий защитный вал. Не догадывался император, что Великую Китайскую стену можно будет рассмотреть и на Луне, по крайней мере, так утверждают американские астронавты.

Великая Китайская стена пересекает шесть провинций Северного Китая и простирается более чем на 6000 километров. Она то устремляется вверх на тысячу километров над уровнем моря, то вдруг опускается в глубокие овраги, рассекая семиметровой громадой долины и реки. Не трудно представить, сколько мастеров возводили этот шедевр. Не зря китайцы называют стену «самым длинным кладбищем в мире», строителей хоронили здесь же, в стене.

Когда путешествуешь по Китаю, то тебя не покидает чувство, что все вокруг усеяно памятниками канувших в Лету эпох. С именем императора Цинь Шихуанди связан и другой грандиозный памятник в окрестностях Сиана в провинции Шэньси, который по праву назвали в 1974 году главной археологической сенсацией XX столетия. А произошло это при следующих счастливых обстоятельствах: крестьянин из коммуны Яньчжай задумал выкопать колодец на своем поле, где еще работали его деды и прадеды. И каково же было его удивление, когда на глубине пяти метров он вдруг

обнаружил фигуру воина из обожженной глины. Археологи стали копать дальше, и взорам их предстали десятки, сотни раскрашенных терракотовых скульптур в человеческий рост.

Чтобы сохранить скульптуры, над ними возвели крышу, а чуть позже раскопали и две бронзовые колесницы, запряженные четверкой бронзовых лошадей. Дальнейшие раскопки показали, что колесницы – часть торжественной процессии, которая растянулась в подземном царстве на многие километры и состояла из сотен, если не тысяч подобных колесниц с восседающими на них воинами, простолюдинами, известными военачальниками и даже евнухами императорского гарема. Эти воины и полководцы, лучники и арбалетчики, насмешливые и величавые, самодовольные и раздумывающие над своим житьем-бытьем, должны были поведать нам о своем благодетеле-императоре. Посмотрите, их почти шесть тысяч в траурной процессии, терракотовых, отмеченных печатью индивидуальности.

Трудно переоценить значение этого археологического открытия, тем более что главные раскопки еще впереди. До сих пор, например, не вскрыта усыпальница самого Цинь Шихуанди. Так что когда вы подниметесь на Великую Китайскую стену, то вспомните: за тысячу километров от пекинского фрагмента стены лежит сам император Цинь Шихуанди, и, возможно, настанет день, когда он предстанет перед нашими взорами, хотя все чаще раздаются голоса, что император так щедро одарил шедеврами китайцев, что было бы несправедливо потревожить его прах.

Первое, что начинаешь ценить в Китае, так это почитание исторических святынь. Почти в каждой китайской семье на почетном месте, с фотографиями предков, висят скромные портреты Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. И этому есть объяснение: компартия Китая насчитывает 58 миллионов человек с неуязвимой организационной структурой. Несколько раз за свою жизнь Дэн Сяопина низвергали с политических высот, но каждый раз он возвращался к руководству партией. Последний раз Дэн Сяопин вернулся в большую политику в 75 лет, чтобы исполнить великую «симфонию из трех частей» на руинах «культурной революции», выдвинув идею строительства социализма с китайской спецификой.

В школьные годы Дэн Сяопин был известен как Дэн Сянь-шен. Но школьному учителю не понравилось это имя, он истолковал его как «обогнавший Мудреца». Учитель преклонялся перед Конфуцием, которого именовали не иначе как Мудрецом, и потому он постарался исправить это «досадное недоразумение». Так Дэн Сяопин начал носить имя Дэн Сисянь. Знал бы учитель, как он ошибается, почти двадцать лет самого известного в

XX столетии реформатора будут называть Дэн Сисянь. Дэн Сяопин рано начал заниматься революционной деятельностью. 11 сентября 1920 года на корабле «Анде Лебон» он отправился в Европу. Тогда считалось хорошим тоном получить образование где-нибудь на Западе. Позже Мао Цзэдун напишет: «Китайцы, стремившиеся к прогрессу, читали любую книгу, лишь бы в ней было новое, идущее с Запада».

Один из участников этого плавания протяженностью в 30 тысяч ли потом вспоминал: «На корабле нас попросили надеть спасательные пояса на случай столкновения с оставшимися от войны минными заграждениями. Проплыв почти сорок дней, мы добрались до Марселя». Доподлинно известно: чтобы обеспечить поездку в Париж за знаниями, семейству Дэн Сяопина пришлось продать несколько рисовых полей. Непродолжительная учеба в лицее Байе под Парижем, и Дэн Сяопин наконец-то поступает на работу в сталепрокатный цех на заводе «Шнейдер». И когда позже Дэн Сяопин будет выезжать в другие страны с официальным визитом, сотрудники протокольного отдела, чтобы подчеркнуть дружеские симпатии к китайскому лидеру, непременно запланируют и посещение металлургического завода. В официальной биографии даже напишут: «Первая профессия товарища Дэн Сяопина – сталевар».

Труд прокатчика в те годы больше напоминал борьбу за жизнь. Шестнадцатилетним подростком Дэн Сяопин волочил стокилограммовые, раскаленные докрасна болванки. Один только неверный шаг, и можно было сгореть на этом костре из пышущего металла. Не случайно Дэн Сяопин все чаще начинает задумываться о социальном неравенстве и что необходимо сделать, чтобы вернуть права хозяевам жизни – трудовому люду. Об этом задумывались и его сверстники, которых беспощадно эксплуатировали на французских заводах.

Летом 1922 года друзья Дэн Сяопина, арендовав восемнадцать стульев, прямо на пленэре, на полянке в Булонском лесу, проведут свой первый съезд молодых коммунистов-китайцев, проживающих в Европе. Один из организаторов съезда – Чжоу Эньлай, будущий премьер-министр правительства Китая. В следующем форуме активное участие примет и Дэн Сяопин, его единогласно изберут в руководящие органы съезда.

Пройдет немного времени, и Дэн Сяопина пригласят на учебу в Москву в университет имени Сунь Ятсена. Но сначала французские власти уведомят Дэн Сяопина: отныне ему навсегда запрещен въезд на территорию Франции. Пройдет полвека, и президент Франции Помпиду помчится в аэропорт Орли, чтобы заключить Дэн Сяопина в радушные объятия. Эпизод с высылкой Дэн Сяопина в молодые годы из Франции

станет острой приправой к визиту, забавным штрихом в биографии самого великого китайца XX столетия.

В Москве Дэн Сяопин будет известен под фамилией Дроздов. В своей автобиографии, которую Дэн Сяопин представит, поступая в университет, он напишет: «Я принял решение отдать всего себя нашей партии и моему классу. Всей душой я буду воспринимать партийное воспитание, подчиняться партийному руководству, неизменно бороться за интересы пролетариата».

Отметим также, что его товарищем по учебе был и Цзян Цзинго, больше известный как сын Чан Кайши. Пройдут годы, и пути-дороги Дэн Сяопина и сына Чан Кайши разойдутся. Цзян Цзинго, женившись в Москве на русской девушке, со временем станет президентом Тайваня, оппонентом Дэн Сяопина.

Отметим также, что у китайских руководителей была добрая традиция посылать своих сыновей на учебу в СССР. Довелось получить образование в России и Мао Аниню, сыну Мао Цзэдуна. В конце 30-х годов Мао Анинь был даже членом обкома ВЛКСМ в Иванове. Не многим сегодня известно, что сын кормчего дошел с боями до Берлина и получил от Сталина именное оружие за свои подвиги в борьбе с фашизмом. После окончания войны сын кормчего будет изучать китайскую литературу в Институте восточных языков в русской столице. Похоронят Мао Аиня в окрестностях Пхеньяна, он поедет защищать свободолюбивую Корею в составе отряда воинов-интернационалистов.

Мы вылетели в Китай сразу же после памятного инцидента на Красной площади, когда во время Первомайской праздничной демонстрации Г. Попов с трибуны Мавзолея приветствовал будущих расстрельщиков Дома Советов, демократов-экстремистов. Может быть, поэтому, чтобы показать, что над Пекином «небо чистое», китайские товарищи устроили мне экскурсию на трибуну Тяньань-мынь, которая изображена на гербе КНР, с которой взирали на праздничные шествия народа Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин. Хочу отметить скромное убранство залов трибуны, без вельможной роскоши и нарочитого партийного аскетизма. Обычно зарубежным гостям экскурсоводы преподносят презент – несколько пачек зеленого китайского чая. Подарок должен напоминать, какой чай пьют на трибуне китайские вожди во время демонстрации. Но сначала вам поведают историю, как древние китайские императоры, да и сам кормчий распознавали людей неискренних, склонных к измене.

Как правило, нового человека в своем окружении император угощал

чашечкой зеленого чая. Но сам из всех сортов предпочитал чай сианьский, с коробочками горного шиповника, который собирали в год Тигра. И если кто-то из приближенных к императору демонстрировал фальшивые чувства преданности – коробочки шиповника сбивались в кучу. Собранные в год Тигра, они чутко реагировали на биополе человека. Конечно, трудно поверить, что коробочки шиповника стоят на страже нравственности. Но как бы там ни было, Мао Цзэдун запретил всем членам китайского политбюро чаепитие по-сианьски на трибуне в дни праздничных демонстраций. Дабы не обидеть товарищей по партии ненужными подозрениями. И только однажды, во время своего официального визита в СССР, кормчий отступил от правил. Перед возвращением в Пекин он пригласил на чаепитие по-сианьски И. Сталина, Л. Берия, В. Молотова, Н. Хрущева. Кого же неискреннего в окружении Сталина обнаружил кормчий? На кого отреагировали коробочки шиповника? Обычно указывают на Берия. Но это не так. Распознать оборотня мешают стереотипы, мифы, порожденные прессой. В тот вечер коробочки указали на Никиту Хрущева. О чем подумал в эти минуты Мао Цзэдун? Может, о предательстве, которое зреет в Кремле?..

Встать. Суд идет!

6 апреля 1993 года. Все обвиняемые и адвокаты собрались в здании Верховного суда на Поварской, чтобы определиться, как нам защищаться на процессе. Себя защищать или дело? Все высказались однозначно: защитить дело.

В связи с тем, что задолго до суда прокурор Степанков и его заместитель Лисов опубликовали книгу «Кремлевский заговор», где под видом «версии следствия» практически обнародовали обвинительное заключение и тем самым подготовили общественное мнение принять как должное приписываемую нам 64-ю статью «Измена Родине», мы решили заявить ходатайство об отводе всей группе прокуроров как заинтересованных услужить Степанкову и Лисову и нарушивших закон о презумпции невиновности.

Договорились также поставить вопрос перед судом о незаконном лишении депутатской неприкосновенности Бакланова, Варенникова и других товарищей.

Мой адвокат Лев Сергеевич Абельдяев подчеркнул, что нас обвиняют в преступлениях, совершенных против СССР, а не РСФСР, следовательно, дело должна рассматривать Военная коллегия Верховного суда СССР, а коль скоро СССР прекратил свое существование, вопреки волеизъявлению народа на референдуме 17 марта 1991 года, то рассматривать данное уголовное дело Военная коллегия РФ не вправе. Это дело должен рассматривать специально созданный суд, независимый от Ельцина и Горбачева.

Адвокат Ю.П. Иванов, защищавший В.И. Крючкова, высказал соображение, что нужно добиваться решения о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

Другие адвокаты предлагали просить рассмотреть конституционным судом августовские указы Б.Н. Ельцина по событиям и пригласить Ельцина, Попова в качестве свидетелей.

По их распоряжениям строились баррикады, и люди погибли по их вине.

Обвиняемые и адвокаты досконально изучили все 140 томов дела, они прекрасно понимали, что обвинению нас в измене Родине (а ведь той Родины уже нет) подходит высказывание: «На палубу вышел, а палубы нет».

14 апреля 1993 года. Начался суд, полугласный, полузакрытый, с милицейским оцеплением здания Верховного суда, с полным запретом для входа иностранным журналистам. Правды на суде боялись. Достаточно сказать, что Ельцин говорил о восьми попытках штурма Белого дома, но ни одной не было.

«Суд идет – прошу встать!» Команда прозвучала в 10 часов 20 минут. Председательствовал генерал-майор юстиции Анатолий Тимофеевич Уколов, он же заместитель председателя Военной коллегии. Народные заседатели: генерал-лейтенант в запасе Юрий Дмитриевич Зайцев и генерал-майор Павел Иванович Соколов. Запасные народные заседатели: генерал-майор Геннадий Васильевич Тарасов, генерал-майор в запасе Юрий Эдуардович Ошмянский. Группу государственных обвинителей возглавлял Эдуард Германович Денисов, заместитель генерального прокурора РФ.

Суд начался с сенсации: адвокат Янаева А. Хамзаев заявил отвод всему составу суда, не сомневаясь, однако, в честности и объективности каждого. Главным мотивом отвода было то, что Военная коллегия Верховного суда РФ не правомочна судить руководителей СССР. Если говорить, что в результате «заговора» пострадали интересы всех входящих в СССР республик, то должен быть создан своего рода международный суд стран СНГ. Или они должны делегировать России, Верховному суду РФ соответствующие полномочия.

Нарушений законов адвокаты и обвиняемые вскрыли предостаточно. 19 августа 1991 года Б. Ельцин объявил членов ГКЧП преступниками, изменившими Родине, и заявил, что все они должны понести суровое наказание. Конституционный суд, несмотря на ходатайство ряда депутатов о признании неконституционности указов президента, вторгшегося в компетенцию судебных органов и нарушившего принцип презумпции невиновности, к рассмотрению тех заявлений так и не приступил. Было совершенно очевидно, что суд выполняет социальный заказ Б. Ельцина, по чьему указанию и были арестованы его политические противники.

15 апреля 1993 года. На второй день заседания подсудимые и адвокаты заявили отвод всей бригаде представителей обвинения. Они штатные

работники аппарата российской прокуратуры, непосредственно подчиненные В. Степанкову. О какой же их независимости от генпрокурора может идти речь?

В. Степанков и его зам Е. Лисов издали книгу «Кремлевский заговор» раньше, чем было подписано обвинительное заключение. Одно это свидетельствует об их заинтересованности в деле. Адвокат Г. Падва отметил, что заинтересованность В. Степанкова и его представителей очевидна и его подпись на обвинительном заключении юридически ничтожна.

А.И. Лукьянов заметил, что написание книги В. Степанковым и Е. Лисовым, а точнее «Огоньком», началось практически с возбуждения уголовного дела. Стало быть, обвинение шло в русле сценария, написанного авторами, выполнявшими уголовное преследование по заданию.

Адвокат Ю.П. Иванов поведал участникам процесса, что Э. Денисова В. Степанков назначил своим заместителем и одновременно руководителем бригады обвинителей за десять дней до начала процесса! Разве мог он за столь короткий срок изучить 140 томов дела да плюс 5 томов обвинительного заключения? Это немыслимо!

В связи с болезнью А.И. Тизякова суд постановил отложить рассмотрение дела на неопределенный срок до выздоровления Александра Ивановича.

После первого заседания суда один из корреспондентов «АиФ» по телефону с явной издевкой спросил: «Как спите? Что видите во сне?»

Хотелось послать его в дальние страны, по маршруту, но я знал, что они не постесняются напечатать и сто крат добавят от себя. Я выдержал паузу и сказал: «Привык к экстремальным условиям, и пошли вы к черту». Так и напечатали.

Продолжение процесса последовало 18 мая 1993 года. Адвокаты продолжали высказывать свои суждения об отводе представителей прокуратуры.

Вероятно, с целью оказать давление на суд зачитали письмо за подписью Глеба Якунина и других врагов русского Отечества, которые требовали изменить меру пресечения: всех подсудимых посадить в тюрьму и возить на процесс в «черном вороне». Потом рассказывали, что, когда Якунин вышел на улицу из зала суда, интеллигентнейшего вида дама бросила ему во след: «Чертенок пакостный, запомните: между «черным вороном» и залом суда всегда будут цветы».

После перерыва в 14.00 А.Т. Уколов зачитал определение суда о том,

что В. Степанков и Е. Лисов заранее объявили через прессу и через издание книги «Кремлевский заговор» виновными членов ГКЧП, хотя это является прерогативой только суда. В определении было обращено внимание на поведение этих должностных лиц. Суд обратился в Верховный Совет РФ для решения этого вопроса.

Но никакого решения никто не принял. В этом случае следовало бы признать незаконными действия не только Степанкова, но и Ельцина.

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ

18 мая 1993 г. город Москва

Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации в составе: председательствующего Уколова А.Т., народных заседателей Зайцева Ю.Д., Соколова П.И. в судебном заседании по уголовному делу в отношении Янаева Г.И., Лукьянова А.И., Павлова В.С., Крючкова В.А., Язова Д.Т., Шенина О.С., Бакланова О.Д., Варенникова В.И., Плеханова Ю.С., Генералова В.В., Тизякова А.И., Стародубцева В.А., рассматривая вопрос о возможности участия в процессе государственных обвинителей – заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Денисова Э.Г., старшего помощника Генерального прокурора Сюкасева Л.М., помощника Генерального прокурора Анкудинова О.Т., старшего прокурора управления Генеральной прокуратуры Берсегяна Р.Р., военного прокурора управления Генеральной прокуратуры Данилова В.Б., старшего прокурора управления Генеральной прокуратуры Митюшова В.П., прокурора управления Генеральной прокуратуры Пронина В.Н., старшего военного прокурора управления Генеральной прокуратуры Смыкова В.В., старшего прокурора управления Генеральной прокуратуры Фадеева В.Е., которым заявлен отвод подсудимыми и защитниками,

УСТАНОВИЛА:

Отвод государственным обвинителям заявлен по тому основанию, что их начальники – Генеральный прокурор Российской Федерации Степанков В.Г. и его заместитель – руководитель следственной бригады Лисов Е.К. задолго до окончания предварительного следствия неоднократно публично высказывали свою позицию по делу и опубликовали книгу «Кремлевский заговор», чем нарушили принцип невиновности и правоохраняемые интересы обвиняемых. Находясь в полной служебной зависимости от этих должностных лиц, лично заинтересованных в деле, государственные обвинители, по мнению подсудимых и их защитников, не могут быть объективными в данном уголовном процессе.

В обоснование приведенных доводов сделаны ссылки на упомянутую

книгу, документ, поступивший в суд из редакции журнала «Огонек», многочисленные интервью и выступления авторов книги в средствах массовой информации с заявлениями о виновности обвиняемых в государственной измене.

При определении своей позиции по данному вопросу Военная коллегия принимает во внимание следующие обстоятельства.

В июле 1992 года, еще за пять месяцев до окончания расследования дела, Генеральным прокурором России В.Г. Степанковым и заместителем Генерального прокурора Е.К. Лисовым была написана книга «Кремлевский заговор», которая вскоре вышла массовым тиражом в издательстве «Огонек». В этом произведении авторы, выборочно опубликовав материалы незавершенного предварительного следствия, обосновали свою оценку происшедших в августе 1991 года событий и участия в них обвиняемых. При этом обвиняемые неоднократно именуется «заговорщиками» (с. 13, 15, 21 и др.), а их действия называются «заговором» (с. 72, 83 и др.) и «захватом власти» (с. 87, 91 и др.), то есть практически квалифицируются как преступление, предусмотренное ст. 64 УПК РСФСР.

Такой способ использования руководителями Генеральной прокуратуры материалов дела, доказательственное значение которых до конца не проверено органами предварительного следствия и тем более не оценено судом, объясняется в предисловии осознанием авторами книги «необходимости противопоставить правду захлестывающей общество дезинформации... и предупредить о вполне возможной провокации».

Под «правдой», как усматривается из книги, понимается версия Степанкова В.Г. и Лисова Е.К., а под «провокацией» имеются в виду «судебные откровения» обвиняемых, то есть их показания в суде, которые могут войти в противоречие с опубликованными материалами и с точкой зрения авторов.

Таким образом, посредством этой книги еще до суда действия обвиняемых публично объявлены преступными, а также дана оценка их возможным показаниям в предстоящем судебном заседании, достоверность которых вправе оценивать только суд.

Указанные действия Степанкова В.Г. и Лисова Е.К. противоречат требованиям ст. 2, 20, 25 и 71 УПК РСФСР, согласно которым прокурор обязан обеспечить точное применение закона в процессе судопроизводства, способствовать предусмотренными законом мерами установлению истины по делу и не предопределять заранее силу тех или иных доказательств. Эти действия ущемляют охраняемые законом права и интересы обвиняемых, в частности гарантированный ст. 65 Конституции Российской Федерации и

ст. 13 УПК РСФСР принцип презумпции их невиновности, а также направлены на формирование общественного мнения по вопросам, относящимся исключительно к компетенции суда, то есть являются попыткой воздействия на суд, нарушением принципа независимости судьей, провозглашенного ст. 167 Конституции России и ст. 16 УПК РСФСР. Опубликование книги вызвало резко отрицательную реакцию обвиняемых, их многочисленные ходатайства и заявления о необъективности предварительного следствия, а также отводы Степанкову В.Г. и Лисову Е.К. и как следствие – затяжку в расследовании дела.

Помимо этого, используя материалы дела вне рамок уголовного процесса, Степанков В.Т. и Лисов Е.К. вышли за пределы служебных правоотношений с обвиняемыми и поэтому за достоверность приведенных в книге сведений и сделанные в ней выводы несут персональную ответственность в соответствии с нормами гражданского права. В настоящее время некоторые из подсудимых предъявили к ним в этой связи судебные иски о защите чести и достоинства.

Исходя из изложенного, суд считает, что авторы книги стали лично заинтересованными в деле, то есть в подтверждение как предварительным следствием, так и судом выдвинутой ими версии.

Несмотря на это, они, вопреки требованиям ст. 59 и 63 УПК РСФСР, не устранились от участия в деле, и вплоть до окончания предварительного следствия Лисов Е.К. продолжал руководить следственной бригадой, а Степанков В.Г. – осуществлять за следствием прокурорский надзор.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что содержащиеся в книге выводы были повторены затем в обвинениях, вновь предъявленных в августе 1992 года, а также в обвинительном заключении, составленном Лисовым Е.К. и утвержденном Степанковым В.Г.

О предвзятом отношении Степанкова В.Г. и Лисова Е.К. к расследованию дела свидетельствует и то, что в предисловии к книге, которое, согласно статье 480 ГК РСФСР, не могло появиться без согласия авторов, опубликованы выдержки из «документа», который, как утверждается, составлен обвиняемым Тизяковым и представляет собой инструкцию находившимся под стражей членам ГКЧП о поведении во время предварительного следствия.

Несмотря на то что приведенные в этом «документе» сведения непосредственно относятся к событиям августа 1991 года и при их подтверждении могут иметь доказательственное значение в установлении истины по делу, данная «инструкция», вопреки требованиям ст. 20 УПК РСФСР, в рамках предварительного следствия процессуально не

исследовалась, ее достоверность не проверялась, и имеет ли к ней отношение обвиняемый Тизяков, не выяснилось. Ходатайство обвиняемых и защитников и ее приобщение к материалам дела Лисовым Е.К. были отклонены.

При этом в постановлении утверждалось, что «документ не приобщен к материалам следствия, поскольку изложенная в нем информация не относится к расследуемым событиям». В то же время в предисловии к книге этот «документ» интерпретируется как подлинный и используется для подтверждения выдвинутой авторами версии, хотя, как видно из сообщения редакции журнала «Огонек», представлен туда неизвестным лицом.

Допущенные Степанковым В.Г. и Лисовым Е.К. нарушения закона дали повод для постановки под сомнение беспристрастности подчиненных им прокуроров, которым поручено поддержание государственного обвинения по данному делу, и для заявления отвода этим прокурорам со стороны подсудимых и их защитников.

Согласно ст. 31 Закона о прокуратуре Российской Федерации и ст. 248 УПК РСФСР, прокурор при осуществлении в суде уголовного преследования руководствуется только законом и своим внутренним убеждением. Из этой нормы следует, что для подлежащего исполнению государственным обвинителем своих полномочий он должен быть гарантирован от воздействия на его позицию по делу мнения иных лиц и полностью свободен в ее определении вплоть до отказа от обвинения. Лишь при таких условиях суд имеет возможность принимать во внимание высказываемые прокурором суждения и рекомендации по вопросам применения закона. Однако в данном процессе сам факт нахождения государственных обвинителей в служебной подчиненности у Генерального прокурора, лично заинтересованного в исходе дела, а также отсутствие в законе реальных гарантий их независимости, как участников процесса, не позволяет быть уверенным в том, что на этих лиц не будет оказано воздействие со стороны Степанкова В.Г. Как видно из представленного в суд документа, государственные обвинители по данному делу назначены лично Генеральным прокурором, который обладает полномочиями по назначению на должности, перемещению по службе, поощрению и привлечению к ответственности. Кроме того, законом не исключаются отзыв и замена государственного обвинителя во время судебного заседания.

О том, что руководство Генеральной прокуратуры находит возможным не считаться с процессуальной самостоятельностью государственных обвинителей, свидетельствует, в частности, обращение 5 мая 1993 года и. о.

Генерального прокурора Славгородского М.Д. в Военную коллегия с ходатайством об изменении меры пресечения троим подсудимым по этому делу. В соответствии со ст. 276 УПК РСФСР с ходатайствами к суду на данной стадии судопроизводства могут обращаться только участники процесса. И. о. Генерального прокурора к их числу не относится, и поэтому его ходатайство явилось, по существу, вторжением в сферу полномочий прокуроров, участвующих в процессе.

В сложившейся ситуации суд считает невозможным дальнейшее разбирательство дела и разрешение отвода, заявленного государственным обвинителям, до решения вопроса об обеспечении их действительной самостоятельности в настоящем судебном процессе и полагает необходимым войти с таким предложением в Верховный Совет Российской Федерации, которому подотчетен Генеральный прокурор. Этот вопрос может быть решен, в частности, путем создания в соответствии с п. 2 ст. 10 Закона о прокуратуре Российской Федерации органа прокуратуры, не входящего в прокурорскую систему республики, для поддержания обвинения по данному делу, в который могут быть включены уже участвующие в деле государственные обвинители.

Рассматривать настоящее дело вообще без государственного обвинителя Военная коллегия не вправе, поскольку высказанное прокурором намерение поддержать обвинение для суда, согласно статье 228 УПК РСФСР, является обязательным. Кроме того, участие государственного обвинителя суд находит необходимым, исходя из характера предъявленного подсудимым обвинения, а также для проведения процесса на принципах состязательности. Руководствуясь ст. 21-2 и 261 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации

ОПРЕДЕЛИЛА:

Обратить внимание Верховного Совета Российской Федерации на грубые нарушения закона, допущенные Генеральным прокурором Российской Федерации Степанковым В.Г. и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Лисовым Е.К., и предложить рассмотреть вопрос о реальном обеспечении независимости государственных обвинителей по данному уголовному делу.

Судебное разбирательство дела продолжить после получения ответа на это определение.

Председательствующий *А. Уколов*,
Народные заседатели *Ю. Зайцев, П. Соколов*».

Следующее судебное заседание состоялось в июле 1993 года.

Я и В.И. Варенников юридически еще находились на службе в Вооруженных силах, но денежное довольствие не получали со дня ареста, других источников дохода у нас не было.

Суд по нашей просьбе обратился в Министерство обороны, и нам дали ответ за подписью начальника Главного управления военного бюджета и финансирования Мини) стерства обороны Российской Федерации, что принято решение о выплате с 26 января 1992 года денежного довольствия в течение трех месяцев и единовременного денежного вознаграждения за поддержание высокой боевой готовности войск за семь месяцев 1991 года.

Во всех отношениях мы были заинтересованы в быстрейшем продолжении процесса.

Но зачитывается справка: что А.И. Тизяков находится на лечении, адвокат Хамзаев болен, Л.И. Галоганов – адвокат В.С. Павлова – в США. Суд постановил объявить перерыв до 10.00 7 сентября 1993 года.

За этот промежуток времени много воды утекло. Известный юрист Ю.Г. Калмыков сказал на пресс-конференции, что Генпрокуратуре не книги надо писать, а бороться с преступностью.

Подсудимые и адвокаты аргументированно доказали, что В. Степанков и Е. Лисов в печати неоднократно выступали с утверждениями о виновности членов ГКЧП. Это весьма серьезное нарушение служебной юридической этики. Как и судья, прокурор должен воздерживаться от публичных категорических утверждений о виновности обвиняемых, пока обстоятельства дела не исследованы в главном состязательном судебном процессе.

В своих интервью генеральный прокурор РФ простодушно объяснял, что опубликовал книгу с целью повлиять на общественное мнение. Но мнение формируется на главном процессе, а все остальное не способствует установлению истины. Юридические принципы объективной истины, справедливости, презумпции невиновности имеют нравственное содержание.

6 сентября 1993 года. Вновь подсудимые собрались в доме на Поварской. Секретарь суда проинформировал, что дело на А.И. Тизякова будет выделено в отдельное производство в связи с тяжелой болезнью.

7 сентября 1993 года. Холодный пронизывающий ветер с дождем... В 10.00 началось заседание суда: «Здравствуйте, прошу садиться!» Докладывает секретарь суда, что все прибыли, за исключением Тизякова.

А.И. Лукьянов и его адвокат Г. Падва высказали мысль, что исследование дела без четверых обвиняемых (Тизякова, Ачалова, Грушко, Болдина), безусловно, отразится на установлении истины.

Выступил адвокат Лифшиц – представитель «потерпевших»: «Дети погибли, а виноватых нет».

Слово попросил А.И. Лукьянов, он говорил о том, что есть новое обстоятельство, опубликовано обвинительное заключение по нашему делу в ежедневной газете.

Выступили адвокат Л.С. Абельдяев, В.И. Варенников, О.С. Шенин. Они говорили о том, что идет политическая возня, в которой Степанков и прокуратура играют самую видную роль.

8 сентября 1993 года. Заседание не состоялось из-за болезни адвоката О. Бакланова.

21 сентября 1993 года. В 17.15 Н.В. Печенкин сообщил, что на него в подъезде напали трое молодых парней, нанесли несколько ударов, при этом говорили: «Мы тебе покажем, кого защищать».

23 сентября 1993 года. Ельцин подписал указ о назначении В. Степанкова генеральным прокурором с подчинением непосредственно президенту. Наше ходатайство – направить дело на дополнительное исследование – суд отклонил.

7 октября 1993 года. Продолжение суда. Всем известно, какие произошли события: расстрелян Дом Советов.

Сегодня день траура. Обвиняемые заявили: они незаконно арестованы, и прокурор СССР Трубин уклонился от дела и все передал Степанкову, который вершит самосуд. В отношении военных творится произвол. Память погибших при расстреле Белого дома почтили вставанием.

8 октября 1993 года. Суд отклонил все наши ходатайства, в том числе и о возвращении орденов, хотя прокуратура забирать их не имела права.

12 октября 1993 года. Отклонены все наши ходатайства. Мы просили назначить правовую экспертизу на предмет:

– соответствовал ли Союзный договор, разработанный в Новоогареве, референдуму 17 марта 1991 года;

– является ли референдум 17 марта 1991 года обязательным для исполнения на территории СССР.

19—28 октября 1993 года. Прочитаны все пять томов обвинительного заключения.

30 ноября 1993 года. Начался допрос Владимира Александровича Крючкова. Ему была предоставлена возможность самому изложить суть дела.

Допрос с перерывами проходил до 20 января 1994 года.

20 января 1994 года. Меня начали допрашивать. Предоставили право свободно изложить события 19–21 августа 1991 года.

В зале ни одного журналиста из правительственных изданий. Отчего же? Два года назад истерически требовали открытого суда над руководителями Советского государства, а тут вдруг исчезли. Вероятно, в свете последующих событий – «сговора трех», выдворения Горбачева из Кремля, ваучеризации страны, расстрела здания Верховного совета РФ – «дело ГКЧП» кажется журналистам «детской забавой».

26 января 1994 года. Суд удовлетворил мою и Варенникова просьбу отпустить нас проводить в последний путь Маршала Советского Союза Н.В. Огаркова.

В час дня мы были на Новодевичьем кладбище. С прощальным словом выступил Варенников, он и сказал много добрых слов в адрес славного сына нашего народа, посвятившего себя беззаветному служению Отчизне, укреплению боевой мощи Вооруженных сил.

Николай Васильевич находился в опале за то, что выразил солидарность с действиями ГКЧП 18–21 августа 1991 года. Он предвидел, куда приведут перестройщики страну и что будет с Россией.

8 февраля 1994 года. Перед допросом Шенина в зале суда появился Бакланов, попросил включить его для дачи показаний. Суд его просьбу отклонил под предлогом, дескать, нет необходимости.

Судья Уколов А.Т. попросил предоставить слово Олегу Семеновичу Шенину. Он начал свое выступление со слов: «Ответ лицемерам».

15 и 16 февраля 1994 года. Продолжался допрос Шенина. Прокуратура поставила перед собой задачу запутать свидетеля и даже припугнуть, но судья пресек эту акцию. И опять «процесс покатился».

17 февраля 1994 года. Утром Варенников сказал мне, что по радио передали: мы уволены из рядов Вооруженных сил указом президента РФ.

19 февраля 1994 года. Я получил выписку из приказа министра обороны (по личному составу) № 0184 о моем увольнении. В ней значилось: «Выслуга лет в Вооруженных силах: календарная – 52 года 1 месяц; в льготном исчислении – 59 лет 5 месяцев».

Получение выписки я воспринял спокойно. И на гражданке можно служить Родине.

17 февраля 1994 года. Суд допрашивал Варенникова. «Запад восторгается нашим самоедством!» – заявил генерал.

Суд решил пригласить на заседание Горбачева в качестве свидетеля.

1 марта 1994 года. Судья генерал-лейтенант А.Т. Уколов объявил, что во время перерыва судебного заседания вышло Постановление Государственной думы. Нам зачитали Определение Военной коллегии:

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1 марта 1994 г. город Москва

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе: председательствующего Уколова А.Т., народных заседателей Зайцева Ю.Д., Соколова П.И. в судебном заседании по уголовному делу в отношении Лукьянова А.И. и других, рассмотрев вопрос о прекращении дела вследствие акта амнистии,

УСТАНОВИЛА:

Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 23 февраля 1994 г. издано Постановление «Об объявлении политической и экономической амнистии», пунктом 1-а которого предписано прекратить все уголовные дела, в том числе и не рассмотренные судами, в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по событиям 19–21 августа 1991 г., связанным с образованием Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и с участием в его деятельности.

Лукьянову А.И., Павлову В.С., Крючкову В.А., Язову Д.Т., Шенину О.С., Бакланову О.Д., Варенникову В.И., Плеханову Ю.С., Генералову В.В. и Стародубцеву В.А. предъявлено обвинение в совершении преступных действий, связанных с событиями 19–21 августа 1991 г., и образовании Государственного комитета по чрезвычайному положению. Следовательно, акт амнистии непосредственно распространяется на возбужденное в отношении этих лиц дело.

Общий порядок применения акта амнистии, изданного во время судебного разбирательства дела, регламентирован ч. 3 ст. 5 УПК РСФСР, согласно которой суд в таком случае доводит разбирательство до конца и при вынесении обвинительного приговора освобождает осужденного с учетом амнистии от наказания. Однако пункт 9 Постановления Государственной Думы от 23 февраля 1994 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии» предписывает немедленное исполнение пункта 1 этого акта, то есть предусматривает прекращение уголовного преследования привлекаемых к ответственности лиц непосредственно на той стадии, на которой находится процесс судопроизводства.

Таким образом, Государственной Думой установлен особый порядок применения амнистии по данному делу, согласно которому суд обязан немедленно прекратить дело в отношении каждого из подсудимых, не возражающего против принятия такого решения.

Постановление вступило в законную силу и подлежит исполнению.

Учитывая, что никто из подсудимых не возражает против применения

к нему акта амнистии, и руководствуясь п. 4 ст. 5 и ст. 261 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации

ОПРЕДЕЛИЛА

Уголовное дело в отношении Лукьянова Анатолия Ивановича, Павлова Валентина Сергеевича, Крючкова Владимира Александровича, Язова Дмитрия Тимофеевич, Шенина Олега Семеновича, Бакланова Олега Дмитриевича, Варенникова Валентина Ивановича, Генералова Вячеслава Владимировича и Стародубцева Василия Александровича прекратить на основании пунктов 1-а и 9 Постановления

Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23 февраля 1994 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии».

Меру пресечения – подписку о невыезде в отношении указанных лиц, а также арест, наложенный на их имущество, отменить.

Гражданские иски, заявленные к подсудимым в связи с данным делом, оставить без рассмотрения.

А. Уколов, Ю. Зайцев, П. Соколов».

Валентин Иванович Варенников с амнистией не согласился. В Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации я ознакомился с ходатайством Варенникова. В нем говорилось:

«1 марта 1994 года на судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации было доведено Постановление Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации от 23.02.94 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии».

В связи с этим в тот же день я сделал суду следующее заявление: «Против решения Государственной Думы об амнистии возражений не имею. Но еще раз подчеркиваю, что на протяжении всех стадий предварительного, а также в ходе судебного следствия я не признавал и не признаю предъявленные мне обвинения. Считаю и считаю себя невиновным. Одновременно заявляю суду ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза.

Я соглашаюсь с актом амнистии, имея в виду, что судом будет рассмотрено и удовлетворено мое ходатайство – ведь факт развала страны состоялся, против чего я и выступал.

Однако прошло два месяца, но никакого решения суда по этому поводу мне не объявили.

Выражая глубокое уважение прежнему составу суда, который действительно проявил гражданское мужество, придерживаясь

объективной правовой позиции во время ведения судебного следствия, я одновременно сожалею, что суд не смог рассмотреть заявленное ходатайство, хотя оно по сути было моим моральным условием принятия амнистии.

В связи с этим и учитывая, что Президиум Верховного Суда Российской Федерации удовлетворил протест государственного обвинения и дело об августовских событиях (1991 г.) будет вновь рассматриваться новым составом суда, а подсудимые заново будут опрашиваться об их отношении к амнистии, я заявляю, что возражаю в отношении применения амнистии ко мне лично.

Считаю своим неперенным долгом перед нашим народом и Отечеством сделать все возможное, чтобы вскрыть в ходе судебного следствия истину и показать общественности причины тяжелейшей трагедии, свалившейся на наше государство. Хотя бы в общих чертах раскрыть структуры и конкретных лиц, виновных в развале Советского Союза и страданиях людей всех бывших союзных республик. Это не может оставаться тайной. Стремление «упрятать концы в воду» является позорной традицией. Кроме того, судебное следствие позволит мне доказать мою невиновность.

К сожалению, в России все без исключения партии и движения, политики, историки, журналисты даже не обозначили свое намерение провести объективный анализ всего того, что произошло. Ибо развал Советского Союза и разгром хоть и незначительных демократических приобретений – это событие не только XX века, а эпохальное, историческое для всего человечества. Это трагедия всего мира, и ее главные последствия еще нас ожидают впереди.

Провозгласив демократию, мы должны двигаться к правовому государству. Установление истины по делу ГКЧП несомненно явится именно таким шагом и благотворно скажется на установлении гражданского мира и на морально-политическом состоянии нашего народа, его истинных патриотов. Одновременно это вселит в их сознание надежды на будущее.

В.И. Варенников, апрель 1994 года».

Мне стало известно, что судебное заседание по рассмотрению теперь уже дела Варенникова было назначено на 21 июня 1994 года.

Появилась возможность съездить в Ленинград, навестить могилу дочурки Ларисы, встретиться с товарищами по совместной службе на Кубе.

Из Волгограда приехал Григорий Иванович Коваленко он командовал

на Кубе полком, с ним 14 апреля мы и выехали в Ленинград. Всю дорогу вспоминали о былом.

В Ленинграде встретили нас Владимир Петрович Черемных, Виктор Сергеевич Еремин, Аркадий Федорович Шорохов, Иван Николаевич Павленков, Бронислав Семенович Старанцов – мои друзья-однополчане. В этот же день состоялась встреча с «кубинцами», которые в большинстве своем осели в Ленинграде, Выборге, Саперном.

На встрече с «кубинцами» посыпались в мой адрес вопросы с упреками. Их можно свести к тому, что мы, гэкачеписты, в августе действовали нерешительно. И что даже расстрел Белого дома в сентябре – октябре 1993 года – результат робкого и непродуманного поведения ГКЧП в августе 1991 года.

Вопросы, вопросы! Я ответил, что упреки в целом справедливы. Подчеркнул, что в 1985 году никто и не предполагал, что к власти придет генсек, который встанет на путь предательства государства. Программы «перестройки» не было, да и не могло быть, потому что Горбачев подразумевал смену общественного строя. Для себя он определил главную задачу: разложить партийные структуры.

Членов политбюро, которые как-то сопротивлялись, Горбачев разогнал, он сформировал новое политбюро, в соответствии со своими взглядами и пристрастиями. И вскоре республики начали бороться с центром, вернее, с Горбачевым.

Сказал я и о том, что Горбачев никак не отреагировал на сговор в Беловежской пуще. Он даже формально не подписал ни одного документа, зная, что никакой его указ никто исполнять не будет. Это означало, что Горбачев потерял власть и ему ничего не остается, как начать клянчить для себя у Ельцина льготы.

Утром следующего дня я поехал на Шуваловское кладбище, где покоится доченька. Серое утро и подтаявший снег не прибавили настроения. И тогда я поехал на встречу с ветеранами 177-й Любаньской стрелковой дивизии.

Вместе с Семеном Михайловичем Фарберовым и его сыном, товарищами-однополчанами мы выехали в Новую Молуксу. Там в братской могиле захоронено более 11 тысяч воинов 2, 8 и 54-й армий Волховского фронта, воины 30-го корпуса и 42-й армии Ленинградского фронта. Многие патриоты лежат в ленинградской земле. Лежит и мой отчим Федор Никитич, мои однокашники по училищу.

У братской могилы стояла одинокая женщина. Я спросил ее: «Вы откуда?» – «Из Ленинграда. Приехала на могилу к брату, он защитник

Ленинграда. Но сегодня юрист с собачьей фамилией переименовал город». По-моему, женщина имела в виду бывшего мэра Собчака, который поучает нас из Парижа, как нам жить дальше.

Уезжал я из Ленинграда вместе с Г.И. Коваленко. Красивейший город в апреле был серым, плохо убраным. Кругом реклама на иностранных языках, как будто мы за кордоном. Рядом с храмом на рекламе красовалась обнаженная девица. Кому-то неймется унижить православных. Подобную картину я увидел у храма Николы в Хамовниках в Москве. Правда, кто-то краской на трехметровом холсте написал: «Оккупанты, уберите своих шлюх! Уважайте православных и мусульман!»

На моих глазах к рекламному щиту стоимостью в три тысячи долларов подъехали на «мерседесе» заказчики этой непристойной рекламы. С остервенением господин с картавинкой соскребал надпись. «Оккупант!» – бросил ему проходивший мимо знаменитый писатель, которого изгнали с «демократического» ТВ. «Изыди!» – бросил все тому же господину с картавинкой вслед и дьякон. И стало тепло на душе: а все-таки мы есть! Мы – это русский народ, который вот-вот погонит с родной земли врагов.

...23 апреля 1994 года радио сообщило о смерти Р. Никсона. Мы с ним встречались дважды. Это был один из «ястребов». Помню, как он допытывался, почему мы передали стрелковые дивизии флоту? Я ответил, что это наше внутреннее дело и нам виднее, каким образом строить нашу оборону.

Хочу заметить, что Р. Никсон, бывая в России, никогда не отзывался плохо о президенте США. Зато Горбачев осенью 1995 года в поездке по США прямо-таки распекал Москву за отсутствие внешнеполитической концепции, хотя Ельцин эту концепцию взял на вооружение от Горбачева. Концепцию отличает пренебрежение к национальногосударственным интересам страны. Так что Горбачев-пенсионер, сам того не осознавая, раскритиковал Горбачева-генсека за самодурство и пресмыкание перед Западом. Вот такие случаются курьезы. Партийная вдова сама себя высекла.

Оба президента – и Горбачев и Ельцин – до одурения верили в то, что за граница нам поможет и мы будем партнерами. Но не тут-то было. Как говорится, американцы не против, чтобы Россия сделала пристройку к «общеевропейскому дому», но на фундаменте НАТО, да и то без права на квартиру.

Не переставал нас удивлять и патриарх Алексей II. Это его святейшество извинился перед немцами в евангелическом соборе Берлина. Вот его слова: «Одновременно не можем умолчать мы о том, что

тоталитарный режим, установившийся после падения нацизма в Восточной Германии и принесший страдания многим немцам, пришел на эту землю именно из нашей страны, а многие мои соотечественники поддержали его своими несправедливыми деяниями. За это я ныне прошу у вас прощения от имени многомиллионной и многонациональной паствы».

Но разве припомнит читатель, чтобы канцлер Германии Коль извинился перед русскими, пребывая с визитом в России, за те страдания, которые перенес русский народ в годину борьбы с фашизмом, или президент Израиля принес извинения за то, что параноик Губельман-Ярославский со своей ордой разрушал православные святыни?..

Что же мы занимаемся самоунижением? Ведь по всей Европе можно найти веские доказательства нашего мученичества – не счесть братских могил, в которых захоронены сыны России, отдавшие свою жизнь за счастливую судьбу других народов. Это кощунство – просить извинения от имени многомиллионной паствы, от имени матерей и жен, которые не дождались своих сыновей и мужей. Чем же они преградили перед Господом Богом?

Навечно в строю

Самое время вспомнить нам Сергея Федоровича Ахромеева, начальника Генерального штаба СССР, маршала, который учил нас побеждать врага и в мирное время.

Перечитав все 140 томов дела № 18/6214-91, среди кучи вранья и лжесвидетельств я нашел точную характеристику августовских событий, данную маршалом Ахромеевым. «Не могу жить, когда гибнет мое отечество и уничтожается все, что я всегда считал смыслом моей жизни... Я был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной.»

Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев покончил жизнь самоубийством. Верховный Совет бывшего Союза не считал возможным даже почтить память члена Верховного Совета СССР минутой молчания. Я знал Сергея Федоровича как одного из самых честнейших, талантливейших военачальников, всю свою жизнь он посвятил службе в рядах Вооруженных сил.

Родился Сергей Федорович Ахромеев 5 мая 1923 года в Мордовской АССР, Торбеевском районе в селе Виндрей. После окончания средней школы поступил во Второе астраханское пехотное училище, но вскоре его перевели в ленинградское военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. Курсант-моряк принимал участие в обороне Ленинграда в 1941–1942 годах, был ранен, командовал взводом, ротой на Ленинградском, затем Сталинградском и на 1-м Украинском фронтах.

С начала 80-х годов вновь усилилось противоборство СССР и США – набирала обороты гонка вооружений, разгоралась вооруженная борьба в ряде регионов мира. Так или иначе СССР и США стояли за спиной воюющих государств – будь то Африканский Рог, Южная Африка, Ближний Восток, Кампучия, Никарагуа...

Мне с Сергеем Федоровичем ежедневно приходилось заниматься оказанием помощи и Анголе, и Эфиопии на основании решения инстанции

– так было принято тогда называть решение ЦК и правительства. Доставку оружия и боеприпасов в Анголу и Эфиопию чаще всего осуществляли на самолетах военно-транспортной авиации. Был разработан график, в соответствии с которым выполнялись рейсы, на самолетах доставлялись даже танки. Зачастую перевозка подобных грузов была в несколько раз дороже их стоимости.

Генеральный штаб работал с огромным напряжением: круглосуточно дежурили оперативные группы, следившие за развитием обстановки в Эфиопии, Анголе и Афганистане.

Сергей Федорович часто отмечал, мол, с избранием генсеком М.С. Горбачева активнее пошла работа по поискам возможных вариантов решения о сокращении стратегических наступательных и обычных видов вооружений. А началось все с визита М.С. Горбачева во Францию в октябре 1985 года, когда мы объявили о снятии с боевого дежурства ракет СС-20, установленных в июне 1984 года, выразили мы и готовность заключить отдельное соглашение по ракетам средней дальности, независимо от того, когда будет достигнута договоренность по вопросам стратегических наступательных и космических вооружений. В этом же 1985 году мы впервые заявили о готовности пойти на 50-процентное взаимное сокращение ядерных вооружений, достигающих, соответственно, территории США и СССР, при условии запрета космического оружия.

Советский Союз в одностороннем порядке объявил мораторий на подземные испытания ядерного оружия с августа 1985 года сроком до 31 декабря 1985 года, заявив о готовности соблюдать мораторий и дальше в случае присоединения к нему Соединенных Штатов. Этому шагу политбюро придавало особое значение. Полное прекращение испытаний ядерного оружия послужило бы мощным импульсом для прекращения гонки ядерных, а косвенно – и космических вооружений. Однако к этому благородному замыслу в США не прислушались, помешала негативная позиция США по вопросу полного прекращения ядерных взрывов.

19—21 ноября 1985 года в Женеве состоялась встреча М.С. Горбачева и президента США Р. Рейгана. Смысл встречи состоял в том, чтобы остановить или хотя бы попытаться замедлить гонку вооружений. Значение этой встречи трудно было переоценить. Ведь со времени предыдущей советско-американской встречи на высшем уровне прошло почти семь лет. Напряженность в мире достигла опасного предела. В этих условиях нельзя было не использовать любой шанс переломить развитие событий – по крайней мере остановить наращивание военной опасности или уменьшить ее.

Как мы и предполагали, договориться в Женеве по вопросам ядерных и космических вооружений не удалось. В совместном советско-американском заявлении по итогам встречи Горбачева и Рейгана было отмечено: ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей. Признав, что любой конфликт между Советским Союзом и Соединенными Штатами мог бы иметь катастрофические последствия, стороны также подчеркнули важность предотвращения любой войны между ними – ядерной или обычной – и заявили, что не будут стремиться к достижению военного превосходства.

Политически значимым было также подтверждение приверженности СССР и США режиму нераспространения ядерного оружия и задаче полного запрещения и уничтожения еще одного вида оружия массового уничтожения – химического.

Во время совместной работы я заметил у Михаила Сергеевича весьма скептическое отношение к генералам и адмиралам. Он не раз задавал вопрос: не много ли их в Вооруженных силах, все ли они заняты делом?

Одной из главных задач, которыми занимался Сергей Федорович, являлись и переговоры о сокращении Вооруженных сил в Центральной Европе. Позиции сторон были прямо противоположными. Страны Варшавского договора добивались, чтобы предметом переговоров, а следовательно, и сокращений были сухопутные войска, военно-воздушные силы и военно-морской флот, напротив, блок НАТО выступал за то, чтобы рамки переговоров и последующих сокращений были ограничены только сухопутными войсками, что по существу означало одностороннее сокращение советских Вооруженных сил.

Борьба шла на консультациях в Вене и с не меньшей остротой в Москве. Руководство страны, особенно МИД, ратовали за то, чтобы пойти на уступки блоку НАТО. В результате пришли к компромиссу: предметом переговоров и будущих сокращений станут сухопутные войска и военно-воздушные силы. Военно-морские силы были выведены за рамки переговоров. Это была первая победа американцев. Мы допустили ничем не ограничиваемое господство США, а следовательно, НАТО на морях и океанах.

Сергей Федорович так и сказал: «Наше согласие на исключение ВМС из предмета переговоров по сокращению вооруженных сил в Европе было ошибочным».

После встреч в 1985–1986 годах с М. Тэтчер и Ф. Миттераном М.С. Горбачев, видимо, убедился, что Великобритания и Франция никогда не согласятся, чтобы судьба их ядерных арсеналов обсуждалась и решалась на

советско-американских переговорах, хотя бы потому, что это затрагивало их суверенитет. Но Ахромеев настоял на том, чтобы стратегические ядерные силы Великобритании и Франции так или иначе учитывались на переговорах с США – по крайней мере в виде обязательства об их ненаращивании.

Но в августе 1986 года, будучи в отпуске, Горбачев принял решение вынести вообще за рамки переговоров ядерные средства Великобритании и Франции, а также и ядерные средства передового базирования США. Появившись в Москве, М.С. Горбачев приступил к подготовке встречи с Р. Рейганом в Рейкьявике.

После жарких дискуссий в межведомственной комиссии, которую возглавлял член политбюро Л.Н. Зайков, договорились о возможности сокращения на 50 процентов наших тяжелых МБР СС-18 (с 308 до 154), в чем были особенно заинтересованы США, а также о зачете каждого ТБ с ракетами СРЭМ и ядерными бомбами на борту как одного стратегического носителя в число 1600 и одного боезаряда в число 6000. Эти решения были очень непростыми для нас. Мы шли на серьезные уступки американцам, уменьшая на 50 процентов количество советских тяжелых ракет СС-18. Подобных ракет у США не было.

Все предложения были сформулированы в виде проектов совместных советско-американских документов, которые предполагалось вручить Р. Рейгану в ходе первой же беседы. Казалось, с таким широким набором важных предложений, причем выгодных другой стороне, переговоры в Рейкьявике возымеют успех. В составе официальных лиц, сопровождавших М.С. Горбачева, были Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев, С.Ф. Ахромеев, А.Ф. Добрынин, А.С. Черняев.

В 10 часов 11 октября 1986 года началась первая беседа Горбачева с Рейганом. В 20 часов 12 октября состоялась их последняя встреча. При прощании Р. Рейган не удержался и высказал обиду, что Горбачев приехал в Рейкьявик, чтобы именно из-за проблемы ПРО обречь в конечном счете встречу на неудачу. Американцы не привыкли уступать даже в мелочах и не хотели, чтобы с ними кто-то разговаривал на равных. И потому Р. Рейган по прибытии в Америку ход переговоров обрисовал таким образом, будто в Рейкьявике все шло хорошо до самого последнего момента. Вскоре картину смазал Горбачев, он неожиданно для всех вдруг потребовал от США отказаться от реализации программы СОИ, что и сорвало окончательные договоренности.

На самом деле наши предложения вносились как «пакет», и это подтвердили американские дипломаты. Руководствуясь стремлением

обеспечить первый шаг по пути ядерного разоружения, Советский Союз снял увязку сокращения стратегических наступательных вооружений с соблюдением Договора по ПРО 1972 года. Ошибок и промахов советской стороне избежать не удалось. И повинно в этом Министерство иностранных дел, конкретным «служником» назвали Э.А. Шеварднадзе.

Согласно проекту Договора по РСМД, ликвидации подлежали, наряду с ракетами средней дальности (от 1000 до 5500 километров), ракеты с дальностью от 500 до 1000 километров. Советская ракета «Ока» – СС-23 вообще не должна была подпадать под действие Договора РСМД. И тем не менее «Ока» попала под уничтожение. Мотивировка чудовищная: если бы ракету изготовили по американской технологии, то она бы имела дальность 500 километров.

Министерство обороны было категорически против включения ракеты «Ока» в предмет переговоров, согласились пойти на включение этой ракеты в договор на справедливых условиях: предложить американцам запретить все ракеты в диапазоне не с 500, а с 400 до 1000 километров. Тем самым, наряду с ликвидацией нашей «Оки», была бы поставлена преграда для создания модернизированной американской ракеты «ЛЭНС-2» с дальностью 450–470 километров. Но, находясь в Москве в апреле 1987 года, госсекретарь США Дж. Шульц «уговорил» Э.А. Шеварднадзе подвести ракету «Ока» под понятие «ракеты меньшей дальности», хотя она была тактической ракетой.

Шеварднадзе дал понять, что для нас это не проблема, давайте пригласим экспертов. Но на встречу экспертов, состоявшуюся в МИДе в тот же вечер, представителей Генштаба не пригласили и с протоколом встречи не ознакомили, что противоречило многолетней практике.

На следующий день в ходе беседы Горбачева с Шульцем о включении ракет «Ока» в понятие «ракеты меньшей дальности» говорилось уже как о решенном вопросе. Военное руководство было возмущено, никаких вразумительных разъяснений от МИДа Министерство обороны не получило. Попытки военных вернуться к вопросу об «Оке» всячески пресекались. И тут произошло нелепое, почти невероятное событие. 28 мая 1987 года по соседству с Красной площадью на Васильевском спуске приземлился двухмоторный самолет, управляемый западногерманским гражданином Рустом. В это время в Берлине, столице ГДР, проходило заседание Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского договора. Вместе с М.С. Горбачевым там находился и министр обороны С.Л. Соколов. 30 мая, разбираясь в этом происшествии, тон на совещании задавали Горбачев и Шеварднадзе, они

действовали решительно. Последовало снятие с должностей главкома войск ПВО главного маршала авиации А.И. Колдунова, командующего войсками Московского округа ПВО маршала авиации А.У. Константинова, и, как ни странно, был освобожден от должности министр обороны Маршал Советского Союза Сергей Леонидович Соколов.

Читатель уже догадался – это аукнулась «Ока».

Сергей Федорович постоянно знакомил меня с переговорным процессом. Я помню, как однажды мне позвонил помощник Шеварднадзе: могу ли я принять министра иностранных дел? Я ответил утвердительно, и где-то через час Э.А. Шеварднадзе появился в моем кабинете.

Накануне я был у генсека, он посоветовал мне первому съездить в МИД, наладить контакты с Э.А. Шеварднадзе. Из нажима «дружно поработать» я понял: главное – это подготовка документов проекта Договора по РСМД. К этому времени уже были согласованы сроки встречи на высшем уровне в Вашингтоне (7—10 декабря 1987 года). Министерству иностранных дел было важно договориться с нами и с Генеральным штабом. Даже если мы во вред себе уступали американцам, это все равно считали «прорывом» во взаимоотношениях с США. Поэтому я высказал свое мнение «об уступках партнерам», на что Шеварднадзе разразился тирадой, дескать, переговоров без компромиссов, без взаимных уступок не бывает, что прошли времена, когда соотношение сил определялось только количественными показателями. Особенно он упирал на общественное мнение. «Но американцы, – возразил я, – всего этого не боятся и на всех встречах добиваются именно материального выигрыша в виде ракет, боезарядов и других слагаемых, выводя за скобки переговоров флот, систему СОИ. Они добиваются выгоды, а мы невыгодного нам договора».

На следующий день М.С. Горбачев разъяснял, как надо подсчитывать соотношение сил сторон: «Вы привыкли считать «штык к штыку», но попытайтесь подойти к этому прежде всего с политической меркой».

Пишу эти строки, когда горит земля под ногами у православных сербов, когда рушатся не только военные объекты, но и мосты, больницы, школы, стираются с земли целые города. Уместно спросить: «Мы вывели войска из стран Восточной Европы, почему же американцы остались в Европе?» Во всех уголках земли у США свои интересы, мы же свои «интересы» растеряли, отдали. Очень Горбачеву хотелось, чтобы о нем сказали: «Вот он, миротворец, даже свою страну не пожалел».

История знает много случаев, когда, действуя ради своей личной выгоды, правитель пренебрегал своим народом. Так произошло и с Горбачевым! Горбачева придавили нобелевскими лаврами, да так, что он не

услышал стенаний славян. Ему импонировал имидж «всеобщего миролюбца», «примирителя Запада и Востока», он боялся идти на жесткие решения как на переговорах, так и при решении внутренних проблем. К превеликому сожалению, политическая роль сегодняшней России определяется ее беспомощностью. Немалая заслуга в этом дорогого Эдуарда и Козырева, не случайно последнего прозвали «бескозыркой военно-морских сил США».

...За несколько дней до отлета в Вашингтон мне позвонил Горбачев, он поставил в известность, что начальник Генерального штаба вылетает в составе советской делегации. Делегацию провожали все члены политбюро, кандидаты в члены политбюро, посол США господин Д. Мэтлок. Военные, входящие в состав делегации, на сей раз были в гражданских костюмах.

Вскоре мы узнали, что переговоры закончились подписанием Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений и ракет средней и меньшей дальности. И уже 11 декабря Н.И. Рыжков посоветовал мне незамедлительно выехать в Берлин: «Там организуется встреча Горбачева с руководителями государств – участников Варшавского договора». Эрих Хонеккер принял нас радушно. Зал был украшен флагами государств – участников Варшавского договора. Все стоя приветствовали Михаила Сергеевича и других членов делегации, среди которых выделялся Ахромеев.

Горбачев выступал полтора часа. Он заверил коллег по Варшавскому Договору, что нашей делегации там, в Вашингтоне, все-таки удалось отстоять первоначальное «узкое» толкование Договора по ПРО, и это якобы должно затормозить разработку американцами программы СОИ. Победные реляции звучали на сей раз несколько надоедливо, Горбачеву явно отказало чувство меры. Ахромеев, чтобы «не светиться» рядом с Горбачевым, даже отошел в сторону.

Согласно протоколу, правительство ГДР дало прием в честь руководителей государств – участников Варшавского договора. Все высказывания глав государств обращены были Горбачеву, в его адрес изливались потоки самой неприкрытой лести. Главный генсек из всех присутствующих генсеков не замечал перебора в лстивых словах. Тем более что Шеварднадзе, продолжая свою роль политического тамады, оповестил весь мир о впечатляющей победе Горбачева. Помню, Сергей Федорович заметил: «Этот грузин искупал в потоках лести Брежнева, а сейчас в купель лести окунает Горбачева. Хват!»

Дальше история с ПРО развивалась прямо-таки по голливудскому

сценарию. Вскоре Р. Рейган, основываясь на английском тексте договора, заявил, что Горбачев согласился в Вашингтоне с «широким» толкованием Договора по ПРО и тем самым сняты разногласия по вопросу о СОИ. В свою очередь, Горбачев, выступая по советскому телевидению, опроверг все толкования Рейгана.

Что же произошло? Ответ дал Г.М. Корниенко, заместитель министра иностранных дел: «В русском тексте совместного заявления принципиально важная формулировка об обязательстве сторон «соблюдать Договор по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 году, в процессе осуществления исследований, разработок и испытания, которые разрешаются по Договору по ПРО», действительно давала основание для нужного нам понимания, поскольку слова «испытания, которые разрешаются», можно было толковать как означающие только те испытания, которые разрешаются по Договору по ПРО, и тем самым как исключающие возможность проведения противоречащих этому договору испытаний в рамках программы СОИ».

Однако американцы не только воспротивились включению частицы «те» в русский текст, что сделало бы однозначно ясным смысл этого положения, но сформулировали эту часть фразы в английском тексте таким образом, что грамматически точный перевод ее на русский язык должен был бы звучать не «испытания, которые разрешаются по Договору по ПРО», а «испытания, каковые разрешаются по Договору по ПРО».

Иными словами, по-английски получилось, будто любые испытания как таковые, то есть и в рамках программы СОИ, разрешаются Договором по ПРО.

Этой хитрости Шульца, естественно, не могли заметить ни Горбачев, ни Шеварднадзе, не владеющие английским языком, а те советские участники переговоров, которые были обязаны проследить за аутентичностью русского и английского текстов, то ли действительно тоже не заметили, то ли сделали вид, что не заметили, ради благополучного завершения встречи.

«Эти филологические погрешности, – заметил Ахромеев, – нам дорого обойдутся».

...Августовские события застали Сергея Федоровича на отдыхе. Обычно высокие чины из окружения генсека, уходя в отпуск, старались узнать: куда на сей раз выезжает показать пляжные шляпки Раиса Максимовна? Но на этот раз было ясно: коллекцию пляжных шляпочек с бантиками и без оных пригреет солнышко на форосских берегах. Нет, не поспешил Сергей Федорович предстать перед светлыми очами Михаила

Сергеевича из какого-нибудь крымского санатория, дабы остаться при власти, он выбрал Сочи.

Рассказывает Тамара Васильевна, супруга Сергея Федоровича: «19 августа Сергей Федорович, как всегда, пошел утром на зарядку, потом вернулся и разбудил нас: «Включите телевизор!» Он молча выслушал первые сообщения. Потом вдруг засобирился в дорогу: «Я должен лететь в Москву, сам во всем разобраться». Мы и не попрощались как следует. Его провожали врачи: «Возвращайтесь, Сергей Федорович, ждем!» Он отшучивался: «Оставляю вам в залог жену». Потом поцеловал меня и внучку Оксану. Больше я его не видела».

Сергея Федоровича я встретил в Кремле после совещания у Г.И. Янаева. На следующий день я пригласил маршала приехать в Министерство обороны. Мы обсудили ситуацию и пришли к выводу: надо было начинать не с «Лебединого озера». К сожалению, время было упущено, водка лилась рекой в окрестностях Белого дома. Со стороны «демократов» возможны были любые провокации, они уже возводят баррикады... Решение было одно: вывести войска из Москвы.

Вместе с Сергеем Федоровичем мы зашли в кабинет Ачалова. Некоторые свидетели потом выступили, дескать, Язов произнес зажигательную речь, призывал к штурму Белого дома, арестовать членов правительства России. Правда, следователи поверили докладной записке Сергея Федоровича президенту СССР. Впрочем, имеет смысл привести эту записку полностью:

«Президенту СССР

товарищу Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

Докладываю о степени моего участия в происшедших действиях так называемого «государственного комитета по чрезвычайному положению» (Янаев, Язов и др.). 06.08.91 г. по Вашему разрешению я убыл в очередной отпуск в военный санаторий в г. Сочи, где находился до 19 августа. До отъезда в санаторий и в санатории до утра 19 августа мне ничего не было известно о подготовке заговора. Никто даже намеком мне не говорил о его организации и организаторах, т. е. в его подготовке и осуществлении я никак не участвовал. Утром 19.08, услышав по телевидению документы указанного «комитета», я самостоятельно принял решение лететь в Москву, куда и прибыл примерно в 16 часов дня рейсовым самолетом. В 18.00 прибыл в Кремль на свое рабочее место. В 20 часов я встретился с Янаевым Г.И., сказал ему, что согласен с программой, изложенной «комитетом» в его обращении к народу, и предложил ему начать работу с

ним в качестве советника и. о. Президента СССР. Янаев Г.И. согласился с этим, но, сославшись на занятость, определил время следующей встречи на 12.00 20 августа. Он сказал, что у «комитета» не организована информация об обстановке и хорошо, если бы я занялся этим.

Утром 20.08 я встретился с Баклановым О.Д., который получил такое же поручение. Решили работать по этому вопросу совместно. В середине дня Бакланов О.Д. и я собрали рабочую группу из представителей ведомств и организаций. Собрав и проанализировав обстановку, практически эта группа подготовила два доклада к 21.00 20.08 и к утру 21.08, которые были рассмотрены на заседании «комитета». Кроме того, 21 августа я работал над подготовкой доклада Янаеву Г.И. на Президиуме ВС СССР. Вечером 20 и утром 21 августа я участвовал в заседаниях «комитета», точнее в той его части, которая велась в присутствии приглашенных.

Кроме того, 20 августа примерно в 15 часов я встретился в МО с Язовым Д.Т. по его просьбе. Он сказал мне, что обстановка осложняется, и выразил сомнение в успехе задуманного. После беседы он просил пройти с ним вместе к заместителю МО генерал-полковнику Ачалову В.А., где шла работа над планом захвата здания ВС РСФСР. Он заслушал Ачалова в течение трех минут только о составе войск и сроках действий. Я никому никаких вопросов не задавал.

Почему я приехал в Москву по своей инициативе, никто из Сочи меня не вызывал, и начал работать в «комитете»? Ведь я был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, и, приехав в Москву, еще раз лично убедился в этом.

Дело в том, что начиная с 1990 г. я был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Я искал способ прямо заявить об этом. Посчитал, что мое участие в обеспечении работы «комитета» и последующее, связанное с этим разбирательство даст мне возможность прямо сказать об этом. Звучит, наверное, не убедительно и наивно, но это так. Никаких корыстных мотивов в этом моем решении не было. Мне понятно, что как Маршал Советского Союза я нарушил военную присягу и совершил воинское преступление. Не меньшее преступление мной совершено и как советником Президента СССР. Ничего другого, как нести ответственность за содеянное, мне теперь не осталось.

Маршал Советского Союза Ахромеев С.Ф.
22.08.1991 года».

Второе письмо Сергей Федорович написал 23 августа 1991 года,

адресовав его родным и близким.

«Дорогая моя Томуся! Дорогие мои дочери Наташа и Таня! Милые и дорогие Оксана, Сергуня и Ленушка. Дорогой Георгий!

Пришло время нам расстаться. Я убежден, что так для вас будет легче. Придется пережить две-три страшные недели. Но если мне остаться жить – впереди у нас страшные годы. Не осуждайте меня. Первые дни вы со мной не согласитесь, но позже поймете – я прав. На Отечество и наш народ я не обижаюсь. Горжусь ими. Всю свою жизнь до последнего дня служил им честно. Прошу вас простить меня за все. Всегда для меня было главным долг воина и гражданина. Вы были на втором месте. Но в эти тяжкие дни вы мне оказали такую любовь, уважение и преданность, что я понял могучую силу любви семьи. Сегодня я впервые ставлю долг на первое место перед вами. «Мертвые сраму не имут».

Прошу вас мужественно пережить эти дни. Подбадривайте друг друга. Не дайте повода для злорадства недругам. Помогите матери. Она всю свою жизнь без остатка отдала нам с вами.

Прости меня, дорогая Томуся, что тебя не дождался. Остаюсь твоим, Томуся, мужем; вашим, мои дорогие, отцом и дедушкой.

Прощайте. С.Ф. Ахромеев 23.8.91 г.

Последняя просьба – письмо передать моей семье.

Ахромеев.

9-30 24.08.91 г.».

Еще было несколько записок:

«Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что я всегда считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право из жизни уйти. Я боролся до конца.

Ахромеев.

24.08.91 г.».

Он также обращался к генералу армии В.Н. Лобову с просьбой оказать помощь в похоронах.

Не оказал Лобов, побоялся.

Министром назначили Шапошникова. Вероятно, Владимир Николаевич догадывался, что депутат ВС СССР полковник Н. Петрушенко спросит при утверждении на Верховном Совете в должности министра обороны Е.И. Шапошникова: «Вы провожали в последний путь заслуженного маршала Ахромеева С.Ф.?»

«Это личное дело каждого», – ответит еще не назначенный и вскоре освобожденный от должности министр обороны.

Личное дело... Была ли жизнь Сергея Федоровича исключительно его личным делом? Нет, она принадлежала народу. Вся жизнь этого честнейшего человека была правдой. С.Ф. Ахромеев был известен во всем мире. Р. Рейган и Дж. Буш с уважением относились к маршалу. И вот теперь члена Президиума Верховного Совета СССР шельмовали «пламенные борцы с привилегиями», дорвавшиеся до власти.

За два месяца до трагического часа Сергей Федорович подал заявление президенту о своем уходе, откровенно заявил, что в сложившихся условиях шельмования военных, поспешного, одностороннего разоружения он не имеет морального права занимать пост рядом с президентом. Отказывается участвовать в разрушении армии и Отечества.

Меня часто спрашивают: почему Горбачев привлек С.Ф. Ахромеева к работе советником? Полагаю, он возмечтал прикрыться его именем, оправдывая свои уступки США на переговорах. Сергею Федоровичу верили военные и оборонщики, он был примером служения своему Отечеству. И потому на могиле Сергея Федоровича всегда стоят живые цветы...

Суд над В.И. Варенниковым

Валентин Иванович Варенников родом из города Кропоткина Краснодарского края. Сын директора крупного производственного объединения. Мать Валентина Ивановича, к сожалению, рано ушла из жизни, в шесть лет Валентин оказался полусиротой. В самом начале войны семнадцатилетним юношей он пришел в военкомат с просьбой отправить его на фронт. Военком подумал и сделал юноше исключение: определил в артиллерийское училище, мол, еще мальчуган, сначала подучись. Затем были Сталинградский фронт, битва под Курском, Украина, Польша, отличился Варенников при штурме Берлина. В семейном альбоме генерала хранится фотография: будущий подследственный по статье «Измена Родине» стоит у Бранденбургских ворот при пяти боевых орденах, трижды раненный...

Супруга генерала Варенникова Елена Тихоновна из русских красавиц, прошла боевой путь вместе с Валентином Ивановичем сестрой в медсанбате. Когда в августе 1991 года служки Степанкова пришли в дом, чтобы забрать боевые награды и регалии главкома Сухопутных войск, Елена Тихоновна отдала и свои ордена. «Я без мужа – никуда! – объяснила она государственным ищейкам. – Пусть ордена жгут вам руки».

За годы службы Валентин Иванович побывал в «командировках» в самых разных горячих точках: в Анголе, Эфиопии, Афганистане. А когда случилась Чернобыльская трагедия, генерала срочно отозвали из Афганистана – руководить восстановительными работами. Вспоминает сын генерала, Валерий Валентинович Варенников: «Когда отец прилетел из Чернобыля, я находился в Москве, приехал домой в отпуск. Все вместе мы бросились к отцу, хотели заключить его в объятия.

– Назад! – крикнул отец.

Он снял свой генеральский мундир, завернул его в брезентовый мешок и добавил:

– От греха подальше – не подходите! Чернобыльская грязь – не

отмоетесь!

– И мне нельзя, Валентин? – протянула свои руки к генералу Елена Тихоновна. – Что с голосом, простыл?

– Это чернобыльская пыль связки забила. Мой приказ: отставить все поцелуи. Пыль-то радиоактивная...»

Вернувшись в Москву из Афганистана, генерал Варенников все удивлялся: «Зачем мы в одностороннем порядке сокращаем Вооруженные силы? Спешим вывести свои войска из Европы? Уйдем мы – придет НАТО.» Он часто говорил: «СНГ – это пародия на великую нашу державу. Удар в самое сердце!»

У меня сохранилась газетная вырезка с проектом Союзного договора, рукой Варенникова там написано: «Не могу одобрить. Это не договор, а приговор Советскому Союзу».

Нелепо было выслушивать Варенникову и следователя. Последний поучал, как любить Родину.

– Зачем вы подписали «Слово к народу»? – допытывался следователь. – Вы же подписали себе приговор.

– Если можно еще спасти Родину, – отвечал генерал, – я снова подпишу «Слово к народу»! Это «Слово» – наша боль! Не пристало русскому офицеру прятаться за чужие спины.

В Форосе, как известно, главком Сухопутных войск принимал участие в беседе с Горбачевым. Доложил генсеку о настроениях в армии, что думают офицеры о предателях в высших эшелонах власти. Позже Горбачев напишет в своих воспоминаниях: «Наглое требование генерала уйти в отставку я отклонил!» И вся-то вина генерала Варенникова состояла в том, что он без всяких политесов, по-солдатски прямо сказал Горбачеву всю правду об истинном положении в стране, не расшаркиваясь перед генсеком. 50 лет генерал Валентин Иванович Варенников защищал страну. Он и сейчас готов пройти с боями, но уже до Москвы. И это не громкие слова, ибо, как и в годы борьбы с фашизмом, по другую сторону окопов будут не свои, а чужие... Классики «российской демократии», разворовавшие народное добро, готовы вступить в смертельную схватку. Это «демократы» превратили бывшие дачи государственных деятелей, прославленных балерин и полководцев в родовые неприступные крепости и доты. Теоретически они смогли бы продемонстрировать всему миру и высочайшие образцы «героизма». Защитить награбленное. Не зря они так поспешно приватизировали госдачи советских вождей.

Валентин Иванович стремился в ходе судебного разбирательства высветить истину, назвать тех, кто развалил Советский Союз.

Судебное разбирательство под председательством генерал-майора юстиции В.А. Яскина началось 21 июня. Когда в суд вызвали Горбачева, почти вся Москва съехалась к зданию Верховного суда на Поварской. Вальяжный Горбачев говорил примерно то, что излагал «за чашкой чаю»: «Что это был заговор и что, посоветовавшись с Раисой Максимовной, они решили стоять до конца. А визитеров послал туда, куда обычно посылают».

Свидетелю Горбачеву суд задавал довольно-таки безобидные вопросы. В то же время любой вопрос, поставленный Горбачеву, судья парировал, дескать, свидетель может и не отвечать.

Например, Варенников спросил Горбачева: «Как же получилось, что вы стали ренегатом, изменили своему народу?»

Немыслимый в истории факт, когда глава государства действует во вред своему народу. Мало того, приказали арестовать всех, кто мешал вам разваливать государство».

Но судья прервал Варенникова: «Вопрос не имеет отношения к делу». При всем уважении к суду я не могу согласиться, что виновных в развале СССР нам не найти. Еще в декабре 1988 года Горбачев на очередной сессии ООН дал понять, что СССР готов сменить социальный строй, а в начале декабря 1989 года Горбачев с Бушем уже встретились на Мальте. Буш требовал реформировать общество, предоставить возможность странам Восточной Европы идти своим путем. Но начинать надо было с вывода советских войск из Европы. По всем этим позициям Горбачев капитулировал перед Америкой. На Мальте он окончательно созрел для перехода в капиталистическую веру.

Когда допрашивали свидетеля маршала артиллерии Владимира Михайловича Михалкина, он авторитетно заявил: «Преступление Горбачева состоит в том, что он уничтожил ракетный комплекс «Ока», которому нет аналогов в мире.

И действительно, человек украдет мешок картошки, его сажают в тюрьму. А когда нанесен миллиардный урон стране и ущерб ее обороне – никакой ответственности...»

Судья В.А. Яскин прервал Владимира Михайловича: «Мы исследуем вопрос об обвинении Варенникова в измене Родине. При чем тут развал страны и Горбачев?» Затем, огласив текст закона о чрезвычайном положении, Яскин тут же устроил полномасштабный допрос подсудимому.

Мы понимали, что наши доводы, как и доказательства адвокатов, не изменят статью. Генпрокуратура РФ, судя по всему, получила политический заказ и настойчиво его выполняла. А Горбачев и на этом судилище был заинтересован в расправе над членами ГКЧП. На другой день во время

перерыва мы случайно встретились с Горбачевым в коридоре: «Мне жаль тебя и Ахромеева, а этих.» Я перебил Горбачева: «А мне жаль Родину, которую мы потеряли».

Во время судебного следствия председательствующий огласил один документ, о котором не поведали ни Лисов, ни Степанков, им это было невыгодно. Речь идет о стенограмме заседания Кабинета министров СССР от 3 августа 1991 года, которое состоялось перед отъездом Горбачева в Форос. На этом заседании много говорилось о чрезвычайных мерах как средстве выхода из охватившего страну кризиса. Горбачев тогда сказал: «Я завтра уеду в отпуск, с вашего согласия, чтобы не мешать вам работать».

Старший прокурор А. Данилов, который поддерживал обвинение в суде по делу В.И. Варенникова, так сказал об «измене Родине»: «Если к моменту суда Горбачев оставался бы президентом СССР, а Советский Союз продолжал бы существовать, возможно, дело имело бы какой-то смысл. Но в декабре 1991 года великая страна исчезла, а вместе с ней и объект преступления, да и субъекты тоже. По действующему законодательству «измену Родине» может совершить только «гражданин СССР», причем в пользу иностранного государства. Но мы же с некоторых пор стали россиянами».

Следственных зигзагов в деле ГКЧП предостаточно. Варенникову, например, вменили в вину участие в обсуждении вопроса о применении военной силы для захвата здания Верховного Совета России. Старший прокурор Данилов попросил суд исключить сию фантазию из приговора. Никто не давал приказаний захватить Белый дом. Никакими материалами дела этот обвинительный пассаж не подтвержден.

Далее прокурор заявил: «Арестованным вменили «заговор с целью захвата власти». Но в статье 64 говорится об «измене» в форме «заговора». Тот великий юрист, который отыскал самостоятельный состав, сделал колоссальное «открытие» в юриспруденции. Исключив «измену», но оставив «заговор». Он таким образом разорвал конструкцию 64-й статьи». Это ли не доказательство того, что Степанков выполнял политический заказ? Допустим, что Ельцин – строитель – в этом не разбирался, но Горбачев – дипломированный юрист – обязан был сообразить.

Не сработали в суде и домашние заготовки Горбачева. Суд, исследуя обвинительное заключение, пришел к выводу: дело шито политическими нитками и ни в какие рамки закона не вписывается.

Вот основные положения приговора: «Не нашло подтверждения содержащееся в обвинительном заключении утверждение, что на В.И. Варенникова планировалось возложить обязанности по непосредственному

обеспечению режима чрезвычайного положения».

Вторая позиция: «Хотя В.И. Варенников оказывал содействие ГКЧП, его действия не содержат состава должностного или иного преступления... Мотивами и целью содеянного были не корыстные побуждения или иная личная заинтересованность, а сохранение государства, что соответствовало воле народа, высказанной на референдуме 17 марта 1991 года».

Третья позиция: «Проанализировав доказательства, суд пришел к выводу: несмотря на высказывания Горбачева об антиконституционности действий прибывших в Форос, рукопожатия при расставании давали основание В.И. Варенникову полагать, что президент СССР если и не одобряет, то и не возражает против попыток спасти страну от развала путем введения чрезвычайного положения».

Четвертая позиция: «Как усматривается из программных документов ГКЧП, В.И. Варенников руководствовался лишь интересами СССР, содействовал разрешению сложившихся в стране кризисных проблем». Что это за проблемы? Главная – сепаратизм. Ногоогаревский «Мюнхен». Не может существовать государство, если преимущественную силу имеют конституции союзных республик. Пятая позиция: «В.И. Варенникову вменялось, что он посоветовал президенту СССР уйти в отставку».

Суд находит обвинения в этой части необоснованными. Поскольку никто из остальных присутствовавших при встрече это обстоятельство не подтвердил ни на предварительном, ни в судебном заседании.

Как утверждают В.И. Болдин, О.С. Шенин, О.Д. Бакланов, В.И. Варенников заявил М.С. Горбачеву о своей, а не президента СССР отставке. Это подтверждается и приобщенным к делу рапортом В.И. Варенникова, датированным 19 августа 1991 года, и показаниями свидетеля Д.Т. Язова, согласно которым В.И. Варенников по телефону доложил ему из Киева о том, что он высказал М.С. Горбачеву свою готовность уйти в отставку».

И случилось редчайшее в судебной практике событие – государственный обвинитель потребовал оправдательного приговора.

На другой день, 11 августа Военная коллегия Верховного суда под председательством генерал-майора юстиции В.А. Яскина вынесла оправдательный приговор. Иной была реакция на справедливое решение средств массовой информации и конечно же экс-президента СССР.

По всем каналам телевидения прошла информация, что Горбачев удивлен оправдательным приговором. Это решение закладывает правовую основу для повторения попыток государственного переворота в России.

Скажу откровенно, меня удивляет, что господа телевизионщики все

чаще обращаются к Горбачеву прокомментировать то или иное событие в мире, дать ему политическую оценку. Многие даже не догадываются о хобби Горбачева – рекламировать деликатного свойства продукцию – эксклюзивные образцы Condoms (презервативы).

Конечно, делает это Михаил Сергеевич совсем небескорыстно, во имя процветания Фонда Горбачева. И хотя он считает себя другом всех народов в мире и даже претендовал на пост Генерального секретаря ООН, Горбачев предпочитает почему-то уделять внимание исключительно германским шедеврам, игнорируя богатые традиции Франции, весьма искусенной в этой области. Подозреваю, что Горбачев искал выгоду, как уйти от налогов, ибо «лучшему немцу году» все дозволено. Но как бы там ни было, Горбачев поменял свое амплуа. Раньше портреты Горбачева украшали праздничные колонны во время демонстраций. Но сейчас все изменилось: Михаил Сергеевич по-другому «горбатится», приумножая свой авторитет. Как говорится, отгенсековал, но дело все-таки нашел по душе – Condoms! Ну и хват Михаил Сергеевич, застолбил за собой золотую жилу. И копает, и копает!..

Но не будем упрекать Михаила Сергеевича в романтических настроениях. Один депутат Государственной думы России даже выразил протест против беспощадной эксплуатации образа Горбачева. Попытался побороться за имидж экс-президента. Он связался с представителями немецкой компании, пригрозив судебным процессом. Но оказалось, что Горбачев уступил все свои права фирме.

И если М.С. Горбачев ступил на коммерческую стезю, время от времени поучая судей с телеэкрана, какую им избрать статью для членов ГКЧП и, в частности, для генерала Варенникова, то сам Валентин Иванович на процессе выступил с обличительной речью. Он дал отпор всем попыткам ошельмовать патриотов, ввести в заблуждение следствие. Выступая на процессе по делу ГКЧП, генерал В.И. Варенников заявил:

«Против чего я и мои товарищи выступили в августе 1991 года? Против государственного переворота и разрушения СССР изнутри руками прозападных политиков, выполнявших команды из Вашингтона. Напомню высказывание бывшего директора ЦРУ Роберта Гейтца, напечатанное в «Известиях» 12 декабря 1991 года: «Мы понимали, что Советский Союз ни экономическим давлением, ни гонкой вооружений, ни тем более силой не возьмешь. Его можно разрушить только взрывом изнутри».

Но почему у Запада такое неотступное влечение к Советскому Союзу, а сейчас – к его бывшим республикам, и в первую очередь к России? Да потому, что здесь несметные природные богатства, без которых Западу в

перспективе не обойтись. Плюс человеческие ресурсы с огромным природным даром. Однако, чтобы добраться до этих сокровищ, им надо было сломить нас. Что и выполнено благодаря предательству Горбачева, Яковлева и других.

Предвидя трагедию, мы предпринимали всяческие шаги по недопущению развала нашего государства. Бездействие Горбачева казалось нам результатом его ограниченных умственных возможностей. Власти ему дали больше, чем любому монарху, но он не знал, во имя чего ее употребить. Некоторые объясняли это также и его нерешительностью, трусостью. Потом мы убедились, что бездействие было умышленным и оно преследовало одну стратегическую цель: довести все процессы развала государства до такой степени, когда они уже будут необратимы. Чью же волю выполнял Горбачев?

Главный враг, который дирижировал всеми, в том числе Горбачевым, Шеварднадзе, Яковлевым, – затаился. Его надо было умело разоблачить и разгромить. Но это, к сожалению, не было сделано. И третья сила, воспользовавшись благоприятными условиями, подготовила и с помощью предателей нашего Отечества осуществила взрыв Союза изнутри (впоследствии это многократно подтвердит Р. Гейтц).

Это сила, к которой никаких эффективных мер не было предпринято. О существовании ее только робко говорилось, в том числе и на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года. Она сейчас глубоко заинтересована в дальнейшем распаде нашего государства, в разграблении наших богатств и проведении в жизнь своих замыслов навсегда обосноваться в России, направлять ее дальнейшее развитие.

Что же это за сила? Это элита западных держав, в руках которых формирование внешней и внутренней политики плюс наша продажная компрадорская буржуазия, наши продажные политики и агенты влияния (собственно, это почти одни и те же лица).

Важно отметить, что на каждом этапе нашего развития третья сила делала ставку на соответствующего лидера. Я согласен с заявлениями тех средств массовой информации, которые сейчас утверждают, что в 1990 году Запад переориентировался с Горбачева на Ельцина, там убедились, что «лучший немец» все-таки слабак. Запад уже начинает менять свои ориентиры.

И все-таки был ли у нас в стране путч, государственный переворот? Ответ однозначен: да, был! И на мой взгляд, он имеет три этапа.

Первый этап – подготовительный. По времени он занял все годы перестройки до августовских событий 1991 года. В этот период

определенными силами была создана идеологическая, социально-политическая, материально-техническая и даже кадровая основа для изменения советского общественного и государственного строя, социалистической системы хозяйства и социалистического порядка. Начался развал государственности, хаос в экономике, стал в полный рост национализм. Об этих фактах прекрасно знали в ЦК КПСС.

Но, воспитанные в духе беспрекословного подчинения генсеку, члены ЦК смотрели на него как за гипнотизированные. Лишь отдельные лица, хотя и робко, говорили об этих фактах. Что же касается Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, то эти органы тоже наблюдали сложившуюся картину, но, не имея в новом составе практиков, опыта парламентской работы и борьбы, в ближайший бой не ввязывались, не могли предпринять каких-либо радикальных мер по пресечению смертельно опасных для страны тенденций. Хотя отдельные выступления были – в интересах нашего государства: предлагалось, например, Горбачеву сложить с себя обязанности президента СССР. Но эти предложения развития не получили. И на вопрос государственного обвинения одному из подсудимых: «Управлял ли Горбачев страной единолично?» – я бы ответил только утвердительно!

Второй этап – промежуточный и очень короткий. Это фактически 19 и 20 августа 1991 года. Он знаменуется выступлением руководителей высшего эшелона законодательной и исполнительной власти против бездействия Горбачева по пресечению негативных тенденций, втягивающих страну в катастрофу, против подписания предательского Союзного договора, узаконивающего распад нашей страны.

В тот период были сброшены все маски, ликвидированы все декорации, которые прикрывали псевдодемократические и профашистские, как в Литве, силы.

Кроме того, в конце этого периода были незаконно арестованы и посажены в следственную тюрьму все основные руководители законодательной и исполнительной власти Советского Союза (кроме, разумеется, президента), уволены или отправлены в отставку негодные новому режиму ответственные работники. Что, конечно, нанесло ущерб государственности.

Эйфория борьбы со всеми теми, кто отстаивал Конституцию, была максимальной! Этим был открыт путь к беспрепятственным, неограниченным и, что самое главное, незаконным и бесконтрольным действиям псевдодемократии.

Третий этап – основной. Он начался 21 августа 1991 года. Пошел

процесс политического, экономического, национального, физического распада Советского Союза, советской социалистической системы, единой культуры, науки, обороны. Кто же подготовил и осуществил этот переворот, а с ним – и распад нашего государства? На первом этапе главенствующая роль конечно же принадлежала Горбачеву и всем тем, кто вместе с ним непосредственно привел страну к катастрофе.

На втором этапе, 19 и 20 августа, наступило, на мой взгляд, безвластие. Причина? Члены ГКЧП втянулись в тяжбу с президентом РФ. Ельцин обвинил ГКЧП в антиконституционности, а членов ГКЧП объявил преступниками, призвав народ к неповиновению, к всеобщей забастовке, к борьбе против ГКЧП. ГКЧП, включившись в эту перепалку, объявил все указы Ельцина неконституционными, а посему не имеющими законной силы. Кроме того, фактически всю энергию ГКЧП затратил на поиск путей к погашению скандальной ситуации на Красной Пресне, вместо того чтобы эффективно влиять на положение в стране.

Своими действиями члены ГКЧП, сами того не сознавая, создали для сил, рвущихся к власти, исключительно благоприятную ситуацию для реальных действий по захвату власти. Условия были благоприятными, и демократы воспользовались силой нахраписто, не считаясь ни с какими законами и приличиями. Ибо никто из членов ГКЧП не мог допустить и мысли, что все будет построено на насилии и что авантюристы от демократии приватизируют власть. Эта сила, к своему изумлению и радости, уже на третьем этапе разгромила все, что посчитала нужным. За три последующих месяца она окончательно закрепила свое властное положение.

А что же прежняя, союзная власть? Оставшись без руководителей и преданная Горбачевым, она тихо и безропотно сдалась на милость победителей. Это позорно и стыдно! Но сей факт действительно имеет место в Истории.

Самое же главное то, что ГКЧП не допускал в лице объекта российской власти мифического врага. Да и как можно было в своих соотечественниках, воспитанных в равных условиях, заподозрить врага? Члены же ГКЧП, так же как и многие в стране, наивно полагали: их врагами могут быть только те, кто посягает на интересы народа извне!

На третьем этапе решающую роль, конечно, сыграли вдохновители беловежского сговора. Личная вражда Ельцина и Горбачева в конце концов предопределила судьбу Советского Союза. А ведь даже последовавшие за августом обстоятельства еще не говорили о развале. Страна могла остаться в рамках конфедерации или даже новой федерации.

Мне, как военному человеку, нельзя обойти вниманием и Вооруженные силы.

Не было года во времена правления Горбачева, чтобы он не нанес ущерб стране и не покушался бы на обороноспособность государства. Но прокуратура не сделала ему даже замечания. То, что армию надо было сокращать, не вызывало никаких сомнений. Но это надо было делать на условиях равной безопасности с Западом, а не односторонне, как фактически имело место.

Приведу некоторые примеры.

Первый. О стратегических ядерных силах. Под лозунгами «нового мышления», «общечеловеческих ценностей» и якобы в целях «прорыва» в отношениях между Западом и Востоком Горбачев подписал ущербный для Советского Союза договор о сокращении ракет меньшей и средней дальности. Мы сократили в 2,5 раза больше своих носителей и в 3,5 раза больше своих боеголовок, чем США.

Совершенно непонятно, почему в число подлежащих уничтожению был включен ультрасовременный, превышающий все зарубежные аналоги по всем параметрам оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока». Его только взяли на вооружение некоторые соцстраны, наши военные округа на Западе. По своим параметрам он не подпадал под сокращение. Даже у американцев этот дикий шаг вызвал удивление – по договору подлежали ликвидации ракеты наземного базирования с дальностью 500 километров и выше (кроме межконтинентальных). «Ока» же действовала на расстоянии до 400 километров. Подумайте, будьте справедливыми: разве это не государственное преступление?

Второй пример. Преступлением является и то, что без ведома Верховного Совета американцам передали шельф с нефтью в Беринговом море. Это лишило наш Военно-морской флот районов рассредоточения, заставило пересматривать свои планы обороны. Не говоря уже о колоссальном материальном ущербе: запасы нефти на шельфе соизмеримы разве только с кувейтскими.

Третий пример. О сокращении обычных вооружений и Вооруженных сил. Да, у нас сухопутных войск было больше, чем в США, и танков больше. Но у нас с соседями сухопутная граница растянулась на десятки тысяч километров. Но Горбачев все-таки пошел на сокращение, питая слабую надежду, что американцы сократят свой военно-морской флот. Однако США не только не допустили обсуждения этого вопроса на переговорах, но Буш, как бы в насмешку над нашими инициативами, в 1992 году помчался на церемонию спуска на воду нового авианосца.

Четвертый пример. О выводе наших войск с территории стран Восточной Европы и Монголии. Это был не вывод, а позорное, трусливое бегство! При этом мы перебазировались в совершенно неподготовленные районы. Даже весьма экономически благополучная Канада выводила из Европы всего одну тысячу человек в течение двух-трех лет. Мы же побили все рекорды: за год вывели около 130 тысяч человек. Итог плачевный: государству нанесен колоссальный ущерб. Преступление очевидно, оно не подлежит сомнению! Но чтобы не замечать его, преступниками объявили членов ГКЧП. Причем измену Родине членам ГКЧП инкриминировали люди, которые и сегодня вершат судьбы страны. Этому исключительно важному вопросу суд, надеюсь, уделит должное внимание.

Считаю необходимым отметить: прежняя Генеральная прокуратура РФ, выдвинув против меня и других обвиняемых по делу ГКЧП версию в измене Родине с целью захвата власти, сама стала заложницей этого обвинения. В этой ситуации, на мой взгляд, у Генпрокуратуры сейчас может быть два варианта действий.

Первый – совершенно бесперспективный: настаивать на том, что имела место попытка захвата власти, причем советской. Но эти обвинения в измене Родине – «развесистая клюква», она не имеет аналога в судебной практике. Ведь нас в захвате власти обвинила еще советская прокуратура. И обвиняемся мы, собственно, по советским законам. Но посмотрите вокруг, где вы видите советскую власть? Нынешняя власть отвергла все советские законы. А значит, она не имеет права судить нас исходя из советского законодательства.

Советская власть в СССР была ликвидирована в сентябре 1991 года в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. А в декабре 1991 года Советский Союз был вообще ликвидирован. Да, мы готовы предстать перед судом, но перед судом советской власти.

Во всех случаях разгром СССР проходил без моего участия и участия других товарищей, проходивших по делу. Налицо парадокс: коль мы хотели захватить власть, против которой выступает нынешняя, то выходит, что мы способствовали существующему режиму? Что, по меньшей мере, странно и дико.

Второй вариант действий Генпрокуратуры: выставить против меня и других товарищей обвинение в защите советской власти. В попытке захвата власти с целью не допустить закрепления новой, «демократической». Этот вариант, по крайней мере, близок к истине. Ведь советская власть признана нынешним руководством ущербной и даже антинародной. Не мы были организаторами беспорядков в августе 1991 года в Москве. Не мы

призывали к неповиновению и бессрочным забастовкам и не мы спаивали людей вокруг Белого дома. И разве мы организовали провокационное нападение на военный патруль, следовавший на БМП?

Получается, что в отношении меня и других моих товарищей предъявлено обвинение в защите советской власти. Но этим можно только гордиться. Ведь я действительно защищал советскую власть на протяжении всей жизни, начиная с Великой Отечественной войны. На войне на многих фронтах боролся не только против немецко-фашистских захватчиков, но и против изменников – власовцев, на знамени которых было написано: «Уничтожим Советы».

Надеюсь, судьям теперь понятно, почему у меня отобрали награды за защиту советской власти? Учитывая отсутствие закона о защите граждан, отдавших свою жизнь во имя Советской страны, нас с полным правом можно было бы судить в любом другом государстве. То, что мы граждане России, не препятствие – уже прецеденты были: из Латвии приезжали карательные органы и без суда и следствия арестовывали и сажали в тюрьму.

С этим хорошо справляется и немецкий суд. Нашел же он для генерала Мильке повод арестовать Героя Советского Союза, обвинив его в причастности к убийству полицейского в 1931 году. А для меня повода искать не надо – я в течение всей войны уничтожал фашистов.

Одновременно заявляю, что я полностью согласен с выводом генерального прокурора России Казанника о том, что суд по делу ГКЧП – это фарс. И не только потому фарс, что суд затягивается по причине болезней многих его участников, и в первую очередь подсудимых, а по причине абсурдности обвинения.

Есть и третий вариант вероятных действий прокуратуры – это найти в себе мужество и честно заявить, что выдвинутое обвинительное заключение является неправомерным, в том числе и в связи с изменившейся в стране обстановкой... Но для этого, повторяю, требуется иметь мужество и честь.»

Суд над Варенниковым закончился, как известно, полным оправданием Валентина Ивановича.

Валдай

А я вскоре воспользовался предложением моих соседей Алексея Михайловича и Татьяны Васильевны Клименичевых полюбоваться на красоты Валдая. Мы остановились в маленькой деревушке рядом с озером. Поставили сети, перед этим нам пожелали: «Ни рыбы, ни чешуи». Мы не поймали ни одной рыбешки, довольствовались тем, что прикупили на базаре в Валдае.

На следующий день поехали в Новгород. Я помнил Новгород с 1944 года, когда древние святыни лежали в руинах. Детинец, кафедральный Софийский собор и памятник «Тысячелетие России» были порушены. Фашисты разобрали памятник, приготовив его к отправке в Германию как символ покорения России. Но стремительное наступление войск 59-й армии Волховского фронта в январе 1944 года сорвало этот чудовищный замысел.

Памятник «Тысячелетие России» был сооружен в 1862 году по проекту двадцатичетырехлетнего художника М.О. Микешина. Он же автор памятников Екатерине II в Ленинграде и Богдану Хмельницкому в Киеве. Прямо скажем: молодой возраст для ваятеля. Это сегодня за решением, кому присудить победу на конкурсе, скрываются усилия скульптурной мафии почему-то из бывших национальных республик. Не случайно Юрия Лужкова еще называют по совместительству министром культуры Грузии.

Памятник «Тысячелетие России» установили в Новгороде, ссылаясь на Повесть временных лет, автором которой является Нестор, кстати, его образ запечатлен в композиции памятника как просветителя Древней Руси.

Открыли памятник 8 сентября 1862 года. На церемонию открытия прибыли в Новгород войска, царь Александр II с семьей и свитой. Высота памятника 15,7 метра, общий вес бронзового литья – 65,5 тонны. На монументе размещено 129 фигур. Это герои Руси, ее подвижники, цари и князья, военные и писатели, художники, государственные деятели. Монумент напоминает по форме вечевой колокол, возвещающий о славных

деяниях Русского государства. Иным памятник напоминает шапку Мономаха, знаменующую величие России.

Скульптурно в памятнике отражены: принятие христианства в 988 году, основание Древнерусского государства, создание Русского централизованного государства и освобождение от татаро-монгольского ига в 1481 году. Лейтмотивом проходят становление империи в России, блестящая победа в Северной войне, освобождение от польско-шведской интервенции и основание династии Романовых. А сколько славных имен: Рюрик, Владимир Святославович, Дмитрий Донской, Иван III, Михаил Романов и Петр I, военачальники, среди которых Александр Невский, Галицкий, Тверской, Марфа Посадница, Ермак, граф Орлов, Румянцев, Суворов, Кутузов, Синявин и другие. А среди писателей имена Ломоносова, Фонвизина, Державина, Крылова, Карамзина, Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

В Детинце нам рассказали о «наказанном» колоколе, о других историях, связанных с Иваном Грозным. Вечевой колокол от вече, от собора – собрания...

И тысячу лет назад Волхов так же величаво катил свои воды. Разве можно было представить, что в ноябре 1944 года в Новгороде восстановят памятник «Тысячелетие России»?

И вовсе не о своем культе личности заботился И. Сталин, он прежде всего возвращал к жизни в годину лихолетья духовные ценности русского народа, которые вытравливают из жизни троцкистские последыши.

Новгород освободили 20 января войска 59-й армии под командованием генерала И.Т. Коровникова. За освобождение Новгорода Верховный главнокомандующий объявил благодарность всем войскам, многим соединениям было присвоено почетное наименование «Новгородские».

Об этом факте я рассказал экскурсоводу, спросив: «Почему вы не поведаете об этом примечательном событии?» В ответ услышал: «Мы в основном сопровождаем иностранцев. Их больше интересует древняя история, Вторая мировая война для них – табу, особенно на русском направлении. Запад не хочет знать о своем варварстве, о разрушении памятников и соборов».

И я вспомнил историю, как Василия Стародубцева старейший Фрайбургский университет в Германии пригласил прочитать цикл лекций по русской литературе. А дело обстояло следующим образом. Василий Александрович после освобождения из Матросской Тишины поехал в Ясную Поляну поклониться графу Льву Николаевичу Толстому. Подошел к домику писателя и обомлел. Какой-то столичный хлюст с картавинкой

объяснял молодым славистам из Фрайбурга, как немцы зимой 1941 года пленили героическую Тулу. Дескать, чтобы затушевать доблестную победу полководцев рейха, Леонид Брежнев даже пошел на подлог: присвоил Туле звание города-героя.

Василий Стародубцев попытался было возразить, восстановить истину, но «литературовед» из Москвы пискляво проверещал: «Господин хороший, оставьте свое мнение при себе, у нас лекция по истории России, не мешайте!»

И тогда Василий Александрович решил проучить наглеца «картавых кровей». Он подошел к «икабусу» с московским номером и сказал водителю: «С вашим экскурсоводом случилась беда. У него острый приступ аппендицита. Дальше вместе поедem».

Еще раньше Василий Александрович заметил «скорую помощь» во дворе яснополянского дома, так что история с аппендицитом выглядела вполне правдоподобной. Оставалось только подождать, когда хлюст из «литературоведческого» кооператива пойдет отмечать путевку в бухгалтерию музея.

План «угона» автобуса Василий Александрович реализовал блистательно. По его просьбе водитель «икабуса» подошел к даме, сопровождающей славистов, и объяснил ей, мол, местное отделение российско-германской дружбы решило устроить прием в честь гостей из Германии.

В село Спасское, где расположено хозяйство Стародубцева, больше известное в народе как «островок социализма», ехали с песнями. Напевали «Подмосковные вечера», «Калинку». Василий Александрович – знаток Сергея Есенина, и вскоре студенты разучивали «Клен ты мой опавший», «Собаке Качалова».

– Господин Стародубцев, – восторгалась дама-наставница, – вы открыли нам новое имя в русской поэзии. Этот ваш Сергей Есенин – друг Иосифа Бродского? Во Фрайбурге мы изучаем русских классиков: Окуджаву, Аксенова, Войновича. С превеликим удовольствием включим в наши семинарские занятия и лирику Сергея Есенина.

– Ну вот, похлопотал и за музу Сергея Есенина, – отшучивался Стародубцев, – на одного классика станет больше в русской литературе. Господа войновичи, аксеновы, потеснитесь! А с лирикой двух Николаев, Рубцова и Тряпкина, вы знакомы?

– О, господин Стародубцев, мы едва успеваем за вами записывать новые имена. Почему наши рекомeндатели из Москвы утаили от нас эти имена?

И выяснилась неприглядная картина: столичные критики из демлагеря организовали что-то вроде кооператива. За солидную оплату в дойчмарках разработали методические пособия по изучению русской литературы для университетов Германии. Поразительно, но в методичках вы не найдете Достоевского, в антисемитских настроениях заподозрили и Гоголя. Составители-руссофобы запомнили В. Распутина, П. Проскурина, В. Белова, А. Проханова, В. Личутина, Ю. Бондарева, В. Ганичева, словом, литературная шарашка сделала все, чтобы вытравить имена русских писателей из истории литературы. В окрестностях Новомосковска автобус со славистами остановили на посту ГАИ.

– Василий Александрович, – обратился к Стародубцеву капитан, – по рации из Тулы приказали остановить автобус с немцами. Литературовед из Москвы уже дает интервью «Интерфаксу». В терроризме тебя обвиняют. Что будем делать?

– Земляки, оправдываться не буду. Лучше спросите профессоршу из Германии, как Тула пала в сорок первом году.

В автобусе не унывали, дружно, в который раз напевали «Клен ты мой опавший». Но вот чопорная профессорша приоткрыла дверь «Икаруса»:

– Василий Александрович, что случилось? Идите к нам! Наши генералы взяли Тулу, а вы пленили нас русской поэзией!

– Представляешь, – взорвался Стародубцев. – Этот «литературовед» из Москвы утверждает, что немецкие генералы взяли Тулу. Поэтому и угнал «Икарус», чтобы восстановить истину! Покажем Спасское, попотчuem разносолами и отправим в Москву. Передай в Тулу, земляк: «Мы Тулу не уступили фашистам, не уступим и «демократам»!»

И автобус со славистами покатыл дальше...

Но вернемся на Валдай. Побывали мы и в Иверском Святоозерском Богородицком монастыре. Валдайское озеро с живописными островами избрали для основания обители митрополита Новгородского. Перед Алексеем Михайловичем, отцом Петра I, хлопотал сам Никон.

Один из послушников монастыря, узнав меня, довольно тепло поприветствовал:

– Здравия желаю, товарищ маршал. Пока нас в монастыре всего пять послушников, но надеемся на прибавление братства.

На другой стороне озера возвышалось здание с зеленой крышей.

– Это санаторий, он подчиняется Москве, – просветила меня добрая душа. – Здесь в августе 1991 года отдыхал Анатолий Лукьянов. В своих стихах прославил нашу обитель. Монахи-молитвенники молятся за весь мир. Мы молимся и за праведников, и за грешников. Но, видно, мы плохо

молились, если к власти пришли враги. Москва уже не православная столица, это окаянный Вавилон.

Рассматривая зеленую крышу дома, я подумал: «А все-таки послушник не прав. Нет, не вся Москва – Вавилон.

И не будет этот мир вашим, враги. Да, в нашем государстве многое зависело от личности. Если власть подлая, пьяная и бездарная, то не следует удивляться и поведению рядовых чиновников. Следует поменять правила формирования власти. Страной должны управлять лучшие. Это сейчас на всех ветвях власти сидят вороны, высматривают добычу. Но не за горами то время, когда древо российской государственности вновь зацветет...»

Дмитрий Рогозин, философ новых времен, мудро подметил: «Русский народ – это государствообразующая нация, это становой хребет России. Именно русские собрали Русь, превратили ее в Россию, а затем в союзное государство. Любое ухудшение самочувствия русского народа немедленно отражается на здоровье всего государства. Суть всех проблем в конечном счете сводится к переживаниям русскими своей национальной проблемы». Нет, не вся Москва – Вавилон. Какая польза человеку возлюбить тьму больше света?..

Поездка в Омск

Далее я поехал на свою родину, в Омск. Не ожидал, что придет в аэропорт так много моих земляков. Перед отлетом позвонил Марии Степановне, жене брата Михаила. Она, по-видимому, и поведала Галине Ивановне Кусковой, главному редактору газеты «Омское время», о моем приезде.

Последний раз в Омске я был в 1990 году, мать моя Мария Федосеевна была достаточно бодрая, хотя ей пошел 87-й год, но теперь, в августе 1994 года, она меня не узнала. Высохшая, с бесцветными глазами, вспомнила своих детей, говорила, что Дмитрий военный. Так и не поверила, что я ее сын. Лишь дня через два узнала и заплакала: «Видишь, какая я стала, пережила всех».

В обществе академика Леонида Георгиевича Горынина, его супруги Генриетты Станиславовны, профессора Александра Дмитриевича Колесникова мы на двух машинах выехали в Тару, ей как раз в эти дни исполнилось 400 лет. Ехали по левому берегу Иртыша. Проехали Сарагатку – родину моего дальнего родственника Михаила Григорьевича Язова. Прекрасные леса, плантации подсолнуха, гречихи, пшеницы и такое веселое разнотравье.

Впереди Большереченск, родина академика Л.Г. Горынина, здесь мы и остановились у его племянницы на крутом берегу Иртыша. Варили уху из карася и стерляди. Давно я так беззаботно не отдыхал.

Тару называют бабушкой Омска. Необходимость создания крепостей и укрепленных пунктов в Сибири обуславливалась тем, что в этих краях кочевал хан Кучум. Его войско разоряло местные племена и народности, которые признали власть русских. А это были ханты, манси, татары. И потому московские власти порешили выше Тобольска в центре многолюдной Аялынской волости заложить новый русский город.

Возглавить поход и строительство поручили князю Андрею Васильевичу Елецкому.

В царском наказе князю Елецкому указывалось: «Идти ставить город вверх Иртыша на Тару-реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести и Кучума-царя истеснить и соль устроить».

В Таре нас встретили радушно. Шла служба, затем крестный ход в Спасской церкви. Владыка Феодосий – митрополит Тарский и Омский в сопровождении паствы и казаков с иконами обошел вокруг церкви. Затем процессия и весь гуляющий люд направились к стадиону, где состоялось красочное представление событий – от прихода на Тару-реку князя Елецкого до наших дней.

Возвращаясь из Тары, мы опять остановились в Большереченске, теперь уже у сестры Леонида Георгиевича. Пирог с груздями, отварной картофель с грибами, огурцы, помидоры с грядки – сибиряки гостеприимны и хлебосольны, у них все, что есть, стоит на столе!

Не обошлось без встречи с омичами. И хотя Галина Ивановна Кускова дала малозаметное объявление в «Омском времени», народу пришло столько, что полуторатысячный зал не вместил всех желающих...

На вопросы отвечал около двух часов, если не более. Главный вопрос: почему разрушен Советский Союз? Потом последовал вопрос с подковыркой: «В.И. Варенников не согласился с амнистией, а вы согласились – почему?» Я ответил, что Валентину Ивановичу было предъявлено обвинение только по статье 64 – «Измена Родине», что доказать это было невозможно, потому суд и вынес оправдательный приговор. Мне же предъявлялось обвинение по статьям 64 п. «а» и 260 п. «б» УК РСФСР. Все знают, что такое статья 64 п. «а», а вот статья 260 гласит: «Злоупотребление властью, превышение или бездействие власти». Статья, как говорит адвокат, резиновая: превысил власть – виноват, ничего не делал – опять виноват. Доказывать в суде невиновность по этой статье весьма сложно. Поэтому мои опытные адвокаты посоветовали согласиться с амнистией.

Еще один вопрос: «Поговаривают, что вы были противником профессиональной армии? Так ли это на самом деле?» На этот вопрос мне было не впервой отвечать: все летчики и инженерно-технический состав в ВВС – офицеры-профессионалы. И на флоте почти все подводники – офицеры и мичманы – профессионалы. Профессионалами я называю и ракетчиков, они решают задачу нанесения удара. Так о чем же идет речь? О сухопутных войсках? Но им надо платить, а это пока неподъемно для экономики государства. Некоторые специалисты считают, что для перехода к профессиональной армии необходимо увеличить военный бюджет в 20 раз.

И еще один весьма веский аргумент: в известном конфликте в Персидском заливе американцы задействовали сначала профессионалов. Но все же вынуждены были призвать резервистов, более ста тысяч человек.

Довелось мне ответить и на вопрос о землетрясении в Армении. Его мне задал представитель местной армянской диаспоры. В зоне бедствия оказалось около 700 тысяч человек. Для спасения людей задействовали все, что можно было использовать. В воздухе одновременно находилось до 400 тяжелых самолетов, везли тяжелые краны из Японии, Германии, США, Англии, Канады, было развернуто шесть полков гражданской обороны. Работали днем и ночью.

Скажу прямо, по Армении ходили провокационные слухи, что якобы это было вовсе не землетрясение, а взрыв ядерного боеприпаса на большой глубине и что вывозят людей не в Сочи, а в Сибирь, чтобы лишить армянский народ своей Родины...

Армения вся в ссадинах и царапинах, как говорил один юморист: «Народы все чаще сближаются для рукопашного боя». Но я бы еще добавил: впереди этих народов шагает безответственная интеллигенция. Но в отличие от «демократической» интеллигенции России армянская надолго усвоила уроки Истории. Армения – наш союзник, и наши узы дружбы никакими ухищрениями не разорвать. В этой связи я вспоминаю откровения президента Всемирного конгресса Эдгара Бронфмана: «Я не устаю повторять: суть демократии не во власти большинства, а в защите интересов нашей нации от большинства. Была у меня беседа с бывшим министром иностранных дел Шеварднадзе. Я не хочу впадать в мелодраматизм, но должен вам сказать, что у этого человека я увидел слезы на глазах, когда мы расставались».

Ошибается Бронфман, у Шеварднадзе вовсе не было слез, когда стреляли в осетин и абхазцев, да и в русских, которые встали на их защиту. Но если бы в Армении какой-нибудь безумец вздумал стрелять в русских, армянин загородил бы россиянина своей грудью. Поэтому у меня так много друзей в Армении.

Между тем мои слушатели продолжали задавать вопросы:

«О Волкогонове что вы можете нам поведать?»

«Волкогонов – перевертыш. В самом начале перестройки он быстро сориентировался, всем начал рассказывать о трагической участи отца-крестьянина. Дескать, в 1937 году его арестовали, и он попал в ГУЛАГ. Гибель отца в ГУЛАГе и явилась причиной написания книги о Сталине.

В первые годы службы Волкогонов в своей биографии написал: «Отец умер в 1934 году. Никто из родственников под судом и следствием никогда

не находился». Но откуда тогда эта вольность, дескать, родители – жертвы «сталинских репрессий»? Мол, отца арестовали «за чтение брошюры Бухарина». И здесь Волкогонова подвела память, ибо в год мученической гибели отца Н.И. Бухарина избрали членом ЦК ВКП(б), он был главным редактором «Известий».

Григорий Хаит изучил родословное древо профессора Волкогонова и пришел к выводу: отец генерала Д.А. Волкогонова никогда по политическим мотивам к ответственности не привлекался, и мать будущего профессора в 1934 году, когда семья распалась, добровольно, а не в ссылку переехала с детьми в село Агуя Красноярского края, где долгое время, учительствуя, была директором школы. Хотя сам Волкогонов в своей биографии похоронил матушку как репрессированную в 1949 году. Вот такова сыновья любовь. Мать убрал с глаз долой.

Все, что говорил Волкогонов о себе, – неправда. Например, он утверждает, что с должности заместителя начальника ГлавПУРа его «сняло политбюро» по политическим мотивам. На самом же деле он сам подал рапорт об уходе, чтобы перейти на писательские хлеба».

Многое бы я мог рассказать и о том, как он получил доктора наук истории и как рвался в академики. Как его подвергли суровой критике на коллегии Министерства обороны за первый том истории «Великая Отечественная война». Профессор весьма искусно пользовался своим положением заместителя начальника ГлавПУРа и не жаловал молодых историков, выпячивая свои заслуги...

20 октября 1994 года из Омска пришло горестное сообщение: умерла моя мать, Мария Федосеевна. Ночным рейсом мы с Людмилой Михайловной, дочерью брата, вылетели в Омск. Хлопоты непростые, похоронить – проблема. А уж некролог, коль из жизни ушла простая русская женщина, а не банкир, не всякий поместит в газете. Благодарю, что на наше горе отозвалась газета «Сибирское время».

«На 91-м году жизни скончалась наша землячка Мария Федосеевна Язова – уроженка села Язово Оконешниковского района. Смерть любой матери – невосполнимая потеря. Легко представить горе родных и близких от утраты матери, вырастившей и воспитавшей десятерых детей.

В тридцать лет Мария Федосеевна после смерти мужа осталась одна с четырьмя детьми. Через полтора года вышла замуж за мужа родной сестры, после смерти которой осталось пять сирот. В предвоенные годы у них народилось еще двое детей. На плечи молодой женщины легла нелегкая ноша. Но как истинная сибирячка, она терпеливо и с достоинством несла

выпавший на ее долю крест.

Вела домашнее хозяйство, трудилась в колхозе, обустроивала будущее своих детей.

Великая Отечественная война в один день порушила все ее планы: старший сын, окончивший к этому времени 9 классов, прибавив себе год, ушел на защиту Родины. Спустя месяц попрощалась она и с мужем. Он погиб на Волховском фронте в начале 1943 года, где в это же время его приемный сын командовал ротой. Было трудно, но Мария Федосеевна сделала все возможное, чтобы дети росли и учились. Ей удалось главное: она подарила нашему обществу десять трудолюбивых, совестливых и честных людей. Она самоотверженно и честно прожила жизнь, испытав с лихвой и трудности, и горе, и радость, и счастье.

К сожалению, к концу своей жизни ей пришлось испытать и трагедию. Ее сыну, Дмитрию Тимофеевичу Язову, пожертвовавшему личной судьбой, но не допустившему массового кровопролития в августе 1991 года, предъявили нелепое и сумасбродное обвинение «в измене Родине». От Марии Федосеевны скрывали, что ее сын находится в Матросской Тишине. Но разве есть силы, которые могут обмануть сердце матери? Она знала своего сына и была уверена в его невиновности. И все же закаленное в трудах, хлопотах сердце не вынесло последнего удара...

Мы все, кто знал эту прекрасную и мудрую женщину, склоняем наши головы перед ее жизненным подвигом. Пусть светлой будет память о русской Матери».

Похоронили мать на Северном кладбище в Омске, по православным канонам отпевал владыко Феодосий, сказав много хороших слов о Марии Федосеевне...

Второй раз мы полетели в Омск с Георгием Константиновичем Язовым и его супругой Ниной Пантелеевной и внучкой Ниной. Нас встретил Юрий Васильевич Чусов, друг детства Георгия. На его машине мы поехали в Оконешниково, где его отец после войны был секретарем райкома. Юрий Васильевич благородный и дружелюбный товарищ. Отобедали мы вместе у моей сестры Галины Ивановны Парамоновой. Собрались братья Николай Петрович Наминас, его жена Клавдия Ефимовна, Таисья Александровна. Как водится у нас в семье, сначала спели «Деревенька моя...». Затем поехали к озеру Лебяжье в Язово. Навестили на местном погосте родных и близких. Заехали в Чистово, где живет мой младший брат Леонид. Везде душой компании был Юрий Чусов, которого за седину называли «старина».

В это лето на могиле матери поставили из белого мрамора скромный

памятник. Всю свою жизнь она отдала детям и российскому отечеству. На ее могиле всегда лежат живые цветы.

Вместо послесловия

И в заключение хотелось бы сказать вот о чем. Когда-то Тургенев писал: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины только я и живу». Вот и я пишу эти строки, размышляя о судьбе великой России, униженной ловкими проходимцами. И хочется крикнуть: «О, Святая Русь! Проснись! Разбуди народ свой, всели в него веру, дай ему силы одолеть супостатов, своих и заморских».

Все наши проблемы заключаются в том, что мы, русские, всегда готовы выйти в открытое поле и принять бой. Но мы не ведаем, как противостоять подлости. Нам еще предстоит научиться встречать подлость и предательство во всеоружии. Время подлости наступило, когда в России захрюкал Троцкий, от него пошло все исчадие. Но я бы не советовал увлекаться популярной игрой в Апокалипсис. При наших-то возможностях – это малодушие. Надо верить в созидательную энергию русского народа. Совершенно очевидно, что оппозиционная оборона русского сознания затянулась. Не надо никого душить в «дружеских объятиях», необходимо создать такую атмосферу, когда разная нечисть сама побежит. И не следует называть себя оппозицией в России. Разве это мы приехали в plombированных вагонах?

Для внедрения демократии на постсоветском пространстве использовали миф о пятисотлетнем отставании России от Европы. Отсюда делается вывод о недоразвитости русского народа, который просто не дорос до «общечеловеческих ценностей». А что славянские народы не меньше старожилы в Европе, чем Германия, Великобритания, Франция, об этом даже и речи не заходит. То, что варяг Рюрик – славянин по происхождению, а Киевская Русь, Новгородская Слоения имеют по несколько сотен лет дорюриковской истории – научно доказанные факты, правда, усердно замалчиваемые западной политизированной «наукой». И пусть в Белом доме, разумеется, в вашингтонском, не рассчитывают на то, что у нас холопский менталитет и отсутствует единая политическая воля, а Россия – одно огромное имение, в котором правят распоясавшиеся дворовые в отсутствие хозяина. Трупные черви жируют до тех пор, пока идет процесс разложения. Но наступит день, и мы объединим все наши интересы, поставим власть, которой не надо будет объяснять, что значит служить нации.

Только истинно русская власть будет милостива к народу, только она

будет уважать нашу историю.

notes

Примечания

1

Сергей Леонидович С о к о л о в – Маршал Советского Союза,
министр обороны СССР с 1984 по 1987 г.

Герой Советского Союза маршал Сергей Ахромеев в то время занимал пост начальника Генштаба ВС – первого замминистра обороны СССР.

3

Маттиас Р у с т – гражданин ФРГ, пилот-любитель.

Валентин С т е п а н к о в – генеральный прокурор РФ в 1991–1993 гг.

Андрей Н у й к и н – публицист, выпускник Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Валентин В а р е н н и к о в – в 1989–1991 гг. главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны СССР, член Военного совета СССР. Единственный из обвиняемых по делу ГКЧП отказался принять амнистию, был оправдан судом за отсутствием состава преступления.

Евгений Ш а п о ш н и к о в – маршал, последний министр обороны СССР с августа до декабря 1991 г.

Цзян Цзэминь – генеральный секретарь ЦК Компартии Китая с 1989 по 2002 г. и председатель КНР с 1993 по 2003 г., Центрального военного совета КНР с 1990 по 2005 г.

К и м И р С е н – основатель северокорейского государства и его фактический руководитель в 1948–1994 гг.

Б у ш – с т а р ш и й – 41-й президент США.

Анатолий Л у к ь я н о в – последний председатель Верховного Совета СССР.

Олег Б а к л а н о в – секретарь ЦК КПСС.

Александр Т и з я к о в – советский политический и общественный деятель.

МКПУ – Первая московская пулеметная школа имени ВЦИК, до 1936 г. размещалась в Кремле.

Белов В.И. Записки на ходу. М.: Палея, 1999.

Жукова М. Маршал Жуков – мой отец. М.: Паля, 1993.

Эту мою фразу из записи допроса журнал «Шпигель» убрал, оберегая авторитет «лучшего немца».

Гавриил Попов сегодня известен в столичных кругах как демократический наследник дачных владений бывшего генсека Л.И. Брежнева.

И л ь и ч е в Л.Ф. – секретарь ЦК КПСС по идеологии.

Калашников М. От чужого порога до Спасских ворот. М.: Военный парад, 1997.